ПЕДАГОГИКА РОССИИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XX в.

ХРЕСТОМАТИЯ

г. КРАСНОДАР - 2013

Вы держите в руках издание нового в России сборника документов, посвященного вопросам истории развития педагогической мысли в нашем Отечестве, с седой древности до самого начала XX века, известного своими общемировыми коллизиями и катастрофами.

Работу над своим произведением авторы завершили в 2013 году, когда в России, да и во всем православном мире празднуют знаменательное событие российской истории – 400-летний юбилей служения династии Романовых Российскому государству.

В изданной хрестоматии авторами приводится большое количество документальных свидетельств прогрессивной педагогической мысли многих российских монархов, их ближайших сподвижников и оппонентов.

Российские государи были личностями разносторонне развитыми и образованными, что было обусловлено их деятельностью на престоле гигантской Российской Империи.

Жизненный опыт предшествующих поколений, отношение к воспитанию детей, повседневный образ жизни, обычаи и нравы, умение существовать в природной среде, желание знать прошлое своего города, села, края, своего народа или этнической группы, рода или семьи заставляют людей обращаться к историческим источникам. Не является исключением и история образования.

Зная и понимая свой народ, российский монарх выступал его чутким педагогом, всецело осознавая взаимосвязь процесса воспитания с общественным прогрессом, отсюда и потрясающие мир успехи России в течение нескольких веков правления династии Романовых.

ПЕДАГОГИКА РОССИИ

С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАЧАЛА XX в.

ХРЕСТОМАТИЯ

составители: В.А. Штурба, Е.В. Штурба, С.С. Васильев

Краснодар - 2013

УДК 37.01
ББК 74В
Ш 944

В.А. Штурба, Е.В. Штурба, С.С. Васильев
Ш 944 Педагогика России с древнейших времен до начала XX в.: хрестоматия /В.А. Штурба, Е.В. Штурба, С.С. Васильев. Краснодар: издательство "Академия" , 2013. 456 с. 300 экз.

ISBN 978-5-906302-37-3

ISBN 978-5-906302-37-3

© В.А. Штурба, Е.В. Штурба, С.С. Васильев

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....5

Раздел 1. Педагогическая мысль Древней Руси.....9

Глава 1. Образование и народная школа в Древней Руси.....11

Глава 2. XI - XVII вв. Педагогика православия.
Рукописи и летописи.....18

Глава 3. Развитие педагогики в период книгопечатания
(сер. XVI – XVII вв.).....59

Раздел II. XVIII - середина XIX века.
Дворянско-государственная педагогика.....74

Глава 1. Педагогическая мысль в период становления абсолютизма в России.....75

Глава 2. Педагогические воззрения идеологов просвещенного абсолютизма.....88

Глава 3. Педагогические взгляды вольнодумцев и реакционеров крепостной эпохи.....115

Раздел III. Середина XIX в. - 1917 г.
Общественная педагогика.....157

Глава 1. Педагогическая мысль в пореформенный период.....158

Глава 2. Организация педагогической деятельности
во второй половине XIX – начале XX вв.....228

Заключение.....292

Введение

Получать информацию о человеческом обществе, о событиях, происходивших в нем, о его важнейших составляющих, одним из которых является система образования, можно только опираясь на исторические источники. В процессе осознанной, целенаправленной деятельности в области обучения, воспитания и социализации было создано разнообразное количество произведений. Изучая их тексты, можно почерпнуть массу ценной информации о времени и о людях, когда они были созданы. Вместе с тем, при изучении образования как социально-культурного феномена, необходимо принимать во внимание особенности возникновения данных источников, ту идеологическую и культурную канву, обусловившую их появление.

При изучении фрагментов, характеризующих образовательную деятельность прошлых эпох, важно уметь не только извлечь нужную информацию, но и критически ее оценить, правильно интерпретировать. Для достижения этого необходимо уметь делать логические умозаключения о том, что означает сам факт их наличия, уметь воспроизводить на их основании взаимосвязанную картину той культуры и того общества, которое породило их. Жизненный опыт предшествующих поколений, отношение к воспитанию детей, повседневный образ жизни, обычаи и нравы, умение существовать в природной среде, желание знать прошлое своего города, села, края, своего народа или этнической группы, рода или семьи заставляют людей обращаться к историческим источникам. Не является исключением и история образования.

Современная историческая наука, в отличии от советской историографии, занимается не только и не столько событиями политической и экономической жизни общества, но исследует человеческую историю всесторонне, не умаляя ни одну из ее граней. Праздники, обряды, мифология, сказания, ремесла, воспитание подрастающего поколения, торговля, ремесла, искусства, религия, запреты, увлечения, взаимоотношения полов и многое другое — все стороны жизни человеческого общества имеют сохранившиеся фрагменты прошлой реальности, которые дают исследователю пищу для размышлений.

Тексты, дошедшие до нас из прошлых эпох, изучаются не только историками. Значительно чаще преобладает междисциплинарный подход в их изучении, когда историк активно взаимодействует с представителями других наук — педагогами, социологами, антропологами, этнологами, культурологами, исследователями языка и другими. Специалисты-педагоги изучают исторические источники, пытаясь найти в них ресурсы новой информации относительно процесса образования, преимущественно обучения и воспитания прошлых эпох, творческих возможностях и приемах педагогов прошлого. Их интересы выражаются, прежде всего, в сопоставлении запечатленного опыта прошлого и настоящего, в применении элементов полученного опыта в новой эпохе. Историка образования интересует не столько результат, сколько сам процесс развития обучения воспитания и социализации в конкретном обществе, в конкретной стране и в конкретную эпоху. Взаимосвязь процесса образования с остальными общественными процессами в циклично развивающемся человеческом сообществе, взлеты древних цивилизаций, не в последнюю очередь благодаря развитой системе образования и их падение в пучину невежества, причины всего этого скрыты в текстах прошлых эпох.

Следовательно, специалисту, изучающему историю образования, необходимо понимать, что общая совокупность источников составляет проекцию культуры во времени, копилку человеческого знания и мирового опыта. При работе с историческими текстами необходимо уметь отыскивать и выбирать те их виды, которые особенно важны и интересны для данной науки и исследуемой проблемы. Научиться ставить вопросы и находить в источниках ответы, расслышать голоса людей изучаемой эпохи помогает специальная наука — источниковедение.

Традиционно в исторической науке методы источниковедения обычно рассмат-

ривались применительно к истории отдельной страны или эпохи. Страноведческий подход ориентировал исследователя на обзор основных источников по истории страны, что весьма важно и необходимо. Вместе с тем, очевидно, что изучать столь универсальный социально-культурный феномен как образование, возможно лишь в более широких рамках, в развернутой исторической перспективе, применяя компаративные подходы. Это не случайно, ибо, несмотря на различие исторических путей развития отдельных стран и народов, возникновение педагогических текстов имеет свою логику, проще говоря, они появляются на свет закономерно, выражая некоторые повторяющиеся, поддающиеся сравнению культурные ситуации. Поэтому, несмотря на частные различия, встречающиеся в педагогических текстах разных народов, можно выделить общие этапы развития образования, которые, так или иначе, отразились и в российской истории.

Изучение исторических текстов педагогической направленности, может быть реализовано в теоретико-методологическом и конкретном направлениях. Сначала рассматриваются общие свойства источников и принципы их изучения, которые вырабатываются в рамках общеисторических исследований. Затем содержание текстов подвергается видовой конкретной методике исследования – педагогической, психологической, антропологической и т.п., в зависимости от поставленных задач. Общая суть подобного подхода заключается в том, что исторический текст как исторический источник, будучи продуктом культуры, одновременно объективированным и субъектным результатом человеческой деятельности, выступает как единый объект различных гуманитарных наук при разнообразии их предметов изучения.

Здесь необходимо провести черту между объективным и субъективным в педагогическом тексте. С одной стороны, текст, предназначение которого, само по себе, заключается в проекции накопленного жизненного опыта подрастающему поколению, должен быть максимально объективным, с другой же, любой педагогический текст создавался, человеком, а значит субъектом, поэтому определенной части субъективного в нем не избежать. Выход может быть только в углубленном изучении личности автора, особенностей эпохи, в которой он жил, идеалов, которым старался соответствовать. Тем самым, подход к изучению педагогического текста создает единую основу для междисциплинарных исследований и интеграции наук, а также для сравнительно-исторического анализа.

Целью данного сборника педагогических текстов, является, прежде всего, попытка донести до исследователя, независимо от того, кто он: педагог-практик или историк образования, основные позиции развития образовательного процесса как логически выверенную, взаимодополняемую систему обучения, воспитания и социализации, отраженную в произведениях, созданных в ходе исторического процесса. Продукта деятельности людей, стремившихся в процессе создания данных источников решать образовательные проблемы своей эпохи. Соответственно, представленная в сборнике совокупность источников имеет общечеловеческую однородность, определенную взаимосвязанность, общие типологические характеристики.

Выбранный нами принцип периодизации требует пояснения. Так как во главу угла поставлена задача ознакомления читателя с корпусом исторических текстов, посвященных отечественной педагогике и образованию, то за основу предпочтительно взять эволюцию самих источников, изменение их типового и видового разнообразия.

Несмотря на то, что исходным хронологическим рубежом в истории Древней Руси является XI в. – т.е. время, от которого сохранились первые письменные источники, и сложилась характерная для средневековья видовая структура их комплекса, авторы сочли необходимым показать и то, что являлось предтечей христианской системы образования в Древнерусском государстве.

Языческие мифы древних славян, их первобытный синкретизм (нерасчлененность) при их вдумчивом изучении объясняют многие особенности формирования российского менталитета и соответственно, системы образования. В дальнейшем это

время было так и названо — от мифологического периода к христианству, подразумевая, тем самым, эволюцию отечественного средневекового педагогического текста, имеющего, если сравнивать его с древом познания, несмотря на христианскую крону, глубокие мифологические корни.

Рубеж XVII — XVIII вв. в России происходит очередной этап изменения свойств исторических источников в целом и текстов педагогического/образовательного содержания в частности. Новое время предъявляет новые требования к подготовке подрастающего поколения, Россия встает на кардинально новый путь развития, столь же серьезные изменения происходят и в педагогической среде. Утрачивают первостепенное значение целый ряд текстов, знание которых в предшествующий период определяло образованность человека: летописание, житийная литература, поучения и т.п., их место занимает мемуаристика, художественные и научные трактаты, в том числе и педагогического характера, получает распространение периодическая печать, статистические источники.

В XVIII в. в России появляются произведения, где делаются попытки научно-методического подхода к процессам обучения, воспитания и социализации. Результатом такого подхода является довольно большое количество специализированных педагогических сочинений. Так как процесс обучения был взят под контроль государства, растет и число официальных документов, регулирующих образовательный процесс. К проблеме обучения и воспитания начинают обращаться деятели науки, культуры, государственного управления Российской империи. Их мысли публикуются как в отдельных произведениях, так и в периодической печати.

В XIX и XX вв. педагогика уже окончательно оформляется в полноценную научную дисциплину, появляется специализированная научно-педагогическая периодика, начинается массовый выпуск профессионально ориентированных изданий для педагогов. Наблюдается рост произведений, посвященных философии педагогики, формируется жанр педагогической публицистики.

Поставленная цель и выбранная нами периодизация определила структуру произведения, которая состоит из трех основных разделов:

Первый раздел охватывает источники и артефакты, посвященные развитию педагогики и образования в Древней Руси. Элементы народной школы, часть древнерусской языческой культуры сохранились в фольклорных произведениях устного народного творчества и артефактах. С появлением православия и соответственно, письменной культуры, появилось больше исторических документов, позволяющих изучить образовательную систему Киевской Руси. С развитием книгопечатания, наблюдается определенный прогресс и в педагогической деятельности, становится значительно доступнее специализированная учебная литература.

Во втором разделе представлен обширный массив документов, охватывающий довольно значительный для России период: реформы Петра Великого, превратившего Россию (и ее систему образования) в полноценное светское государство европейского типа;

формирование и становление на российской земле идеологии просвещенного абсолютизма;

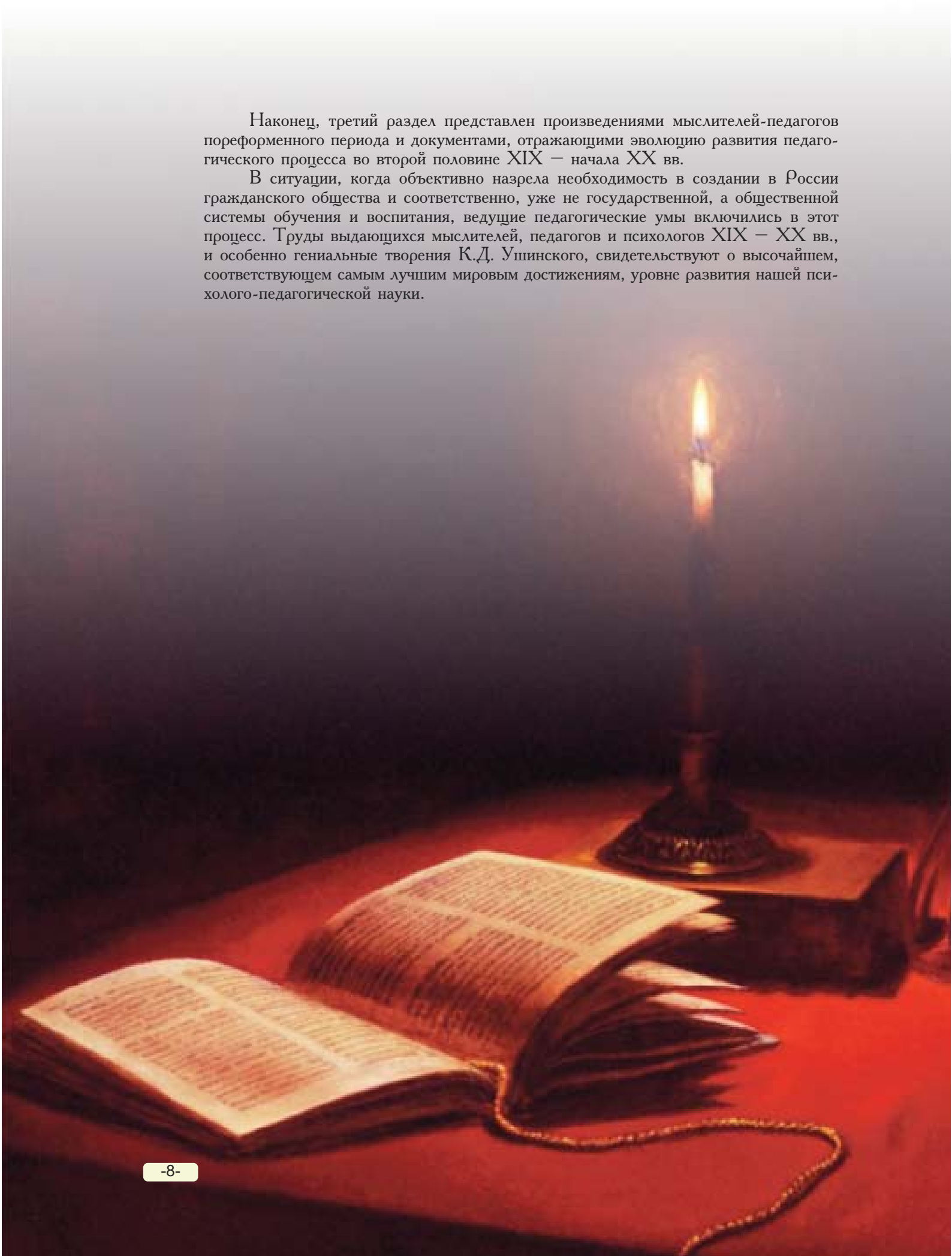
кризис абсолютизма как системы государственного управления в России и поиск выхода из сложившейся ситуации.

Фактически общечеловеческим достоянием уже стали труды многих деятелей нашего образования и психолого-педагогической науки этого периода: В.Н. Татищева, И.Т. Посошкова, М.В. Ломоносова, Е.Р. Дашковой, И.И. Бецкова, Н.И. Новикова, Н.М. Карамзина, А.С. Пушкина, В.Г. Белинского, А.Н. Радищева, Н.И. Лобачевского, А.С. Хомякова и др.

Много внимания уделяли развитию образования и оставили после себя произведения педагогического характера и российские монархи Петр I Великий и Екатерина II Великая.

Наконец, третий раздел представлен произведениями мыслителей-педагогов пореформенного периода и документами, отражающими эволюцию развития педагогического процесса во второй половине XIX – начала XX вв.

В ситуации, когда объективно назрела необходимость в создании в России гражданского общества и соответственно, уже не государственной, а общественной системы обучения и воспитания, ведущие педагогические умы включились в этот процесс. Труды выдающихся мыслителей, педагогов и психологов XIX – XX вв., и особенно гениальные творения К.Д. Ушинского, свидетельствуют о высочайшем, соответствующем самым лучшим мировым достижениям, уровне развития нашей психолого-педагогической науки.



Раздел 1.

Педагогическая мысль Древней Руси

Воспитание на Руси до принятия христианства осуществлялось преимущественно в семьях – воспитание земледельцев и ремесленников. Особо было организовано воспитание будущих дружинников и волхвов.

С периода от принятия христианства до середины XIII в. утвердилась новая идеология русского государства, соответственно – русского воспитания и образования. В «Слове о Законе и Благодати» заложены духовные основы развития российской государственности и образования. В этом смысле имя Илариона должно стоять рядом с именами Владимира Великого и Ярослава Мудрого.

Благодаря их делам, в короткий срок на Руси была создана целостная система образования от начальной школы до «академии», которая существовала в форме государственных и церковно-монастырских школ.

На Руси за короткий срок была сформирована образовательная система с достаточно сложным содержанием, что объясняется как политическими, так и религиозными причинами: государству и церкви требовались не только образованные, но и высоко образованные люди. Образование служило в первую очередь целям духовного воспитания, которое включало православие, «светские» искусства – грамматику, риторику, элементы народной, отечественной культуры, прежде всего литературы. Основы содержания образования, разработанные в начале XI в., просуществовали в русской школе едва ли не до конца XVII в. Распад единого централизованного Киевского государства, хотя и повлек за собой снижение темпов развития образования, но не остановил этот процесс, особенно в таком высокоразвитом городе, каким был Новгород.

Страшнейший удар развитию русской культуры и образованию нанесло монгольское нашествие – достаточно сказать, что государственные школы в России возродились только в XVII в.

С середины XIV в. начинается духовное и нравственное возрождение русского народа, сделавшее возможным его политическое освобождение и определившее социально-экономический подъем российского государства.

Олицетворением этого возрождения стал Сергий Радонежский. Благодаря его деятельности были заложены основы русского образования, включающие православное и нравственное воспитание, утверждение семейного, соборного и трудового начала в воспитании. Примечательно, что Сергию Радонежскому Россия обязана восхождением гениев Епифания Премудрого и Андрея Рублева. Благодаря деятельности Сергия Радонежского духовное и нравственное воспитание было выдвинуто на первый план российского образования.

Сергий Радонежский. Покров. XV век.

Потребности общества, государства и церкви порождали потребности в более развитом образовании. Оно давалось в монастырях, церквях. Распространением элементарной грамотности среди посадского и крестьянского населения занимались мастера грамоты. Хотя потребности социальной жизни требовали всемерного расширения и углубления образования, а решения об его

организации принимались высшими органами (Стоглавый Собор), однако создать школы более высокого уровня в XVI в. не удалось.

Из катастрофического смутного времени (конец XVI – начало XVII в.) русский народ вышел духовно обновленным, что позволило ему восстановить государство и экономику. В этот период достаточно быстро идет развитие грамотности.

Начальные, элементарные школы открываются как в городах, так и на селе. К концу века не только большинство духовенства и дворянства, но и многие горожане были грамотными. Возрастает доля грамотных среди свободных крестьян, но сокращается среди крепостных. Развивается книгопечатание, растет спрос на учебную литературу, особенно буквари. Возрождаются государственные школы: открывается правительственная школа (1632 г.) и школы при приказах (Посольском, Аптекарском, Разрядном, Поместном, Пушкарном), при Оружейной палате. Со второй половины XVII в. создаются греко-латинские школы. В 1679 г. учреждается первое высшее учебное заведение в России - Славяно-греко-латинская академия.

Левитан И.И. Над вечным покоем 1894 г.

Глава 1.
Образование и народная школа в Древней Руси

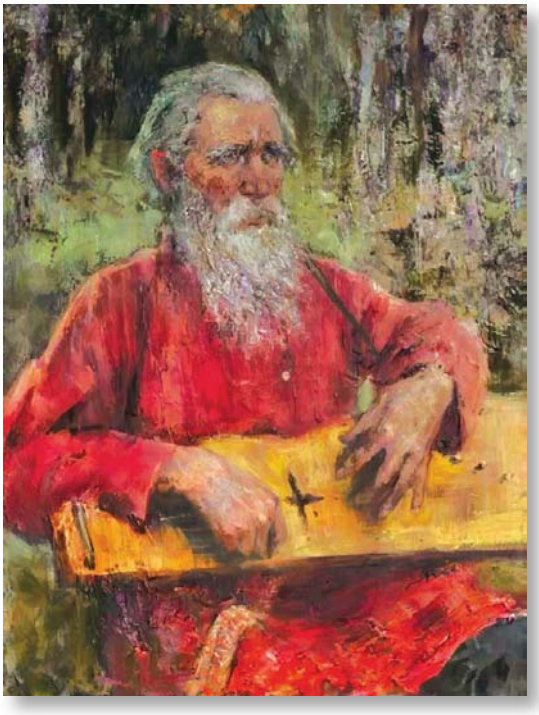
В древнерусском государстве педагогическая мысль представляет собой особый, до сих пор мало исследованный феномен, в котором тесным образом переплелись древние родовые традиции обучения и воспитания и привитая извне христианская православная культура, обретшая на русской земле свою вторую родину.

Сведения о языческих традиционных системах обучения и воспитания очень скудны. Все, что нам известно о них на сегодняшний день, получено из произведений устного народного творчества. Народные приметы, сказки, былины, загадки, языческие заговоры, пословицы и поговорки — сокровища исторической памяти каждого народа, передававшиеся изустно народными сказителями. Фольклорые источники доносят до нас причудливое слияние в народном сознании еще языческих идей общинно-родового воспитания и веяний христианской культуры, приживавшихся достаточно долго и сложно. Былины и предания доносят до нас народную оценку педагогической деятельности, в древнерусском национальном сознании сливались две главные идеи: защиты Родины и мирного труда. Исходя из этого, строилась и вся образовательная система. В Гардарике (так называлась Русь в западноевропейских средневековых источниках, что в переводе означает «Страна городов») очень развита была городская культура, что само по себе подразумевает необходимость в образованных людях. Новгородские былины и сказания в общих чертах описывают систему образования в Древнем Новгороде, которая состояла из двух уровней: начальная школа, где изучались грамота, основы слова Божьего, счет. Высшим уровнем было обучение церковному пению, изящным искусствам для одаренных подростков. Юноши мужского пола, достигшие призывного возраста, в обязательном порядке получали и военную подготовку.

Из устного народного творчества

Первые упоминания об образовании и школе встречаются в русских произведениях устного народного творчества. Народные приметы, загадки, пословицы и поговорки, вербальные элементы языческих ритуалов (заговоры), былины, предания и сказки позволяют в общих чертах оценить систему образования древних славян, которая была по-преимуществу общинно-религиозной. Впоследствии, с принятием христианства, ростом числа городов в Древней Руси, появлением средневековой городской культуры, потребности в образовании постепенно растут, оно становится многоуровневым и получает распространение среди городского населения.

О распространенности образования и о его общественной востребованности говорят нам фольклорные источники: народные приметы, загадки, пословицы, поговорки.



Виноградова Анна Германовна. Гусляр. 2009 г.

- народные приметы

Во время еды читать - память свою заедать
Чихнуть — подтвердить правдивость произнесенных слов
Обучать детей грамоте надо с Наумова дня (декабрь)
Если мальчик похож на мать, а девочка на отца — счастливыми будут
До крещения все дети — Богданы (Богом данные)

- загадки

Не куст, а с листочками,
Не рубашка, а сшита,
Не человек, а рассказывает
Книга

Тридцать три сестрички
Ростом невелички,
Если знаешь их секрет,
То на все найдешь ответ
Буквы

- пословицы и поговорки.

К мягкому воску - печать, а к юному - ученье.
Корень ученья горек, да плод его сладок.
Продай кафтан да купи буквицу.
Азбука к мудрости ступенька.
Сперва аз да буки, а там - и науки.
Без букв и грамматики не учатся и математике.
Дерево и учитель познаются по плоду.
Пойти в науку - терпеть муку.
Аз, буки и веди страшат, что медведи.
Азбука - наука, а ребятам - бука.
Азбуку учат, во всю избу кричат.
Мнится, писание - легкое дело, пишут два перста, а болит все тело.
Наука не пиво: в рот не вольешь.
Неразумного учить - в бездонную кадку воду лить.
Сытое брюхо к ученью глухо.
Читает - летает, да ничего не понимает.
Повторенье - мать ученья.
Не на пользу книги читать, коли только вершки в них хватать.
Не всякий, кто читает, в чтении силу знает.
Кто грамоте горазд, тому не пропасть.
Наукою люди кормятся.
Красна птица перьем, а человек - ученьем.
Ученье в счастье украшает, а в несчастье утешает.
Ученье лучше богатства.
Грамоте учиться - вперед пригодится.
Век живи, век учись.
Ученье - свет, а неученье - тьма.

- заговор матери

Пошла я в чистое поле, взяла чашу брачную, вынула свечу обручальную, достала плат венчальный, почерпнула воды из загорного студенца; стала я среди леса дремучего, очертилась чертою прозрачною и возговорила зычным голосом. Заговариваю я своего ненаглядного дитятку над чашею брачною, над свежею водой, над платом венчальным, над свечею обручальною.

Умываю я своего дитятку в чистое личко, утираю платом венчальным его уста сахарные, очи ясные, чело думное, ланиты красные, освещаю свечею обручальною его становой кафтан, его осанку соболиную, его подпоясь узорчатую, его коты шитые, его кудри русые, его лицо молодецкое, его поступь борзую. Будь ты, мое дитятко ненаглядное, светлее солнышка, милее вешнего дня, светлее ключевой воды, белее яркого воска, крепче каменя горючего — алатыря.

Отвожу я от тебя черта страшного, отгоняю вихоря бурного, отдаляю от лешего одноглазого, от чужого домового, от злого водяного, от ведьмы киевской, от злой сестры ее муромской, от моргуньи русалки, от треклятыя бабы-яги, от летучего змея огненного, отмахиваю от ворона вещего, от вороны-каркуньи, защищаю от кощея-ядуна, от хитрого чернокнижника, от заговорного кудесника, от ярого волхва, от слепого знахаря, от старухи-ведуньи.

А бхудь ты, мое дитятко, моим словом крепким в нощи и полунощи, в часу и получасьи, в пути и дороженьке, во сне и наяву, укрыт от силы вражьей, от нечистых духов, сбережен от смерти напрасныя, от горя, от беды, сохранен на воде от потопления, укрыт в огне от сгорания. А придет час твой смертный, и ты вспомяни, мое дитятко, про нашу любовь ласковую, про наши хлеб-соль роскошные; обернись на родину славную, ударь ей челом седмерижды семь, распростись с родными и кровными, припади к сырой земле и засни сном сладким и непробудным.

Интересным источником по истории педагогики и образования Древней Руси являются былины. Так в былине о Василии Буслаеве достаточно подробно описывается процесс получения образования в Новгородской республике.

В. М. Васнецов, «Баян»1910 г.

Первая ступень начиналась с домашнего образования, включала обучение письму, чтению и счету. Затем следовала вторая ступень – «классическая», включавшая в себя обучение пению, музыке, эстетическое воспитание которое было сосредоточено в религиозных организациях и находилось под их контролем. Помимо этого, внимание уделялось и физическому развитию молодого человека, обучению боевым искусствам.

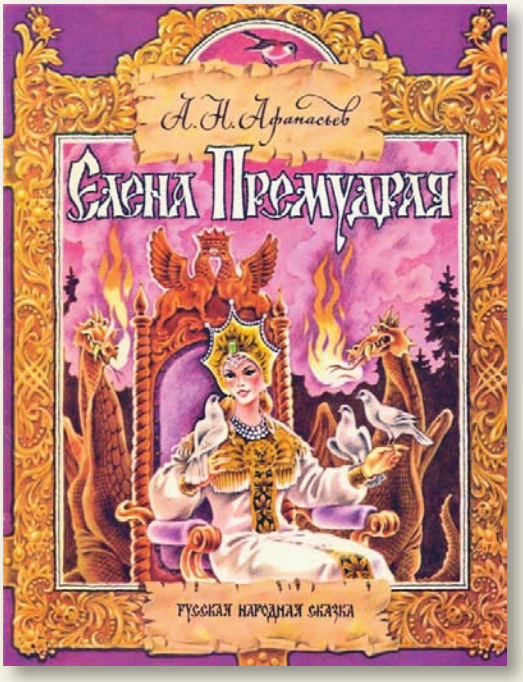
Такая система начального образования была повсеместной, ведь из текста былины явственно следует, что Василий Буслаев, набирая дружину, пишет объявления и рассылает их по всему Новгороду, значит уверен, что их прочтут.

Былины древнего Новгорода

Василий Буслаев и новгородцы.

… И оставалося чадо милое,
Молодой сын Василий Буслаевич
Будет Васенька семи годов,
Отдавала матушка родимая,
Матера вдова Амелфа Тимофеевна,
Учить его во грамоте,
А грамота ему в наук пошла;
Присадила пером его писать,
Письмо Василью в наук пошло;
Отдавала петью учить церковному,
Пенье Василью в наук пошло.
А и нет у нас такова певца
Во славном Нове-городе
Супротив Василья Буслаева.

Важными составляющими начального образования в Древней Руси были сказки. Многие из них с принятием христианства были адаптированы под него, но в основе своей сохранили языческую суть.



Елена Премудрая

В стародревние годы в некоем царстве, не в нашем государстве, случилось одному солдату у каменной башни на часах стоять. Башня была на замок заперта и печатью запечатана, а дело-то было ночью. Ровно в двенадцать часов слышится солдату, что кто-то кричит из этой башни:

- Эй, служивый!

Солдат спрашивает:

- Кто меня кличет?

- Это я - черт, - отзывается голос из-за железной решетки, - тридцать лет как сижу здесь не пивши, не евши.

- Что же тебе надо?

- Выпусти меня на волю. Как будешь в нужде, я тебе сам пригожусь, только помяни меня - и я в ту же минуту явлюсь к тебе на выручку.

Солдат тотчас сорвал печать, разломал замок и отворил двери - черт выскочил из башни, взвился кверху и сгинул быстрее молнии.

«Ну, - думает солдат, - наделал я дела. Вся моя служба ни

за грош пропала. Теперь засадят меня под арест, отдадут под военный-суд и, чего доброго, заставят сквозь строй прогуляться; уж лучше убегу, пока время есть».

Бросил ружье и ранец на землю и пошел куда глаза глядят.

Шел он день, и другой, и третий. Разобрал его голод, а есть и пить нечего. Сел на дороге, заплакал горькими слезами и раздумался:

«Ну, не глуп ли я? Служил у царя десять лет, каждый день по три фунта хлеба получал. Так вот нет же! Убежал на волю, чтобы помереть голодною смертию. Эх, черт, всему ты виною!»

Вдруг откуда ни взялся - стал перед ним нечистый и спрашивает:

- Здравствуй, служивый! О чем горюешь?

- Как мне не горевать, коли третий день с голоду пропадаю.

- Не тужи, это дело поправное! - сказал черт. Туда-сюда бросился, притащил всяких вин и припасов, накормил-напоил солдата и зовет его с собою:

- В моем доме будет тебе житье привольное; пей, ешь и гуляй, сколько душа хочет, только присматривай за моими дочерьми - больше мне ничего не надобно. Солдат согласился. Черт подхватил его под руки, поднял высоко-высоко на воздух и принес за тридевять земель, в тридесятое государство - в белокаменные палаты.

У черта было три дочери - собой красавицы. Приказал он им слушаться того солдата и кормить и поить его вдоволь, а сам полетел творить пакости: известно - черт! На месте никогда не сидит, а все по свету рыщет да людей смущает.

Остался солдат с красными девицами, и такое ему житье вышло, что и помирать не надо. Одно его кручинит: каждую ночь уходят красные девицы из дому, а куда уходят - неведомо.

Стал было их про то расспрашивать, так не сказывают, запираются.

«Ладно же, - думает солдат, - буду целую ночь караулить, а уж усмотрю, куда вы таскаетесь».

Вечером лег солдат на постель, притворился, будто крепко спит, а сам ждет не дождется - что-то будет? Вот как пришла пора-время, подкрался он потихоньку к девичьей спальне, стал у дверей, нагнулся и смотрит в замочную скважинку. Красные девицы принесли волшебный ковер, разостлали по полу, ударились о тот ковер и сделались голубками. Встрепенулись и улетели в окошко.

«Что за диво! - думает солдат. - Дай-ка я попробую».

Вскочил в спальню, ударился о ковер и обернулся малиновкой, вылетел в окно да за ними вдогонку. Голубки опустились на зеленый луг, а малиновка села под смородинов куст, укрылась за листьями и высматривает оттуда.

На то место налетело голубиц видимо-невидимо, весь луг прикрыли. Посредине стоял золотой трон. Немного погодя осияло и небо и землю - летит по воздуху золотая колесница, в упряжи шесть огненных змеев, на колеснице сидит королевна Елена Премудрая - такой красы неописанной, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать!

Сошла она с колесницы, села на золотой трон. Начала подзывать к себе голубок по очереди и учить их разным мудростям. Покончила ученье, вскочила на колесницу - и была такова!

Тут все до единой голубки снялись с зеленого лугу и полетели каждая в свою сторону. Птичка-малиновка вспорхнула вслед за тремя сестрами и вместе с ними очутилась в спальне.

Голубки ударились о ковер - сделались красными девицами, а малиновка ударилась - обернулась солдатом.

- Ты откуда? - спрашивают его девицы.

- А я с вами на зеленом лугу был, видел прекрасную королевну на золотом троне и слышал, как учила вас королевна разным хитростям.

- Ну, счастье твое, что уцелел! Ведь эта королевна - Елена Премудрая, наша могучая повелительница. Если б при ней да была ее волшебная книга, она тотчас бы тебя узнала - и тогда не миновать бы тебе злой смерти. Берегись, служивый! Не летай больше на зеленый луг, не дивись на Елену Премудрую, не то сложишь буйну голову.

Солдат не унывает, те речи мимо ушей пропускает. Дождался другой ночи, ударился о ковер и сделался птичкой-малиновкой. Прилетела малиновка на зеленый луг, спряталась под смородинов куст, смотрит на Елену Премудрую, любуется ее красотой ненаглядною и думает:

«Если бы такую жену добыть - ничего б в свете пожелать не осталося! Полечу-ка я следом за нею да узнаю, где она проживает».

Вот сошла Елена Премудрая с золотого трона, села на свою колесницу и понеслась по воздуху к своему чудесному дворцу. Следом за ней и малиновка полетела. Приехала королевна во дворец, выбежали к ней навстречу няньки и мамки, подхватили ее под руки и увели в расписные палаты. А птичка-малиновка порхнула в сад, выбрала прекрасное дерево, что как раз стояло под окном королевниной спальни, уселась на веточке и начала петь так хорошо да жалобно, что королевна целую ночь и глаз не смыкала - все слушала.

Только взошло красное солнышко, закричала Елена Премудрая громким голосом:

- Няньки, мамки, бегите скорее в сад; изловите мне птичку-малиновку!

Няньки и мамки бросились в сад, стали ловить певчую пташку... Да куда им, старухам! Малиновка с кустика на кустик перепархивает, далеко не летит и в ручки не дается.

Не стерпела королевна, выбежала в зеленый сад, хочет сама ловить птичку-малиновку. Подходит к кустику - птичка с ветки не трогается, сидит спустя крылышки, словно ее дожидается.

Обрадовалась королевна, взяла птичку в руки, принесла во дворец, посадила в золотую клетку и повесила в своей спальне.

День прошел, солнце закатилось, Елена Премудрая слетала на зеленый луг, воротилась, начала снимать уборы, разделась и легла в постель. Как только уснула королевна, птичка-малиновка обернулась мухою, вылетела из золотой клетки, ударилась об пол и сделалась добрым молодцем.

Подошел добрый молодец к королевниной кроватке, смотрел, смотрел на красавицу, не выдержал и поцеловал ее в уста сахарные. Видит - королевна просыпается, обернулся поскорей мухою, влетел в клетку и стал птичкой-малиновкой. Елена Премудрая раскрыла глаза, глянула кругом - нет никого. «Видно, - думает, - мне во сне это пригрезилось!» Повернулась на другой бок и опять заснула. А солдату крепко не терпится; попробовал в другой и в третий раз - чутко спит королевна, после всякого поцелуя пробуждается. На третий раз встала она с постели и говорит:

- Тут что-нибудь да недаром: дай-ка посмотрю в волшебную книгу.

Посмотрела в свою волшебную книгу и тотчас узнала, что сидит в золотой клетке не простая птичка-малиновка, а молодой солдат.

- Ах ты! - закричала Елена Премудрая. - Выходи-ка из клетки. За твою неправду ты мне жизнью ответишь.

Нечего делать - вылетела птичка-малиновка из золотой клетки, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем.

- Нет тебе прощенья! - сказала Елена Премудрая и крикнула палача рубить солдату голову. Откуда ни взялся - стал перед ней великан с топором и с плахою, повалил солдата наземь, прижал его буйную голову к плахе и поднял топор. Вот махнет королевна платком, и покатится молодецкая голова...

- Смилуйся, прекрасная королевна, - сказал солдат со слезами, - позволь напоследях песню спеть.

- Пой, да скорей!

Солдат затянул песню, такую грустную, такую жалобную, что Елена Премудрая сама расплакалась. Жалко ей стало доброго молодца, говорит она солдату:

- Даю тебе сроку десять часов. Если ты сумеешь в это время так хитро спрятаться, что я тебя не найду, то выйду за тебя замуж; а не сумеешь этого дела сделать, велю рубить тебе голову.

Вышел солдат из дворца, забрел в дремучий лес, сел под кустик, задумался-закручинился.

- Ах, дух нечистый! Все из-за тебя пропадаю. В ту ж минуту явился к нему черт:

- Что тебе, служивый, надобно?

- Эх, - говорит, - смерть моя приходит! Куда я от Елены Премудрой спрячусь?

Черт ударился о сырую землю и обернулся сизокрылым орлом:

- Садись, служивый, ко мне на спину, я тебя занесу в поднебесье.

Солдат сел на орла. Орел взвился кверху и залетел за облака-тучи черные.

Прошло пять часов. Елена Премудрая взяла волшебную книгу, посмотрела - и все словно на ладони увидела. Возгласила она громким голосом:

- Полно, орел, летать по поднебесью; опускайся на низ - от меня ведь не укроешься.

Орел опустился наземь. Солдат пуще прежнего закручинился:

- Что теперь делать? Куда спрятаться?

- Постой, - говорит черт, - я тебе помогу. Подскочил к солдату, ударил его по щеке и оборотил булавкою, а сам сделался мышкою, схватил булавку в зубы, прокрался во дворец, нашел волшебную книгу и воткнул в нее булавку.

Прошли последние пять часов. Елена Премудрая развернула свою волшебную книгу, смотрела, смотрела - книга ничего не показывает. Крепко рассердилась королевна и швырнула ее в печь.

Булавка выпала из книги, ударилась об пол и обернулась добрым молодцем.

Елена Премудрая взяла его за руку.

- Я, - говорит, - хитра, а ты и меня хитрей!

Не стали они долго раздумывать, перевенчались и зажили себе припеваючи.

Из сборника А.Н. Афанасьева «Народные русские сказки»

Глава 2.
XI - XVII вв. Педагогика православия. Рукописи и летописи

Отдельные фрагменты русской педагогической мысли дошли до нас зафиксированными в христианских письменных источниках: летописях, летописных сводах, хронографах, литературных произведениях. Летописи и летописные своды являются важнейшими источниками по изучению древнерусской истории. Именно в них можно найти большую часть материала, необходимого для построения исторической реконструкции.

Христианская культура принесла на Русь письменность, более того, была создана целостная система развития, распространения и сохранения народной памяти в письменном слове. Для поддержания ее требовалось выстроить образовательную систему, что и было сделано при активном участии православной церкви.

Практически все произведения рукописной поры, посвященные педагогике и воспитанию, пронизаны идеей богобоязненности, прославлением праведного образа жизни, почитанию церкви, священников и монахов. Причина этого понятна: практически все произведения были созданы глубоко религиозными людьми, мировоззрение которых было сформировано религиозным образованием. Исключение составляют лишь берестяные грамоты Древнего Новгорода, которые по сути своей носили утилитарный характер и дают представление об особенностях повседневной жизни средневековой Руси.

14-й лист Радзивилловской летописи (список XV века, описывающий поход Вещего Олега на Царьград).

Киевская Русь

ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ О ПРОСВЕЩЕНИИ В КИЕВСКОЙ РУСИ

Летописи считаются одним из важнейших источников изучения древней Руси. Много ценного содержится в них и по истории образования.

В настоящее время известно более 200 списков летописей. Большинство из них опубликовано в Полном собрании русских летописей. Некоторые летописные своды (Новгородская I летопись, псковские летописи, Устюжская летопись) публиковались отдельно. Анализ летописей вызывает порой серьезные трудности. Являясь сводами предшествующих текстов, они могут включать хроникальные записи событий за год (так называемые погодные записи), документы (международные договоры, частные и публичные акты), самостоятельные литературные произведения (различные «повести», «слова», агиографические материалы, сказания) или их фрагменты, записи фольклорного материала.

Каждую древнерусскую летопись можно рассматривать как самостоятельное цельное литературное произведение, имеющее свой замысел, структуру, идейную направленность. Для того, чтобы понять информацию, заключенную в летописном источнике, необходимо, прежде всего, точно определить цель его создания. Именно она определяет набор и порядок изложения известий в летописи. Она же позволяет объяснить: во-первых,

причины, побуждающие создавать новые своды и продолжать начатое когда-то изложение; во-вторых, структуру летописного повествования; в-третьих, отбор материала, подлежащего изложению; в-четвертых, форму его подачи; в-пятых, отбор источников, на которые опирался летописец.

Повесть временных лет

В лето 6406 (898)... Бе един язык словенеск: словени, иже седяху по Дунаеви, их же прияша, угри, и мурава, и чеси, и ляхове, и поляне, яже ныне зовомая русь. Сим бо первое преложены книги мораве, яже прозвася грамота словеньская, яже грамота есть в Руси и в болгарех дунайских.

Князь Владимир Красное солнышко

В лето 6496 (988). (Володимер)... повеле рубити церкви и поставляти по местом, идеже стояху кумири. И постави церковь святаго Василья на холме, идеже стояше кумир Перун и прочий, идеже творяху потребы князь и людье. И нача ставити по градом церкви и попы, и люди на крещенье приводити по всем градом и селом. Послав, нача поимати у нарочитые чади дети[1], и даяти нача на ученье книжное. Матере же чад сих плакахуся по них, еще бо не бяху ся утвердили верою[2], но акы по мертвеци плакахуся.

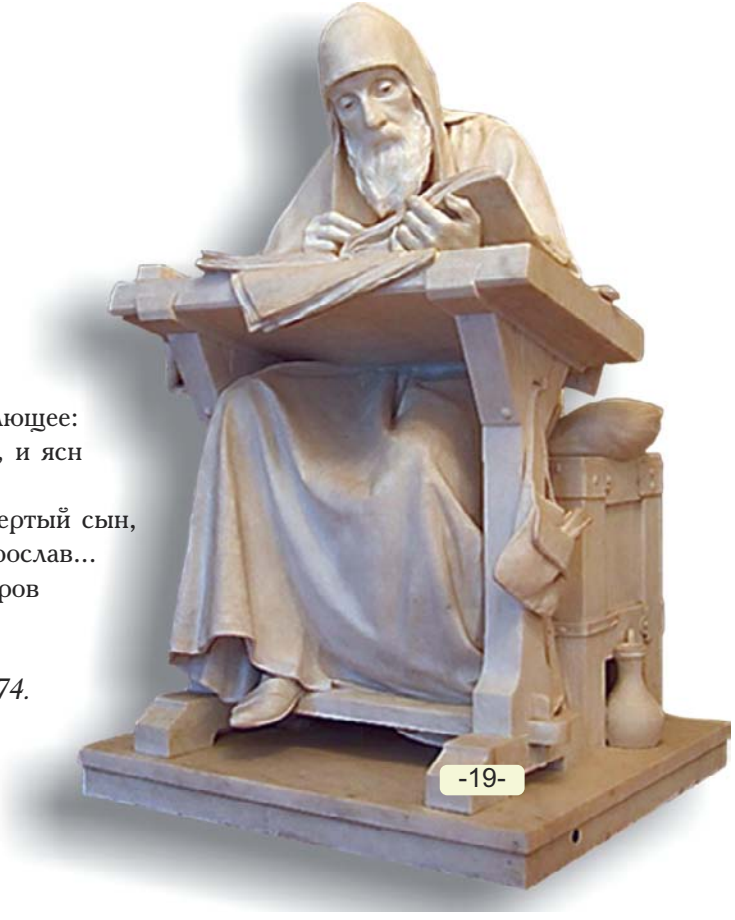
Повесть временных лет (также называемая «Первоначальная летопись» или «Несторова летопись») — наиболее ранний из дошедших до нас древнерусских летописных сводов начала XII Автор летописи указан в Хлебниковском списке как монах Нестор, известный агиограф на рубеже XI—XII веков, монах Киево-Печерского монастыря.

Повесть временных лет. Часть первая подг. текст Д.С. Лихачев. М.; Л., 1950. с. 21, 81.

Сим же раздаяном на ученье книгам, събысться пророчество на Русьстей земли, глаголющее: «Во оны днии услышать глусии словеса книжная, и ясн будеть язык гугнивых».

В лето 6538 (1030). Родися Ярославу четвертый сын, и нарече имя ему Всеволод. Того же лета иде Ярослав... к Новугороду, и собрав от старост и от презвитеров детей 300, и повеле учити книгам.

Полное собрание русских летописей. СПб., 1862. с. 74.



М. М. Антокольский. Нестор летописец.1890 г.

В лето 6545 (1037). Заложи Ярослав город великый, у него же града суть Златая врата; заложи же и церковь святыя Софья... И при сем нача вера хрестьянська плодитися и раширяти, и черноризъци почаша множитися, и монастыреве починаху быти. И бе Ярослав любя церковныя уставы, попы любяще повелику, излиха же черноризъце[3], и книгам прилежа, и почитая е часто в нощи и в дне. И собра писце многы и прекладаше от грек на словеньское писмо. И списаша книгы многы, ими же поучащеся вернии людье наслажаются ученья божественаго. Якоже бо се некто землю разореть, другый же насееть, ини же пожинають и ядять пишю бескунду, - тако и сь. Отець бо сего Володимер землю взора и умягчи, рекше крещеньем просветив. Сь же насея книжными словесы сердца верных людий, а мы пожинаем, ученье приемлюще книжное.

Велика бо бываеть полза от ученья книжного; книгами бо кажеши и учиши есмы пути покаянью, мудрость бо обретаем и въздержанье от словес книжных. Се бо суть рекы, напаяюще вселеную, се суть исходиша мудрости; книгам бо есть неищетная глубина; сими бо в печали утешаеми есмы; си суть узда въздержанью... Аще бо поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящеши велику ползу души своей. Иже бо книгы часто чтеть, то беседуеть с богомь или святыми мужи.

Ярослав же сей, якоже рекохом, любим бе книгам, и многы написав положи в святей Софьи церкви, юже созда сам... И ины церкви ставляше по градом и по местом, поставляя попы и дая им от именья своего урок[4], веля им учити люди, понеже темь есть поручено богомь, и приходити часто к церквам.

Повесть временны□х лет. Часть первая подг. текст Д.С. Лихачев. М.; Л., 1950. с. 81.

Примечания:

1. Через посланных людей стал брать детей у знатных (лучших) дружинников.
2. Потому что еще не тверды были в вере.
3. Сильно любил попов, особенно же монахов.
4. Уреченное, назначенное (т. е. определенное содержание).

Чувствуя приближение смерти, Ярослав (1054) созвал детей и сказал им: — «Скоро не будет меня на свете, вы, дети одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить друг друга.

Знайте что междоусобие, бедственное лично для вас погубит славу и величие Государства, основанное счастливыми трудами наших отцев и дедов.

Мир и согласие ваше утвердят его могущество.

Наставление Ярослава сыновьям. Литогрфия Б.Чориков 1836 г.

Изяслав, старший брат, заступит мое место и сядет на престоле Киевском, повинуйтесь ему, как вы отцу повиновались. Святославу даю Чернигов, Всеволоду Переяславль, Вячеславу Смоленск: каждый да будет доволен своею частию, или старший брат да судит Вас как Государь! Он защитит утесненного и накажет виновнаго».

СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ МИТРОПОЛИТА ИЛАРИОНА

«Слово о законе и благодати» по праву можно считать произведением, с которого началась собственная история древнерусской литературы. Выросшая в лоне византийской книжной премудрости, которую Русь восприняла вместе с христианством, питаемая идеями и образами народного творчества, древнерусская литература сразу проявила в этом вершинном памятнике свои особенные черты, прославившие ее в дальнейшем.

Величественная фигура автора «Слова о законе и благодати» Илариона предстает из строк «Повести временных лет», рассказывающей о поставлении его Ярославом Мудрым во главе Русской Церкви:

«В лѣто 6559 (1051 г.). Постави Ярославъ Лариона митрополитомъ, русина, въ святѣй Софьи, собравъ епископы. И се да скажемъ, что ради прозвася Печерьскый манастырь. Боголюбивому бо князю Ярославу, любящю Берестовое и церковь ту сущюю Святыхъ Апостолъ, и попы многы набдящю, в нихже бѣ презвутеръ именемь Ларионъ, мужь благь и книженъ, и постникъ. И хожаше с Берестоваго на Днѣпръ на холмъ, кдѣ нынѣ ветхый монастырь Печерьскый, и ту молитву творяше, бѣ бо ту лѣсъ великъ. Ископа печерку малу двусажену, и приходя с Берестового, отпѣваше часы и моляшеся ту Богу втайнѣ. По семь же Богъ князю вложи въ сердце, и постави` и митрополитом в святѣй Софьи, а си печерка тако оста...»

Это событие, состоявшееся, вопреки установленному порядку, не в Константинопольской патриархии, а на соборе русских епископов, было, очевидно, проявлением «вежливого неповиновения» Руси по отношению к Византии. Написанное Иларионом незадолго до этого «Слово о законе и благодати», в котором обосновывалась идея права Руси на равенство среди других христианских народов, подготавливало почву для реализации княжеского решения. Ибо оно было обращено Иларионом «ни къ невѣдущиимъ... нъ прѣизлиха насыштьшемся сладости книжныа, не к врагомъ Божиемь иновѣрныимъ, нъ самѣмь сыномъ его, не къ странныимъ, нъ къ наслѣдникомъ небеснаго царьства».

О сохранившейся и после этого идейной близости между Иларионом и Ярославом говорят вступительные слова составленного ими совместно церковного устава-судебника: «Се язъ князь великый Ярославъ, сынъ Володимирь, по данию отца своего, съгадал есмь с митрополитом с Ларионом, сложил есмь греческый Номоканун». Известно также, что Иларион совершил освящение киевской церкви Георгия — святого патрона Ярослава и рукополагал в ней новоставимых епископов.

Благодаря упоминаемым в «Слове» событиям и историческим лицам, достоверно устанавливается, что оно было написано не ранее 1037 г., когда была построена церковь Благовещения на Золотых воротах, и не позднее 1050 г., когда скончалась великая княгиня Ирина, упоминаемая в «Слове» как живая.

Святитель Иларион, митрополит Киевский и всея Руси

Искренними и высокими помыслами проникнуто это произведение, ярко передающее духовную атмосферу эпохи. Говорит ли Иларион о приоритете христианской благодати перед ветхозаветным законом, описывает ли распространение христианства на Руси, произносит ли похвалы святому Владимиру и его сыну и продолжателю его дел Ярославу, обращается ли с горячей молитвой от имени Русской земли к Богу — его речь дышит всегда живым чувством, родившимся от истины глубокой и радостной веры и гордости за свою страну. В «Слове о законе и благодати» впервые в древнерусской литературе звучат восхищенные слова о славном прошлом Руси как залоге ее славного будущего: «Похвалимъ же и мы... великааго кагана нашеа земли Володимера... Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычьствоваша, нъ въ Руськѣ, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли». В этих словах угадывается уже тональность созданного спустя полтора столетия «Слова о полку Игореве».

Объем литературного наследия Илариона определить непросто в силу краткости и порой анонимности атрибутируемых ему произведений. Помимо «Слова о законе и благодати» и «Молитвы» Илариона, ему определенно принадлежит «Исповедание веры», написанное, очевидно, по случаю его рукоположения в епископы. Есть основания предполагать участие Илариона в древнерусском летописании.

Слово о законе и благодати

(Публикуется в переводе А. Белицкой)

О Законе, через Моисея данном, и о Благодати и Истине через Иисуса Христа явленной, и как Закон отошел, (а) Благодать и Истина всю землю наполнили, и вера на все народы распространилась, и до нашего народа русского (дошла). И похвала князю нашему Владимиру, которым мы крещены были. И молитва к Богу от всей земли нашей.

«Христос – Вседержитель» 1885 – 1895 гг. Владимирский собор. Киев

Господи, благослови, Отче.

Благословен Господь Бог Израилев, Бог христианский, что посетил народ Свой и сотворил избавление ему, что не попустил до конца твари Своей идольским мраком одержимой быть и в бесовском служении погибнуть. Но оправдал прежде племя Авраамово скрижалями и Законом, после же через Сына Своего все народы спас, Евангелием и Крещением вводя их в обновление пакибытия, в Жизнь Вечную.

Да восхвалим и прославим Его хвалимого ангелами беспрестанно и поклонимся Тому, Кому поклоняются херувимы и серафимы, ибо Он призрел на народ Свой. И не посланник (Его), не вестник, но Сам спас нас, не призрачно придя на землю, но истинно, пострадав за нас плотию до смерти и с Собою воскресив нас.

Ибо к живущим на земле человекам, в плоть облекшись, пришел, к сущим же во аде чрез распятие и положение во гроб сошел - да познают те и другие, живые и мертвые, (день) посещения своего и Божиего пришествия и уразумеют: крепок и силен Бог живых и мертвых. Ибо кто Бог так великий, как Бог [наш]! Он единый, творящий чудеса, положил Закон в предуготовление Истины и Благодати - да обвыкнет в нем человеческое естество, от многобожия идольского уклоняясь, в единого Бога веровать; да, как сосуд оскверненный, человечество, омытое водою, законом и обрезанием, примет млеко Благодати и Крещения. Ибо Закон - предтеча и слуга Благодати и Истины, Истина же и Благодать - служители Будущего Века, Жизни Нетленной.

Как Закон приводил подзаконных к благодатному Крещению, так Крещение

сынов своих провождает в Жизнь Вечную. Ведь Моисей и пророки о Христовом пришествии поведали, Христос же и апостолы Его - о воскресении и о Будущем Веке. Но напоминать в писании сем и пророческие предсказания о Христе, и апостольское учение о Будущем Веке - (значит говорить) лишнее и впадать в тщеславие. Ибо повторение (того, о чем) в других книгах написано и вам известно, подобно дерзости и славолюбию.

Ведь не к несведущим пишем, но к довольно насытившимся сладости книжной, не к враждующим с Богом иноверным, но к самим сынам Его, не к чуждым, но к наследникам Царства Небесного.

Но о Законе, через Моисея данном, и о Благодати и Истине, явленной через Христа, повесть сия; и (о том), чего достиг Закон, а чего - Благодать. Прежде Закон, потом Благодать; прежде тень, потом Истина. Образ же Закона и Благодати - Агарь и Сарра, раба Агарь и свободная Сарра. Раба прежде, потом свободная. Да разумеет читающий: Авраам ведь от юности своей Сарру имел женой - свободную, а не рабу.

И Бог ведь прежде век изволил и замыслил Сына Своего в мир послать и тем явить Благодать. Сарра же не рождала, поскольку была неплодна. Не (вовсе) была неплодна, но заключена была Божиим Промыслом, (чтобы ей) в старости родить. Безвестное же и тайное Премудрости Божией сокрыто было от ангелов и человек не как неявное, но как утаенное и должное явиться в конце веков. Сарра же сказала Аврааму: «Вот заключил меня Господь Бог, (и) не (могу) родить. Войди же к рабе моей Агари и роди от нее». Благодать же сказала Богу: «Если не время сойти мне на землю и спасти мир, сойди (Ты) на гору Синай и установи Закон».

Послушался Авраам речей Сарриных и вошел к рабе ее Агари. Внял же и Бог словесам Благодати и сошел на Синай.

Родила же Агарь-рабыня от Авраама-раба, сына рабы. И нарек Авраам имя ему Измаил. Принес же и Моисей от горы Синайской Закон, а не Благодать, тень, а не Истину.

После же, когда состарились Авраам и Сарра, явился Бог Аврааму, сидящему пред дверьми кущи своей в полдень у дуба Мамврийского. Авраам же пошел навстречу Ему, поклонился Ему до земли и принял Его в кущу свою. Когда же приблизился век сей к концу, посетил Господь род человеческий и сошел с Небес, войдя в утробу Девы. Приняла же Его Дева с поклонением в кущу плотяную неболезненно, говоря так ангелу: Се, Раба Господня; да будет мне по слову твоему. Тогда же открыл Бог ложесна Сарры, и, зачав, родила Исаака, свободная свободного. И когда посетил Бог естество человеческое, явилось (дотоле) безвестное и утаенное, и родилась Благодать - Истина, а не Закон, сын, а не раб. И как только отрок Исаак был вскормлен
грудью и окреп, устроил Авраам пир великий, когда Исаак [сын его] отнят был от груди. Когда Христос явился на землю, не успела еще Благодать окрепнуть и младенчествовала более тридцати лет - тогда же (и) Христос неведом был. Когда же была вскормлена и окрепла, и явилась Благодать Божия всем людям на реке Иорданской, сотворил Бог угощение и пир великий с Тельцом, вскормленным от века, возлюбленным Сыном Своим Иисусом Христом, созвав на общее веселье Небесное и земное, совокупив ангелов и человеков. После же Сарра, увидев Измаила, сына Агари, играющего с сыном своим Исааком, и как Исаак обижен был Измаилом, сказала Аврааму: Выгони эту рабыню и сына се, ибо не наследует сын рабыни сей с сыном свободной.

По Вознесении же Господа Иисуса, когда ученики (Его) и иные, уверовавшие уже во Христа, пребывали в Иерусалиме и было смешение иудеев и христиан. Крещение благодатное терпело обиды от обрезания законнического; и не принимала в Иерусалиме христианская Церковь епископа из необрезанных, ибо обрезанные, будучи первыми, творили насилия над христианами - сыны рабыни над сынами свободной. И бывали между ними многие распри и «которы» (споры, ссоры. - Слав.). Свободная же Благодать, увидев чад своих христиан притесняемыми от иудеев, сынов рабского Закона, возопила к Богу: «Удали иудейство и Закон (его), расточи по странам - какое же общение между тенью и Истиною, иудейством и христианством!».

И изгнана была Агарь-рабыня с сыном ее Измаилом; и Исаак, сын свободной, наследовал Аврааму, отцу своему. И изгнаны были иудеи и рассеяны по странам, и чада благодатные, христиане, стали наследниками Бога и Отца. Ибо отошел свет луны, когда солнце воссияло, - так и Закон (отошел), когда явилась Благодать; и стужа ночная сгинула, когда солнечное тепло землю согрело. И уже не теснится в Законе человечество, но в Благодати свободно ходит. Ведь иудеи при свече Закона делали свое оправдание, христиане же при благодатном солнце свое спасение созидают.

Так, иудеи тенью и Законом оправдывались, но не спасались, христиане же Истиною и Благодатью не оправдываются, а спасаются. Ибо у иудеев - оправдание, у христиан же - спасение. И поскольку оправдание - в этом мире, а спасение - в Будущем Веке, иудеи земному радуются, христиане же - сущему на Небесах.

И к тому же, оправдание иудейское скупо было, из-за ревности, не распространялось на другие народы, но только в Иудее одной было. Христианское же спасение благо и щедро простирается во все края земные. Сбылось благословение, ибо старшинство Манассии левой рукою Иаковлевой благословлено было, Ефремово же младшинство - десницей. Хотя и старше Манассия Ефрема, но благословением Иаковлевым меньшим стал. Так и иудейство: хотя и раньше (оно) явилось, но чрез Благодать христианство большим стало. Когда Иосиф сказал Иакову: «На этого, отец, возложи десницу свою, ибо он старше», - Иаков отвечал: «Знаю, чадо, знаю; и он вознесется меж людьми, но брат его меньший больше его станет, и племя его будет во многих народах». Так и произошло. Закон раньше был, и вознесся в малом, и отошел; вера же христианская, явившись после, больше первого стала и распространилась среди многих народов .

И Христова Благодать всю землю объяла и, как вода морская, покрыла ее. И все, отложив старое, обветшавшее в ревности иудейской, нового держатся, по пророчеству Исаии: «ветхое миновало - новое вам возвещаю. Пойте Богу песнь новую и славьте Имя Его от концов земли: и ходящие в море, и плавающие по нему, и острова все». И еще: «работающие на Меня нарекутся именем новым, которое благословится на земле, ибо благословят (они) Бога истинного».

Ведь прежде в одном Иерусалиме (Богу) поклонялись, ныне же - по всей земле. Как сказал Гедеон Богу: если рукой моей спасаешь Израиля - да будет роса на руне только, по всей же земле - сушь. И стало так. Ибо по всей земле сушь была прежде: идольской ложью народы одержимы; и потому росы благодатной не приемлют; только в Иудее знаем был Бог, и во Исраили велие Имя Его, и в Иерусалиме одном прославляем был Бог. Еще же сказал Гедеон Богу: «Да будет сушь на руне только, по всей же земле - роса». И стало так.

Ибо кончилось иудейство, и Закон отошел. Жертвы не приняты, ковчег и

скрижали, и очистилище отнято. По всей же земле роса, по всей же земле вера распространилась, дождь благодатный оросил купель пакирождения, (чтобы) сынов своих в нетление облачить.

Как и говорил Спаситель Самарянке, что настанет время, и настало уже, когда не на горе сей, не в Иерусалиме будут поклоняться Отцу, но явятся истинные поклонники, которые будут поклоняться Отцу в Духе и Истине, ибо Отец таких ищет, поклоняющихся Ему, то есть с Сыном и Святым Духом. Так и есть: по всей земле уже славится Святая Троица и поклонение принимает от всей твари. Малые (и) великие славят Бога, по пророчеству: «И (не) будет учить каждый ближнего своего, и каждый брата своего, говоря: познай Господа; потому что узнают Меня» (все) от малого до великого. И как говорил Христос Спаситель Отцу: Славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам; ей, Отче! ибо таково было Твое благоволение. И столь помиловал Благой Бог человеческий род, что, человеки по плоти, через Крещение (и) добрые дела сыновьями Богу и причастниками Христу становятся. Ибо, как сказал евангелист: А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились Святым Духом в святой купели. Все же это Бог наш на Небесах и на земле как восхотел, так и сотворил. (И) потому кто же не прославит, кто не восхвалит, кто не поклонится величеству славы Его и кто не подивится безмерному человеколюбию Его! Прежде век от Отца рожден, един и сопрестолен Отцу, единосущен, как свет солнцу; сошел на землю, посетил народ Свой, не покинув Отца, и воплотился от Девы чистой, безмужней и непорочной; вошел, как Сам (лишь) ведает, плоть воспринял и так же вышел, как и вошел. Один из Троицы в двух естествах - Божестве и человечестве.

Левитан И.И. Осенний пейзаж с церковью 1893 -1895 г.г.

Совершенный человек по вочеловечению, а не призрак, но (и) совершенный Бог по Божеству, а не простой человек, явивший на земле Божественное и человеческое.

Ибо как человек утробу материнскую тяготил и как Бог изшел, девства не повредив.

Как человек материнское млеко принял - и как Бог повелел ангелам с пастухами петь: Слава в вышних Богу!.

Как человек повит был пеленами - и как Бог волхвов звездою вел.

Как человек возлежал в яслях - и как Бог от волхвов дары и поклонение принял.

Как человек бежал в Египет - и как Богу рукотворные египетские (боги) поклонились (Ему).

Как человек пришел креститься - и как Бога устрашившись (Его), Иордан обратился вспять.

Как человек, обнажившись, вошел в воду - и как Бог от Отца свидетельство принял: Сей есть Сын Мой возлюбленный.
Как человек постился сорок дней и взалкал - и как Бог победил искусителя.

Как человек пошел на брак в Кану Галилейскую - и как Бог воду в вино претворил.

Как человек в корабле спал - и как Бог запретил ветрам и морю, и (те) послушали Его.

Как человек Лазаря оплакал - и как Бог воскресил его из мертвых.

Как человек на осла воссел - и как Богу возглашали (Ему): Благословен Грядый во Имя Господне!.

Как человек распят был - и как Бог Своею властью сораспятого с Ним впустил в рай.

Как человек, уксуса вкусив, испустил дух - и как Бог солнце помрачил и землю потряс.

Как человек во гроб положен был - и как Бог ад разрушил и души освободил.

Как человека запечатали (Его) во гробе - и как Бог исшел, печати целыми сохранив.

Как человека тщились иудеи утаить Воскресение (Его), подкупая стражей, - но как Бог узнан и призван во всех концах земли.

Поистине, Кто Бог так великий как Бог [наш]. Он есть Бог, творящий чудеса! Содеял спасение посреди земли крестом и мукою на месте Лобном, вкусив уксуса и желчи, - да отсечется вкушением горечи преступление и грех сладостного вкушения Адамова от древа! Сотворившие же с Ним сие преткнулись о Него, как о камень, и сокрушились, как и говорил Господь: Упавший на камень сей сокрушится, а на него упадет - его сокрушит. Ибо пришел к ним, во исполнение проро-

честв, изреченных о Нем, как и говорил: Я послан только к погибшим овцам дома Израилева. И еще: не нарушить пришел Я [Закон], но исполнить. И Хананеянке, иноплеменнице, просящей об исцелении дочери своей, говорил: Нехорошо взять хлеб у детей и бросить псам. Они же называли Его лжецом, и от блуда рожденным, и (силою) веельзевула бесов изгоняющим. Христос слепых у них сделал зрячими, прокаженных очистил, согбенных выпрямил, бесноватых исцелил, расслабленных укрепил, мертвых воскресил. Они же, как злодея, мучили (Его), пригвоздив ко Кресту. И потому пришел на них гнев Божий, смертельный.

Ибо сами они поспешествовали своей погибели. Когда рассказал Спаситель притчу о винограднике и делателях: Что сделает Он с этими виноградарями? - отвечали: злодеев сих предаст злой смерти, а виноградник отдаст другим виноградарям, которые будут отдавать ему плоды во времена свои.

И сами были пророками своей погибели, ибо Он пришел на землю посетить их, и не приняли Его. Поскольку дела их темны были - не возлюбили света: не явились бы дела их, ибо (они) темны. И вот потому-то, подходя к Иерусалиму и увидев град, прослезился Иисус, говоря о нем: «Если бы разумел ты в сей день свой, что к миру твоему! Ныне же сокрыто от очей твоих, что придет срок твой, и возведут враги твои частокол вокруг тебя, и обидят тебя, и окружат тебя отовсюду, и разобьют тебя и чад твоих в тебе за то, что не разумел времени посещения твоего!. И еще: Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! Сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крылья, и Вы не захотели! Се, оставляется вам дом ваш пуст, - как и произошло, ибо пришли римляне, пленили Иерусалим и разбили его до основания. Погибло с тех пор иудейство, и закон с ним, как вечерняя заря, угас, и рассеяны были иудеи по странам - да не пребудет злое совокупно!

Ведь пришел Спаситель, и не принят был Израилем. И, по евангельскому слову, пришел к своим, и свои Его не приняли. Язычниками же принят был, как сказал Иаков: и Он - чаяние языков, ибо и по рождении Его прежде поклонились Ему волхвы из язычников, а иудеи убить Его искали, из-за Него и (совершилось) избиение младенцев. И сбылось слово Спасителя, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном; а сыны Царства извержены будут во тьму внешнюю. И еще, что отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его, ибо к ним послал учеников Своих, говоря: идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет. Идите, научите все народы, крестя их во Имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам.

И подобало Благодати и Истине над новыми народами воссиять. Ибо не вливают, по словам Господним, вина учения нового, благодатного в мехи ветхие, обветшавшие в иудействе: прорываются мехи, и вино вытекает. Не сумевшие удержать тени Закона, столько раз поклонявшиеся идолам, как удержат учение истинной Благодати! Но новое учение - в новые мехи, новые народы: и сберегается то и другое. Так и есть. Ибо вера благодатная по всей земле распространилась и до нашего народа русского дошла. И законническое озеро высохло, евангельский же источник наполнился вод и всю землю покрыл, и до нас разлился. Ведь вот уже и мы со всеми христианами славим Святую Троицу, а Иудея молчит. Христос прославляется, а иудеи проклинаются, язычники приведены, а иудеи отринуты, как сказал (Господь через) пророка Малахию: «Нет Мне нужды в сынах Израилевых, и жертвы от рук их не приму, ибо от востока и запада Имя Мое славится в странах, и на всяком месте фимиам Имени Моему приносится, ибо Имя Мое велико между народами». И Давид: Вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе; и: Господи, Господь наш,

чудно Имя Твое по всей земле! И уже не идолослужителями зовемся, но христианами; не лишенными надежды, но уповающими на Жизнь Вечную.

И уже не капища сатанинские воздвигаем, но Христовы церкви созидаем. Уже не закалаем друг друга (в угоду) бесам, но Христос за нас закалаем бывает и раздробляем в жертву Богу и Отцу.

И уже не жертвенную кровь вкушая, погибаем, но Христову Пречистую Кровь вкушая, спасаемся. Все страны Благой Бог наш помиловал и нас не презрел, восхотел - и спас нас, и в разумение Истины привел. Ибо когда опустела и высохла земля наша, когда идольский зной иссушил ее, внезапно потек источник евангельский, напояя всю землю нашу. Как и сказал Исаия: пробьются воды ходящим в пустыне, и безводное обратится в болота, и в земле жаждущей источник воды будет.

Когда мы были слепы и истинного света не видели, но во лжи идольской блуждали, к тому же были глухи к спасительному учению, помиловал нас Бог, и воссиял в нас свет разума, чтобы познать Его, по пророчеству: «Тогда отверзутся очи слепых и уши глухих услышат». И когда мы претыкались на путях погибели, последуя бесам, и пути, ведущего к жизни, не ведали, к тому же бормотали языками нашими, молясь идолам, а не Богу своему и Творцу, - посетило нас человеколюбие Божие. И уже не последуем бесам, но ясно славим Христа, Бога нашего, по пророчеству: «Тогда вскочит, как олень, хромой, и ясен будет язык гугнивых». И когда мы были подобны зверям и скотам, не разумели, (где) десница, (где) шуйца, и земному прилежали, и нимало о небесном не заботились, послал Господь и нам заповеди, ведущие в Жизнь Вечную, по пророчеству Осии: «И будет в день оный, говорит Господь, завещаю им Завет с птицами небесными и зверьми земными, и скажу не Моему народу: «вы Мой народ», а он скажет Мне: «Ты Господь Бог наш!». И так, будучи чуждыми, мы людьми Божиими нарекались и, бывшие врагами, мы сынами Его прозывались. И не хулим по-иудейски, но по-христиански благословляем, и не собираем совет, чтобы распять (Его), но чтобы Распятому поклониться. Не распинаем Спасителя, но руки к Нему воздеваем. Не прободаем ребр, но от них пьем источник нетления. Не тридцать сребреников наживаем на Нем, но друг друга и весь живот наш Ему предаем. Не таим Воскресения, но во всех домах своих возглашаем: Христос воскресе из мертвых! Не говорим, что (Он) был украден, но (что) вознесся туда, где и был. Не неверуем, но, как Петр, говорим Ему: Ты - Христос, Сын Бога Живаго, и с Фомою: «Ты есть Господь наш и Бог», и с разбойником: «Помяни нас. Господи, во Царствии Твоем!». И так веруя в Него и храня предания святых отцов семи Соборов, молим Бога еще и еще потрудиться и направить нас на путь заповедей Его. Сбылось на нас реченное о язычниках: «Обнажит Господь мышцу Свою святую перед всеми народами, и узрят во всех концах земли спасение Бога нашего». И другое: живу Я, говорит Господь, и предо Мною преклонится всякое колено, и всякий язык будет исповедыватъ Бога. И Исаии: всякий дол да наполнится, и всякая гора и холм да понизятся. кривизны выпрямятся и неровные пути сделаются гладкими; и явится слава Господня, и узрит всякая плоть [спасение Божие]. И Даниила: «Все люди, племена и языки послужат Ему». И Давида: «Да исповедаются Тебе люди, Боже, да исповедуются Тебе люди все, да возвеселятся и возрадуются языки» и: Восплещите руками все народы. воскликните Богу гласом радости; ибо Господь Всевышний страшен, - великий Царь над всею землею. И ниже: Пойте Богу нашему, пойте; пойте Царю нашему, пойте, ибо Бог - Царь всей земли; пойте все разумно. Бог воцарился над народами и: Вся земля да поклонится Тебе и поет Тебе, да поет имени Твоему, [Вышний]!, и: «Хвалите Господа, все народы, прославляйте все племена», и еще: «От востока и до запада хвалимо Имя Господне. Высок над всеми народами Господь, над небесами слава Его», как Имя Твое, Боже, так и хвала Твоя до концов земли, услышь нас, Боже, Спаситель наш, упование всех концов земли и находящихся в море далече и: Да познаем на земле путь Твой, во всех народах спасение Твое, и: Цари земные и все

народы, князья и все судьи земные, юноши и девицы, старцы и отроки да хвалят Имя Господа. И Исаии: «Послушай Меня, народ Мой, [говорит Бог], и цари. ко Мне прислушайтесь, ибо Закон от Меня изойдет, и суд Мой - свет народам. Приблизится скоро правда Моя и снизойдет, как свет, спасение Мое. Меня острова ждут, и на мышцу Мою страны уповают». Хвалит же хвалебным гласом римская страна Петра и Павла, от них уверовавшая в Иисуса Христа, Сына Божия, Асия и Эфес, и Патмос - Иоанна Богослова. Индия - Фому, Египет - Марка. Все страны, и города, и народы чтут и славят каждый своего учителя, научившего их православной вере. Похвалим же и мы, по силе нашей, малыми похвалами, великое и дивное сотворившего, нашего учителя и наставника, великого князя земли нашей Владимира, внука старого Игоря, сына же славного Святослава, которые во времена своего владычества мужеством и храбростью прослыли в странах многих и ныне победами и силою поминаются и прославляются. Ибо не в худой и неведомой земле владычество ваше, но в Русской, о которой знают и слышат во всех четырех концах земли.

Сей славный, рожденный от славных, благородный - от благородных, князь наш Владимир возрос, окреп от детской младости, паче же возмужал, крепостью и силой совершенствуясь, мужеством же и умом преуспевая, и единодержцем стал земли своей, покорив себе соседние народы, иных - миром, а непокорных - мечом. И вот на него, во дни свои живущего и землю свою пасущего правдою, мужеством и умом, сошло на него посещение Вышнего, призрело на него Всемилостивое Око Благого Бога. И воссиял разум в сердце его, чтобы уразуметь суету идольской лжи, взыскать же Бога Единого, создавшего всю тварь, видимую и невидимую. К тому же всегда он слышал о благоверной земле греческой, христолюбивой и сильной верою: как (там) Бога Единого в Троице почитают и поклоняются (Ему), как у них являются силы, и чудеса, и знамения, как церкви людьми наполнены, как веси и города благоверны, все в молитвах предстоят, все Богу служат. И услышав это, возжелал сердцем, возгорелся духом, чтобы быть ему христианином и земле его также быть (христианской), что и произошло по изволению Божию о естестве человеческом. Ибо совлекся князь наш, и с ризами ветхого человека сложил тленнее, отряхнул прах неверия и вошел в святую купель, и возродился от Духа и воды, во Христа крестившись, во Христа облекшись. И вышел из купели убеленным, став сыном нетления, сыном Воскресения, имя приняв вечное, именитое в поколениях и поколениях - Василий, коим вписан он в Книге Жизни, в вышнем граде, в нетленном Иерусалиме. После того, как это произошло, не оставил он подвига благоверия, не этим только явил сущую в нем к Богу любовь, но подвигнулся дальше, повелев по всей земле своей креститься во Имя Отца и Сына и Святаго Духа и ясно и велегласно во всех городах славить Святую Троицу, и всем стать христианами: малым и великим, рабам и свободным, юным и старым, боярам и простолюдинам, богатым и бедным.

И не было ни одного, противящегося благочестивому его повелению. Да если кто и не любовью, то из страха (перед) повелевшим крестился - ибо было благоверие его с властью сопряжено. И в одно время вся земля наша восславила Христа с Отцом и со Святым Духом.

Тогда начал мрак идольский от нас отходить, и заря благоверия явилась. Тогда тьма бесослужения сгинула, и слово евангельское землю нашу осияло.

Капища разрушались, а церкви поставлялись, идолы сокрушались, а иконы святых являлись, бесы бежали - Крест города освящал.

Пастыри словесных овец Христовых, епископы, стали пред святым алтарем,

принося Жертву Бескровную. Пресвитеры, и диаконы, и весь клир украсили и лепотой облекли святые церкви. Труба апостольская и евангельский гром все грады огласили. Фимиам, возносимый к Богу, освятил воздух. Монастыри на горах воздвигли; черноризцы явились; мужи и жены, и малые и великие - все люди заполнили святые церкви, восславили (Бога), воспевая: Един свят, един Господь Иисус Христос во славу Бога Отца! Аминь. Христос победил! Христос одолел! Христос воцарился! Христос прославился! Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои! Боже наш, слава Тебе!

Как же восхвалим тебя, о пречестный и славный среди земных владык, премужественный Василий! Как подивимся величию, крепости и силе (твоей), какую благодарность воздадим тебе за то, что чрез тебя познали Господа и ложь идольскую избыли, что твоим повелением по всей земле твоей славится Христос! Как назовем тебя, христолюбче? Друже правды, вместилище разума, гнездо милости! Как уверовал? Как возгорелся любовию Христовой? Как вселился в тебя разум выше разума земных мудрецов - чтобы Невидимого возлюбить и к небесному устремиться?!

Как взыскал Христа, как предался Ему? Поведай нам, рабам твоим. поведай, учитель наш, откуда повеяло на тебя благоухание Святаго Духа? Где испил от сладкой чаши памяти о Будущей Жизни? Где вкусил и увидел, как Благ Господь? Не видел ты Христа, не ходил ты за Ним - как же стал учеником Его? Другие и видев Его не уверовали. Ты же не видев уверовал. Поистине, сбылось на тебе благословение Господа Иисуса, реченное Фоме: блаженны невидевшие и уверовавшие.

Поэтому дерзновенно и без сомнения взываем к тебе, о блаженный! Сам Спаситель нарек тебя блаженным, ибо ты уверовал в Него и не соблазнился о Нем, по слову Его неложному: и блажен, кто не соблазнится о Мне. Ведь знающие Закон и пророков распяли Его. Ты же. ни Закона, ни пророков не почитавший, Распятому поклонился.

Как твое сердце отверзлось, как вошел в тебя страх Божий, как проникся ты любовью к Нему?. Не видел апостола, который пришел (бы) в землю твою и нищетою своею, и наготою, гладом и жаждою сердце твое к смирению приклонил (бы). Не видел, (как) беса изгоняют именем Иисуса Христа, как болящие выздоравливают, немые говорят, огонь в холод претворяется , мертвые встают - всего этого не видев, как же уверовал? Чудо дивное! Другие цари и властелины, видев, как все это совершается святыми мужами, не веровали, но, более того, на муки и страдания предавали их. Ты же, о блаженный, без всего этого притек ко Христу, только через благое размышление и остроумие уразумев, что Един есть Бог. Творец невидимого и видимого, небесного и земного, и что (Он) послал в мир, спасения (нашего) ради, возлюбленного Сына Своего. И об этом помыслив, вошел в святую купель. То, что другим уродством кажется. для тебя стало силою Божией. К тому же, кто расскажет о многих твоих ночных милостях и дневных щедротах, которые убогим творил (ты), сирым, болящим, должникам, вдовам и всем просящим милости. Ибо слышал ты слово, сказанное Даниилом Навуходоносору: «Да будет угоден тебе совет мой, царь Навуходоносор: грехи твои милостями очисти и неправды твои - щедротами нищим». То, что слышал ты, о пречестный. не для слуха оставил, но делом исполнил сказанное: просящим подавал. нагих одевал, жаждущих и алчущих насыщал, болящим всякое утешение посылал, должников выкупал, рабам свободу давал. Ведь твои щедроты и милости и ныне среди людей поминаются, паче же пред Богом и ангелами Его. Из-за нее, доброприлюбной Богом милости, многое дерзновение имеешь пред Ним как присный раб Христов. Помогает мне сказавший слова: милость превозносится над судом и милостыня человека - как печать у Него. Вернее же Самого Господа глагол: Блаженны милостивые, ибо они помилованы. Иное ясное

и верное свидетельство о тебе приведем из Священного Писания, реченное апостолом Иаковом, что обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов. Если одного человека обратившему такое возмездие от Бога Благого, то какое же спасение обрел (ты), о Василий?! Какое бремя греховное рассыпал, не одного человека обратив от заблуждения идольской лжи, не десятерых, не город, но всю землю эту?! Сам Спаситель Христос показывает нам и удостоверяет, какой славы и чести сподобил Он тебя на небесах, говоря: Кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным. И если Христос ходатайствует пред Богом Отцом о том, кто исповедает Его только перед людьми, то сколь же похвален от Него будешь ты, не только исповедав, что Христос есть Сын Божий, но исповедав и веру в Него утвердив не в одном соборе, но по всей земле этой, и церкви Христовы поставив, и служителей Ему приведя? Подобный Великому Константину, равный ему умом, равно христолюбивый, равно чтущий служителей Его! Он со святыми отцами Никейского Собора положил Закон людям (всем), ты же с новыми нашими отцами, епископами, собираясь часто, с большим смирением совещался, как среди народа этого, новопознавшего Господа, Закон уставить. Он царство эллинов и римлян Богу покорил, ты же - Русь. Теперь не только у них, но и у нас Христос Царем зовется. Он с матерью своей Еленой Крест от Иерусалима принес (и), по всему миру своему разослав, веру утвердил. Ты же с бабкой своей Ольгой принес Крест из Нового Иерусалима, Константинова града и, но всей земле своей поставив, утвердил веру. Ибо ты подобен ему. По благоверию твоему, которое имел в жизни своей, сотворил тебя Господь(и) на Небесах той же, единой (с Ним) славы и чести сопричастником. Добрая наставница в благоверии твоем, о блаженный, - Святая Церковь Пресвятой Богородицы Марии, которую (ты) создал на правоверней основе и где ныне лежит мужественное тело твое, ожидая трубы архангельской.

Добрый и верный свидетель - сын твой Георгий, которого Господь создал преемником твоему владычеству: не нарушающим твоих уставов, но утверждающим; не умаляющим хранилищ твоего благоверия, но умножающим; не на словах, но (на деле) доводящим до конца, что тобою неокончено, как Соломон (дела) Давида. Он создал Дом Божий, великий, святой Премудрости (Его) на святость и освящение града твоего и украсил его всякой красотой: златом и серебром, и каменьями дорогими, и сосудами священными - такую церковь дивную и славную среди всех соседних народов, что другой (такой) же не отыщется во всей полуноши земной, от востока до запада. И славный град твой Киев величием, как венцом, окружил, вручил людей твоих и град скорой на помощь христианам Всеславной Святой Богородице. Ей же и церковь на Великих вратах создал во имя первого Господнего праздника, святого Благовещения. И если посылает архангел приветствие Деве, (то) и граду сему будет. Как Ей: Радуйся, обрадованная. Господь с Тобою! - так и ему: Радуйся, благоверный град. Господь с тобою! Встань, о честная главо, из гроба своего! Встань, отряси сон, ибо не умер ты, но спишь до всеобщего восстания! Встань, ты не умер, ведь не должно умереть веровавшему во Христа, Жизнь всему миру! Отряси сон. возведи очи и увидишь, какой чести сподобил тебя Господь там, и на земле не оставил беспамятным в сыне твоем. Встань, взгляни на чадо свое, Георгия, взгляни на род свой, взгляни на милого своего, взгляни (на того), кого Господь произвел от чресл твоих, взгляни на украшающего престол земли твоей - и возрадуйся и возвеселись! К тому же взгляни на благоверную сноху твою Ирину, взгляни на внуков твоих и правнуков: как живут, как хранимы они Господом, как благоверие держат по завету твоему, как в святые церкви часто ходят, как славят Христа, как поклоняются Имени Его. Взгляни же и на град, величием сияющий! Взгляни на церкви процветающие, взгляни на христианство возрастающее, взгляни на град, иконами святых освящаемый и блистающий, и фимиамом благоухающий, и хвалами, и божественными (именами), и песнопениями святыми оглашаемый.

И все это увидев, возрадуйся, и возвеселись, и восхвали Бога Благого, всего устроителя. Ты видел уже, если не телом, то духом: Господь показывает тебе все сие. Тому радуйся и веселись, что семена веры твоей не иссушены зноем неверия, но с дождем Божия поспешения принесли обильные плоды.

Радуйся, апостол во владыках, не мертвых телами воскресивший, но нас, душою мертвых, умерших от недуга идолослужения, воскресивший. Ибо твоею (волей) ожили и жизнь Христову познали. Скорчены были бесовской ложью, но твоею (волей) выпрямились и на путь жизни вступили. Слепы были от бесовской лжи, но твоею (волей) простерлись сердечными очами; ослеплены (были) неведением, но твоею (волей) прозрели для света Трисолнечного Божества. Немы были, но твоею (волей) заговорили. И ныне уже, малые и великие, славим Единосущную Троицу. Радуйся, учитель наш и наставник благоверия! Ты правдою был облечен, силою препоясан, истиною обут, умом венчан и милостью, как гривной и утварью златой, красуешься.

О честная главо, ты был нагим одеяние, ты был алчущим кормитель, ты был жаждущим утробы охлаждение, ты был вдовам помощник, ты был странникам покоище, ты был бездомным кров, ты был обижаемым заступник, убогим обогащение. За эти и иные благие дела приемля на небесах воздаяние, - (те) блага, что приготовил Бог [вам] любящим Его, - и видением сладостного лица Его насыщаясь, помолись за землю свою и людей, над которыми благоверно владычествовал, да сохранит их (Господь) в мире и благоверии, преданном тобою, и да славится в нем правоверие, и да проклинается всякое еретичество; и да сохранит их Господь Бог от всякой рати и пленения, от глада, и всякой скорби и печали. Особенно же помолись о сыне твоем, благоверном князе нашем Георгии, чтобы ему в мире и здравии пучину жизни переплыть и в пристанище небесного укрытия пристать невредимо; чтобы корабль душевный и веру сохранив и, с богатством добрых дел, без соблазна. Богом данный ему народ управив, стать с тобою непостыдно перед Престолом Вседержителя Бога и за труд пастьбы народа своего принять от Него венец славы нетленной, со всеми праведными, трудившимися ради Него.

Левитан И.И. Вечерний звон 1892 г.

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА (XI в.)

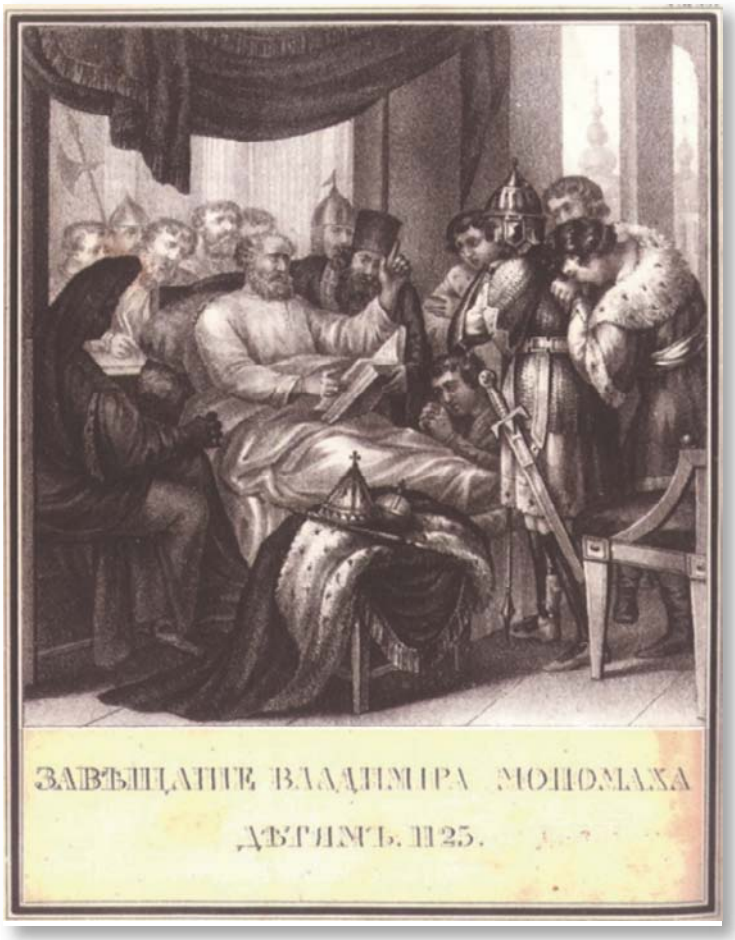
«Поучение детям Владимира Мономаха» (правильные принципы)

Автор «Поучения» князь Владимир Всеволодович Мономах (1053–1125) – один из самых талантливых и образованных русских князей домонгольской поры. Прозвание Мономаха получил по матери – дочери византийского императора Константина Мономаха. Он был князем черниговским, затем переяславским (Переяславля Южного), а с 1113 г.– киевским. Всю жизнь он провел в борьбе с половцами и с их обычным союзником – князем Олегом Святославичем. Против половцев Мономах организовал несколько походов объединенных сил русских князей. Стремясь предотвратить распад русского государства на ряд самостоятельных княжеств и вместе с тем придерживаясь принципа, что каждый князь должен наследовать владения своего отца, он придавал огромное значение идеологической пропаганде единства Русской земли. С этой целью он организовывал съезды русских князей, поддерживал культ «святых братьев» Бориса и Глеба, жизнь которых должна была подать пример послушания младших князей старшим, покровительствовал летописанию, напоминавшему об историческом единстве Руси и всего княжеского рода («все князья – братья») и писал сам произведения, в которых выражал те же идеи единства Руси и необходимости бескорыстного служения родине. В собственной деятельности Владимир Мономах не всегда выдерживал изложенные им принципы, но все же законодательным путем он несколько смягчил положение низов, покровительствовал духовенству, в целом ряде случаев добивался прекращения княжеских усобиц и добился прекращения на некоторое время половецких набегов, совершив успешные походы в глубь степей. Княжение Владимира – это время усиления Руси и эпоха расцвета русской литературы.

Владимир Мономах - великий князь Киевский, автор "Поучения"

«Поучение» Владимира Мономаха читается только в Лаврентьевской летописи. В ней оно вставлено между рассуждением о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем. В других летописях (Ипатьевской, Радзивилловской и др.) текст, разделенный в Лаврентьевской летописи «Поучением», читается без всякого разрыва и «Поучение» отсутствует. «Поучение» – одно из выдающихся произведений древнерусской литературы. По поводу того, когда оно было написано, существует большая литература и большие расхождения во взглядах. Вероятнее всего, оно написано в 1117 г. Печатается по Лаврентьевской летописи (РНБ, F. п. № 2) с незначительными исправлениями описок. Подробный комментарий см. Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2. с. 425–457.

...Седя на санех, помыслих в души своей и похвалих бога, иже мя сих днев грешнаго допровади [1]. Да, дети мои, или ин кто, слышав сию грамотицю, не посмейтеся, но кому же любо детий моихъ [2], а приметь е в сердце свое, и не ленитися начнеть такоже и тружатися: первое, бога деля [3] и душа своея, страх имейте божий в сердци своемь и милостыню творя неоскудну, то бо есть начаток всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються [4], но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех седя, безлепицю еси молвил. Усретоша бо мя слы [5] от братья моея на Волзе, реша: «потъснися [6] к нам, да выженем Ростиславича и волость их отъимем; еже ли не поидеши с нами, то мы собе будем, а ты собе». И рех: «аще вы ся и гневаете, не могу вы я [7] ити, ни креста переступити». И отрядив я [8], взем Псалтырю, в печали разгнух я, и то ми ся выня: «векую [9] печалуеши, душе? векую смущаеши мя?» и прочая. И потомь собрах словца си любая, и складох



Литография 1836 года по рисунку Бориса Чорикова.

по ряду, и написах: аще вы последняя не люба, а передняя приимайте...

Поистине, дети моя, разумейте, како ти есть человеколюбець богъ милостив и премилостив: мы, человеци, грешни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хощем и пожрети [10] и кровь его прольяти вскоре; а господь нашь, владея и животом и смертью, согрешенья наша выше главы нашея терпить и пакы и до живота нашего, яко отець, чадо свое любя, бья, и пакы привлачить е [11] к собе. Такоже и господь нашь показал ны есть на врагы победу, 3-ми делы добрыми избыти его и победити его: покаяньем, слезами и милостынею; да то вы, дети моя, не тяжька заповедь божья, оже теми делы 3-ми избыти грехов своих и царствия не лишитися. А бога деля не ленитеся, молю вы ся, не забывайте 3-х дел тех; не бо суть тяжка; ни одиночьство [12], ни чернечьство [13], ни голод [14], яко инии добрии терпять, но малым делом улучити [15] милость божью. Что есть человек, яко помниши и [16]? Велий еси, господи, и чюдна дела твоя, никакже разум человеческ не можеть исповедати [17] чюдес твоих; и пакы речем; велий еси, господи, и чюдна дела твоя, и благословено и хвално имя твое в векы по всей земли. Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы твоея и твоих великых чюдес и доброт устроенных на семь свете; како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и тма свет, и земля на водах положена, господи, твоим промыслом. Зверье розноличнии. и птица и рыбы, украшено твоим промыслом, господи. И сему чюду дивуемъся, како от персти [18] создавь человека, како образи разноличнии в человечьскых лицих, аще и весь мир совокупить, не вси в один образ, но кыйже своим лиц образом, по божий мудрости; и сему ся подивуемы, како птица небесныя из ирья [19] идуть. и первее [в] наши руце, и не ставятся на одиной земли, но и силныя и худыя идуть по всем землям, божиим повелением, да наполнятся леей и поля; все же то дал бог на угодье человеком, на снедь, на веселье. Велика, господи, милость твоя на нас, яже та угодья створил еси человека деля грешна. И ты [20] же птице небесныя умудрены тобою, господи: егда повелиши, то вспоють, и человекы веселять тобе; и егда же не повелиши им, язык же имъюще, онемеють. А благословен еси, господи, и хвален зело, всяка чюдеса и ты доброты створив и зделав; да иже не хвалить тебе, господи, и не веруеть всемь сердцем и всею душею во имя отца и сына и святаго духа, да будеть проклят.

Си словца прочитаюче, дети моя, божествная, похвалите бога, давшаго нам милость свою, и се от худаго моего безумья наказанье [21], послушайте мене, аще не всего приимете, то половину. Аще вы бог умякчить сердце, и слезы своя испустите о гресех своих, рекуще: якоже блудницю и разбойника и мытаря помиловал еси, тако и нас грешных помилуй; и в церкви то дейте и ложася. Не грешите ни одину же ночь, аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды; а

того не забывайте, не ленитеся, тем бо ночным поклоном и пеньем человек побежаеть дьявола, и что в день согрешить, а тем человек избываеть. Аще и на кони ездяче не будеть ни с кым орудья [22], аще инех молитв не умеете молвити, а «господи помилуй» зовете бес престани, втайне; та бо есть молитва всех лепши [23], нежели мыслити безлепицю ездя. Всего же паче убогых не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придавайте сироте [24], и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силным погубити человека. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелевайте убити его, аще будеть повинен смерти; а душа не погубляйте ни какояже хрестьяны.

Речь молвя че, и лихо и добро, не кленитеся богомь, ни хрестится, нету бо ти нужа никоеяже; аще ли вы будете крест целовати к братьи, или к кому, а ли управивъше сердце свое [25], на немже можете устояти, тоже целуйте, целовавше блюдете, да не, приступим, погубите душе свое [26]. Епископы, и попы, и игумены с любовью взимайте от них благословенье, и не устраняйтеся от них, и по силе любите и набдите [27], да приимите от них молитву от бога. Паче всего гордости не имейте в сердци и в уме, но рцем: смертни есмы, днесь живи, а заутра в гробе; се все, что ны еси вдал, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний; и в земли не хороните, то ны есть велик грех. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью.

В дому своемь не ленитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмеются приходящий к вам и дому вашему, ни обеду вашему. На войну вышед, не ленитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни еденью не лагодите [28] ни спанью; и стороже сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вой, тоже лязите, а рано встанете; а оружья не снимайте с себе вборзе [29], не розглядавше леношами, внезапу бо человек погыбаеть. Лже блюдися и пьяньства и блуда, в том бо душа погыбаеть и тело. Куда же ходяще путем по своим землям, не дайте пакости, деяти отроком, ни своим, ни чюжим, ни в селех, ни в житех [30], да некляти вас начнуть. Куда же пойдете, идеже станете, напойте, накормите унеина [31], и боле же чтите гость, откуду же к вам придеть, или прост, или добр [32], или сол [33], аще не можете даром [34], брашном [35] и питьемь: ти бо мимоходячи прославять человека по всемь землям, любо добрым, любо злым. Болнаго присетите; над мертвеця идете [36], яко вси мертвени [37] есмы; и человека не минете, не привечавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте им над собою власти. Се же вы конець всему: страх божий имейте выше всего; аще забываете всего, а часто прочитайте: и мне будеть бе — сорома [38], и вам будеть добро. Егоже умеючи, того не забывайте доброго, а егоже не умеючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома седя, изумеяше [39] язык, в том бо честь есть от инех земль. Леность бо всему мати: еже умееть, то забудеть, а егоже не умееть, а тому ся не учить; добре же творяше, не мозите ся ленити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; такс бо отець мой деяшеть блаженный и вси добрии мужи свершении; заутренюю отдавше богови хвалу и потом, солнцю въсходящю и узревше солнце, и прославити бога с радостью, и рече: просвети очи мои, Христе боже, иже дал ми еси свет твой красный, и еще: господи, приложи ми лето к лету, да прок грехов своих покаявъся, оправдив живот [40], тако похвалю бога; и седше думати [41] с дружиною, или люди оправливати [42], или на лов [43] ехати, или поездити, или лечи спасти: спанье есть от бога присужено полудне, от чин [44] бо почивает и зверь, и птици, и человеци.

А се вы поведаю, дети моя, труд свой, оже ся есмь тружал, пути деяб и ловы 13 лет...

А всех путий 80 и 3 великих, а прока [45] не испомню менших... А се тружахься ловы дея... А се в Чернигове деял есм: конь диких своима рукама связал есмь в пушах [46] 10 и 20 живых конь, а кроме того же, по Роси ездя, имал есм своима рукама теже кони дикие. Тура мя 2 метала на розех и с конем, олень мя один бол [47], а 2 лоси, один ногами топтал, а другый рогома бол; вепрь ми на бедре мечь оттял, медведь ми у колена подъклада [48] укусил, лютый зверь скочил в ко мне на бедры и конь со мною поверже; и бог неврежена мя съблюде. И с коня много

падах, голову си розбих дважды, и руце и нозе свои вередих, в уности своей вередих, не блюда [49] живота своего, не щадя головы своея. Еже было творити отроку моему, то сам есмь створил, дела на войне и на ловех, ночь и день, на зною и на зиме, не дая собе упокоя; на посадникы не зря, ни на биричи, сам творил что было надобе, весь наряд и в дому своемь то я творил есмь; и в ловчих ловчий наряд сам есмь держал, и в конюсех и о соколехь и о ястрябех; тоже и худаго смерда и убогые вдовице не дал есм силным обидети, и церковнаго наряда и службы сам есм призирал. Да не зарите ми [50], дети мои, ни ин, кто прочет, не хвалю бося ни дерзости своея [51], но хвалю бога и прославьляю милость его, иже мя грешнаго и худаго селимо лет сблюд от тех час смертных и не ленивамя был створил, худаго, на вся дела человечьская потребна. Да ею грамотицю прочитаючи, потьснетеся [52] на вся дела добрая, славяше бога с святыми его. Смерти бо ся, дети, не боячи, ни рати, ни от звери, но мужьское дело творите, како вы бог подасть; оже бо яз от рати, и от звери, и от воды, от коня спадаяся, то никтоже вас не можеть вредитися и убити, понеже не будет от бога поведено; а иже от бога будеть смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отъяти, но оче [53] добро есть блюсти, божие блюденье леплее [54] есть человечьскаго...

Там же. - С. 35-40.

Примечания

1 Который сохранил меня до этих лет.
2 Из детей моих.
3 Ради бога.
4 Пусть не бранят.
5 Послы.
6 Присоединились.
7 С вами.
8 Их.
9 Зачем, что.
10 Истребить.
11 Привлечет его.
12 Отшельничество.
13 Монашество.
14 Пост.
15 Получить.
16 Как подумаешь о нем.
17 Изъяснить.
18 От земли.
19 Из теплых стран.
20 Те.
21 Наставление.
22 Дела.
23 Лучше.
24 Заботьтесь о сироте.
25 То есть сначала проверив в сердце своем.
26 Чтобы, совершив клятвоприступление, не погубить души своей.
27 Снабжайте.
28 Не злоупотребляйте.
29 Второпях.
30 Полях.
31 Просящего.
32 Знатный.
33 Посол.

34 Подарком.
35 Пищей.
36 Мертвеца проводите.
37 Смертны.
38 Без срама.
39 Изучил.
40 Чтобы, покаявшись в остальных своих грехах, исправив жизнь.
41 Совещаться.
42 Судить.
43 На охоту.
44 В это время.
45 Совершая походы.
46 Прочих.
47 В пущах.
48 Бодал.
49 Чепрак.
50 Не соблюдая, не оберегая.
51 Не осуждайте меня.
52 Смелостью своей.
53 Устремитесь.
54 Лучше.

Адаптированный перевод

Я, смиренный, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов… и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, бога ради и души своей, страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, — это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил……» О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите…

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить, кровь его пролить вскоре. А господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю жизнь нашу. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои», — и снова скажем: «Велик ты, господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет? И земля на водах положена, господи, твоим

промыслом! Звери различные и птицы и рыбы украшены твоим промыслом, господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица, — если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и имея язык онемеют. «И благословен, господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. «И кто не восхвалит тебя, господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя отца и сына и святого духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее, — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

Если вам бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепицу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от бога. Паче же всего гордости но имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а заутра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на несколько дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх божий имейте превыше всего.

Если будете забывать это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрени воздавши богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет твой дивный!» И еще: «Господи, умножь годы мои, чтобы впредь, в остальных грехах моих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спанье в полдень назначено богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

... А вот как я трудился, охотясь: пока сидел в Чернигове, а из Чернигова выйдя, и до этого года — по сотне загонял и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

И вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же. коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал. Вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул, и бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал, и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и в стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда, и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю бога и прославляю милость его, ибо меня, грешнаго и ничтожного, столько лет хранил от тех смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, создал, но к любому делу человеческому способным. Прочитав эту грамотку, потщитесь делать всякие добрые дела, славя бога со святыми его. Смерти, дети, не бойтесь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от бога повелено. А если случится от бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то божие сбережение лучше человеческого.

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя. Прислал он ко мне мужа своего и грамоту, со словами: «Договоримся и помиримся, а братцу моему божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на бога, когда предстанут они пред богом; а Русскую землю не погубим». И, уви-

дел смирение сына моего, сжалился я и, бога устрашившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? Сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты. Другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, пред тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери — слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мною». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, — в тот час отпустил ему согрешенья его бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, — ибо нет в ней ни зла, ни добра, — чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Разве удивительно, что муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, ибо я человек.

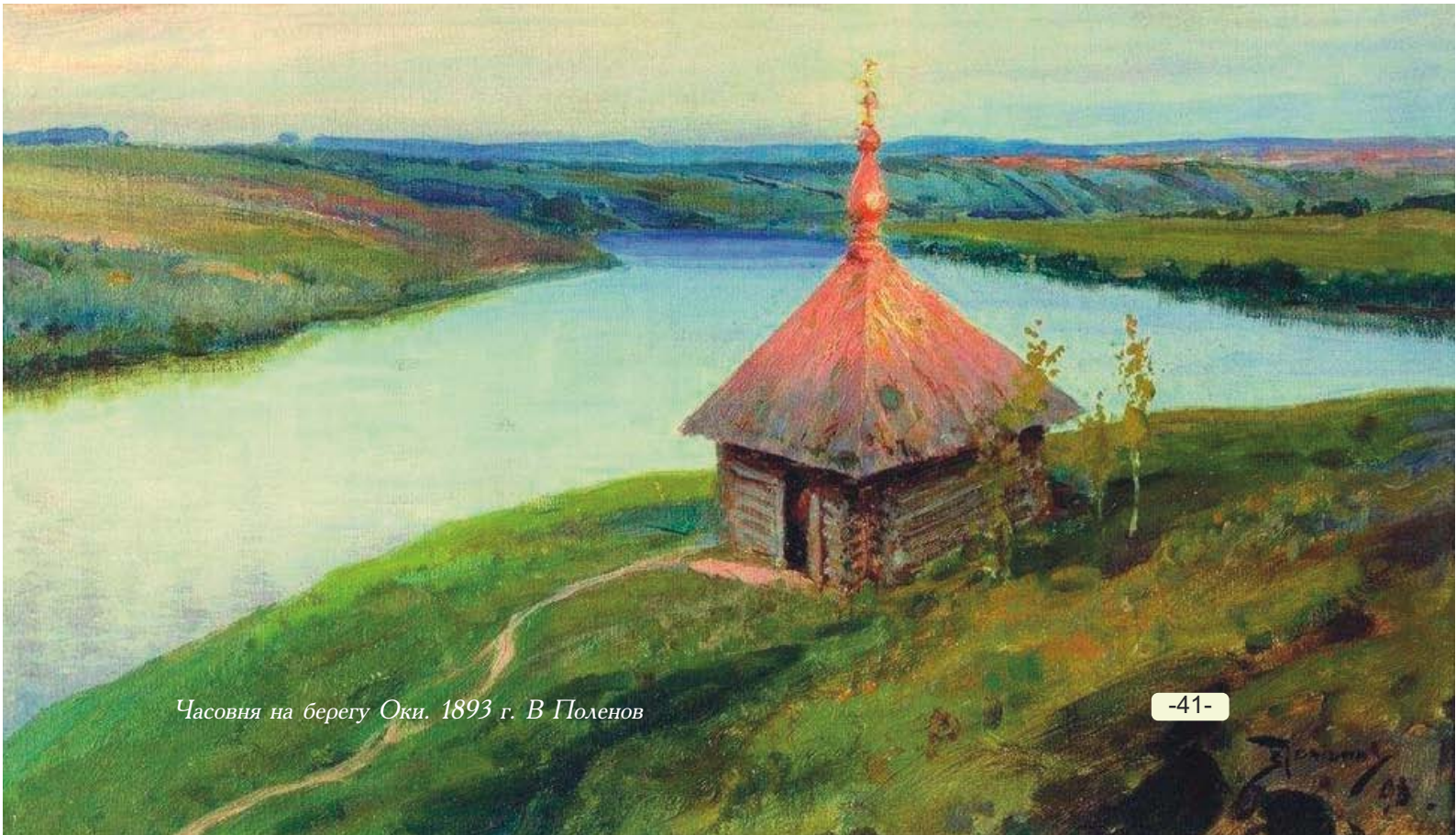
Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись. Если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю, и прочее.

«Премудрости наставник и смысла податель, неразумным учитель и нищим заступник! Утверди в разуме сердце мое, владыка! Дай мне дар слова, отче, устам моим не запрещай взывать к тебе: милостивый, помилуй падшего!» «Упование мое — бог, прибежище мое — Христос, покров мой — дух святой!» «Надежда и защита моя, не презри меня, благая! Тебя имею помощницей в печали, и в болезни, и во всех бедах, и тебя славлю, воспетая!» «Разумейте и узрите, что я бог, испытующий сердца и ведающий мысли, обличающий дела, опаляющий грехи, дающий суд сироте, и убогому, и нищему». «Преклонись, душа моя, и о делах своих помысли, содеянных тобою, глазами своими обозри их, и каплю испусти слез своих, и поведай открыто все дела свои и мысли Христу, и очистись». «Андрей честной, отче преблаженный, пастырь Критский! Не престань молиться за нас, чтущих тебя, да избавимся все от гнева, и печали, и тления, и греха, и бед, чтущие память твою верно». Град свой сохрани, дева-матерь чистая, который царствует честно под твоим покровительством, пусть он тобой укрепляется и на тебя надеется, побеждает во всех битвах, сокрушает врагов и покоряет их. «О воспетая матерь, родившая святейшее из святых Слово! Приняв нынешнее приношение, защити нас от всякой напасти и от грядущей муки — к тебе взывающих. Молимся тебе, рабы твои, и преклоняем колена сердца нашего: склони ухо твое, чистая, и спаси нас, вечно в скорбях погруженных, и соблюди от всякого пленения вражеского твой город, богородица! Пощади, боже, наследие твое, прегрешения наши все прости, видя, что мы молимся теперь тебе, на земле родившую тебя без семени, земную милость, изволением своим воплотивший, Христе, в человека». Пощади меня, Спасе, родившийся и сохранивший родившую тебя нетленною до твоем рождении, когда воссядешь судить дела мои, как безгрешный и милостивый, как бог и человеколюбец! Дева пречистая, не искушенная браком, богом обрадованная, верующим наставление, спаси меня, погибающего и к сыну твоему вопиющего: «Помилуй меня, господи, помилуй! Если хочешь судить, не осуждай меня на вечный огонь, но обличай меня яростью своею — молит тебя дева чистая, родившая тебя, Христе, и множество ангелов, и мучеников сонм».

Во имя Христа Иисуса, господа нашего, которому подобает честь и слава, отцу и сыну и снятому духу, всегда и ныне и присно во веки!



Часовня на берегу Оки. 1893 г. В Поленов

СЛОВО НЕКОЕГО КАЛУГЕРА О ЧЕТЬИ КНИГ

Оно содержится в Изборнике Святослава (1076 г.) - наиболее раннем дошедшем до нас памятнике древнерусской письменности. Впервые «Изборник» составлялся в IX в. для болгарского царя Симеона, а в 1073 г. был переписан для князя Святослава Ярославича. Кроме сочинений церковных в нем содержатся статьи по грамматике, логике, поэтике, а также притчи, загадки и пр. Список «Изборника» 1076 г. включает различные поучения, наставления, среди которых есть тексты и русского происхождения.

Автором методических советов о чтении в «Слове» был киевский книжник, монах Иоанн. Он подчеркивал, что мерилом воспитанности человека не может быть только вера, ибо «вера без дела мертва есть, яко же и делы без веры». Истинно благочестив тот верующий, кто творит благо ближнему. Благочестие всегда результат личных усилий совершенствования, а важнейшее средство к тому - книга.

Добро есть, братие [1], почитанье [2] книжьное, паче вьсякому хрьстьяну: блажени бо, рече [3], испытаюштии съведения его [4], вьсемь сердьцьмь възиштють его [5]. Чьто бо рече: испытаюштеи съведения его? Егда чьтеши книгы, не тъштися бързо иштисти до другыя главизны, нъ поразумеи, чьто глаголють книгы и словеса та, и тришьды обращтяяся о единой главизне. Рече бо: въ сърдьци моемь съкрыхъ словеса твоя, да не съгрешу тебе. Не рече: усты тъчью излаголахъ, нъ и въ сърдьци съкрыхъ, да не съгрешу тебе. И поразумевая убо истиньне писания, правимъ есть ими. Реку же: узда коневи правитель есть и въздьржяние, правьдьнику же книгы. Не съставить бо ся корабль без гвоздии, ни правьдникъ бес почитания книжьнааго, и яко же пленникомъ умъ стоить у родитель своихъ6, тако и правьдьнику о почитаньи книжьнемь. Красота воину оружие и кораблю ветрила, тако и правьднику почитание книжьное. Отъкрыи бо, рече, очи мои, да разумею чюдеса отъ закона твоего, очи бо, глаголеть, розмыслъ сердечьныи и прочее...

Примечания:

1 Монаха.
2 Чтение.
3 Сказано.
4 Вникающие в смысл его.
5 Воспримут.
6 То есть помыслы устремлены к родителям своим.

Хрестоматия по древней русской литературе сост. Н.К. Гудзий. - 8-е изд. М., 1973. с. 34-35.

БЕРЕСТЯНЫЕ ГРАМОТЫ

Берестяные грамоты, письма и записи на коре березы (бересте) – памятники письменности Древней Руси XI–XV вв. Берестяные грамоты представляют первостепенный интерес как источники по истории общества и повседневной жизни средневековых людей, а также по истории русского языка.

Существование берестяной письменности на Руси было известно и до обнаружения грамот археологами. В обители св. Сергия Радонежского «самые книги не на хартиях писаху, но на берестех» (Иосиф Волоцкий). По В.Л. Янину, в музеях и архивах сохранилось немало поздних документов, написанных на бересте (XVII–XIX вв. даже целые книги). Этнограф С.В. Максимов видел в середине XIX в. берестяную книгу у старообрядцев на Мезени. На берегу Волги близ Саратова крестьяне, роя силосную яму, в 1930 г. нашли берестяную золотоордынскую грамоту XIV в.

Памятный знак на месте находки 1-й берестяной грамоты в Великом Новгороде (Неревский раскоп)

Большая часть берестяных грамот обнаружена в Новгороде. Начиная с первых, проводившихся под руководством А.В. Арциховского раскопок, и до настоящего времени их найдено более шестисот. По предположениям историков и археологов, «Новгород таит в своих недрах многие тысячи берестяных документов, которым еще предстоит войти в фонд первоисточников нашей истории»

В берестяных грамотах получили отражение многообразные стороны жизни и быта средневекового Новгорода. Здесь воспроизводятся прориси нескольких берест, дающих представление об обучении детей в Древней Руси: фрагменты азбук, упражнений в письме, счете.

Так, грамота усл. № 199 (Рис.1) принадлежала мальчику Онфиму и представляет собой овальное дно берестяного туеса. На донышке сосуда были набиты крест-накрест, для прочности, две берестяные полосы, которые и заполнены записями ученика. Текст верхней полосы – упражнения в написании алфавита – 36 букв. Дальше – склады от «ба» до «ща», всего 20, и от «бе» до «ще», тоже 20.

Рис. 2. и .3. Прорись грамоты № 199, внешняя и внутренняя стороны донца туеса.

Рис. 4. Прорись грамоты № 201.

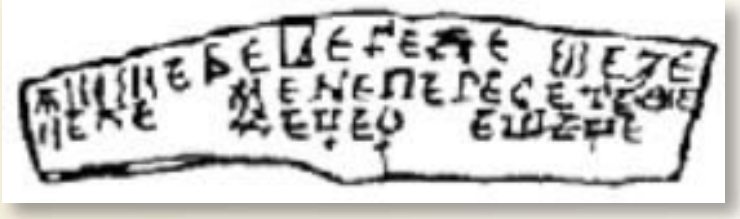


Рис. 5. Прорись грамоты № 204.

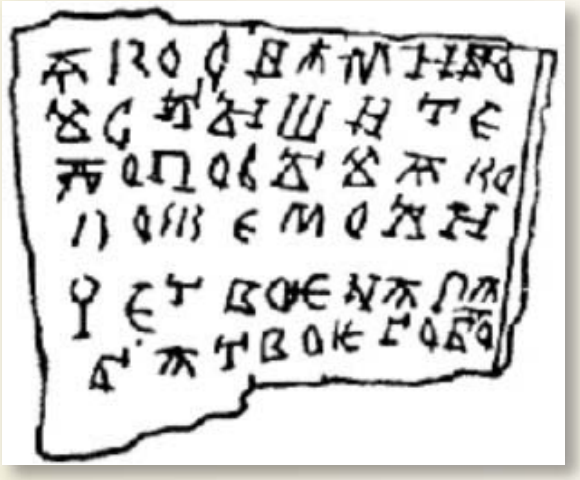


Рис. 6. Прорись грамоты № 207, внешняя сторона коры

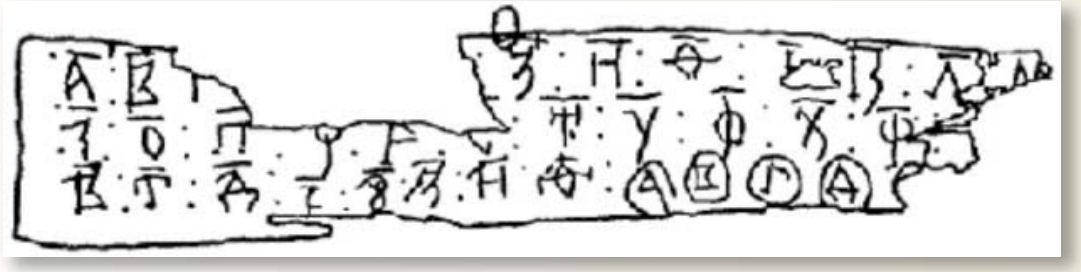


Рис. 7. Грамота № 342

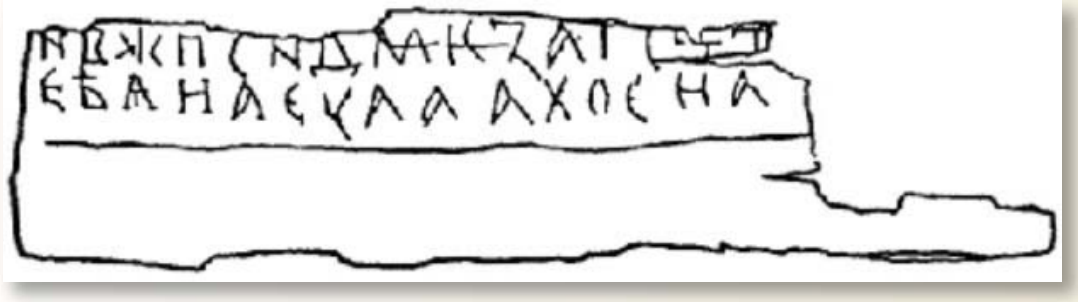


Рис. 8. Прорись грамоты № 46

На нижней полосе склады от «би» до «си». Грамота № 201 - школьное упражнение: алфавит и склады; грамоту № 204 можно рассматривать как продолжение 201-й. Бессвязность текста грамоты 207 указывает на то, что мальчик не понимал смысла церковных текстов и поэтому сделал много ошибок в записи. В грамоте № 342 содержится перечень русских цифр. Почти все эти грамоты принадлежат Онфиму, возраст которого А.В. Арциховский определил в 4-5, самое большое 6 лет.

Грамота № 46 представляет собой школярскую шутку. Если читать текст последовательно по вертикали, то получим фразу: «Невежа пи-са, не дума каза, а хто се цита...» В оторванной части бересты, очевидно, были ругательные слова, предназначавшиеся адресату бересты.

В.Л. Янин, предпринявший попытку на основе анализа берестяных грамот раскрыть методы обучения грамоте того времени, говорит: «Уже сейчас, когда мы убедились, что методы обучения грамоте в древнем Новгороде были в общем такими же, какими они были в XVI - XVII вв., мы гораздо яснее представили себе тот способ, при помощи которого грамотность в Новгороде сделала поразительные успехи в эпоху, в которой прежние исследователи видели только дикость и невежество».

Янин В.Л. Я послал тебе бересту... М., 1965. с. 58;
Подробнее см.: Арциховский А.В. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1952 г. М., 1954;
Арциховский А.В., Борковский В.И. Новгородские грамоты на бересте: из раскопок 1956 - 1957 гг. М., 1958;
Арциховский А.В. Берестяные грамоты мальчика Онфима // Советская археология. 1957. ц 3;
Путешествие в древность / под ред. В.Л. Янина. М., 1983. с. 163.

Березовая кора как материал для письма получает на Руси распространение не позднее первой четверти XI века и выходит из употребления в середине XV века в связи с распространением бумаги, которая именно около этого времени становится дешевой. Береста рассматривалась как эфемерный, непрестижный материал для письма, непригодный для долгого хранения; ее использовали в основном как материал для частной переписки и личных записей, а более ответственные письма и официальные документы писались, как правило, на пергаменте (бересте доверялись лишь их черновики). В одной из берестяных грамот (№ 831, Рис. 9.), представляющей собой черновик жалобы должностному лицу, есть прямое указание переписать ее текст на пергамент и лишь потом послать адресату. Лишь немногие грамоты, по-видимому, хранились относительно долго: это два берестяных листа огромного размера с записью литературных произведений (сохранившаяся целиком грамота из Торжка № 17 и дошедшая до нас во фрагментах новгородская грамота № 893), оба найденные в земле в развернутом виде, а также две берестяные книжечки: с записью молитв (новгородская грамота № 419) и с текстом заговора от лихорадки (№ 930, Рис. 10. лист из такой книги).

Рис. 9. Грамота № 831

Рис. 10. Грамота № 930

Обнаруженные археологами берестяные грамоты представляют собой, как правило, выброшенные документы, попавшие в землю в том месте и в тот момент, когда в них исчезала практическая надобность. Находки археологов не связаны с каким бы то ни было древним архивом (даже в том случае, когда высокая концентрация грамот обусловлена нахождением на данном месте некоторого учреждения или канцелярии — как, например, на одной из усадеб Троицкого раскопа, так называемой усадьбе Е, где в XII в. находился «сместный» [совместный] суд князя и посадника). Целые берестяные грамоты в момент обнаружения обычно представляют собой свернутый свиток бересты с выцарапанным текстом на внутренней стороне коры (реже на обеих ее сторонах). Меньшая часть целых документов находится в земле в развернутом виде. Текст помещается на бересте в строку, в подавляющем большинстве грамот (как и средневековых славянских рукописях вообще) без разделения на слова. Кроме того, значительную долю находок составляют фрагменты берестяных грамот, нередко повредившихся уже после попадания в землю, но еще чаще уничтоженных (разорванных или разрезанных) непосредственно перед тем, как их выбросили. Эта практика упоминается в «Вопрошании» Кирика Новгородца XII в., где спрашивается, нет ли греха в том, чтобы по разрезанным грамотам «ходили ногами». Цель уничтожения грамот понятна: адресаты писем заботились о том, чтобы ставшее ненужным письмо не прочел посторонний. В роли такого «постороннего» и оказываются современные исследователи. Несмотря на то, что в интерпретации фрагментированных грамот накоплен значительный опыт, и общий характер документа удается уловить в большинстве случаев (лишь совсем крохотные фрагменты интерпретации не поддаются), наличие оборванных букв и лакун часто затрудняет истолкование отдельных мест (как с языковой, так и с содержательно-исторической стороны).

Главным способом датирования берестяных грамот является стратиграфическое датирование (на основании археологического слоя, из которого извлечена грамота), в котором важную роль играет дендрохронология (в Новгороде с большим количеством часто ремонтировавшихся деревянных мостовых датировка точнее, чем в других городах — обычно в пределах 30—40 лет).

Некоторое количество берестяных грамот может быть датировано благодаря упоминанию в них известных по летописям исторических лиц или событий (например, в ряде грамот выступают представители шести поколений знаменитого новгородского рода бояр Мишиничей — посадники Варфоломей, Лука, Юрий Онцифорович и другие).

В последнее время, с накоплением фонда берестяных грамот, появилась возможность комплексного параметрического датирования грамот на основе целого ряда внестратиграфических признаков — прежде всего палеографии, а также лингвистических признаков и этикетных формул, имеющих хронологическое значение. Данный метод, разработанный А.А. Зализняком, успешно применяется для грамот, не имеющих (вообще или достаточно узкой) стратиграфической даты.

Большинство берестяных грамот — частные письма, носящие деловой характер (взыскание долгов, торговля, бытовые указания). К этой категории тесно примыкают долговые списки (которые могли служить не только записями для себя, но также и поручениями «взять с такого-то столько-то») и коллективные челобитные крестьян феодалу (XIV—XV вв.). Кроме того, имеются черновики официальных актов на бересте: завещания, расписки, купчие, судебные протоколы и т. п.

Сравнительно редки, но представляют особый интерес следующие типы берестяных грамот: церковные тексты (молитвы, списки поминаний, заказы на иконы, поучения), литературные и фольклорные произведения (заговоры, школьные шутки, загадки, наставления по домашнему хозяйству), записи учебного характера (азбуки, склады, школьные упражнения, детские рисунки и каракули). Огромную известность получили обнаруженные в 1956 г. учебные записи и рисунки новгородского мальчика Онфима.

Берестяные грамоты, как правило, предельно кратки, прагматичны, содержат только самую важную информацию; то, что автору и адресату и так известно, в них, естественно, не упоминается. Те трудности интерпретации, с которыми из-за отсутствия контекста постоянно сталкиваются современные исследователи — расплата за чтение «чужих писем».

Бытовой и личный характер многих берестяных грамот Великого Новгорода (например, любовные послания незнатных молодых людей или хозяйственные записки-наказы от жены к мужу) свидетельствуют о высоком, можно сказать, тотальном распространении грамотности среди населения.

Берестяные грамоты являются одновременно вещественными (археологическими) и письменными источниками; место их нахождения — столь же важный для истории параметр, как и их содержание. Грамоты «дают имена» безмолвным находкам археологов: вместо безликой «усадьбы знатного новгородца» или «следов деревянного навеса» мы можем говорить об «усадьбе священника-художника Олисея Петровича по прозвищу Гречин» и о «следах навеса над помещением сместного суда князя и посадника». Одно и то же имя в грамотах, обнаруженных на соседних усадьбах, упоминания князей и других государственных деятелей, упоминания значительных денежных сумм, географических названий — все это много говорит об истории строений, их владельцев, об их социальном статусе, об их связях с другими городами и областями.

Рис. 11. Грамота № 155

Грамота № 155 (фрагмент). Перевод: «От Полчка (или Полочка)…(ты) взял (возможно, в жены) девку у Домаслава, а с меня Домаслав взял 12 гривен. Пришли же 12 гривен. А если не пришлешь, то я встану (подразумевается: с тобою на суд) перед князем и епископом; тогда к большому убытку готовься…». Из собрания Исторического музея.

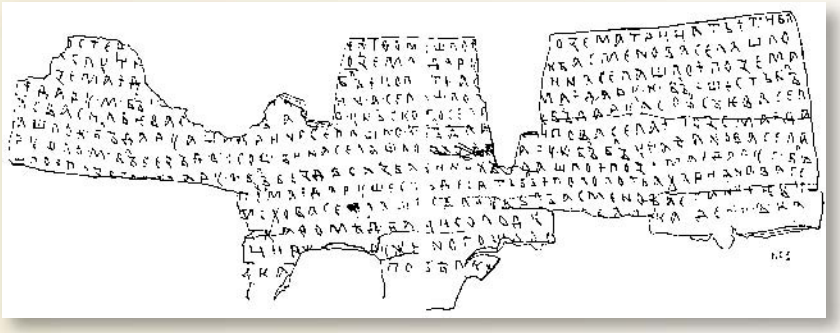


Рис. 12. Прорись берестяной грамоты № 1. Она сильно фрагментирована, однако состоит из длинных и совершенно стандартных фраз: «С такого-то села позема и дару шло столько-то», поэтому легко восстанавливается

Рис. 13. Берестяная грамота № 419 — фактически книжечка с записью двух молитв. Последняя страница. Есть буквица, обведенная двойным контуром.

Рис. 14. Московская берестяная грамота № 3, сохранившаяся в виде нескольких полосок бересты

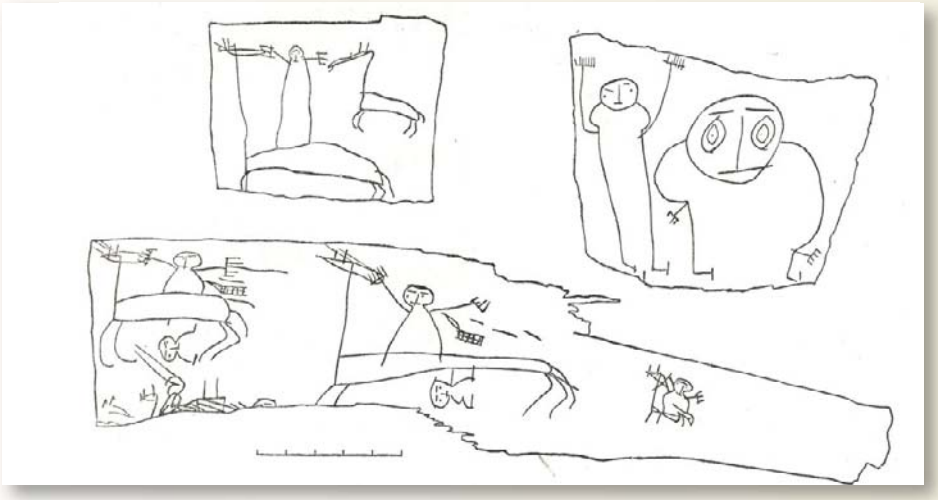


Рис. 15. Рисунки 6–7-летнего мальчика Онфима (середина XIII века), автора нескольких берестяных грамот

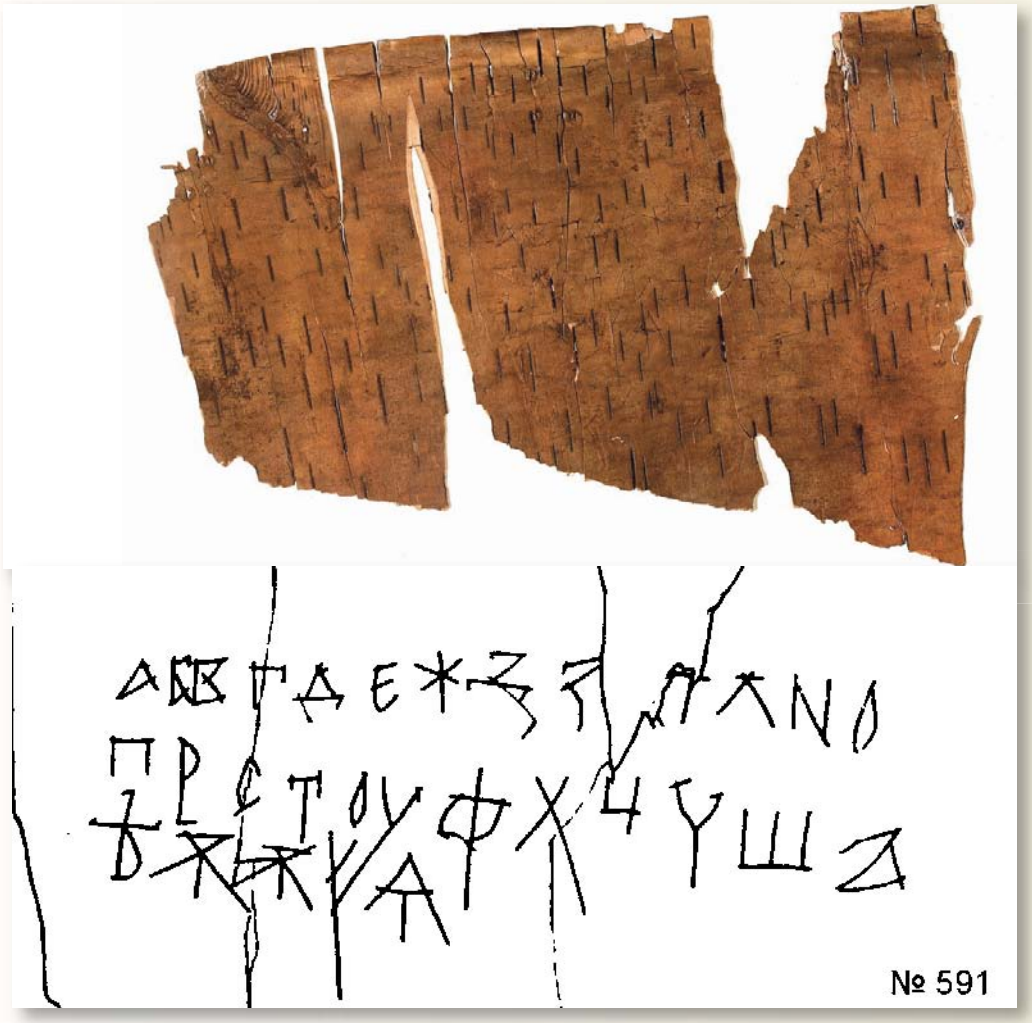


Рис. 16. Азбука на кириллице, датируемая 1025–1050 гг. Показаны фотография новгородской бересты № 591 и прорисовка букв.

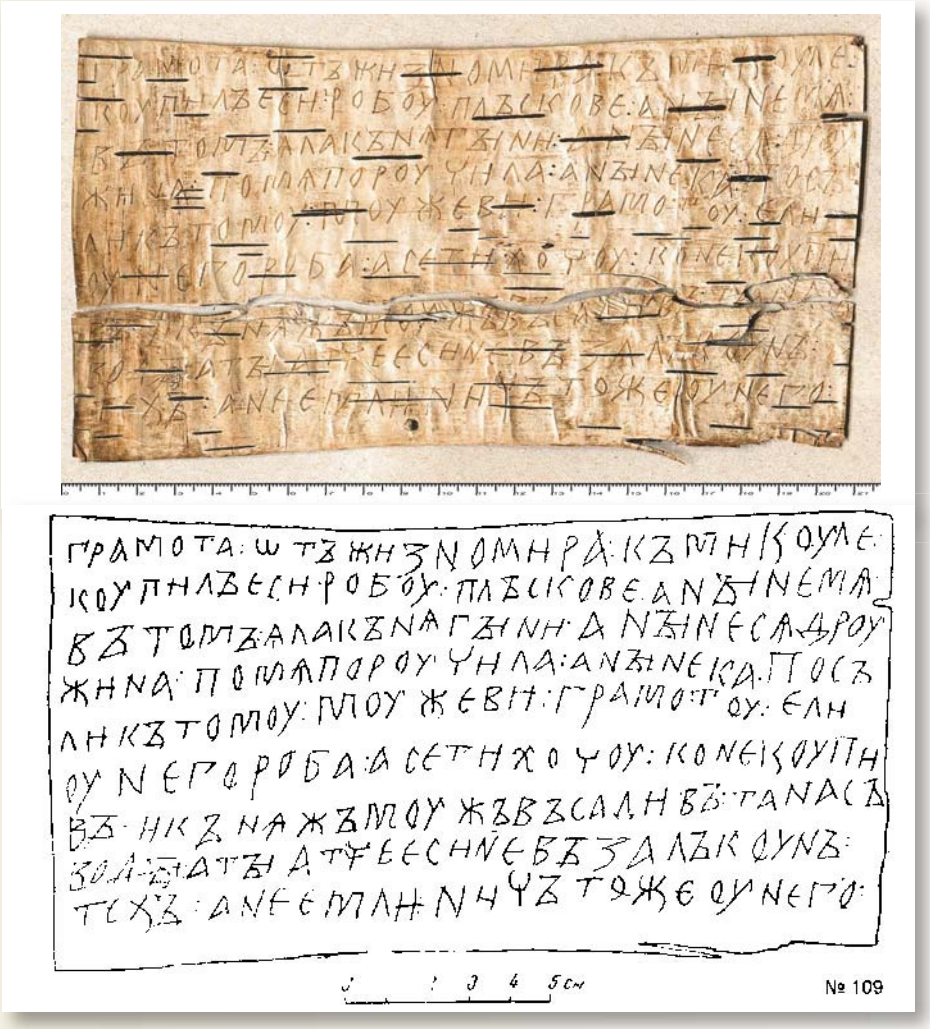


Рис. 17. Берестяная грамота № 109
Показаны фотография новгородской бересты № 109 и прорисовка букв.

Рис. 18. Грамота № 955. Обсценная фраза в левом нижнем углу.

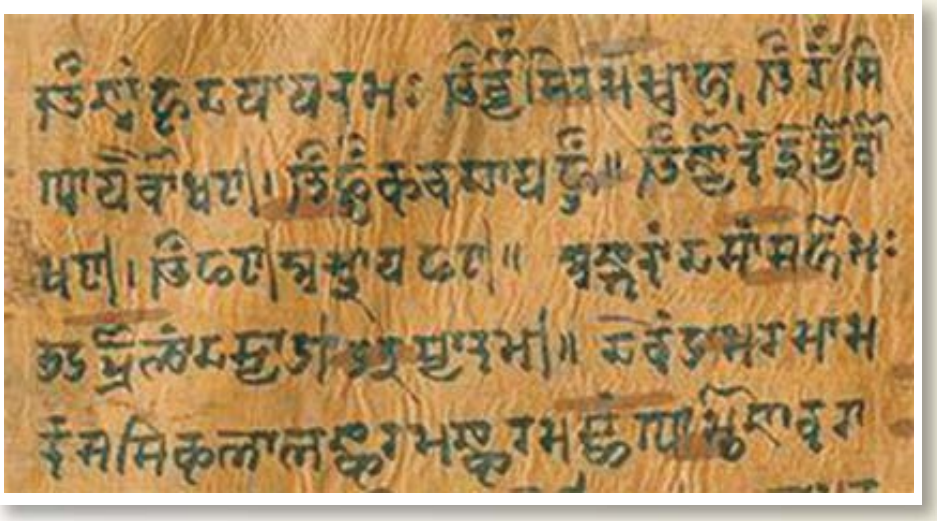


Рис. 19. Берестяная грамота из Кашмира

Берестяные грамоты в настоящее время обнаружены при раскопках следующих древнерусских городов (в таблице указано количество по состоянию на 2010 год):

Населенный пункт	**Кол-во**
Великий Новгород	1005 грамот и 1 берестяная грамота-иконка
Старая Русса	41
Торжок	19
Псков	8
Смоленск	15
Мстиславль	1
Тверь	5
Москва	3
Старая Рязань	1
Нижний Новгород	1
Звенигород Галицкий	3

Уникален этот источник для изучения повседневной жизни Древней Руси — тематики, столь популярной в медиевистике XX в. Берестяные грамоты свидетельствуют о широком распространении грамотности в Древней Руси, о том, что горожане обучались азбуке с детства и сами писали свои письма, что грамотны были и женщины; вместе с тем в ряде ситуаций (особенно в переписке высокопоставленных чиновников) уместна была и фигура писца, записывавшего под диктовку и служившего затем в роли посыльного. Семейная переписка новгородцев свидетельствует о высоком положении женщины, посылавшей мужу наказы («приказы»), вступавшей самостоятельно в денежные отношения и т. п.

Есть в берестяных грамотах сведения о рационе древних новгородцев, их одежде, их ремеслах, а также о сфере человеческих взаимоотношений, родственной

и дружеской заботе, гостеприимстве, конфликтах. Совершенно исключительный интерес представляет любовное письмо девушки XI в. (грамота № 752).

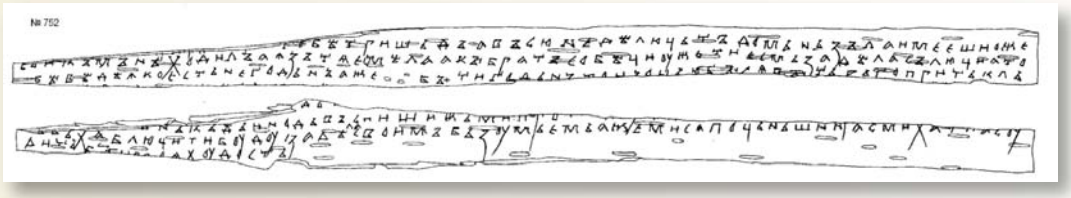


Рис. 20. Прорись берестяной грамоты № 752.

Имеются берестяные грамоты с записями заговоров и других фольклорных текстов, которые позволяют судить о древности памятников фольклора.
Подробные данные об изучении берестяных грамот можно узнать из следующих произведений:

1. Хорошкевич А.Л. Открытие новгородских берестяных грамот в историографическом контексте начала 50-х годов XX в. // Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003, с. 24-38.

2. Найдена тысячная берестяная грамота \\ НГТРК «Славия»

3. Алпатов С.В. Берестяные грамоты в контексте фольклорной и литературной традиции // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 4 (18). с. 123–128.

4. Зализняк А.А. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1990–1996 гг., М., 2000, с. 99-100.

5. Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1997–2000 гг., М., 2004, с. 117–118.

6. Гиппиус А.А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Новгородские грамоты на бересте из раскопок 1997–2000 гг., М., 2004, с. 228–229.

7. Зализняк А.А., Янин В.Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2005 г. // Вопросы языкознания, 2006, № 3.

8. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 2004, с. 416–420, со ссылкой на исследования А.А. Гиппиуса

9. Воробьева-Десятовская М.И. Фрагменты тибетских рукописей на бересте из Тувы. // Страны и народы Востока. – М., 1980. Вып. 22.

10. Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте М., 1978.

11. Черепнин Л.В. Новгородские берестяные грамоты как исторический источник. М., 1969.

12. Янин В.Л. Я послал тебе бересту… М., 1965 (3-е изд. – М., 1998).

13. Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М., 1995 (2-е изд. – М., 2004).

14. Faccani R. Iscrizioni novgorodiane su corteccia di betulla. Udine, 1995.

15. Берестяные грамоты: 50 лет открытия и изучения. М., 2003.

16. Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте: (Из раскопок 1962-76 гг.). М., 1978г.

Дар прозорливости.

За свою добродетельную жизнь Варлаам еще при жизни был наделен даром прозорливости. Об этом существует несколько интересных преданий. Вот одно из них.
Живя в обители и ведя строгую подвижническую жизнь, Варлаам в то же время часто бывал в городе у владыки Антония. Путь на владычный двор лежал через Волховский мост, служивший в то время местом казни преступников, которых бросали в воду. Предание рассказывает, как однажды, проходя по мосту, он увидел приготовления к казни и остановил палача, который готовился сбросить в реку осужденного человека, испросив согласия взять его в монастырь. Освободив осужденного, Варлаам послал его в свою обитель, где тот, приняв иночество и пожив в монастыре, скончался.

Через некоторое время Варлаам опять оказался свидетелем новой готовящейся расправы с осужденным, родители которого бросились к ногам преподобного, умоляя вступиться за их сына. Но, к общему удивлению, Варлаам быстро прошел мимо, как бы не замечая окружающего. Казнь свершилась, а когда кто - то из братии, бывший очевидцем происшедшего, попросил объяснить этот поступок, Варлаам сказал: «Господь всем хочет спасения. Первый был действительно преступник, и ему надо было дать время покаяться и исправить жизнь свою. Второй был осужден безвинно и принял венец праведника прежде, чем земная жизнь могла испортить душу его. Бог благоволил потерпеть ему страдальческую смерть и мученическим путем войти в царство небесное. Вот почему я не мог за него ходатайствовать».

Другое предание рассказывает, как однажды, прощаясь с новгородским архиепископом, Варлаам изумил его обещанием приехать в следующий раз, в пятницу, на первой неделе Петрова поста (т.е. в июне) на санях. Но пророчество осуществилось самым неожиданным образом. В ночь на означенную пятницу выпало столько снегу, что действительно преподобный приехал в город по санному пути. Он застал владыку в глубокой скорби о погибших хлебах, которые в это время уже начали цвести. Старец Варлаам успокоил его, объяснив, что без этого мороза настал бы голод, ибо все хлебные корни были поражены червем, который съел бы все сходы, не дав созоеть зерну. И наступила жара, снег расстаял и напоил землю, как изобильный благотворный дождь. И урожай в тот год был действительно небывало богатым.

В память этого события владыка установил на все времена совершать в первую пятницу Петрова поста торжественный крестный ход из Софийского Собора в обитель.

Житие и чудеса преподобного Варлаама Хутынского с акафистом. М.: 1996. с. 63

Преподобный Варлаам Хутынский жил в XII веке, был сыном знатного новгородца и свои детские годы провел в Новгороде. В юношеском возрасте, удалившись в подгородний Лисичий монастырь, преподобный Варлаам принял постриг. Затем он поселился на уединенном холме над Волховом, в урочище, называвшемся Хутынь, в 10 верстах от Новгорода. В уединении преподобный Варлаам проводил суровую жизнь, совершая непрестанные молитвы и соблюдая очень строгий пост. Он ревностно подвизался в трудах: сам рубил лес, пилил дрова, пахал землю, исполняя слова Священного Писания: «Аще кто не хощет делати, ниже да яст» (2 Фес. 3, 10). К нему собрались некоторые из жителей Новгорода, желавшие разделить с преподобным труды и подвиги. Поучая приходивших, преподобный Варлаам говорил: «Чада, блюдитесь от всякой неправды, не завидуйте, не клевещите. Воздерживайтесь от гнева, не отдавайте денег в рост. Берегитесь судить неправо. Не клянитесь лживо, давши клятву, исполняйте ее. Не предавайтесь телесным страстям. Будьте всегда кротки и ко всем относитесь с любовью. Сия добродетель — начало и корень всякого добра».

Геннадий Новгородский, архиепископ (ск. 4.12.1506), происходил из боярской семьи Гонзовых, но светской карьере предпочел иноческую жизнь, которую начал в Валаамском монастыре под руководством прп. Савватия Соловецкого. Вскоре он становится архимандритом Московского Чудова монастыря, а затем посвящается в архиепископа Новгородского.

Противодействуя случайному, а часто и намеренному искажению библейских книг, которые на Руси переписывались отдельными частями, свт. Геннадий взял на себя огромный труд — свести их в отдельный свод. В 1499 вышел первый полный свод Священного Писания на славянском языке, названный Геннадиевской Библией. С именем свт. Геннадия связаны и создание "Четвертой Новгородской летописи", и первое уставное указание о почитании русских подвижников, и составление пасхалии "на осьмую тысячу лет" (от Сотворения мира), появление которой пресекло злонамеренные слухи о скором конце света.

ПОСЛАНИЕ ГЕННАДИЯ

Архиепископ Геннадий правил Новгородской епархией в течение двадцати лет (1484 – 1504 гг.). Его послание адресовано Московскому и всея Руси митрополиту Симону. Жалуясь на недостаток грамотных людей, которых можно было бы поставить в священники, и на распространение еретических учений во вверенной ему епархии, архиепископ настойчиво предлагает открывать училища.
«Господину отцу моему Симону митрополиту всея Руси, сын твой архиепископ Великого Новагорода и Пскова, владыка Генадей челом биет...» важный исторический источник о состоянии духовного образования, которое в допетровской Руси было основным.

Господину отцу моему Симону митрополиту всея Руси, сын твой архиепископ Великого Новгорода и Пскова, владыка Генадей челом биет.... и они с усердием приймут учение.

Да бил семи челом государю великому князю, чтобы велел училища учинити; а ведь яз своему государю воспоминаю на его же честь да и на спасение, а нам бы простор был [1]: занеже ведь толко приведут кого грамоте горазда, и мы ему велим одны октении учити, да поставив его да отпущаю боржае [2], и научив как ему божественная служба совершати: ино им на меня ропту [3] неть. А се приведут ко мне мужика, и яз велю ему апостол дати чести и он не умеет ни ступити, и яз ему велю псалтырю дати и он и по тому одва бредет, и яз его оторку [4] и они извет творят [5] «земля, господине, такова, не можем добыта кто бы горазд грамоте»; ино де ведь-то всю землю излаял [6], что нет человека в земле, кого бы избрати на поповство. Да мне бьют челом: «пожалуй деи [7], господине, вели учити»; и яз прикажу учити их октении, и он и к слову не может пристати, ты говоришь ему то, а он иное говорит; и яз велю ему учити азбуку, и он поучився мало азбуки да просятся прочь, а и не хотят ее учити. А иным ведь силы книжные немощно достати, только же азбуку границу и с подтительными словы выучить [8], и он силу познает в книгах велику; а они не хотят учитись азбуке, да хотя и учатся, а не от усердия, и он живет долго; да тем-то на меня брань бывает от их нерадения, а моей силы нет, что ми их не учив ставити. А яз того для бью челом государю, чтобы велел училища учинити, да его разумом и грозою, а твоим благословеньем, то дело исправится; а ты бы, господин отец наш, государем нашим, а своим детем великим князем, печаловался [9], чтобы велели училища учинити... А се мужики невежи учат робят да речь ему испортит, да первое изучит ему вечерню, ино то мастеру принести

каша да гривна денег, а завтреня также, а и свыше того, а часы то особно, да те поминки опроче могорца [10], что рядил от него; а от мастера отидет, и он ничего не умеет, только-то бредет по книге, а церковнаго постатия [11] ничего не знает. Толко же государь укажет псалтырю с следованием изучити да и все, что выше писано, да что от того укажет имати, ино учащимся легко, а сяк не смеют огурятися [12]. А чтобы и попов ставленных велел учити, занеже то нерадение в землю вошло [13], и толко послышат то учащийся, и они с усердием приймут учение.

Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. с. 146-148.

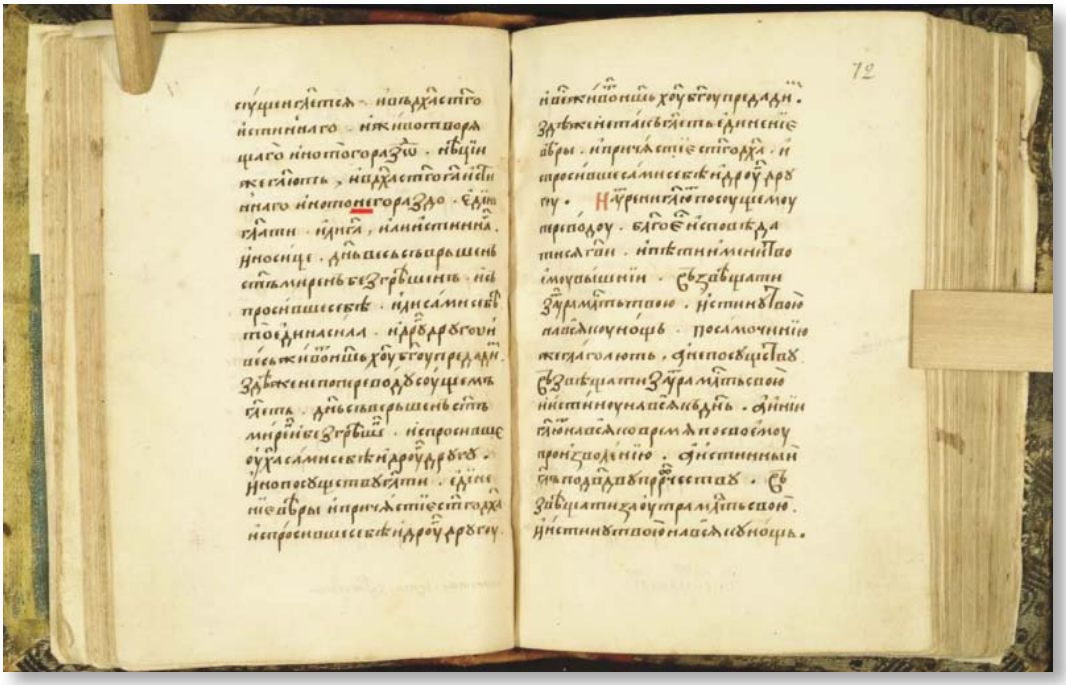
Примечания

1 Напоминаю для его же славы и благополучия, а нам было бы попросторнее (пошире, посвободнее).
2 Тотчас же.
3 Ропота, жалобы.
4 Откажу ему.
5 Извещают, сообщают.
6 И то всю страну изругал (исхулил, охаял).
7 Деи - де (непереводимо).
8 Азбука граница - азбука с акростихами; подтительные слова - слова под титлами, например, бг (бог), стый (святый), члк (человек) и т. п.
9 Не переставал делать представлений своим духовным детям, великим князьям.
10 Подарки, кроме платы.
11 Порядка.
12 Противиться.
13 Поскольку это нерасположение к учению укоренилось в стране.

ПОСТАНОВЛЕНИЯ «СТОГЛАВА» ОБ УЧЕНИИ И УЧИЛИЩАХ (1554 г.)

Царь Иван Васильевич (Грозный), преследуя цели укрепления централизованной власти, в 1551 г. собрал представителей высшей церковной власти с участием Боярской думы. Сборник решений, которые были приняты собором, состоял из ста глав. Отсюда название «Стоглавый собор». В решениях собора говорилось о том, что прежде «в российском царствии на Москве, и в великом Новгороде, и по иным городам многие училища бывали, грамоте, и писати, и пети, и чести учили». Для изучающего историю отечественной педагогики особый интерес представляет то постановление Стоглавого собора, которым предусматривалось создание в стране училищ. (У «священников, и у дьяконов, и у дьяков учинити в домах училища».)

Иван Грозный
Скульптура Марка Антокольского



Стоглав 1551 г.

Глава 35. О дьяцех, хотящих в дьяконы и в попы ставитися. О ставленикех хотящих в дьяконы и в попы ставитися, а грамоте мало умеют; и святителем их поставити - ино противно священным правилом, а не поставити - и святыя церкви без пения будут, а православные християне учнут без покаяния умирати. И святителем избирати по священным правилом - в попы ставити 30 лет, а в диаконы 25 лет; а грамоте бы умели, чтобы могли церковь божию здержати и детей своих духовных православных крестьян, управити могли по священным правилом. Да о том их святители истязуют с великим запрещением: почему мало умеют грамоте, и они ответ чинят: мыдеи у своих отцов учимся или от своих мастеров, а инде деи нам учитися негде; сколько отцы наши умеют и мастеры, по тому и нас учат, а отцы их и мастеры и сами потому же мало умеют, и силы в божественном писании не знают; а учитца им негде. А прежде сего в российском царствии на Москве, и в великом Новеграде, и по иным городом многие училища бывали, грамоте, и писати, и пета, и чести гораздых много было. Но певцы, и чтецы, и доброписцы славны были по всей земли и до днесь.

Глава 36. О училищех книжных по всем градом. И мы о том по царскому совету соборне уложили: в царствующем граде Москве и по всем градом тем же протопопом и старейшим священником и со всеми священники и дьяконы, коиждо во своем граде по благословению своего святителя, - избрати добрых духовных священников и дьяконов и дьяков, женатых и благочестивых, имущих в сердцы страх божий, могущих иных пользовати, и грамоте и чести, и писати горазди. И у тех священников, и у дьяконов, и у дьяков учинити в домех училища, чтобы священницы и дьяконы, и все православные християне в коемждо граде предавали им своих детей на учение грамоте, и на учение книжнаго писма, и церковного пения псалтырного, и чтения налойного, и те бы священники, и дьяконы, и дьяки избранные учили своих учеников страху божию, и грамоте, и писати, и пети, и чести со всяким духовным наказанием. Наипаче же всего учеников бы своих брегли и хранили во всякой чистоте, и блюли их от всякого растления. А учили бы есте своих учеников грамоте довольно, сколько сами умеете, и силу бы им в писании сказывали, по данному вам от бога таланту, ничтоже скрывающей; чтобы ученицы ваши все книги учили, которые соборная святая церковь приемлет, чтобы потом и впредь могли не токмо себе, но и протчих пользовати и учити страху божию о всех полезных; так же бы учили своих учеников чести и пети и писати, сколько сами умеют, ничтоже скрывающе, но от бога мзды ожидающе, а и зде от иже родителей дары и почести приемлюще по их достоинству.

Труды Новгородской Губернской Ученой Архивной комиссии. Новгород, 1912. Вып. 1. с. 60-62.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ОТ БЛАГОВЕЩЕНСКОГО ПОПА СИЛЬВЕСТРА ВОЗЛЮБЛЕННОМУ МОЕМУ ЕДИНОРОДНОМУ СЫНУ АНФИМУ

Этот документ, в сущности, представляет собой органическую часть «Домостроя» того же автора-редактора. Завещанные сыну моральные нормы и наставления являются гуманнейшим произведением XVI в. При сравнении его с «Поучением» Владимира Мономаха логически возникает мысль о вечности, неизменности законов нравственности. Сходство основных нравственных заповедей, несмотря на то что во времени их разделяют пять столетий, удивительно:

Сын мой! Ты имеешь на себе и святительское благословение и жалование государя царя, государыни царицы, братьев царских и всех бояр, и с добрыми людьми водишься, и со многими иноземцами большая у тебя торговля и дружба; ты получил все доброе: так умей совершать о боге, как начато при нашем попечении... В церкви и дома на молитве самому, жене, детям и домочадцам стоять со страхом, не разговаривать, не озираться, читать единогласно, чисто, не вдвое. Священнический и иноческий чин почитай; повинуйся отцу духовному, в дом свой призывай священников служить молебны. В церковь приходи с милостынею и с приношением. Церковников, нищих, малолетних, бедных, скорбных, странствующих призывай в дом свой, по силе накорми, напой, согрей, милостыню давай в дому, в торгу, на пути. Помни, сын, как мы жили: никогда никто не вышел из дома нашего тощ или скорбен.

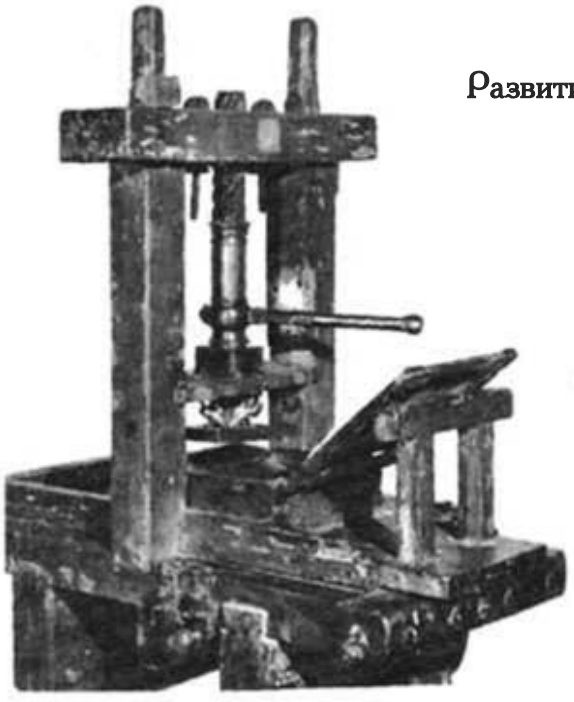
Имей любовь нелицемерную ко всем, не осуждай никого, не делай другому, чего сам не любишь, и больше всего храни чистоту телесную, да возненавидь хмельное питье; господа ради отвергни от себя пьянство: от него рождаются все злые обычаи; если от этого сохранит тебя господь, то все благое и полезное от бога получишь, от людей честен будешь и в душе своей просвет сотворишь на всякие добрые дела.

Жену люби и в законе с ней живи; что сам делаешь, тому же и жену учи: всякому страху божию, всякому знанию и промыслу, рукоделью и домашнему обиходу, всякому порядку. Умела бы сама и печь и варить, всякую домашнюю порядню знала б и всякое женское рукоделье; хмельного питья отнюдь бы не любила, да и дети и слуги у ней так же бы его не любили; без рукоделья жена ни на минуту б не была, так же и слуги. С гостями у себя и в гостях отнюдь бы не была пьяна, с гостями вела бы беседу о рукоделье, о домашнем порядке, о законной христианской жизни, а не пересмеивала бы, не переговаривала бы ни о ком; в гостях и дома песней бесовских и всякого срамословия ни себе, ни слугам не позволяла бы; волхвов, кудесников и никакого чарования не знала бы.

Если жена не слушается, всячески наказывай страхом, а не гневайся; наказывай наедине, да наказав примолви, и жалуй и люби ее. Также детей и домочадцев учи страху божию и всяким добрым делам. Домочадцев своих одевай и корми достаточно. Ты видел, как я жил в благоговении и страсе божий, в простоте сердца, в церковном прилежании, со страхом всегда пользуясь божественным писанием; ты видел, как я был от всех почетаем, всеми любим; всякому старался я угодить: ни перед кем не гордился, никому не прекословил, никого не осуждал, не просмеивал, не укорял, ни с кем не бранился; приходила от кого обида - терпел и на себя вину полагал; оттого враги делались друзьями. Не пропускал я никогда церковного пения;

нищего странного, скорбного никогда не презрел, заключенных в темницы, пленных, должных выкупал, голодных кормил; рабов своих всех освободил и наделил; и чужих рабов выкупал. И все эти рабы наши свободны, и добрыми домами живут и молят за нас бога, и добра хотят нам всегда. Теперь домочадцы наши все свободные, живут у нас по своей воле. Видел ты, сколько я сирот, и рабов, и убогих, мужского пола и женского, в Новгороде и в Москве вскормил и вспоил до совершенного возраста, научил кто к чему был способен: многих грамоте, писать, петь; иных иконному писанию, других книжному рукоделию; одних серебряному мастерству, других другому какому-нибудь рукоделию, некоторых выучил торговать. Также и мать твоя многих девиц, сирот и бедных воспитала, выучила и, наделив, замуж отдавала; а мужчин мы поженили у добрых людей. Многие из них в священническом и дьяконском чину, в дьяках, подьячих и во всяких чинах, кто чего дородился и в чем кому благоволил бог. Во всех этих наших вскормленниках и послуживцах ни сраму, ни убытка, никакой продажи от людей, ни людям от нас, ни тяжбы ни с кем не бывало; а от кого из них досада и убытки большие бывали, то все на себе понесено, никто того не слыхал, а нам то бог исполнил. И ты, сын, так же делай: на себе всякую обиду понеси и претерпи: бог сугубо исполнит. Гостей приезжих у себе корми; а на соседстве и с знакомыми любовно живи, о хлебе, о соли, о доброй сделке и всякой ссуде. Поедешь куда в гости, поминки недорогие вези да любовь. А в пути от стола подавай домохозяевам и приходящим, сажай их с собою за стол и питейца также подавай; а маломочным милостыню давай. Если так будешь делать, то везде тебя ждут и встречают, в путь провожают, от всякого лиха берегут... на дороге не разобьют. Кормят вот для чего: доброго за добро, а лихого от лиха, чтобы на добро обратился. Во всем этом убытка нет: в добрых людях хлеб-соль заемное дело; и поминки тоже, а дружба вечная и слава добрая. На дороге, в пиру, в торговле отнюдь сам брани не начинай, а кто выбранит, терпи бога ради. Если людям твоим случится с кем-нибудь брань, то ты на своих бронись, а будет дело кручиновато, то и ударь своего, хотя бы он и прав был: тем брань утолишь, также убытка и вражды не будет. Недруга напоить и накормить: то вместо вражды дружба. Вспомни великое божие милосердие к нам и заступление: от юности и до сего времени на поруку я не давал никого, ни меня никто не давал, на суде не бывал ни с кем. Видел ты сам мастеров всяких было много, деньги я давал им на рукоделье вперед, много было из них смутьянов и бражников, но со всеми с теми в сорок лет расстался я без остуды, без пристава, без всякой кручины. Все то мирено хлебом да солью, да питьем, да податей, да своим терпением. А сам у кого что покупал, продавцу от меня милая ласка, без волокиты платеж, да еще хлеб и соль сверх. Отсюда дружба во век: мимо меня не продаст, худого товара не даст. Кому что продавывал, все в любовь, не в обман: не понравится кому мой товар, назад возьму и деньги отдам; о купле и продаже ни с кем брани и тяжбы не бывало, оттого добрые люди во всем верили, иноземцы и здешние. Никому ни в чем не солгано, не манено, не пересрочено; ни кабалы, ни записи на себя ни в чем не давывал, ложь никому ни в чем не бывала. Видел ты сам, какие большие сплетки со многими людьми бывали, да все, дал бог, без вражды кончалося. А ведаешь и сам, что не богатством жито с добрыми людьми: правдою, да ласкою, да любовью, а не гордостию, и безо всякой лжи.

Антология педагогической мысли Древней Руси
и Русского государства XIV-XVII вв. М., 1985. с. 226-229.



Глава 3.

Развитие педагогики в период книгопечатания (сер. XVI – XVII вв.)

С изобретением книгопечатания происходит значительный скачок в развитии педагогики и педагогической мысли на Руси. Начинает формироваться светская педагогическая литература. Несмотря на то, что церковь не спешила сдавать своих позиций в части педагогической деятельности, в произведениях ведущих педагогов XVI – XVII вв. уже встречаются идеи воспитания гражданственности, почерпнутые у зарубежных просветителей.

Иван Федоров и его помощник Петр за работой

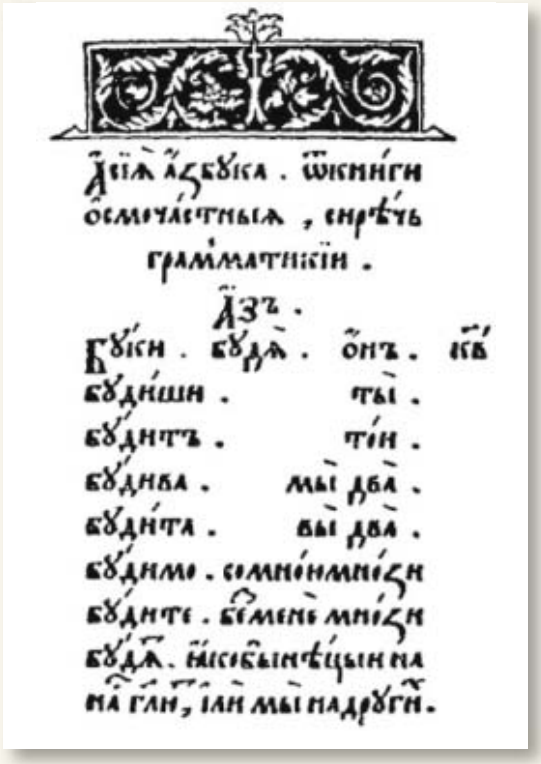
Иван Федоров

В середине XVI века возникает книгопечатание: в 1564 г. Иван. Федоров издал «Апостол» (одна из книг Библии, содержащая Деяния и Послания апостолов). В 1574 г. вышел печатный букварь «Для пользы русского народа». Первые печатные книги украшались гравюрами.

Азбука Ивана Федорова

«Азбука» Ивана Федорова, изданная во Львове в 1574 г. Это первая российская учебная печатная книга, в ней 40 листов, или 80 страниц по 15 строк. В основу книги Иван Федоров положил распространенный в то время буквослагательный метод, начинающийся с заучивания славянского и с усвоения двух- и трехбуквенных слогов

«Азука» Ивана Федорова, изданная во Львове в 1574 г.



Одна из первых страниц «Букваря»

Домострой

Книга, называемая Домостроем, является поучительным произведением, которое содержит в себе полезные сведения, поучения и наставления всякому христианину - и мужу, и жене, и детям, и слугам, и служанкам. В ней приводятся не только практические советы по организации и ведению домашнего хозяйства, но и этические образцы добропорядочного поведения в соответствии с морально-нравственными нормами того времени.

1. НАСТАВЛЕНИЕ ОТЦА СЫНУ

Благословляю я, грешник имярек, и поучаю, и наставляю, и вразумляю сына своего имярек, и его жену, и их детей, и домочадцев: следовать всем христианским законам и жить с чистой совестью и в правде, с верой творя волю Божью и соблюдая заповеди его, и себя утверждая в страхе Божьем, в праведном житии, и жену поучая, также и домочадцев своих наставляя, не насильем, не побоями, не рабством тяжким, а как детей, чтобы были всегда упокоены, сыты и одеты, и в теплом дому, и всегда

в порядке. И отдаю вам, живущим по-христиански, писание это на память и на вразумление вам и детям вашим. Если этого моего писания не примете и наставления не послушаете и по нему не станете жить и поступать так, как здесь написано, то сами за себя ответ дадите в день Страшного суда, я к вашим проступкам и греху не причастен, то вина не моя: я ведь благословлял на благочинную жизнь, и думал, и молил, и поучал, и писание предлагал вам; если же это мое простое поучение и слабое наставление в этом писании примите вы со всею чистотою душевной, прося у Бога помощи и разума, насколько возможно, и, коли Бог вразумит, в дело его претворите, - будет на вас милость Божья, и пречистой Богородицы, и великих чудотворцев, и наше благословение отныне и до скончания века, и дом ваш, и чада ваши, и имение ваше, и богатство какие вам Бог даровал от ваших трудов, - да будут благословенны и исполнены всяческих благ во веки веков. Аминь. (...)

15. КАК ДЕТЕЙ СВОИХ ВОСПИТАТЬ В ПОУЧЕНИИ И СТРАХЕ БОЖЬЕМ

А пошлет Бог кому детей - сыновей или дочерей, то заботиться о чадах своих отцу и матери, обеспечить их и воспитать в добром поучении; учить страху Божию и вежливости и всякому порядку, а затем, по детям смотря и по возрасту, их учить рукоделию - мать дочерей и мастерству - отец сыновей; кто в чем способен, какие кому Бог возможности даст; любить их и беречь, но и страхом спасать, наказывая и поучая, а осудив, побить. Наказывай детей в юности - упокоят тебя в старости твоей. И беречь и блюсти чистоту телесную и от всякого греха отцам чад своих как зеницу ока и как свою душу. Если же дети согрешают по отцовскому или материнскому небрежению, о таких грехах им и ответ держать в день Страшного суда. Так что если дети, лишенные поучений отцов и матерей, в чем согрешат или зло сотворят, то отцам и матерям от Бога грех, а от людей укоризна и насмешка, дому же убыток, а себе самим скорбь и ущерб, от судей же пеня и позор. Если же у богобоязненных родителей, рассудительных и разумных, дети воспитаны в страхе Божьем и в добром наставлении и научены всякому разуму, и вежливости, и промыслу, и рукоделию, - такие дети с родителями своими будут Богом помилованы, священниками благословлены и добрыми людьми восхвалены, а вырастут - добрые люди с радостью и благодарностью женят сыновей своих на их дочерях или по Божьей милости своих дочерей за сыновей их выдадут замуж. Если же из таких-то какое дитя и возьмет Бог после покаяния и с причащением, тем самым родители приносят Богу непорочную жертву, и как вселятся такие дети в чертоги вечные, то получают у Бога право просить милости и прощения грехов также и для своих родителей.

16. КАК ДОЧЕРЕЙ ВОСПИТАТЬ И С ПРИДАНЫМ ЗАМУЖ ВЫДАТЬ

А у кого дочь родится, тогда рассудительные люди от всякой прибыли на дочь откладывают: на ее имя или животинку растят с приплодом или из полотен, и из холстов, и из кусков ткани, и из убрусов, и из рубашек все эти годы ей в особый сундук кладут и платье, и уборы, и мониста, и утварь церковную, и посуду оловянную, и медную, и деревянную; добавлять всегда понемножку, а не все вдруг, себе не в убыток. И всего будет полно. Так дочери растут, страху Божью и знаниям учатся, а приданое их понемногу прибывает, только лишь замуж сговорят - тут все и готово. А кто заранее о детях не раздумывает, то как замуж отдавать, тотчас же и покупать все, так что скорая свадьба вся на виду; а коли по Божьему желанию дочь та преставится, то ее приданым поминают душу ее в сорокоуст, и милостыню из него же дают. А если другие дочери есть, таким же образом и о них заботиться.

17. КАК ДЕТЕЙ УЧИТЬ И СТРАХОМ СПАСАТЬ

Наказывай сына своего в юности его и упокоит тебя в старости твоей и придаст красоты душе твоей; и не жалея бей ребенка: если прутом посечешь его, не умрет, но здоровее будет, ибо ты, казня его тело, душу его избавляешь от смерти. Если дочери у тебя, направь и на них свою строгость, тем сохранишь их от бед телесных: и ты не посрамишь лица своего, коли в послушании ходит, и не твоя вина, если по глупости нарушит она девство свое и станет известно

Обучение детей грамоте. Миниатюра из рукописи Житийная повесть об Антонии Сийского 1648 г.

знакомым твоим, и тогда посрамят тебя перед людьми. Ибо если отдашь дочь свою беспорочной будто великое дело совершишь и в любом обществе похвалишься, никогда не сердясь на нее. Любя же сына своего, увеличивай ему раны, и потом не нахвалишься им; наказывай сына своего с юности и порадуешься на него потом в зрелости, и среди недоброжелателей сможешь им похвалиться, и позавидуют тебе враги твои. Воспитай дитя в запретах и найдешь в нем покой и благословение; не улыбайся ему, играя: в малом послабишь - в большом пострадаешь скорбя и в будущем будто занозы вгонишь в душу свою. И не дай ему воли в юности, но сокруши ему ребра, пока он растет, и тогда, возмужав, не провинится перед тобой и не станет тебе досадой, и болезнью души, и разорением дома, погибелью имущества, и укоризной соседей, и насмешкой врагов, и пеней властей, и злою досадой.

18. КАК ДЕТЯМ ОТЦА И МАТЬ ЛЮБИТЬ, И БЕРЕЧЬ, И ПОВИНОВАТЬСЯ ИМ, И УТЕШАТЬ ИХ ВО ВСЕМ

Чада, вслушайтесь в заповеди Господни, любите отца своего и мать свою, и слушайте их, и повинуйтесь им в Боге во всем, и старость их чтите, и немощь их и всякую скорбь от всей души на себе понесите, и благо вам будет, и долго пребудете на земле, за то простятся грехи ваши, и Бог вас помилует, и прославят вас люди, и дом ваш благословится навеки, и наследуют сыны сынам вашим, и достигнете старости маститой, в благоденствии дни свои проводя. Если же кто осуждает, или оскорбляет своих родителей, или клянет их, или ругает, тот перед Богом грешен и проклят людьми; того, кто бьет отца и мать, - пусть отлучат от церкви и от всех святынь и пусть умрет он лютою смертью от гражданской казни, ибо написано: «Отцовское проклятье иссушит, а материнское искоренит». Сын или дочь, непослушные отцу или матери, сами себя погубят и не доживут до конца дней своих, если прогневают отца или досадят матери. Кажется он себе праведным перед Богом, но он хуже язычника, сообщник нечестивых, о которых пророк Исайя сказал: «Погибнет нечестивый и пусть не увидит славы Господней». Он назвал нечестивыми тех, кто бесчестит родителей своих и еще насмехается над отцом и укоряет старость матери, пусть же склюют их вороны и сожрут орлы! Честь же воздающим отцу и матери и повинующимся им в Боге, станут они во всем утешением родителей, и в день печали избавит их Господь Бог, молитву их услышит, и все, что попросят, подаст им благое; утешающий мать свою волю Божью творит и угождающий отцу в благости проживет. Вы же, дети, делом и словом угождайте родителям своим во всяком добром замысле, и вас они благословят: отчее благословение дом укрепит, а материнская молитва от напасти избавит. Если же оскудеют разумом в старости отец или мать, не бесчестите их, не укоряйте, и тогда почтут вас и ваши дети; не забывайте труда отца и матери, которые о вас заботились и печалились о вас, покойте старость их и о них заботьтесь, как и они о вас. Не говори много: «Оказал им добро одеждой и пищей и всем необходимым», - этим ты еще не избавлен от них, ибо не сможешь их породить и заботиться так, как они о тебе; вот почему со страхом служи им раболепно, тогда и сами от Бога примете дар и вечную жизнь получите, как исполняющие заповеди его.

21. НАКАЗ МУЖУ, И ЖЕНЕ, И РАБОТНИКАМ, И ДЕТЯМ, КАК ПОДОБАЕТ ИМ ЖИТЬ

Да самому тебе, господину, и жене, и детям, и домочадцам - не красть, не блудить, не лгать, не клеветать, не завидовать, не обижать, не наушничать, на чужое не посягать, не осуждать, не бражничать, не высмеивать, не помнить зла, ни на кого не гневаться, к старшим быть послушным и покорным, к средним - дружелюбным, к младшим и убогим - приветливым и милостивым, всякое дело править без волокиты и особенно не обижать в оплате работника, всякую же обиду с благодарностью претерпеть ради Бога: и поношение, и укоризну, если поделом поносят и укоряют, с любовию принимать и подобного безрассудства избегать, а в ответ не мстить. Если же ни в чем не повинен, за это от Бога награду получишь. А домочадцев своих учи страху Божию и всякой добродетели, и сам то же делай, и вместе от Бога получите милость. Если же небрежением и нерадением сам или жена, наставлением мужа обделенная, согрешит или что нехорошее сотворит, и все домочадцы, мужчины и женщины и дети, хозяйского наставления не имея, грех какой или зло совершат: или ругань, или воровство, или блуд, - все вместе по делам своим примут; зло сотворившие - муку вечную, а добро сотворившие, угодно Богу прожившие, - жизнь вечную получат в царствии небесном.

Хрестоматия по истории педагогики. - 2-е изд. М., 1938. т. 4. ч. 1. с. 28-30.

Пчела

Книги с таким названием имели широкое распространение на Руси. Во множестве сохранившиеся ее экземпляры датируются чаще всего XIV - XVII вв. По своему содержанию «Пчела» - это антология афоризмов, кратких изречений назидательного характера, взятых из сочинений отцов церкви, из сочинений античной древности и др. Ее переписчики могли дополнять сборник новыми материалами, авторство которых оставалось неизвестным.

СЛОВА И МЫСЛИ ИЗ ЕВАНГЕЛИЯ, И ИХ АПОСТОЛА, И ИЗ СВЯТЫХ ОТЦОВ, И ЗНАНИЯ СВЕТСКИХ ФИЛОСОФОВ

Об учении и о беседе

Б о г о с л о в. Безмолвное дело лучше бесполезного слова.

Лучше на себе узду носить и другим искусным наездникам подчиняться, чем взнуздать других и самим стать наездниками.

Делай сказанное и не говори о сделанном.

П л у т а р х. Этот рассказывал, что Клеанфа и Ксенократа, самых бездарных из учеников, осуждали. Те же отвечали: «Мы подобны сосудам узкогорлым, которые, с трудом принимая вливаемое, стойко и хорошо его хранят».

Ф и л и п п - ц а р ь. Когда музыкант настраивал гусли свои, Филипп, сидя, сказал: «Неверно делаешь, было иначе». И музыкант отвечал: «Да не обрушит на тебя бог свой гнев, о царь, за то, что и в музыке ты лучше меня разбираешься!»

Как коню ржание, и псу лай, и волу рев, и барсу рычанье дано, и это их признак, так и человеку слово, и это признак его, и сила его, и оружье, оплот и ограда; это боголюбивое живое существо из всех прочих животных этим отмечено.

М о с х и о н. Когда беседуешь с другими, посмотри, лучше тебя собеседник, или хуже, или равен тебе. Если увидишь, что лучше — покорись ему, если же хуже — его покори, если же равен тебе — то будь с ним в согласье.

С о л о н. Этот говорил, что слово — вид дела.

Г е р о д о т. Равное благо, о царь, если кто сам о себе думает верно и другого, говорящего верно, захочет выслушать.

О поучении

Е в р и п и д. Все мы искусны поучать, а сами не ведаем, что творим.

Э з о п. Этот сказал: «Каждый из нас два мешка носит: один перед собою, другой — за собой. В передний складываем чужие ошибки, в задний же — свои».

О философии и об учении детей

Невозможны обширные знанья при редком ученье.

З л а т о у с т. Скажи мне, кто из вас, домой возвратясь, книги взял христианские в руки, и прочел, и обдумал написанное? Никто не может этого сказать. Вот карты и шахматы у многих из вас можно найти, а книг ни у кого, разве что у немногих, но и те таковы же, как и не имущие книг: закрывши, кладут их в лари — вот и вся забота о книжной мудрости и письменной красоте, а о чтении и не заботятся. Не душевной пользы ради приобретают книги, но желая явить богатство свое и гордыню. Так преумножилось среди них тщеславие, и нет никого, кто сказал бы: «Знаю силу книги!»

К л и м и й. Мудрость сопровождает деянье, как тень тело.

Земледельцы, видя колосья, к земле склоняющиеся, радуются, зная, что наполнены зернами; если же колосья прямо стоят, тревожатся земледельцы, зная, что пусты

они. Так же и юноши, тягости от отсутствия знаний не ощущая, живут в колебанье, и даже походка и лица их заносчивы, и вражды исполнены, и никого не щадят они. Начав же осматриваться и плоды собирать от ученья, от суровых попреков они избавляются. Как сосуд пустой, воздухом наполненный, наливаясь водою или вином, или иным чем наполняясь, воздух изгоняет, так же и люди, исполнившись истинного блага, изгоняют тщеславие.

Г и е р о н. Этот царь сицилийский спросил Ксенофонта о поэте Гомере, и, когда тот стал порицать Гомера, снова спросил: «Сколько у тебя рабов?» И когда тот ответил: «Двое, и тех едва могу прокормить» — отвечал ему Гиерон: «И ты не стыдишься порицать Гомера, который после своей смерти кормит более ста тысяч своим творением?!»

Л а о с сказал. Этот, спрошенный, что такое мудрость, ответил: «Опыт».

Что человеку умному тяжелее всего делать? Ответ. А тяжелее всего человеку умному глупого и упрямого учить человека.

О почитании родителей

Кто думает позаботиться о родителях, пусть взглянет на аистов. Они ведь, видя родителя своего от старости ослабевшим, вокруг него стоя, охраняют своими крыльями и пищу щедро подают, и, когда тот захочет лететь, помогают ему, понемножку облегчая крылами своими.

П р о к о п и й (с о ф и с т). Как и члены телесные наших детей в час рождения повиваются, чтобы крепче, прямее были и тверже, так изначала следует нам и детский характер направлять.

Таким будь для родителей своих, какими хотел бы видеть детей своих.

Н и к о к л и с. Когда жена порицала его за то, что не хочет принять своего непутевого сына, сказал он, сплюнув: «И эта слюна от меня, но мне не на пользу».

О постижении себя

И з Е в а н г е л и я. Как замечаешь сучок в оке брата своего, а в своем и бревна не видишь!

П л а т о н. Начало знанию — сознание невежества своего; мы же, ничего не зная, представляемся всеведущими.

Г е р а к л и т. Этот, юношей представ перед учителем, его философии учившим и спрошенный им: «Чему, юноша, ты научился?» — так отвечал: «Вот, познал я, что не знаю ничего». Слышав это, учитель дивился, и все, стоявшие вокруг учителя, воскликнули: «Воистину этот юноша умнее всех нас!»

Ниже приводятся примеры педагогических наставлений из «Пчелы», относящейся к XIV - XV вв.

- Не твори зла и не постигнет тебя зло.
- Подобае писанье твердо имети, а дела светла, и равен будеши Богу, аще не сотвориши ничтоже недостойно ему.
- Медляя починай дело, поченже в борзе кончай.
- Златоуст рече: Источник и мати и коренье мудрости добродетель есть, а все лукавство от безумья начинается.
- Апостол рече: Буде всяк человек скор на послушание, а ленив на глаголание...
- Уча учи нравом, а не словом, иже словом мудр, а дела его несвершена, то хром есть, а иже язык доброглаголив имеет, а душа его непоставъна и ненаказана, то неприятен есть...
- Добро житье без ученья паче пользует, нежели ученье без добра житья.
- Уши свои не ко всем преклоняй словом, слово бо зло злу делу наставник есть.

- Учитель нравом да покорит ученика, а не словом.
- Святого Василья: Насильно учение не может твердо быти, с радостью же и веселием входя твердо прилежит к думам внимающим.
- Златоуст: Якоже и земля руками ратайскими долго не делана, то яко целина есть и древом поростеть, также и душа не приемлюще духовного учения терньем и волчьцем порастет.

Демков М.И. Русская педагогика в главнейших ее представителях. М., 1898. с. 7-8

Епифаний Славинецкий

Епифаний Славинецкий (ум. в 1675 г.) - литературный деятель, филолог и педагог. Обучался в Киевской братской школе, а затем за рубежом, на Западе. В 1649 г. из Киева прибыл в Москву, где при патриаршем дворе преподавал греческий и латинский языки, риторику. По назначению патриарха Никона в Москве он стал главным «справщиком» богослужебных книг, из-за чего произошел раскол в русском обществе. С именем Е. Славинецкого связано распространение на Руси педагогического памятника «Гражданство обычаев детских», который, как доказывают исследователи, был не оригинальным трудом, а простым переводом сочинения Эразма Роттердамского. Другие же историки видят в текстах этого педагогического памятника многие черты московского быта того времени. В «Гражданстве обычаев детских» 164 правила о поведении детей. Начиналось оно стихотворным приглашением отрока «К воспитанию». Далее в вопросно-ответной форме следовали наставления о внешности, об одежде, о поведении в церкви, поведении в училище и т.п.

Гражданство обычаев детских

Вопрос: Чин наказания детского колико части имать?
Ответ: Три наипаче, первая есть еже младому уму семя благочествия христианского пояти, вторая - еже учения свободная любити и их учитися, последняя - еже о первых жизни своея начатков благолепным обычаем обучатися.
Вопрос: Что есть гражданство?
Ответ: Есть обычаев доброскланность и человекопочитательство.
Вопрос: Почему знати то гражданство обычаев?
Ответ: По уму добре умеренному.
Вопрос: Ум же умеренный откуду знати?
Ответ: От очес, от бровей, от чела вкратце рещи от лица и от всея телесе ипостаси.

О нравах на сретени

Вопрос: Что творити имать детище, аще кто е на пути чести достойный срящет?
Ответ: С пути уступити, шапку честно сняти, аще же славный человек или достоинства яковаго будет имать, тому поклонитися.
Вопрос: Приличествует ли детищу сице мысли в себе, егда с ким честным на пути сретится, к чему мне пригодится сей незнаемый человек?
Ответ: Не приличествует, понеже сию честь не человеку, но богу воздаем, иже противу лицу стару востати повеле и начальником или иереем сугубую честь воздаяти.
Вопрос: Егда убо и язычники: идеже он гдьствует, должно есть чествовати?
Ответ: Должно есть, ибо (яко святый Павел глаголет) мы должны есмы честь творити всем, им же должна творитися: в сих словесех заключается и язычников началство, и Петр святый глаголет, яко долженствуем быти послушни не точию благим господом, но и злым.
Вопрос: Кому же долженствуем честь первую по бозе воздавати?

Ответ: Родителем и учителем: овым, яко на свет ны породиша и ради нас многия труды и скорби подяша, сим же, яко мысли наша изрядншую часть человеческую с великими трудами учат и чистят.
Вопрос: Аще убо се есть человеколюбие, еже сверстники своя взаим честию предваряти?
Ответ: И зело есть, понеже Павел святый пиша учит, еже честию друг друга болше себе творити, аще бо равного или меншого шапкою (яко глаголют) или честю предварим сим не будем последнешни, но паче добронравши.
Вопрос: Како беседовати детище с болшими?
Ответ: Яко с равными любезно и дружески глаголати имать, тако с большими честно и кротко: титлу достоинства им приличную часто имать усугубляти; и не имать отити от них, дондеже отпущение возмет или от них будет отпущен.
Вопрос: Пристоит ли книги или шапку под пазухою держати?
Ответ: Не приличествует, дабы еси не носил (яко Горати глаголет) связкии хартии под пазухою, яко поселянин ягняте или пияная баба клубков краденыя вовны, но просто шапку в руках держати.
Вопрос: В беседовании с людми где очеса имут зрети?
Ответ: На глаголющего с тобою имут зрети, яже имут быти приятный и просты и от них же ничтоже гордое и нечестное да явится, такожде убо семо и овамо очесы обращати знамение есть легкомыслия, в землю же зрети есть знамение злыя совести; кривозрети есть знамение гнусающаяся некиим.
Вопрос: Каковым названием кого имать сретати, егда с кем беседует?
Ответ: Честным, аще же невесть титли сущия люди ученыя называти будет учителий, чести достойныя люди славныя незнаемыя будет называти, егда вся себе равныя, называти имать братию и другии.
Вопрос: Кия вещи в беседовании мерзки бывают?
Ответ: Лице разными подобии (яко некоему протеусу) изменяти, нос смарщивати, чело навесити, брови подвышати, устне выставляти, уста разевати или сжимати, главою потряса, власами трясти, без винь кашляти, покрякивати, главу почесывати, во ушесах угабляти, нос вытирати, по лицу потиратися, тыл у главы поглаживати, рамена расширят, главы повертанием на нечто носоизваляти, киванием главы втыл звати кого, краткоже глаголя поставою или киванием или некоим маанием с людьми глаголати.
Вопрос: В беседовании с людми кия вещи зело бесчестны суть?
Ответ: Раменами шагати, перстами пребирати, с ноги на ногу шататися, всем тело прекланятися, речь кому пресецати первее, неже совершит ю.
Вопрос: Каков долженствует быти глас?
Ответ: Приятный и тихи, некрикливы ниже понижен, даже бы ко ухе не дошел соглаголящему тебе.
Вопрос: Каково имат быти глаголание?
Ответ: Нескорое, дабы разума не предваряло, но протяжено и явственно и раздельно, еже природное заикивание и повторение словес направляти обычей.
Вопрос: Како детище (аще сего потреба случится) вещь какову, стыд или мерзость приносящую, именовати имать?
Ответ: Ону стыдливым окружением слова назнаменует сию же прощение взем повеет.
Вопрос: Еже аще хотел бы если в умолчании или в потаении имети, кому имаши ввырити?
Ответ: Никому: понеже смешно есть, еже надеятися от кого молчания, его же сам в себе удержати не могл еси.
Вопрос: Что же наипаче дружество соединяет и приятство хранити обыче?

Ответ: Обучение доброты, единыя вещи хотети и не хогети, общее благоволение, нравы всех человек носити и терпети, самолюбия не имети, не возноситися вышше иных, веры и знамения дружества древнего не вредити, благодеяния всегда памятствовати, приятелю усердно служати и угождати.

О обычаях во училищи како слушати чтения

Вопрос: Во училищи како должнствуют пребывати дети?
Ответ: Должнствуют любити молчание и воздержание; никиим шептанием и беседами невежливыми пресецати чтения; сперещися должни, да не восприимут достойного наказания: егда будут наказуеми в должностях своих, гордо да не отвещавают и влекутся всякого возвышения и злобе слове или досады; облекутся же во остроумие охотное и податное ко учению, всегда прилежно ушесы готовыми да слушают, проповеданому им усердно да внемлют, иже им учитель повесть да не препустят мимо ушес и еже услышат, яко некое сокровище.
Вопрос: Что должен речи юноше многословному и неприлично велеглаголивому?
Ответ: Не стыдитися ли (рече) из слоневых влагалищ меч свинцовый извлачати.
Вопрос: Что должнствуют творити дети, егда из училища отпустятся?
Ответ: Скоро в дом да спешат; не бегом потекут, яко усмошевцы спешащий на торжище; не должнствуют воплствовати, яко оный стентор; ниже мятеж некий творити, аки неистовствующий кони, егда взыгратися им; ниже паки бегати подобает, яко скоту, семо и овамо: аще что в дому повелится им творити должни, то усердно и без роптания творити и содеяти, ко учению же паки не чрез понуждение, но усердно да возвратятся.

О играни

Отроче юный, от детства учися
писмена знати и разум потщися.
Не возленися трудов положити,
имать бо тебе полза многа быти.
Аще ся видит досадно труждати,
но сладко плоды трудов собирати.
Иже в юности труды полагает,
во дни старости в покое бывает.
Наипаче иже книгам научится,
о трудех честных превозвеселится.
Дар писание великий от бога,
тайна писмены является много.
Что сердце мыслити ум разсуждает,
то писание удобь извещает.
Безгласно убо, не зело явственно,
далее гласа бывает несенно.
Глас близ сущему слово возвещает,
писание же далеким являет.
Что кто далече сый напишет тебе,
то познаеши о всяцей потребе.
Писмены воля всех царя явися,
во писании мудрость заключися.
Юже аще кто имати желает,
писании мудрых да употребляет.

Антология педагогической мысли Древней Русии Русского государства XIV-XVII вв, М., 1985. с. 338.

Вопрос: Что потребна во играни честным?
Ответ: Благая мысль и умерение, не лесть, не лежа, не упорство, еже свары рождает, но мир — всякого блага мати.
Вопрос: Чего ради попущается играние?
Ответ: Утешения ради и отрады смысла ученми трудженного, а не ради некоего

приобретения.
Вопрос: Что украшает играние?
Ответ: Постоянство, честное веселие, борзость, крепость смысла, чинелюбовь общая играти истинно и праведно ти, яко глаголют верно добротою и не кознию или ухищрением во игре тобе ждати.
Вопрос: Кия игры заповеданны суть?
Ответ: Всякое костырство кости, карты, купание в воде.
Вопрос: Кая же убо упражнения суть честная и детем приличная?
Ответ: Кубарь, мечик, кики, обучение телесе в труды, скоротечение, италийский мечик и нравыскакание различных скакати, яко коник или саранча травная, скакати обе нозе совокупив и на единой ноге и прочая.
Вопрос: Кое же убо собственнейшее есть одоление?
Ответ: Самого себе победити, сего ради зело вяще есть уклонитися упрямства, нежели победу взяти.
Вопрос: Где наипаче познавается естество или острога детская?
Ответ: В играний, понеже ему же летити, ему же лгати, ему же сваритися, гневатися, насилствовати, тщеславитися, кичитися естество есть приклонно: зде вред инаврение естественное является.
Вопрос: Кия же вещи детския естны и во игре приличны суть?
Ответ: С никим любопретися, егда же лучится прийти к свару извалити, паче победитися, нежели венец одаления взяти, или возложитися на рассуждения людей, а что друг изобрящет, не быти противу тому никакова начинати мятежя, ниже воплыстовати, не крамалитися никому же тщеты творитися сего ради, брате, егда хощеши играти или ино что творити, помни словеса святого апостола Павла: всяка ярость и напыщение, и гнев, и вопль, и злословие да отымется от вас со всякою злобою.
Вопрос: Чим убо бывает игра утешней?
Ответ: Егда с неумеющими играя, аще и можеши всегда побеждати, даси им времени победити тя, или, еда с хуждшим играя не паметуеши, яко честней еси онаго.
Вопрос: Кия убо игры мусикии суть приличнешия?
Ответ: Любити мусикию, сладкопением и играним на органех всяких остроту ума обучати.
Вопрос: Подобает ли детищем играющим ставити пенязи, пера, книжицы, завязки и прочая?
Ответ: Много сие на дети, понеже сие к татбе окно отверзает и на злая дела обыче быти подущение нравом детским.
Вопрос: Аще есть благочестно, еже у родителей украсти и глаголати, яко не есть грех?
Ответ: Зело злочестно есть, сего ради глаголет Соломон: хищай отца или матерь и мнит не грешити, сей общник есть мужеубийцам.
Вопрос: О что убо дети играти будут?
Ответ: Погубивый по совещанию да сотвори, еже повелит ему победивый его: или храмину уметет, или на руце воды принесет, или стихи некия на памет прочтет; или по совещанию в лопянове венце походит, или ино что сицевое да сотворит.

Буш В.В. Памятники старинного русского воспитания. Петроград, 1918. с. 34-35, 50-55.

Симеон Полоцкий

Симеон Полоцкий. Гравюра Н. Сополова. Нач. XIX в.

Симеон Полоцкий (Самуил Емельянович Петровский-Ситнианович, 1629 – 1680 гг.) - общественный деятель и просветитель XVII в. Родился в г. Полоцке. Обучался в Киевской коллегии. В 1656 г. принял монашество. По приглашению царя Алексея Михайловича переехал в Москву (1664 г.) где стал обучать латинскому языку подьячих Тайного приказа. В это же время организовал «ученое братство». Поддерживал патриарха Никона против Аввакума и сторонников старообрядчества.

Симеон Полоцкий стал учителем царских детей - Алексея, Федора, Софьи, а с 1679 г. наблюдал за воспитанием Петра, будущего императора Петра I.

Педагогические взгляды Симеона Полоцкого формировались под влиянием идей западноевропейских просветителей. Вопреки мнению многих московских людей своего времени Симеон Полоцкий стремился доказать, что все светские знания не только не колеблют веры в Бога, но утверждают ее, обогащая ум человека. Вера, «разумность» и образованность позволяли решить главную задачу — воспитание «совершенного человека, на всякое дело уготованного». В представлении Симеона Полоцкого, «совершенный человек» — это добропорядочный, широко образованный христианин и верный сын своего государя. «Совершенный человек» включает в себя множество, прежде всего, нравственных качеств. Именно нравственные качества составляют духовную основу человека. Поэтому детей необходимо учить «прежде добронравию, неже витийству: яко сие без оного, аки тело без души есть».

Симеон Полоцкий. Псалтирь в стихах. - Москва : Тип. Верхняя, апр. 1680 (7188).

После смерти Симеона Полоцкого его сочинения были преданы анафеме, прокляты, оценены в самых резких выражениях: его «венец веры кафолической (католической) сплетен не из прекрасных цветов православного богословия, а из западных новшеств, из еретических блудословий Скотовых», попросту говоря - они суть пропаганда учения шотландского философа Дунса Скота. Такие оценки деятельности Симеона Полоцкого нередко звучали в церковных кругах того времени. Советские историки характеризовали Симеона Полоцкого как просветителя.

Букварь языка славенска, сирень начало учения детем, хотящим учитися чтению писаний

К юношам, учитися хотящим
Отроче юный, от детства учися
писмена знати и разум потщися.
Не возленися трудов положити,
имать бо тебе полза многа быти.
Аще ся видит досадно труждати,
но сладко плоды трудов собирати.
Иже в юности труды полагает,
во дни старости в покое бывает.
Наипаче иже книгам научится,
о трудех честных превозвеселится.
Дар писание великий от бога,
тайна писмены является много.
Что сердце мыслити ум разсуждает,
то писание удобь извещает.
Безгласно убо, не зело явственно,
далее гласа бывает несенно.
Глас близ сущему слово возвещает,
писание же далеким являет.
Что кто далече сый напишет тебе,
то познаеши о всящей потребе.
Писмены воля всех царя явися,
во писании мудрость заключися.
Юже аще кто имати желает,
писании мудрых да употребляет.

Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV - XVII вв. М., 1985. с. 338.

Из «Вечери душевной»

В этом мире очень большое счастье пользоваться плодами своих трудов, православные слушатели, и еще более того вместе с ними иметь не бесплодную супругу и видеть от нее плод своего супружества. Оба эти блаженства царствующий пророк предсказывает боящимся господа и ходящим по путям его заповедей: «Счастливы все, - говорит, - боящиеся господа, ходящие по его путям! Труды твоих плодов будешь есть, ты счастлив, и хорошо тебе будет. Твоя жена, как плодоносная [виноградная] лоза во всем твоем доме; твои сыновья вокруг твоего стола, как летние отростки оливкового дерева». Это счастье больше, чем владеть золотом мира сего, ибо отец, оставляющий после себя детей, если и расстанется с этим веком, не умирает, потому что живет в своих детях и его слово не погибает с шумом, так как цветет в сыновьях и дочерях. Бездетный же, если будет обладателем и бесчисленных богатств, когда умрет, не останется жить в мире, потому что у него не осталось потомства; богатства же его переходят во владение чужим, а иногда и его врагам; он трудился, а недруги входят в его труды; и слава проходит, как вечер, проходит мимо, как тень.

Итак, счастливо супружество, не лишаемое своего плода, но плода доброго, плода честного, потому что плод злой и нечестный делает супружество более проклятым, чем счастливым. И подобно тому, как бесплодное дерево лучше, чем при-

носящее плохие и вредные плоды, так счастливее родители, не родившие детей, чем родившие плохих. Поэтому родители должны иметь постоянное старание, чтобы их плод был хорошим, ибо плод не рождается, как у деревьев, по природе сладкий или горький, но по наставлению рождавших, по навыкам и воле рожденных добронравие или зло укореняется в их сердцах. Премудрый Платон сравнивает юношеские сердца с воском, потому что, как воск принимает на себя оттиски разных печатей из-за своей мягкости, так и сердца юных легко принимают разные характеры вследствие мягкости сердца. Если кто-нибудь на том воске сделает отпечаток непорочного и незлобивого голубя, тот человек всегда будет непорочен и незлобив, как голубь. Сделает ли кто отпечаток летающего высоко и светолюбивого орла, тот человек всегда будет способен рассуждать о высоком и светлом. Сделает ли кто отпечаток роющегося в земле крота или любителя болот - вепря, подлинно тот человек до смерти будет любителем земного и искателем греховного болота. Сделает ли кто отпечаток лютого льва или хищного волка, тот человек всегда будет жестоким, как лев, и хищным, как волк. Сделает ли кто отпечаток трудолюбивого вола, тот человек всегда будет жить в трудах. Сделает ли кто отпечаток ленивого осла, тот человек всегда будет жить в лености. Сделает ли кто отпечаток гневного медведя, хитрой лисы или лающего пса, тот человек до конца своей жизни будет гневливым, хитрым и хулителем уважаемых. Если же кто сделает отпечаток смиренного ягненка или чистого горностоя, тот человек до последнего вздоха будет любителем смирения и хранителем чистоты.

Симеон Полоцкий. Вечеря душевная. Москва, 1683 г. Экспонируется в Музее-библиотеке Симеона Полоцкого.

Наконец, юность подобна молодому дереву, ибо куда кто хочет, туда может наклонить тонкое дерево; так и век юношеский: к чему его повернешь, легко будет наклонен. Итак, смотрите, родители, как вы должны воспитывать ваших детей: добрые слова и примеры хороших дел отпечатывайте на том воске, слова божественные, а не мерзкие и кощунственные, на тех досках и закон господний пишите. Но откуда

у честных родителей дети приобретают злой нрав? Скажу вам истину ради исправления: от материнской ласки, от отцовского наказания, от неограничиваемого [строгостью] обоих воспитания. Хвалит мать маленькую злобу маленького сына, а злоба в сердце, как терновник, корни укрепляет, и с ростом сына растет более злоба. Когда же сын вырастет в величину стойкую, вместе с тем вырастет злоба и нрав неискоренимый, и тогда исполнится такая притча: если юноша и состарится на своем пути, то не сойдет с него, ибо как глиняный сосуд, если в начале обработки вареной смолой напитается, никогда не отмоется. Так человек, глиняный сосуд, до смерти хранит нрав, воспринятый в юности.

Подобным образом детям злых родителей трудно изменить злой нрав и говорить хорошее, так как от пеленок обучаются родителями злонравию и злословию. Трудно им быть трезвыми, потому что с детства попустительствуют [им] упиваться.

Невозможно сохраниться чистым, ибо в своем младенчестве и видят, и слышат, и совершают нечистоту беспрепятственно. Горе из-за злонравия! Горе из-за притеснений! Кто за это примет наказание? Верно, как посадившим сад приписывается причина кривизны деревьев, потому что не исправляли их в юности, и как художникам вменяется безобразие неискусно сделанных ими вещей, так родителям приписывается причина злого нрава их детей, и примут наказание, потому что в детстве научили их или допустили привыкать ко злу. Да не примете вы, православные люди, наказания за злой нрав ваших детей. старайтесь воспитывать их, хорошо соблюдая следующие вещи, нужные для хорошего воспитания.

Первая вещь - жезл. Через жезл непослушных не лишать заслуженного наказания: «Не отталкивай младенца от наказаний, ибо когда бьешь его жезлом, не умрет от него; ты, ударяя его жезлом, избавишь его душу от злой смерти». И еще: «Кто щадит свой жезл, ненавидит своего сына, а любящий прилежно наказывает».

Вторая вещь - чтобы детям запрещать плохое сообщество, не допускать дружиться с лукавыми... Однако пусть общение ваших детей будет с добрыми, ибо как вышедшие в мироварницу и пробывшие там известное время пропитываются ароматным запахом и выносят с собой тот приятный запах, так общающиеся с добром обучаются доброте или по крайней мере не привыкают делать зла. И собеседники умудряются мудрыми по слову приточника: «Ходящий с премудрым будет премудр».

Третья вещь - это не подавать детям плохого примера, ибо как обезьяна, что видит совершаемое людьми, тотчас старается то делать, так и дети, видя дела своих родителей, бывают их подражателями. Итак, счастливы родители, которых добродетельная жизнь - пример благонравия для детей, зеркало для исправления и образец хороших дел. Несчастны же родившие, которые соблазняют своих детей плохой жизнью; эти люди являются более детоубийцами, чем родителями, ибо что хуже, то рождают, а лучшее убивают: рождают плоть тленную, а убивают душу бессмертную, когда соблазняют своих детей, и, бывая виновниками их греха, лишают их жизни душ, которая есть дар божий... Если такое горе чужим, то много больше родителям, ибо насколько родители ближе по крови детям, настолько более невыносим и вреден их соблазн и больше грех этого соблазна. Итак берегитесь, о родители, чтобы вы не были душегубцами детей соблазном вашей жизни. Знайте же, что отец должен быть в доме, как солнце, мать же - как луна, дети - как звезды.

Итак, отец должен быть как солнце, мать - как луна, тот как светило большее, а та как светило меньшее, чтобы хорошими примерами жизни освещали, как светом, звезды своих домов, то есть детей, чтобы и они, как звезды, сияли светом святой жизни.

Антология педагогической мысли Древней Руси
и Русского государства XIV - XVII вв. М., 1985. с. 343-344.

Раздел II.

XVIII - середина XIX века.

Дворянско-государственная педагогика

В XVIII – середине XIX вв. были заложены основы современного европейского образования в России. Реформы Петра носили не только политический, но и просветительский характер. С его именем связано приобщение российской школы к европейской культуре. Им или по его приказам создается сеть школ: начальные – цифирные, русские, адмиралтейские, гарнизонные, горнозаводские; средние и высшие – школа математических и навигационных наук, иноязычные, медицинские, артиллерийская, инженерная школы, морская академия. Была реформирована Славяно-греко-латинская академия. В 1725 г. была открыта Петербургская академия с университетом и гимназией.

Подлинным строителем отечественного образования стал М.В. Ломоносов. Благодаря ему наука была освоена и укоренена на русской земле и, что может быть самое важное, особенно для образования, наука заговорила на русском языке, благодаря чему российское образование стало развиваться на основе отечественной культуры. М.В. Ломоносов настойчиво совершенствует деятельность Петербургской академии наук, университета, гимназий, выступает инициатором и организатором открытия Московского университета. По его проектам были открыты первые русские гимназии. Им были разработаны основы содержания российского образования, написаны школьные учебники.

Большую заботу о развитии воспитания и просвещения проявляла Екатерина II. Она привлекла к организации образования многих крупных гуманитариев европейской культуры, а также видных деятелей России. Среди них были И.И. Бецкой и Ф.И. Янкович. Первый организовал ряд специальных учебно-воспитательных учреждений, а под руководством другого создавались народные училища (малые и большие).

М.В. Ломоносов. Неизвестный художник.

В Александровскую и Николаевскую эпохи идет увеличение числа всех видов школ. В этот период были созданы основы системы российского образования от народных школ и интернатных учреждений до университетов и Академии, сформированы его идеология и содержание. Вместе с тем образование во многом оказалось отчужденным от традиционной российской, прежде всего православной культуры, что в дальнейшем привело к перекосам во всем строе русской жизни, особенно в нравственно-духовной области.

С середины XVIII в., в первую очередь, под влиянием западноевропейской культуры в России начинает формироваться теоретическое педагогическое сознание. Его становление связано с именами М.В. Ломоносова, И.И. Бецкого, Н.И. Новикова, А.И. Радищева

Глава 1.

Педагогическая мысль в период становления абсолютизма в России

Петр Первый.
Неизвестный художник 1722-1725 гг.

Точкой отсчета современного образования стал для России XVIII век. Фундамент его заложили реформы Петра, которые носили не только политический, но и глубоко просветительский характер. Символично, что Петр I всю свою жизнь учился. Велик вклад Петра в развитие общего просвещения, начиная с создания первой русской печатной газеты, выходящей как в Европе, на регулярной основе и заканчивая открытием Кунсткамеры.

С Петра начинают складываться основы современной школы. По его указанию с 1714 г. в России открываются цифирные училища. Открываются другие начальные школы. В начале века было создано четыре новых типа начальной школы: цифирные школы, «русские» адмиралтейские школы и гарнизонные школы, «русские школы» при горных заводах Урала.

С именем Петра I уместно связать судьбу средней и высшей школы России. По его указаниям или с согласия была открыта школа математических наук, а на ее основе в 1715 г. – морская академия, другие военные школы, иноязычные школы.

В 1701 г. по прямому указанию Петра I Яворским была реформирована Славяно-греко-латинская академия, ставшая современным учреждением, дающим как светское, так и духовное образование. В 1725 году была открыта Петербургская Академия наук с университетом и гимназией. Открытие этих учреждений имело громадное значение для развития науки и образования в России.

Большую роль в развитии российского образования в этот период сыграли ближайшие сподвижники Петра I – Ф. Прокопович и В.Н. Татищев. Первый реформировал систему церковного образования, им же была открыта школа для бедных детей и сирот, написана азбука, а второй открывал горнозаводские школы на Урале. В своих трудах он выступал активным сторонником развития просвещения в России, доказывая его большую роль в судьбе России и каждого человека.

Вместе с тем, реформы Петра несли в себе и целый ряд недостатков. Так форсированное развитие образования приводило к тому, что общество не успевало за ним. А потому, открыв школы, приходилось насильно набирать в них учеников, открыв Академию и университет, пришлось завозить из-за границы не только профессоров, но и студентов для университета. Усиление государственности и крепостной зависимости привели к тому, что образование все меньше становилось потребностью широких слоев населения, а потому уровень грамотности в России в XVIII в. упал по сравнению с предшествующим веком.

Вообще зависимость русского образования от государства была настолько сильна, что до середины XIX века русский человек связывал свое образование исключительно с чиновничьей или военной службой (даже работа в сфере образования и науки до середины XIX в. фактически была государственной службой). Казенный характер школы порождал и жесткий характер отношений в школах, интер-

натный тип ряда учебно-воспитательных учреждений лишал детей семейного воспитания. К тому же реформы Петра едва ли не до середины XIX в. исключали участие общественности в делах образования. Все это определило то, что новое образование приживалось с большим трудом на русской почве.

Примечательно, что университет так и не стал нормально функционировать в Петербурге в XVIII в., даже несмотря на усилия М.В. Ломоносова, но прижился в Москве, где до того уже десятилетия работала Славяно-греко-латинская академия. Конечно, надо иметь в виду, что все это объясняется исторической ситуацией, в которой оказалась Россия, когда ей пришлось срочно догонять передовые страны Европы, а поэтому приходилось действовать сверху и быстро.

После смерти Петра идет реформирование учебных заведений, заложенных им, открытие и совершенствование работы дворянских и церковных учебных заведений, создание частных учебных заведений.

УКАЗЫ ПЕТРА I ОБ УЧЕНИИ И УЧИЛИЩАХ

Петр I ставит науку и школу на службу гос. управлению, нуждам армии и флота.
В 1707 г. вышел учебник Магницкого Л.Ф. «Арифметика», «Грамматика» Смотрицкого М.
С 1710 г. книги печатают не славянским, а гражданским шрифтом. Для числовых обозначений вводят арабские цифры.
В 1724 г. учреждение Академии наук с университетом при ней.
При Петре I развивается образование дворян.

«Арифметика» Л.Ф. Магницкого. 1703 г.

Портрет Мелентия Смотрицкого, автора грамматики церковно-славянского языка.

Об основании школы математических и навигацких наук 14 января 1701 г.

Великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец... указал именным своим великого государя повелением... быть математических и навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению. Во учителех же тех наук быть англинския земли урожденным: математической - Андрею Данилову сыну Фархварсону, навигацкой - Степану Гвыну, да рыцарю Грызу; и ведать те науки всяким в снабдении управлением во Оружейной палате боярину Федору Алексеевичу Головину с товарищи, и тех наук ко учению усмотря избирать добровольно хотящих, иных же паче и со принуждением; и учинить неимущим во прокормление поденный корм усмотря арифметике или геометрии: ежели кто сыщется отчасти искусным, по пяти алтын в день; а иным же по гривне и меньше, рассмотрев коегождо искусства учения; а для тех наук определить двор в Кадашеве мастерския палаты, называемой большой полстяной, и об очистке того двора послать в мастерскую палату постельничему Гавриле Ивановичу Головину свой великого государя указ, и, взяв тот двор и усмотрев всякия нужныя в нем потребы, строить из доходов от Оружейной палаты.

Веселаго Ф. Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852, с. 119-120.

1714 г. января 20 - сенату

Послать во все губернии по нескольку человек из школ математических, чтобы учить дворянских детей, кроме однодворцев, приказного чина цифири и геометрии, и положить штраф такой, что невольно будет жениться, пока сего выучится. И для того о том к архиереям о сем, дабы памятей венчальных не давали без соизволения тех, которым школы приказаны.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 5. № 2762. с. 78.

1714 г. 28 февраля

Великий государь указал: во всех губерниях дворянских и приказного чина, дьячих и подьяческих детей от 10 до 15 лет, оприч однодворцов, учить цифири и некоторую часть геометрии и для того учения послать математических школ учеников по нескольку человек в губернию ко архиереям и в знатные монастыри, и в архиерейских домах и в монастырях отвесть им школы, и во время того учения тем учителям давать кормовых по 3 алтына по 2 деньги на день, из губернских доходов, которые по именному е.и.в.1 указу отставлены; а с тех учеников им себе отнюдь ничего не имать; а как ту науку те их ученики выучат совершенно: и в то время давать им свидетельствованные письма за своею рукою, и во время того отпуску с тех учеников за то учение имать им себе по рублю с человека; а без таких свидетельствованных писем жениться их не допускать и венечных памятей не давать.

Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 5. № 2778. с.86.

Об учреждении Академии наук. 28 января 1724 г.

Его императорское величество указал учинить Академию, в которой бы учились языкам, также прочим наукам и знатным художествам и переводили б книги... К расположению художеств и наук употребляются обычайно два образа здания: первый

образ называется Университет; второй - Академия или социетет художеств и наук.

§ 1. Университет есть собрание ученых людей, которые наукам высоким, яко теологии и юриспруденции (прав искусству), медицины и философии, сиречь до какого состояния оные ныне дошли, младых людей обучают; Академия же есть собрание ученых и искусных людей, которые не токмо сии науки в своем роде в том градусе, в котором оные обретаются, знают, но и через новые инвенты (издания) оные совершить и умножить тщатся, а о обучении прочих никакого попечения не имеют.

§ 2. Хотя Академия из тех же наук и тако из тех же членов состоит, из которых и Университет, однакож де обои сии здания в иных государствах для множества ученых людей, из которых разные собрания сочинить можно, никакого сообщения между собою не имеют, дабы Академия, которая токмо о проведении художеств и наук в лучшее состояние старается, учением в спекуляциях (размышлениях) и разысканиях своих, отчего как профессоры в Университетах, так и студенты пользу имеют, помешательства не имела, а Университет некоторыми остроумными разысканиями и спекуляциями от обучения не отведен был и тако младые люди оставлены были.

§ 3. Понеже ныне в России здание к возражению художеств и наук учинено быть имеет, того ради невозможно, чтоб здесь следовать в прочих государствах принятому образцу, но надлежит смотреть на состояние здешнего государства как в рассуждении обучающих, так и обучающихся, и такое здание учинить, чрез которое бы не токмо слава сего государства для размножения наук нынешнем временем распространялась, но и чрез обучение и расположение оных пользы в народе впредь была.

§ 4. При заседании простой Академии наук обои намерения не исполнятся, ибо хотя чрез оную художествы и науки в своем состоянии производятся и распространяются, однакож де оные не скоро в народе расплодятся, а при заведении Университета - меньше того, ибо когда рассудишь, что еще прямых школ, гимназиев и семинариев нет. в которых бы младые люди началам обучиться и потом выше градусы наук восприять и угодными себя учинить могли, то невозможно, дабы при таком состоянии Университет некоторую пользу учинить мог.

§ 5. И токо потребнее всего, чтобы здесь таковое собрание заведено было, ежели бы из самолучших ученых людей состояло, которые довольны суть:
Науки производить и совершить, однакож де, чтоб они тем наукам младых людей (ежели которые из оных угодны будут) публично обучали и чтоб они некоторых людей при себе обучали, которые бы младых людей первым фундаментам (основательствам) всех наук обучать могли.

§ 6. И таким бы образом одно здание с малыми убытками тое же бы с великою пользою чинило, что в других государствах три разные собрания чинят, ибо оная:
Яко б совершенная Академия была, понеже довольно б членов о совершенстве художеств и наук трудилось;
Егда оные же члены те художествы и науки публично учить будут, то подобна оная будет Университету и такую ж прибыль произведет;

Когда данные академикам младые люди, которым от е.и.в. довольно жалованье на пропитание определено будет, от них науку принявши и пробу искусства своего учинивши, младых людей в первых фундаментах обучать будут, то оное здание таково ж полезно будет, яко особливое к тому сочиненное собрание, или гимназиум.

При том же бы вольные художества и мануфактуры, которые уже здесь заведены суть, или впредь еще заведены быть могут, от помянутого заведения пользу имели, когда им удобные машины показаны и инструменты их исправлены будут.

§ 7. И понеже сие учреждение такой Академии, которая в Париже обретается, подобно есть (кроме сего различия и авантажа, что сия Академия и то чинит, что Университету или коллегии чинить надлежит), того для я надеюсь, что сие здание удобнейше Академией названо быть имеет.

Науки, которые в сей Академии могут учинены быть, свободно бы в три классы разделить можно: в 1-м классе содержались бы все науки математические и которые от оных зависят, во 2-м - все части физики, в 3-м — гуманитарные, история и права.

§ 14. В Университете четыре факультета имеются, а именно: 1) теология, 2) юриспруденция, 3) медицина и 4) философия. Факультет теологии здесь отставляется, и попечение о том токмо Синоду предается. [...]

§ 16. Помянутые и в некоторые классы разделенные академики обязаны будут в своей науке ежедневно один час публичные лекции иметь, как и в прочих Университетах.

§ 17. Ежели который академик похощет за деньги партикулярные коллегии иметь, то ему позволено.

§ 18. А чтоб пользу от сих обучениев иметь, к тому требуются угодные люди, которые гуманиора отчасти знают и некоторые малые искусства философии и математики имеют. Того ради весьма нужно, дабы каждому академику один или два человека из младых студентов даны были и довольным жалованьем снабдены, которые со всем прилежанием обучаться и академикам вспомогать имеют; и понеже помянутые младые люди под дирекциею академиков без своих убытков наукам обучаться и при том (ежели себя хорошо ведут и некоторые пробы искусства своего объявят) надежду имеют произойти и учителям своим наследовать. И тако подобает, чтоб они за такую добродетель благодарствовали; того ради имеют оные тех, которые учиться начинаются первым фундаментам наук, обучать, дабы и те со временем учением академическим пользоваться могли, и таким образом можно б без великих убытков намерения нижней школы исполнить...

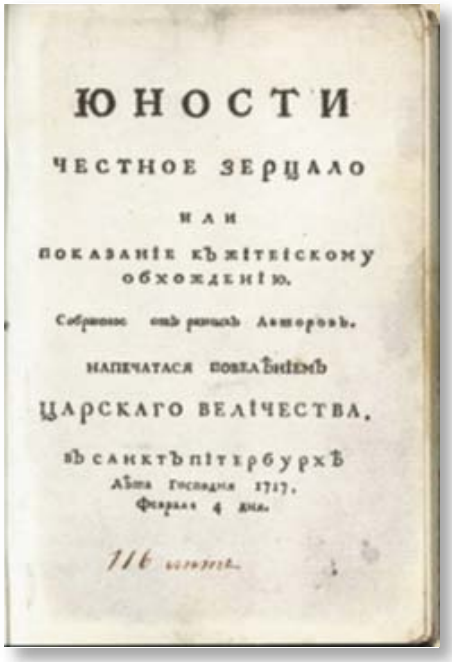
Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 7. № 4443. с. 220-224.

Серов В. А. Петр I. 1907 год.

ЮНОСТИ ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО

«Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов повелением Его Императорского Величества государя Петра Великого» - один из наиболее популярных в свое время памятников педагогики начала XVIII в. Впервые был издан в 1717 г. в Петербурге и затем многократно переиздавался. Сборник этот состоял из двух частей: первая часть содержала азбуку, таблицу слогов, цифры и религиозные наставления, вторая - правила поведения для дворян.
Здесь приводится фрагмент из второй части этого педагогического памятника.

1. Впервых наипаче всего должны дети отца и матерь в великой чести содержать. И когда родителей что им приказано бывает, всегда шляпу в руках держать, а пред ними не вздевать, и возле их не садитися, и прежде оных не заседать, при них в окно всем телом не выглядывать, но все потаенным образом с великим почтением, не с ними вряд, но немного уступя позади оных в стороне стоять, подобно яко паж некоторый или слуга. В доме ничего своим именем не повелевать, но именем отца или матере; от челядинцев просительным образом требовать, разве что у кого особливые слуги, которые самому ему подвержены бывают, для того, что обычайно служители и челядинцы не двум господам и госпожам, но токмо одному господину охотно служат. А окроме того, часто происходят ссоры и великие между ими бывают от того мятежи в доме, так что сами не опознают, что кому делать надлежит.


ЮНОСТИ
ЧЕСТНОЕ ЗЕРЦАЛО
ИЛИ
ПОКАЗАНІЕ КЪ ЖІТЕЙСКОМУ ОБХОЖДЕНІЮ.
Собрано отъ разныхъ Авторовъ.
НАПЕЧАТАСЯ ПОВЕЛѢНІЕМЪ
ЦАРСКАГО ВЕЛІЧЕСТВА.
ВЪ САНКТЪПІТЕРБУРХѢ
Лѣта Господня 1717.
Февраля 4 дня.

Титульный лист факсимильного издания.

2. Дети не имеют без именнаго приказу родительского никого бранить или поносительными словами порекать. А ежели то надобно, и оное они должны учинить вежливо и учтиво.

8. У родителей речей перебивать не надлежит, и ниже прекословить, и других их сверстников в речи не впадать, но ожидать, пока они выговорят. Часто одного дела не повторять; на стол, на скамью или на что иное не опираться и не быть подобным деревенскому мужику, который на солнце валяется, но стоять должны прямо.

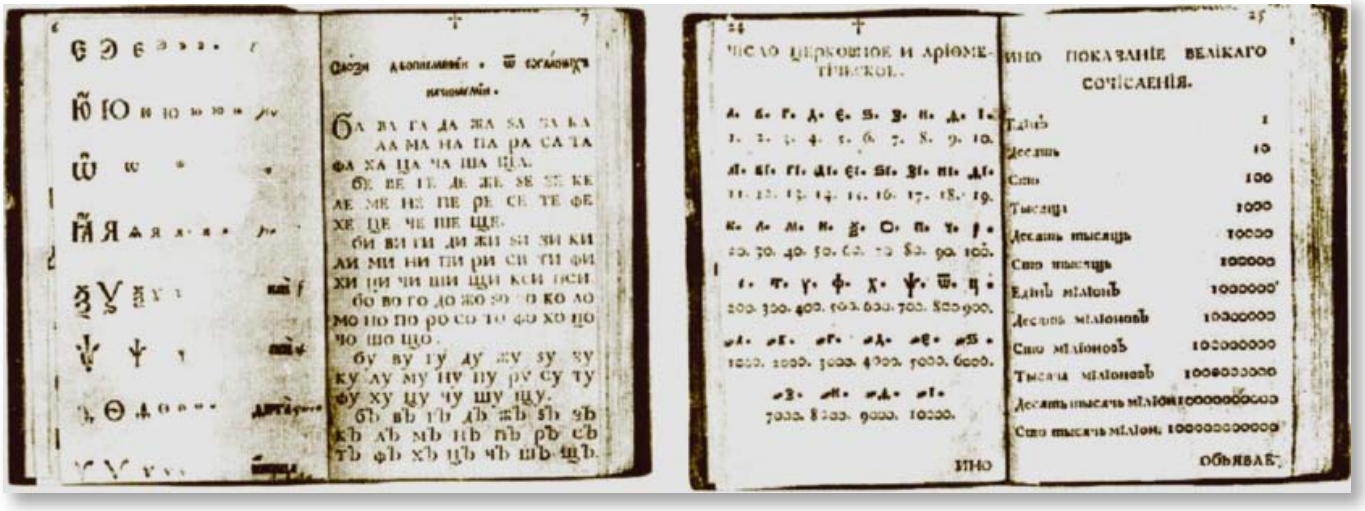
12. Всегда время пробавляй в делах благочестных, а празден и без дела отнюдь не бывай, ибо от того случается, что некоторые живут лениво, не бодро, а разум их затмится и иступится, потом из того добра никакого ожидать можно, кроме дряхлого тела и червоточины, которое с лености точно бывает.

13. Младый отрок должен быть бодр, трудолюбив, прилежен и беспокоен, подобно как в часах маятник, для того что бодрый господин ободряет и слуг, подобно яко бодрый и резвый конь учиняет седока прилежна и осторожна; потому можно отчасти, како правление которого господина состоит и содержится, ибо не напрасно пословица говорится: каков игумен, такова и братия.

14. Когда прилунится тебе с другими за столом сидеть, то содержи себя в порядке по сему правилу:

Впервых, обрежь себе ногти, да не явится, якобы оные бархатом обшиты.
Умой руки и сяди благочинно, сяди прямо и не хватай первый в блюдо, не жри как свиния и не дуй в ушное [1], чтобы везде брызгало, не сопи егда яси.
Первый не пий, будь воздержен избегай пьянства; пий и яждь, сколько тебе потребно, в блюде будь последний.
Когда что тебе предложат, то возьми часть из того, прочее отдай другому и возблагодари его.
Руки твои да не лежат долго на тарелке, ногами везде не мотай, когда тебе пить, не утирай (рта) губ рукою, но полотенцем, и не пий, пока еще пищи не проглотил.
Не облизывай перстов и не грызи костей, но обрежь ножом.
Зубов ножом не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой рот, когда зубы чистишь; хлеба приложа к грудям не режь, ешь, что пред тобою лежит, а инде не хватай.
Ежели перед кого положить хощешь, не примай перстами, как некоторые народы ныне обыкли, над ествою не чавкай, как свиния, а головы не чеши; не проглотя куска, не говори, ибо так делают крестьяне.
Часто чихать, сморкать и кашлять непригоже.
Когда яси яйцо, отрежь напредь хлеба и смотри, чтоб притом не вытекло, и яждь скоро. Яичной скорлупы не разбивай, и пока яси яйцо, не пий, между тем не замарай скатерти, и не облизывай перстов, около своей тарелки не делай забора из костей, корок, хлеба и прочаго.
Когда перестанешь ясти, возблагодари бога, умой руки и лицо и выполощи рот.

15. Имеет отрок наипаче всех человек прилежать, как бы себя мог учинить благочестна и добродетельна, ибо не славная его фамилия и не высокой род приводит его в шляхетство, но благочестные и достохвальные его поступки. Понеже благочестие есть похвала юности, и щастие благополучное, и красота в старости, того ради оный имеет по правде тому подражать. То бо есть истинное избавление от убожества и прямая подпора и постоянный столп богатству.



Страницы из книги «Юности честное зерцало», изданной в 1717 г. в Санкт-Петербурге. Открывающая книгу азбука построена традиционно, отличалась книга от других новым шрифтом и нравоучениями, последовательно проводящими идей петровских реформ.

18. Младый шляхтич, или дворянин, ежели в екзерциции (в обучении) своей совершен, а наипаче в языках, в конной езде, танцовании, в шпажной битве и может добрый разговор учинить, к томуж красноглаголив и в книгах научен, оный может с такими досугами прямым придворным человеком быть.

19. Прямый придворный человек имеет быть смел, отважен и не робок, а с государем каким говорить с великим почтением. И возможет о своем деле сам предъявлять, и доносить, и на других не имеет надеятися. Ибо где можно такого найти, который бы мог кому так верен быть, как сам себе. Кто при дворе стыдлив бывает, оный с порожними руками от двора отходит. Ибо когда кто господину верно служит, то надобно ему верная и надежная награда. А кто ища милости служит, того токмо милосердием награждают. Понеже никто ради какой милости должен кому служить, кроме бога. А государю какову ради чести и прибыли, и для временной милости.

22. Отрок должен быть весьма учтив и вежлив, как в словах, так и в делах: на руку не дерзок и не драчлив, также имеет оной стретившего на три шага не дошед, и шляпу приятным образом сняв, а не мимо прошедши, назад оглядываясь, поздравлять. Ибо вежливу быть на словах, а шляпу держать в руках неубыточно, а похвалы достойно, и лучше, когда кто про кого говорят: он есть вежлив, смиренный кавалер, и молодец, нежели когда скажут про которого: он есть спесивый болван.

27. Младые отроки должны всегда между собою говорить иностранными языки, дабы тем навыкнуть могли: а особливо когда им что тайное говорить случится, чтоб слуги и служанки дознаться не могли и чтоб можно их от других незнающих болванов распознать: ибо каждый купец товар свой похваляя продает как может.

63. Младый шляхтич или отрок всегда должен быть охочь к научению всякаго добра, и что ему прилично быть может, и не имеет дожидаться, пока кто его о том попросит, или потребует, или чтоб за ним для того в дом прибегали. А наипаче платить возмездие служащим, ибо в том есть великий грех и порок, когда кто у кого кровию заслуженную и трудом выработанную мзду наемничу удержит.

Алферов А., Грузинский А. Русская литература XVIII в. - 7-е изд. М., 1916. с. 6-12.

Примечания:

1. Блюда делились на ушневые (от «уха»), тельные (мясо, рыба) и хлебные (пирожное).

Иван Тихонович Посошков

Один из первых русских экономистов Иван Тихонович Посошков (1652 – 1726 гг.) известен как автор «Книги о скудости и богатстве» (1721 – 1724 гг.).

«Книга о скудости и богатстве» - главное сочинение И.Т. Посошкова, впервые была издана в 1842 г. В ней автор предлагал проект системы реформы в областях экономики, финансов, торговли и др. Адресуя свое сочинение Петру I, автор просил царя сохранить в тайне его «мизерное» имя, что, очевидно, не было достигнуто. Направленная против привилегий дворянства и знати, книга И.Т. Посошкова послужила причиной заключения ее автора в Петропавловскую крепость в 1725 г. В этом сочинении И.Т. Посошков проводил мысль о необходимости просвещения для народа. Ниже дается отрывок из этой книги.

Об обучении народа грамоте

Крестьянское житие скудостно ни от чего иного, токмо от своея их лености, а потом от нерассмотрения правителей, и от помещичья насилия, и от небрежения их...

Паки не малая пакость крестьянам чинится и от того, что грамотных людей у них нет. Аще в коей деревне дворов 20 и 30, а грамотного человека ни единого у них нет, и какой человек к ним не приедет с каким указом или и без указу, да скажет, что указ у него есть, то и тому и верят, и от того приемляют себе излишние убытки, потому что все они яко слепые, ничего не видят, не разумеют. И того ради многие и без указу приехав пакости им чинят великия, а они оспорить не могут; а и в поборех много с них излишних денег емлют...

И ради охранения от таковых напрасных убытков, видится, не худо б крестьян и поневолить, чтоб они детей своих, кои 10 лет и ниже, отдавали дьячкам в наученье грамоты и, научa грамоте, и учили бы их писать. Я чаю, не худо бы было так учинить, чтобы не было и в малой деревне безграмотного человека, и положить им крепкое определение, чтобы безотложно детей своих отдавали учить грамоте, и положить им срок годы на три или на четыре. А буде в четыре года детей своих не научат, такожде, кое рабята и впредь подрастут, а учить их не будут, то какое ни есть положить на них и страхование.

А егда грамоте и писать научатся, то они удобнее будут не токмо помещиков своих дела править, но и государственным делам угодны будут, наипаче же в сотские и пятидесятские вельми будут пригодны, и никто уже их не изобидит, и ничего с них напрасно не возьмет.

А чаю не худо указ послать и в низовые городы, чтобы и у мордвы детей брать и грамоте учить отдавать, хотя бы и насильно. А егда научатся, то и самим им слюбится; потому что к ним паче русских деревень, приезжая солдаты и приставы и подьячий овогда с указом, овогда ж и без указу, и чинят, что хотят, потому что они люди безграмотные и беззаступные. И того ради всяк их изобижает, и чего никогда в указе не бывало, того на них спрашивают, и правежем правят...

Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве.
М., 1951. с. 166, 171-172.

Василий Никитич Татищев

Русский ученый Василий Никитич Татищев (1686 – 1750 гг.) был представителем той части дворянства, которая при Петре I занимала руководящие позиции в основных сферах общественной и государственной деятельности. В.Н. Татищев разрабатывал проекты построения широкой системы образования по принципу сословному. Им были открыты горнозаводские школы на Урале. В.Н. Татищев планировал также создание школ и для детей приписанных к заводам крестьян. В помещенном здесь фрагменте его сочинения «Разговор о пользе наук и училищ» (1733 г.) развиваются взгляды на образование в духе просвещенного абсолютизма.

В.Н. Татищев

РАЗГОВОР О ПОЛЬЗЕ НАУК И УЧИЛИЩ

О пользе образования дворян и народа

Вопрос: - Слышу, что светские и люди в гражданстве искусные толкуют, якобы в государстве чим народ простяе, тем покорнее и к правлению способнее, а от бунтов и сметений безопаснее, и для того науки распространять за полезно не почитают.

Ответ: - Я верю, что вы то слыхали, да не верю, чтобы от благоразумного политика, или верного отечеству сына, но паче мню от нерассудного или махиавелическими[1] плевели насеянного сердца произнесенного; благорассудный же политик всегда сущею истиною утвердить может, что науки государству более пользы, нежели буйство и невежество принести могут. Я вам прежде говорил, колико науки полезны, а незнание или глупость как самому себе, так малому и великому обществу вредительно и бедно. Ты рассуди сам, что по природе всякий человек, каков бы ни был, желает: 1) умняе других быть и чтобы от других почтение и любовь иметь; 2) как всякому необходимо помощь других нужна, так он тех помощников, яко жену, друзей и советников, ищет умных и к принесению пользы ему способных; 3) зане сии не в состоянии всем вам потребныя услуги приносить, того ради прилежит человек, если можно, умных, верных и способных служителей иметь, понеже на умного друга более может надеяться, что он ему в недознании добрый совет и помощь подаст, а служитель умный все поведенное и желаемое с лучшим рассуждением и успехом, нежели глупый, произведет и совершит, а в случае и совет или помощь подать способен; но в оном наипервее собственный разум должен преимуществовать, дабы как о друге и помощнике, так и о рабе мог по состоянию каждого рассудить, какая от кого польза быть может, и потому онаго употреблять, яко иной способен на рассуждение, другой ко обороне, ин же к трудам и работам. И тако благоразумный от каждого по способности пользу иметь и другим полезен быть может, противно же тому несмысленный и неискусный сам себе вреды и беды неразумием начинает и производит, советам разумных верить не способен и сумневаяся полезное оставляет, или, начав, произвести неспособен, а глупым и вредительным советам последует, да обрести умнаго друга не в состоянии, он умному служителю полезное повелеть и определить не знает; коль же паче трудность и вред происходит, когда глупых советников и служителей имеет, что все его намерения и дела без порядку начинаются и со вредом кончаются, и от такова никакой пользы ни ему, ни отечеству уповать не можно, еще же можем тако о разности науки и неведения рассуждать.

Разумный человек чрез науки и искусство от вкоренившихся в его уме примеров удобнейшую поятность [2], твердейшую память, острейший смысл и беспогрешное суждение приобретает, а чрез то всякое благополучие приобрести, а вредительное отвратить способнее есть; он советы и представления испытует и по обстоятельству вещей поемлет, прежние же деяния и случаи от памяти взяв, с настоящим уподобляет и, все благорассудя, определяет, неправильным и впредь вредительным не прельщается, бесстрашных обстоятельств не боится и, на отвращение страха мужественно поступая, отревает [3] и побеждает, в радости и счастии не превозносится и оному не верит, а в несчастьи не ослабевает, беды же и горести великодушием преодолевает, и, своим довольствуясь, чужого не ищет; противно же тому, неведение всяким неправильным советом и предлогом прелщаяся, верит, но вскоре узнает, что обман есть; он сущаго страха не боится, а где несть страха трепещет, в печали и радости не умерен, в счастии и несчастии непостоянен и во всем вместо пользы наносит себе вред, - и сия есть разница междо ученым и неученым.

И хотя сие о единственном человеке говорено, но посему можешь и о целых народах или государствах рассуждать, особливо если хочешь обстоятельно знать, прочитай гистории древних времен, увидишь многих народов и государств примеры, что от недостатка благоразумного рассуждения разорились и погибли, которых память токмо на бумаге осталась.

Вопрос: - Хотя вы на вопрос мой пространно мне о безопасности от наук показали, но сие видится принадлежит токмо до знатных или шляхетства, мой же вопрос был о подлости [4].

Ответ: - Мой государь, прошу оную вину, что я невнятно выразумел, отпустить, ибо подлинно то разумел о шляхетстве, а понеже шляхетство в государствах почитается за природное войско, которых должность от самого возраста до старости государю и государству, не щадя здравия и живота своего, служить, начало же оных римляне кладут, яко бы от Ромуля учреждены и служили во младости конницею в войске, а в мужестве и старости в советах и правлениях гражданских, за которое они всем прочим станам предпочтены и владениями земскими, т.е. вотчинами, награждены, чего купечеству и крестьянству, якоже и протчим не-шляхетным, иметь почитай во всех европейских государствах, доднесь запрещено, а если кто по случаю нешляхетный вотчины получит, таковые сверх положенных на шляхетские вотчины податей повинны некоторую часть от их доходов в казну государственную платить, доколе они совершенно в тот стан от высшей власти введены и жалованною грамотою утверждены будут. Сей политический вымысел [5] есть весьма изрядный, чтобы более в войске служить охотников и способных воевод, якоже и советников и градоправителей искусных было, и для того я пример о советниках и служителях употребил, а теперь скажу об оных подлых.

Хотя противо неприятелей государство защищать и оборонять наперед сего должность была общая всего народа и все совокупно на войны ходили, но потом, как гражданство, купечество и земледельство за нужное и полезное в государстве принято, тогда, оных в покое оставя, особых людей ко обороне и защищению государства определили; но сии были двоякие; одни должны были наследственно в войне пребывать и для того инде всадники или конница, у нас же дворяне, яко придворные воины, у поляков шляхта, от шляха или путь именованы, зане всегда в походы должны быть готовы, другие подлые, яко казаки и пр. и сии более пехотное, но не наследственно; дети бо их могли иное пропитание искать, как то от гисторией других государств и наших видим, и для того о умножении сего полезного стана государи прилежно старались, как то царь Алексей Михайлович несколько тысяч гусар, рейтар и копейщиков, «собранных перво из крестьянств и убожества», по прекращении польской войны, деревнями пожаловал и в «дворянство причел»; от того в крымском походе 1689 одного шляхетства более 50000 счислялось; в начале же швецкой войны близь двадцати полков драгунских из дворянства набрано и во всей пехоте офицерством наполнено было, затем великая часть в услугах гражданских употреблялась, а из служителей дворовых пехота была устроена, но чрез оную и другие так тяжкие и долголетние войны так шляхетства умалилось, что везде стал недостаток являться, и для того нужда позвала из крестьянства в салдаты, матрозы и другие подлые службы брать. А как многократно случается, что на благорассудности одного салдата целой армии благополучие или безопасность зависит, от глупости великой вред может произойти, и для того нужно, чтобы салдаты были благорассудные, тако же нужно есть, чтобы всякой салдат о том мыслил и прилежал, чтоб в обер и штап-офицеры дослужиться, для котораго ему необходимо нуждно все свои поступки благорассудны и порядочны иметь и во исполнении должности прилежну и бодру быть, из чего не токмо ему собственно, но и государству польза происходит, а понеже неумеющему грамоте к получению онаго путь пересечен, следственно же желание и снискание онаго пресекается и от него желаемая польза не благонадежна. Да ежели б такой нашелся, что токмо писать и читать научен был и, в нижних чинах быв, за страх указания благонравием себя к произвожению удостоил; но вышед из-под палки и не разумея, что из противных благонравию поступков собственный ему вред и беда происходит, весьма инаго и непотребнаго состояния явится, каковых мы прикладов с немалою досадою довольно видим, если бы же и того не было, но не имея других полезных наук, за недостатком

искуснейших или по старшинству до полковничества произошел, то такой пользы от него надеяться или нужную команду, где более на рассуждения, нежели на инструкции зависит, поручить ему без опасности возможно, ибо по его чину суд и расправа на нем зависит и многократно в партиях, заставах и посылках немалое по его благорассудном поступке зависит.

Да еще более вред от неучения народа, что наши духовные или церковнослужители, которых по закону божию должность в том состоит, чтобы неведущих закону божию поучали и наставляли, с горестию видим, что у нас столько мало ученых, что едва между 1000 один сыщется, чтобы закон божий и гражданский сам знал и подлому народу оное внятным поучением внушить и растолковать мог, что убийство, грабление, ненависть, прелюбодейство, пиянство, обжорство и т.п. не токмо по закону божию смертельный грех, но и по природе самому вредительно и губительно, ибо без отмщения или наказания никогда преходит, закон же гражданский по обличению на теле или смертию казнит; но они, оставя оную внутренних добродетелей нужду, человеческим преданиям и внешним благочестиям поучают, от сего у нас так множество коварных и душевредных ябед в судах, лихоимств и неправд, разбоев, убивств, граблений и пр. происходит, что нам иногда, на благонравие других взирая, стыдно о себе и своих говорить, да еще того горше, что такие неуки и неведущие закона божия оных тяжких злодеяний и в грех не ставят, а если и признает за грех, то он в довольное умилостивление бога поставляет, когда свечу иконе поставит, икону серебром обложит, не мясо, но рыбу ест и на покаянии попу за разрешение гривну даст, то уже думает, что ему грех оный отпущен, и впредь в той же надежде на дальшее поступает. Противно же тому видим, как в других науками цветущих государствах таковых злочестий весьма редко слышится, почему, надеяся, что оное лживое разглашение отвержешь, а о научении и самой подлости со мною согласишься, да на оного махеовелиста кратче скажу: если бы ему по его состоянию всех служителей, лакеев, конюхов, поваров и дровосеков всех определил дураков, а в дворецкие, конюшие, стряпчие и в деревни прикащиков безграмотных, то бы он узнал, какой порядок и польза в его доме явится; я же рад и крестьян иметь умных и ученых.

Чему учиться

Вопрос: - Я хотя вас сначала спрашивал, что наука есть, на которое вы сказали, что знать добро и зло; но, по многом разговоре от того отдалились, того ради прошу, чтоб мне обстоятельно сказали, чего человеку учиться нужно.

Ответ: - Я вам прежде сказал, что нужно человеку о том прилежать, чтоб в совершенство притти и оное сохранить, пребывание елико по естеству возможно продолжить, удовольствие, а потом и спокойность приобрести, по которым и науки суть разных свойств и качеств, и хотя все их подробну толковать весьма пространно и в великую книгу уместить не можно, однакож я вам кратко скажу: в начале науки разделяются у философов по объявленным свойствам сугубо: душевное - богословие и телесное - философия.

По первому к совершенству, а наипаче нужно прилежно стараться, чтоб память, смысл и суждение в добрый порядок привести и сохранить. Другое внешнее, как вам прежде сказал, еже душа с телом толико связаны, что от повреждения телесных членов повреждаются и силы ума, того ради нужно и о внешних прилежать, дабы ни один член из надлежащего природного состояния не выступил или не повредился.

Как благоустроить училища в России

Вопрос: - Я вас последнюю спрошу: какия училища, где вы за полезнейше учредить разумеете?

Ответ: - Сие вам выше показано и особливо указы Петра Великого изъявляют, что по всем губерниям, провинциям и городам учредить надлежит, на которое он все монастырские излишние сверх необходимо нужных на церкви доходы определил, и оных весьма достаточно; еще же и богу приятно, что такие туне гиблющие доходы не на иное что, как в честь богу и пользу всего государства употреблять. Но при том нужно смотреть, чтоб: 1) оные особливо что шляхетству нужно, особно от подлости отделено было; 2) чтоб учители к показанию и наставлению нужнаго и полезнаго способны и достаточны, а паче от подаяния соблазна безопасны были; 3) чтоб все шляхетству нужное всюду без недостатка к научению могло быть показано, и для того книг и инструментов надобно иметь с довольством; 4) чего казенное или определенное от государей не вынесет, то нужно шляхетству на то доходы сложить и учредить, чтоб могло и других пользовать; а затем: 5) последнее, чтоб над всеми надзи-рание таким поручено было, которые довольное искусство в науках, а наипаче ревностное радение в пользе отечества изъяснить в состоянии.

Вопрос: - Какое обстоятельство в учителях требуется?

Ответ: - Частью о науке, частью и состояния их смотреть нужно. 1) В начале закона божия чтоб были сами истинной богословии, якоже и благонравия правил довольно научены, не ханжи, лицемеры и суеверцы, но добраго рассуждения, и если чернцев летами не меньше 50 и жития добраго не сыщется, то не противно и мирских, имущих жен, в то употребить. 2) Офицеры суть главные учители, и хотя за недостатком у нас довольно ученых людей иноземцы употреблены; однакож при том нужно смотреть, чтоб не были молодые, жен и детей неимущие; а при оных хотя половина русских таких, которые хотя склонность к наукам имеют и к тому могут из первых обученых и неколико в армии служивших употребиться. 3) Учители прочих всяких наук хотя все иноземцы, токмо б каждой в своей науке не токмо довольно сам учен, но и к показанию достаточныя способности имел; ибо не всякой ученой к научению других есть способен, особливо люди свирепого и продерзного нрава к научению младенцев не способны. 4) Как для обучения по губерниям, так и для партикулярных училищ нужно таких учителей из русских приуготовлять, чтоб не всегда иностранных с великим убытком выписывать, то можно из гимназий подлых, взяв в каждую науку человека по два, в помочь иностранным определить. И тако чаятельно своих учителей со временем довольно способных получить...

Татищев В.Н. Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887. с. 63-70, 75-76, 154-156.

Примечания

1 Т. е. зараженного влиянием Макиавелли.
2 Восприимчивость.
3 Отталкивает.
4 Так обозначались русским дворянством XVIII в. «низшие сословия».
5 Расчет, соображение.

Глава 2.

Педагогические воззрения идеологов просвещенного абсолютизма

Заметных успехов достигло русское образование в середине XVIII в. Связаны они, прежде всего, с именем и деятельностью гениального русского просветителя М.В. Ломоносова (1711 – 1766 гг.). Фактически его деятельность и роль в судьбе русского образования сопоставима только с ролью Петра I. Если Петр заложил фундамент светского европоцентристского образования в России, то Ломоносов стал основоположником отечественного (национального) образования, потому что национальное образование начинается с национальной культуры, причем культуры, освоенной образованием.

Ломоносов стал основоположником российской науки и многих областей отечественной культуры, благодаря ему наука заговорила на русском языке и была освоена русской культурой. Тем самым он подготовил почву для развития отечественного образования.

И он же выступил инициатором и создателем национального образования. М.В. Ломоносов совершенствовал работу Петербургской Академии наук, которая была не только важным центром науки, но и важным центром просвещения; совершенствовал работу Петербургского университета при Академии наук, ставшего рассадником русской культуры; сыграл главную роль в открытии Московского университета.

М.В. Ломоносовым и по его проектам были открыты первые светские русские гимназии – со временем они стали главной формой подготовки к университету. Он же разработал уставы гимназий и университета. Педагогическая деятельность М.В. Ломоносова нашла свое продолжение в работе многих его соратников и учеников.

Серьезное развитие российское образование получило и в эпоху правления Екатерины II, которая знала педагогику, хорошо разбиралась в вопросах образования и воспитания. Коротко ее роль в развитии русского воспитания и образования – если брать ее педагогическое наследие от ее указов до ее литературных сочинений – можно представить так: выдвижение вопросов воспитания и просвещения на первое место в общественном (по крайней мере, официальном) сознании, провозглашение новых целей воспитания – воспитание гражданина и человека, воспитание русского человека на основе отечественной культуры, традиций русского воспитания и образования (пьесы Екатерины, высмеивающие слепое копирование заграничной культуры); забота о развитии всех форм просвещения и воспитания от театра и Академии наук до народных училищ. При этом все начинания и преобразования в этой сфере проходили либо под ее руководством, либо при ее согласии. И именно она привлекла к реформированию образования многих выдающихся людей Европы и России, в том числе И.И. Бецкого, подготовившего доклад «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», который в 1764 г. получил силу закона.

Большую роль в развитии общественно-педагогического движения в этот период сыграл Н.И. Новиков (1744 – 1818 гг.), который попытался организовать народное просвещение независимо от государства, избрав основным средством для этого печать. Он издавал детские журналы, газеты (благодаря его стараниям резко возросла роль газеты в общественной жизни России), просветительскую литературу, учебники для народных школ. В Петербурге, на пожертвованные деньги, им были открыты училища для народа. В конце XVIII в. в России было открыто 315 народных училищ, в которых училось около 20 тыс. человек.

Михаил Васильевич Ломоносов

Михаил Васильевич Ломоносов (1711 – 1765 гг.) - великий русский ученый был вместе с тем и выдающимся педагогом. «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенною силою понятия, Ломоносов обнял все отрасли просвещения...» (А.С. Пушкин).

М.В. Ломоносовым были заложены демократические традиции в развитии русской науки, школы и просвещения. Он вел непримиримую борьбу против засилия бездарных иностранцев в русской науке. «...Я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятельми наук российских бороться». Ломоносов был против и некомпетентного вмешательства церковнослужителей в развитие научного знания. Он писал: «...напрасно многие думают, что все как видим, сначала творцом создано, будто не только горы, долы и воды, но разные роды минералов произошли вместе со всем светом и потому де не надобно исследовать причин, для чего они внутренними свойствами и положением мест рознятся. Таковы рассуждения весьма вредны приращению всех наук, следовательно и натуральному знанию...»

Портрет М.В. Ломоносова. Н.И. Соколов. 1802. Гравюра.

Перу М.В. Ломоносова принадлежит целый ряд сочинений, посвященных вопросам преподавания языка и литературы, высшей школе и семейному воспитанию, вопросам организации учебного процесса. Им были созданы многие учебные пособия и учебники по русскому языку и литературе, физике, химии для гимназии и университета.

Педагогические идеи этого гениального человека обращены в будущее, и потому впоследствии они стали более актуальными, чем в то время, когда были высказаны впервые.

Утреннее размышление о Божием величестве

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой от земли
И Божия дела открыло.
Мой дух, с веселием внемли,
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель сам!
Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приближившись, воззреть.
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.
Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.
Сия ужасная громада -
Как искра пред тобой одна.
О, коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!
От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
«Велик Зиждитель наш, Господь!»
Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел,
Но взор твой в бездну проницает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Лиется радость твари всей.
Творец! Покрытому мне тьмою
Простри премудрости лучи
И что угодно пред Тобою
Всегда творити научи
И, на Твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный Царь.

Слово о пользе химии

(В Публичном Собрании Императорской академии наук сентября 6 дня 1751 года говоренное Михаилом Ломоносовым)

Рассуждая о благополучии жития человеческого, слушатели, не нахожу то совершеннее, как ежели приятными и беспорочными трудами пользу приносить.

Ничто на земле смертному выше и благороднее дано быть не может, как упражнение, в котором красота и важность, отнимая чувствие тягостного труда, некоторою слабостию ободряет, которое, никого не оскорбляя, увеселяет неповинное сердце и, умножая других удовольствие, благодарностию оных возбуждает совершенную радость. Такое приятное, беспорочное и полезное упражнение где способнее, как в учении, сыскать можно? В нем открывается красота многообразных вещей и удивительная различность действий и свойств, чудным искусством и порядком от всевышнего устроенных и расположенных. Им обогащающийся никого не обидит затем, что неистощимое и всем обще предлежащее сокровище себе приобретает. В нем труды свои полагающий не токмо себе, но и целому обществу, а иногда и всему роду человеческому пользою служит. Все сие коль справедливо и коль много учение остроумием и трудами тщательных людей блаженство жития нашего умножает, ясно показывает состояние европейских жителей, снесенное со скитающимися в степях американских.

Представьте разность обоих в мыслях ваших. Представьте, что один человек немногие нужнейшие в жизни вещи, всегда перед ним обращающиеся, только назвать умеет, другой не токмо всего, что земля, воздух и воды рождают, не токмо всего, что искусство произвело чрез многие веки, имена, свойства и достоинства языком изъясняет, но и чувствам нашим отнюдь не подверженные понятия ясно и живо словом изображает. Один выше числа перстов своих в счете происходить не умеет, другой не токмо через величину тягость без весу, через тягость величину без меры познавает, не токмо на земли неприступных вещей расстояние издалека показать может, но и небесных светил ужасные отдаления, обширную огромность, быстротекущее движение и на всякое мгновение ока переменное положение определяет. Один лет своея жизни или краткого веку детей своих показать не знает, другой не токмо прошедших времен многоразличные и почти бесчисленные приключения, в натуре и в обществах бывшие по летам и месяцам располагает, но и многие будущие точно предвозвещает. Один, думая, что за лесом, в котором он родился, небо с землею соединились, страшного зверя или большое дерево за божество малого своего мира почитает, другой, представляя себе великое пространство, хитрое строение и красоту всея твари, с некоторым священным ужасом и благоговейною любовию почитает создателеву бесконечную премудрость и силу. Поставьте человека, листвием или сырою звериною кожею едва наготу свою прикрывающего, при одеянном златотканными одеждами и украшенном блистанием драгоценных камней. Поставьте поднимающего с земли случившийся камень или дерево для своей от неприятеля обороны при снабденном светлым и острым оружием и молнию и гром подражающими махинами. Поставьте заостроватым камнем тонкое дерево со многим потом едва претирающего при употребляющем сильные и хитросложенные махины к движению ужасных тягостей, к ускорению долговременных дел и к точному измерению и разделению величины, весу и времени. Воззрите мысленными очами вашими на плывущего через малую речку на связанном тростнике и на стремящегося по морской пучине на великом корабле, надежными орудиями укрепленном, силою ветра против его же самого бегущем и вместо вождa камень по водам имеющим. Не ясно ли видите, что один почти выше смертных жребия поставлен, другой едва только от бессловесных животных разнится; один ясного познания приятным сиянием увеселяется, другой в мрачной ночи невежества едва бытие свое видит? Толь великую приносит учение пользу, толь светлыми лучами просвещает человеческий разум, толь приятно есть красоты его наслаждение! Желал бы я вас ввести в великолепный храм сего человеческого благополучия, желал бы вам показать в нем подробно проницанием остроумия и неусыпным рачением премудрых и трудолюбивых мужей изобретенные пресветлые украшения, желал бы удивить вас многообразными их отменами, увеселить восхищающим изрядством и привлещи к ним неоцененною пользою, но к ис-

полнению такового предприятия требуется большее моего разумение, большее моего красноречие, большее время потребно, нежели к совершению сего намерения позволяется. Того ради прошу, последуйте за мною мыслями вашими в един токмо внутренний чертог сего великого здания, в котором потшусь вам кратко показать некоторые сокровища богатыя натуры и объявить употребление и пользу тех перемен и явления, которые в них химия производит. В показании и изъяснении оных ежели слово мое где недовольно будет, собственною ума вашего остротою наградите.

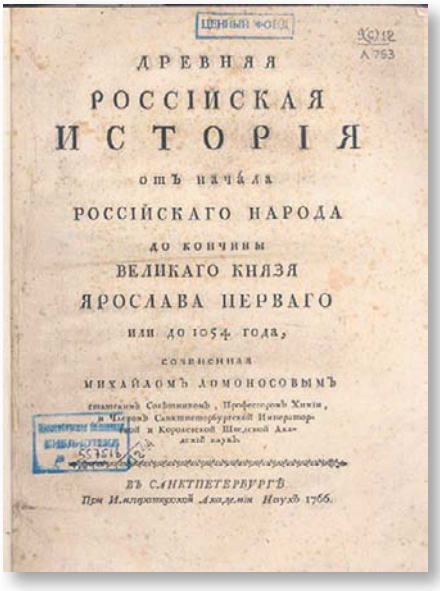
Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого, или до 1054 года

(Сочиненная Михаилом Ломоносовым статским советником, профессором химии и членом Санкт-Петербургской императорской и Королевской шведской академий наук.)

Вступление

Народ российский от времен, глубокою древностию сокровенных, до нынешнего веку толь многие видел в счастии своем перемены, что, ежели кто междоусобные и отвне нанесенные войны рассудит, в великое удивление придет, что по толь многих разделениях, утеснениях и нестроениях не токмо не расточился, но и высочайшие степени величества, могущества и славы достигнул. Извне угры, печенеги, половцы, татарские орды, поляки, шведы, турки, извнутрь домашние несогласия не могли так утомить России, чтобы сил своих не возобновила. Каждому несчастию последовало благополучие большее прежнего, каждому упадку высшее восстановление; и к ободрению утомленного народа некоторым божественным промыслом воздвигнуты были бодрые государи.

Толикие перемены в деяниях российских: соединение разных племен под самодержавством первых князей варяжских, внутренние потом несогласия, ослабившие наше отечество, наконец, новое совокупление под единоначальство и приобщение сильных народов на востоке и на западе рассуждая, порядок оных подобен течению великия реки представляю, которая, от источников своих по широким полям распростираясь, иногда в малые потоки разделяется и между многими островами теряет глубину и стремление; но, паки соединясь в одни береги, вящую быстрину и великость приобретает; потом присовокупив в себя иные великие от сторон реки, чем далее протекает, тем обильнейшими водами разливается и течением умножает свои силы.



Возрастая до толикого величества Россия и восходя чрез сильные и многообразные препятства, коль многие деяния и приключения дать могла писателям, о том удобно рассудить можно. Из великого их множества немало по общей судьбине во мраке забвения покрыто. Однако противу мнения и чаяния многих, толь довольно предки наши оставили на память, что, применясь к летописателям других народов, на своих жаловаться не найдем причины. Немало имеем свидетельств, что в России той великой тьмы невежества не было, какую представляют многие внешние писатели. Инако рассуждать принуждены будут, снесши своих и наших предков и сличив происхождение, поступки,

обычаи и склонности народов между собою.

Большая одних древность не отъемлет славы у других, которых имя позже в свете распространилось. Деяния древних греков не помрачают римских, как римские не могут унизить тех, которые по долгом времени приняли начало своея славы. Начинаются народы, когда другие рассыпаются: одного разрушение дает происхождение другому. Не время, но великие дела приносят преимущество. Посему всяк, кто увидит в российских преданиях равные дела и героев, греческим и римским подобных, унижать нас пред оными причины иметь не будет, но только вину полагать должен на бывший наш недостаток в искусстве, каковым греческие и латинские писатели своих героев в полной славе предали вечности.

Сие уравнение предлагаю по причине некоторого общего подобия в порядке деяний российских с римскими, где нахожу владение первых королей, соответствующее числом лет и государей самодержавству первых самовластных великих князей российских; гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные городы, некоторым образом гражданскую власть составляющему; потом единоначальство кесарей представляю согласным самодержавству государей московских. Одно примечаю несходство, что Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностию Россия едва не дошла до крайнего разрушения; самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась. Благонадежное имеем уверение о благосостоянии нашего отечества, видя в единоначальном владении залог нашего блаженства, доказанного толь многими и толь великими примерами. Едино сие рассуждение довольно являет, коль полезные к сохранению целости государств правила из примеров, историею преданных, изыскать можно.

Российская грамматика

Пресветлейшему государю, великому князю Павлу Петровичу, герцогу голстейн-шлезвигскому, сторманскому и дитмарсенскому, графу олденбургскому делменгорсткому и прочая, милостивейшему государю

Пресветлейший государь, великий князь, милостивый государь!

Повелитель многих языков, язык российский не токмо обширностью мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали. Но кто, не упрежденный великими о других мнениями, прострет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится. Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским - с друзьями, немецким - с неприятельми, итальянским - с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того, богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков. Обстоятельное всего сего доказательство требует другого места и случая. Меня долговременное в российском слове упражнение в том совершенно уверяет. Сильное красноречие Цицероново, великолепная Вергилиева важность, Овидиево приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи. И ежели точно изобразить не можем, не

языку нашему, но недовольному своему в нем искусству приписывать долженствуем. Кто отчасу далее в нем углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море. Отважась в оное, сколько мог я измерить, сочинил малый сей и общий чертеж всея обширности - Российскую грамматику, главные только правила в себе содержащую. Сие невеликое дело в.и.в. принести в дар весьма бы я усумнелся, если бы оно, не считая моего посильного и к отечеству усердного труда, само своею надобностию не подало к тому смелости. Тупа оратория, косноязычна поэзия, неосновательна философия, неприятна история, сомнительна юриспруденция без грамматики. И хотя она от общего употребления языка происходит, однако правилами показывает путь самому употреблению. Итак, когда в грамматике все науки таковую нужду имеют, того ради, желая, дабы она сиянием, от пресветлого имени в.и.в. приобретенным,

РОССІЙСКАЯ
ГРАММАТИКА
МИХАЙЛА ЛОМОНОСОВА.
ПЕЧАТАНА ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Императорской Академіи Наукъ
1755 года.

привлекла российское юношество к своему наставлению, всеуниженнейше приношу оную в.и.в., преисполнен усердного желания о многолетнем оного продолжении. Всевышний промысл, споспешествующий попечению о вас, великия Елисаветы и дражайших родителей в.и.в., да благоволит укрепить ваше младенчество, просветить отрочество, возвеселить юношество, прославить мужество и продолжить в бодрости премудрую старость. И, когда под вышнего рукою лета ваши процветая купно с общею нашею радостию возрастают, да возрастает и российского слова справность в богатстве, красоте и силе, к описанию славных дел предков наших, к прославлению благословенного дома Петрова и всего отечества, к удовольствию в.и.в. и ваших потомков, которых число да продолжит господь непрерывно вовеки, от искренней верности желаю, пресветлейший государь, великий князь, в.и.в. всенижаший раб.

Михайло Ломоносов

Об учреждении Московского университета
(Письмо от 1754 г. июня - июля И.И. Шувалову)

Милостивый государь Иван Иванович!

Полученным от вашего превосходительства черновым доношением Правительствующему Сенату к великой моей радости я уверился, что объявленное мне словесно предприятие подлинно в действо произвести намерились к приращению наук, следовательно, к истинной пользе и славе отечества. При сем случае довольно я ведаю, сколь много природное ваше несравненное дарование служить может и многих книг чтение способствовать. Однако и тех совет вашему превосходительству небесполезен будет, которые сверх того университеты не токмо видали, но и в них несколько лет обучались, так что их учреждения, узаконения, обряды и обыкновения в уме их ясно и живо, как на картине, представляются. Того ради, ежели Московский университет по примеру иностранных учредить намеряетесь, что весьма справедливо, то желал бы я видеть план, вами сочинен-

ный. Но ежели ради краткости времени или ради других каких причин того не удостоюсь, то, уповая на отеческую вашего превосходительства ко мне милость и великодушие, принимаю смелость предложить мое мнение о учреждении Московского университета кратко вообще.

1) Главное мое основание, сообщенное вашему превосходительству, весьма помнить должно, чтобы план Университета служил во все будущие роды. Того ради, несмотря на то, что у нас ныне нет довольства людей ученых, положить в плане профессоров и жалованных студентов довольное число. Сначала можно пропяться теми, сколько найдутся. Со временем комплет наберется. Остальную с порожних мест сумму полезнее употребить на собрание университетской библиотеки, нежели, сделав ныне скудный и узкий план по скудности ученых, после, как размножатся, оный снова переделывать и просить о прибавке суммы.

2) Профессоров в полном университете меньше двенадцати быть не может в трех факультетах.

В Юридическом три

Профессор всей юриспруденции вообще, который учить должен натуральные и народные права, также и узаконения Римской древней и новой империи.

Профессор юриспруденции российской, который, кроме вышеписанных, должен знать и преподавать внутренние государственные права.

Профессор политики, который должен показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прешедшие веки и как состоят в нынешнее время.

В Медицинском 3 же

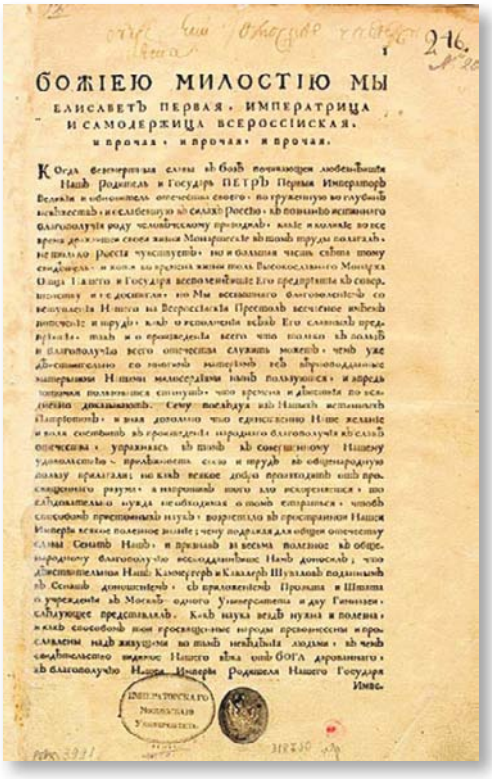
Доктор и профессор химии.
Доктор и профессор натуральной истории.
Доктор и профессор анатомии.

В Философском шесть

Профессор философии.
- физики.
- оратории.
- поэзии.
- истории.
- древностей и критики.

3) При Университете необходимо должна быть Гимназия, без которой Университет, как пашня без семян. О ее учреждении хотел бы я кратко здесь вообще предложить, но времени краткость возбраняет.

Не в указ вашему превосходительству советую не торопиться, чтобы после не переделывать. Ежели дней полдесятка обождать можно, то я целый полный план предложить могу, непременно с глубоким высокопочитанием пребывая, *вашего превосходительства всепокорнейший слуга Михайло Ломоносов*



БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ МЫ
ЕЛИСАВЕТЪ ПЕРВАЯ, ИМПЕРАТРИЦА
И САМОДЕРЖИЦА ВСЕРОССІЙСКАЯ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1957. Т. 10. с. 508-514.

Екатерина Романовна Дашкова

Екатерина Романовна Дашкова (1743 – 1810 гг.) – выдающийся деятель русской культуры, директор Петербургской академии наук, президент Российской академии (Академия русского языка и словесности). Стремилась к объединению ученых и писателей в целях развития русского языка и отечественной культуры.

Портрет княгини Е.Р. Дашковой. Художник Д.Г.Левицкий, 1784 г.

О смысле слова «воспитание»

Отцы наши воспитать уже нас желали как-нибудь, только чтоб не по-русски и чтоб чрез воспитание наше мы не походили на россиян. В их век просвещение, дошедшее к нам от французов, казалось им, так изобильно водворилось в отечестве нашем, что знатный один господин в тысяча семьсот пятьдесят, не помню, которомто году, с восторгом говоря приехавшему вновь сюда, доказывал ему о просвещении тогдашнем, тем что завелись уже в России французские обойщики, швейцары и, наконец, о дивное дело! что установлена и лотерея, хотя барыш, с оной получаемый, не в помощь бедных, больных или престарелых употребляем был. Тогда танцмейстеры, французские учителя или мадамы, по их мнению, все воспитание совершали, хотя с улиц парижских без пропитания шатающиеся или от заслуженного в отечестве своем наказания укрывающиеся оными воспитательницами по большой части бывали.

Нередко случалось слышать особливо в Замоскворецких съездах или беседах, как-то на родинах, именинах или крестинах: «Что ты, матушка, своей мамзели даешь?» «Дарага, праклятая, дарага! Да что делать; хочется воспитать детей своих благородно: сто восемьдесят рублей деньгами, да сахару по пяти и чаю по одному фунту на месяц ей даю». - «И матушка! Я так своей больше плачу: двести пятьдесят рублей на год, да домашних всяких припасов даю довольное число. Правду сказать, за то она уже моет кружево мое и чепчики мне шьет, да и Танюшу выучила чепчики

делать. Нынче, матушка, уж и замуж дочери не выдашь, коли по-французски она говорить не умеет; а постричь ее вить нельзя же. Как быть! Да я и сама-таки люблю французское благородство и надеюсь, что дочь моя в грязь лицом не ударит». - Учителями же бывали не только парижские лакеи, но и таковые, которые уже и в России ливрею носили.

Воспитание сие не только не полезным, но и вредным назваться может: ибо лучше было бы Танюше не уметь чепчиков шить, кружева мыть и по-французски болтать, да не иметь и тех гнусных в голове и сердце чувствований, кои подлая и часто развратная французская девка ей впечатлевает. Она бы могла быть лучшею женою, матерью и госпожею, если бы, не зная худо чужого языка, природному своему языку выучена была и если бы она имела любовь к отечеству вместо пренебрежения, кое мамзелюшки к оному детям вперяют; почтение к родителям; любовь к порядку, скромности и хозяйству, а не роскошь, ветреность и небрежение в себе показывала; тогда бы можно было заключить, что родители ея правильное о слове «воспитание» понятие имели, нежели Танюшино поведение подает повод думать.

Воспитание, которое мы детям своим даем, еще более разнствует с воспитанием, кое прапрадеды дедам нашим давали. Мы еще более удалились от справедливого смысла, заключающегося в слове «воспитание», прибавя к разврату, который учителя и мадамы в сердца детей наших сеют, разврат, которому предаются дети наши, путешествуя без иного намерения, окроме веселья, без рассудка, без нужного примечания и погружая себя в Париже или в Страсбурге только в праздность, роскошь и пороки, с истощенным телом, с истощенным смыслом и кошельком домой беспоправочны возвращаются. А как пребывание в Париже, по их мнению, им дает поверхность над теми, кои в нем не были, и как притом число небывших в Париже почти можно считать как 1 против 1000, то по мере сей пропорции и высокомерятся, во всяком случае отличаются такой надменностию, что и в собраниях, для коих они только себя и прочили, несносными себя делают. Не в поле, не в совете или служении отечеству они себя отличить и посвятить хотят: танцы, клавикорты или скрипка, разговоры о театрах и действующих на оных - вот благородное и пространное поле, которое наши дети выбрали и на коем отличиться желают. Наглость и надменность, обыкновенные спутники незнания, и в сообществах быть вожделенными им препятствуют, ибо они так надоедают, перебивая у всех речь, говоря о всем решительным образом, пренебрегая все то, что здесь видят, а решения свои свыше всякой апелляции считая, для того что они были в Париже, почему, обнажив, наконец, свою ветреность и ничтожество, перестают скоро быть зваными или желаемыми и в самых тех собраниях, где, кажется, другого намерения нету, как только время проводить, или, лучше сказать, потерять оное. Дочери наши стараются мотовством своим прославиться... Романы читать, на клавикортах и арфе бренчать есть главное их упражнение. Родители хороших правил детям своим не вперяют, к размышлению их не приучают; чему же дивиться, когда так мало браков совершаются или что совершившиеся скоро разрываются. Основательно мыслящий молодой человек для того жениться опасается, чтоб с женою он не получил и долгов, на оплату коих имения его недостаточно быть может; легкомысленный парижский россиянин не женится для того... что не хочет умножить трудностей, коими он уже обременяется, увертываяся и обманывая своих кредиторов. И наконец, для того, чтоб не терять на воспитание детей и домостроительство своего времени, которое он на театральные действия употребляет; оного бы недоставало ему для учения роли, кои он в комедии или драме с такою славою и с собственным удовольствием представляет, если б он должность мужа женатого на себя предпринял.

Но сколь ни велико усердие мое, чтоб слову «воспитание» прямой смысл здесь вывесть, а чрез то самое внимание родителей к полезному воспитанию детей обратить, прибавлю здесь только некоторые аксиомы, коих, по мнению моему, всякому родителю... знать надлежит.

Воспитание более примерами, нежели предписаниями, преподается.

Воспитание ранее начинается и позднее оканчивается, нежели вообще думают.

Воспитание не в одних внешних талантах состоит: украшенная наружность вкусом или действиями, кои от танцмейстера, от фехтмейстера и пр. получаются, без приобретения красот ума и сердца есть только кукольство, кое становится с летами не нужным, и конечно, мужу зрелого ума не инако, как для редкого употребления в сообществе пригодным.

Воспитание состоит не в приобретении только чужих языков, ниже в науках одних; ибо и ремесленный человек, определяя сына своего к какому-нибудь также ремеслу, если только что оному его выучит, а не даст ему чрез воспитание крепости и силы, могущей переносить труды телесные, и не вперит ему как поучениями, так и примером своим любви к трудам, к трезвости, верности и порядку, он не может надеяться зреть его благополучным: ибо он не влил в сердце сына своего того основания, на коем единственно благосостояние созидаться может, и не доставил ему также той бодрости тела, которая для трудов весьма нужна. Кольми паче возвышенное состояние, которое с собою приносит власть и способы добродетельствовать и силу делать притеснение и обиды зависимым и подчиненным, требует такового воспитания, в коем бы человеколюбие, справедливость и добродетель твердое основание имели, а здоровье, утвержденное благоразумным физическим воспитанием, соделовало питомца храбрым, к войне и трудам способным и во нраве своем благоприятным и равным.

По чему заключить можно, что слово «воспитание» прямого, к несчастию нашему, определенного смысла у нас еще не имеет. Разум оного обширен, пространен и содержит в себе три главные части, которых союз выполняет его существо, то есть совершенное воспитание состоит из физического воспитания, из нравственного и, наконец, из школьного, или классического. Первые две части всякому человеку необходимо нужны, третья же некоторого звания людям нужна и прилична, но притом нелишняя никому и украшает и самую высшую степень знатности, в коей таковые преобретенные красоты ума с большим блеском оказываются и сияют. Просвещение в вельможе несчетную пользу обществу приносит, поелику подчиненные ему будут им отличаемы не за подлые от них к нему услуги или таканье, но за достоинства и за исправность в возложенном на них служении.

Антология педагогической мысли России XVIII в.
под ред. И.А. Соловкова. М., 1986. с. 183-187.

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИДЕИ ПРОФЕССОРОВ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В Московском университете с начала его основания велась интенсивная разработка педагогических, дидактических и методических проблем. Уже в 50-х гг. XVIII в. на конференции профессоров было решено приступить к составлению «общего метода преподавания», который «должно ввести в гимназии». Вопросам методики преподавания посвящались специальные собрания университетских ученых. Одним из результатов разработки этих проблем было дидактическое пособие для учителей «Способ учения», впервые изданное в 1771 г. на русском, латинском, немецком и французском языках. Важнейшие идеи данного пособия были близки «Регламенту московских гимназий», составленному М.В.Ломоносовым. Вместе с тем в «Способе учения» был отражен многолетний опыт работы университетской гимназии

и пансиона. Основные идеи «Способа учения» развивались в многочисленных педагогических трудах Н.Н. Поповского, А.А. Барсова, А.А. Прокоповича-Антонского, Х.А. Чеботарева и других отечественных ученых второй половины XVIII в., использовались и развивались активными деятелями комиссии народных училищ Ф.И. Янковичем, М.Е. Головиным, Е.Б. Сырейщиковым, В.Ф. Зуевым, при составлении учебников, руководств и методических указаний учителям народных училищ в конце XVIII и начале XIX в.

Ф.И. Янкович (1744 – 1814 гг.) сыграл видную роль в подготовке «Устава народным училищам в Российской империи», в соответствии с которым в России создавались малые и главные народные училища с 2-5-летним сроком обучения. Малые училища давали элементарное образование, главные – более широкое чтение, письмо, счет, краткий катехизис, история, арифметика, география, грамматика и т.д. В 1782 г. Янковичем было открыто Петербургское главное народное училище, которое стало готовить учителей для народных училищ.

В конце XVIII в. в России было открыто 315 народных училищ, в которых училось около 20 тыс. человек.

Ниже помещен русский текст первого издания «Способа учения» (1771 г.) с незначительными сокращениями (опущен перечень пособий, рекомендовавшихся учителям по отдельным предметам).

Способ учения

...Московский университет, во-первых, за предмет себе имея, чтоб основательным воспитанием юношества доставить государству членов, которые бы благосостоянию общества с пользою споспешествовали, за долг свой почел учителям, при оном находящимся, вкратце предложить правила, которым бы они во всех своих наставлениях следовали. Оные состоят в следующем:

1. Никто, не имеющий воспитания сам, других воспитывать не может, и учитель, не показывающий собою примеров честности, добродетели, непорочности нравов и благоразумия, больше вреда, нежели пользы, приносит воспитываемым. Почему он обязан подавать учащимся пример во всех изрядных качествах и вообще во всем учении должен быть снисходителен и ласков.

2. И тако, как во всех других вещах, учением преподаваемых, так, во-первых, в языках, при показании начатков оных, имеет он поступать таким образом, чтоб при самом начале, обременяя память, не истребить в юношестве охоту к учению. В азбуке показав надлежаще чтение и письмо, должен он присоединить упражнение в употребительнейших вокабулах или единственных речениях и в разговорах, особливо наблюдая притом правильное произношение. Для таковых упражнений с пользою употреблять может учитель сего класса напечатанные при университете азбуки латинского, французского, немецкого, греческого и российского языков.

3. По утверждении таким образом в первых начатках языков приступит учитель к этимологии оных, причем наибольше имеет упражняться в примерах склонений и спряжений, которые должен по порядку предписывать на доске или, если немного будет учеников, на бумаге, в то самое время склоняя и спрягая по оным многие слова и приказывая учащимся самим делать в том подражание.

Но дабы учащиеся сие точно разумели и употребление оного знали, то должен он на все примеры сентенциями и локуциями, в то самое время сделанными и переведенными, показать им, который есть, например, и где в сем сочинении вини-

тельный падеж, когда оный употреблять должно и по какому вопросу? Которое есть и где в сем изречении сослагательное наклонение и оного настоящее время, единственное число, третье лицо и когда оное употреблять должно? По показании довольно таким образом склонений и спряжений и по затвержении их частным употреблением тотчас к чтению и толкованию какого-нибудь легкого писателя приступить и в сем упражнении следующему правилу последовать может.

a) Одну или две статьи из автора прочтет сам учитель, потом заставит оную же статью читать одного или двух из учащихся, прочим приказав прилежно слушать, дабы они чрез то привыкали к правильному произношению, а сам учитель имел бы случай поправлять погрешности.

b) Потом прочитанную статью сперва от слова до слова сам переведет учитель, а после одному или двоим из учащихся то же делать велит: таким образом они слова порознь узнают. А дабы они также из употребления вскорости узнали сходство и несходство природного своего языка с чужим, которому они учатся, то учительская должность будет, наконец, сей от слова до слова учиненный перевод пс идиоматизмам и свойствам природного языка в то самое время исправить и совершить.

c) Переведенную статью должен учитель по всем частям речи и образцам, довольно уже затверженным, разбирать по правилам этимо логическим, приказывая притом правила грамматические, к сему при надлежащие, сыскивать и одному или другому из учеников ясным голосом читать; токмо притом, чтобы и прочие то ж правило про себя читали. Таким образом не только правила этимологические сделаются им известны, но також и находящиеся притом дефиниции или определения, например, имени существительного, прилагательного и пр., и они также изъятия с правилами из употребления узнавши частым чтением, повторением и упражнением, как бы играя в память себе вперят.

d) Изъясненную таким образом статью велит учащимся самим перевести на письме и речения, порознь и в соединении между собою находящиеся, им еще не весьма известные, выписывать и по частом повторении наизусть учить, что можно делать и с целыми периодами, особливо если оные в себе какое-нибудь нравоучительное наставление содержат.

e) Перевод, таким образом сделанный и поправленный, прикажет в тетрадь набело переписать, а в следующую потом лекцию оный же перевод велит, несмотря в автора и без приготовления, перевесть на тот язык, с которого оный в прошедшую лекцию на свой язык переведен был. Таким образом учащиеся чрез употребление час от часу более входить будут в переводы и с своего языка на чужой. Потом уже может приступить и к следующим статьям автора, наблюдая везде сей же способ. К сему упражнению присовокупит еще легкие разговоры и сам сколько можно говорить будет с учащимися тем языком, которому они учатся...

4. По надлежащем затвержении таким образом этимологических правил приступит учитель к синтаксису и, показавши кратко правила оного примера, изъяснит по тому ж образцу сочиняемыми. Он должен читать предписанных авторов и все в оных находящиеся речения рассматривать по правилам синтаксическим, а особливо по выведении им свойства каждого порознь и в соединении находящихся слов из самого начала оных, или из обыкновений и нравов народа, також из произведения и сложения их, и напоследок по истолковании несвойственности и причин оной, которые по большей части содержатся в сходстве собственного знаменования с несобственным, должен он стараться, дабы учащиеся употребление оных надлежащим образом разумели и понимали. Впрочем, имеет он все выше сего предписанные о чтении авторов наставления и здесь сколько можно наблюдать. Причем к сему упражнению присовокупит и то, что касается до переводов с своего языка на чужестранный, а особливо имеет точно исполнять свою должность в поправлении оных переводов. Если много будет иметь учащихся, то перевод одного из них поправит, написав его

на доске и приказав ученикам, ежели могут, сыскивать в нем погрешности по правилам грамматическим, с приискиванием оных и с повторяемым всегда почтением, и притом велит прочим ученикам переводы их поправить по сему исправлению и после набело в тетради вписывать. Упражнение в разговорах и употребление оных также и здесь продолжать будет и должен говорить всегда тем языком, которому у него учатся, стараясь притом, чтоб и ученики тем же языком говорили...

5. По сем следует стиль и красноречие, в преподавании которого учитель имеет по повторении всей грамматики и по предложении наставлений риторики и поэзии показывать точными правилами, в чем собственно состоит свойство красноречия того языка, и все сие утверждать избранными примерами. Должен читать авторов с показанием везде изъясненных правил и приказывая с образца их делать сочинения, например письма, краткие речи, подражания и пр.

Особливо должен он стараться, дабы учащиеся по прочтении целых мест из авторов и по изъяснении оных вышепоказанным образом делали из них точными словами автора перечни и сказанное автором сокращали; которые упражнения все легки будут, если сам учитель покажет собою, каким образом им в том трудиться и упражняться должно. Но и здесь учитель в поправлении ученических сочинений тоже употреблять должен, смотря по обстоятельству, старание, какое мы прежде сего иметь ему советовали...

6. История подает наилучшие правила жизни, и есть как бы на все случаи оной приноровленная философия: чего ради учитель должен оную преподавать со тщанием и хронологическим порядком, представив так называемый синхронизм каждого периода в особливой таблице, которую в память учащимся вперить может частыми из разных мест вопросами, показывать причины перемен, сколько возраст детский позволяет, и прилежно внушать нравоучительные правила, произведенные из истории. Причем надлежит остерегаться, чтоб в сем случае не обременять излишно память учащихся; но паче стараться должно, дабы они истолкованные им и разными вопросами затверженные истории своими словами пересказывать могли. Но как истории правильно учить не можно без географии, то и об оной должен учитель стараться и сколько возможно в соединении показывать кратко новую географию с древнею и среднею, ко всякой империи и государству присовокупляя краткую оную историю, родословие государя и геральдику предложив правила оной вкратце.

7. Понеже математические науки великую пользу приносят и рассуждение в нас возбуждают, распространяют и в совершенство приводят, то учение оных юношеству крайне нужно. Но если оные показывать в одних только решениях задач без доказательств, то сим не только не достигнешь предполагаемого в сем учении конца, но паче от оного удалится. Итак, учитель, в преподавании оных начиная от простейших понятий, должен доходить до последующих таким образом, дабы учащиеся чрез частое повторение союз всех понятий затвердили, чтоб все предлагаемые доказательства разуметь могли. Впрочем, само собою ясно, что чистую математику должно прежде преподавать, нежели смешанную...

Впрочем, по сему наставлению имеют также и домашние учителя, и содержащие пансионы поступать, дабы учащиеся у оных, будучи наставляемы одинаковым образом с гимназическими учениками, тем способнее могли быть экзаменованы, если их родителям заблагорассудится, на публичном экзамене, каждого года в июне месяце бывающем.

Белявский М.Т. М.В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955. с. 305-309.

Иван Иванович Бецкой. Портрет работы А. Рослина

Иван Иванович Бецкой

Общественный деятель и педагог, автор ряда известных в свое время педагогических трудов, Иван Иванович Бецкой (1704 – 1795 гг.) до 1762 г. жил преимущественно за границей, где имел возможность изучать просветительские и педагогические идеи французских энциклопедистов Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, а также Д. Локка, Я. Коменского и др. Возвратившись в Россию, Бецкой по поручению Екатерины II занимается преобразованием существовавших учебных заведений и созданием новых. Он был организатором Института благородных девиц. И.И. Бецкому принадлежит утопический план воспитания «новой породы людей» в закрытого типа интернатах, полностью изолированных не только от «дурных влияний семьи и общества», но и «предрассудков старшего поколения».

В духе идей Просвещения Бецкой сформулировал новую идеологию русского Просвещения – воспитание «новой породы людей», согласно которой для преобразования несовершенного общества необходимо организовать правильное воспитание детей, которые затем смогут правильно воспитывать детей.

В соответствии с этими идеями Бецкой реформирует кадетский корпус, создает Смольный институт благородных девиц, положивший начало созданию аналогичных женских учебно-воспитательных заведений в России и который стал одним из самых долговечных начинаний Екатерины II. В октябре 1917 года институт во главе с княгиней В. В. Голицыной из Санкт-Петербурга переехал в Новочеркасск. Последний российский выпуск состоялся в феврале 1919 года в Новочеркасске. Уже летом 1919 года институт покинул Россию и продолжил работу в Сербии.

Он открывает сиротские учреждения, училище при Академии художеств и Коммерческое училище, усовершенствовал работу ряда других учебных заведений.

Ниже дается фрагмент плана «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества», разработанного И.И. Бецким при участии других лиц.

Смольный институт. Литография К.Беггрова с рисунка С.Ф.Галактионова. 1820 г.

Воспитанницы Смольного института благородных девиц на уроке танцев. Фото 1901 г.

Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношества (1764 г.)

С давнего уже времени имеет Россия Академию и разные училища, и много употреблено иждивения на посылку российского юношества для обучения наукам и художествам; но мало, буде не совсем ничего, существительных от того плодов собрано.

Разбирая прямые тому причины, не можем мы жаловаться на провидение и малую в российском народе к наукам и художествам способность; но можно неоспоримо доказать, что к достижению того непрямые токмо пути избраны были, а чего совсем не доставало, о том совсем и помышляемо не было.

Из посланных еще при государе императоре Петре Великом дворяне с хорошими возвратились успехами в том, чему они обучаться назначены были; но по возвращении, имея путь и право к большим чинам и заслугам, не могли они в том упражняться.

Другие, из простого народа к наукам взятые, также весьма скоро успевали в оных, но скорее еще в прежнее невежество и самое небытие возвратились; от чего и людей такого состояния, которое в других местах третьим стелением (чином), или средним, называется, Россия до сего времени и произвести не могла.

Искусство доказало, что один только украшенный или просвященный науками разум не делает еще доброго и прямого гражданина; но во многих случаях паче во вред бывает, естьли кто от самых нежных юности своей лет воспитан не в добродетелях, и твердо оные в сердце его не вкоренены; а небрежности того и ежедневными дурными примерами привыкает он к мотовству, своевольству, бесчестному лакомству и непослушанию. При таком недостатке смело утвердить можно, что прямого в науках и художествах успеха и третьего чина людей в государстве ожидать, всуе себя и ласкать.

По сему ясно, что корень всему злу и добру воспитание: достигнуть же последнего с успехом и с твердым исполнением не инако можно, как избрать средства к тому прямые и основательные.

Держась сего неоспоримого правила, единое токмо средство остается, то есть произвести сперва способом воспитания, так сказать, новую породу или новых отцов и матерей, которые могли бы детям своим те же прямые и основательные воспитания правила в сердце вселить, какие получили они сами, и от них дети передали бы паки своим детям; и так следуя из родов в роды в будущие веки.

Великое сие намерение исполнить нет совсем иного способа, как завести воспитательные училища для обоего пола детей, которых принимать отнюдь не старее, как по пятому и по шестому году. Излишно было бы доказывать, что в те самые годы начинает дитя приходить в познание из неведения, а еще нерассудительнее верить, яко бы по прошествии сих лет еще можно поправить в человеке худой нрав, чем он уже заразился, и, поправляя его, те правила добродетелей твердо в сердце его вкоренять, кои ему иметь было потребно.

И так о воспитании юношества пещися должно неусыпными трудами, начиная, как выше показано, от пятого и шестого до семнадцати и двадцати лет безвыходного в училищах пребывания. Во все же то время не иметь им ни малейшего с другими сообщения, так что и самые ближние сродники, хотя и могут их видеть в назначенные дни, но не инако, как в самом училище, и то в присутствии их начальников. Ибо неоспоримо, что частое с людьми без разбору обхождение вне и внутрь онаго весьма вредительно, а наипаче во время воспитания такого юношества, которое долженствует непрестанно взирать на подаваемые примеры и образцы добродетелей.

При сих воспитательных учреждениях первое прилагать должно старание, чтоб вселять в юношество страх божий, утверждать сердце в похвальных склонностях и приучать их к основательным и приличествующим состоянию их правилам; возбуждать в них охоту к трудолюбию, и чтоб страшились праздности, как источника всякого зла и заблуждения; научить пристойному в делах их и разговорах поведению, учтивости, благопристойности, соболезнованию о бедных, несчастливых и отвращению от всяких продерзостей; обучать их домостроительству во всех оного подробностях, и сколько в оном есть полезного; особливо же вкоренять в них собственную склонность к опрятности и чистоте как на самих себе, так и на принадлежащих к ним, одним словом, всем тем добродетелям и качествам, кои принадлежат к доброму воспитанию и которыми в свое время могут они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшением.

Такие и тому подобные правила, когда посеются в сердцах воспитываемого юношества, надеяться можно, тем лучший плод произведут, что согласоваться будут с младостью и непорочностью их возраста. Просвещая притом их разум науками и художествами, по природе, полу и склонности каждого, обучаемы быть должны с примечанием таким, что прежде нежели

отрока обучать какому художеству, ремеслу или науке, подлежит рассмотреть его склонности и охоту и выбор оных оставить ему самому. Душевные его склонности всемерно долженствуют в том над всеми прочими уважениями преимуществовать; ибо давно доказано, что не предуспеет он ни в чем том, чему будет прилежать по неволе, а не по своему желанию.

Притом весьма еще важное примечание иметь должно в сих воспитательных училищах, то есть: дабы для юношества все то наблюдаемо было, что к жизни, целости здравия и крепости сложения их служить может; как то в построенных жилищах приводом чистого воздуха, неупотреблением всякого звания медной посуды; так же и всякими невинными забавами и играми оное юношество увеселять и чрез то мысли его приводить всегда в ободрение, а напротив того искоренять все то, что токмо скукою, задумчивостью и прискорбием назваться может; и сего правила из памяти не выпускать.

От сих первых учреждений зависит все воспитание, какое дано будет первому от оных новой породы происхождению. Почему само собою понятно, какая потребна осторожность и благоразумие в выборе учителей и учительниц, а особливо главных над воспитательными училищами директоров и правителей. В последних сих вся важность и затруднение состоит: им надобно быть всем известной и доказанной честности и праводушия, а поведение их и нравы долженствуют быть наперед ведомы и непорочны; особливо же надлежит им быть терпеливым, рассмотрительным, твердым и рассудительным, и, одним словом, таковым, чтобы воспитывающееся юношество любило их и почитало и во всем доброй от них пример получало.

Сего ради остается в дополнении изъяснить, что все сие единственно зависит от особливого учреждения и даваемых наставлений, кои надлежит сочинить с великим размышлением и осторожностью, дабы все соображено было ясно, внятно и точно и чтоб ничего того пропущено не было, что надлежит до учителей, учеников, до поведения тех и других и до общего в сих училищах наблюдаемого порядка. Ибо при начинании сего надобно сперва за точное принять правило: или делать и делать целое и совершенное, или так оставить и не начинать.

Собрание учреждений и предписаний касательно воспитания в России обоего пола благородного и мещанского юношества, с прочими в пользу общества установлениями. СПб., 1789. Т. 1. с. 3-10.

В законодательной комиссии 1767 г.
(по «Дневниковым запискам» Комиссии)

«Комиссия об уложении» 1767 г. представляла собой совещательное собрание представителей различных сословий, целью которого была выработка нового свода законов - «Уложения». Цель эта была задана собранию императрицей Екатериной II.

Указ о созыве депутатов в «Комиссию для сочинения проекта нового Уложения» был издан 14 декабря 1766 г. В заседаниях комиссии, которые начались 31 июня 1767 г., принимали участие 643 депутата, в том числе 79 от государственных крестьян. Работа комиссии заключалась в обсуждении «наказов», привезенных депутатами с мест. 2 мая депутат от пахотных солдат Нижегородской губ. И. Жеребцов высказал мнение, между прочим, по следующему вопросу: «По силе данного нам большого наказа нашей попечительницы (158 отд.) и для того предписать надлежит, чтобы во всех школах учили

детей грамоте попеременно из церковных и из тех книг, кои законодательство содержат. И того ради высокопочтенному собранию представляю на ваше полезнейшее рассуждение, чтобы из служилых людей учинить детские школьные учения, от чего может воспоследовать общественная великая польза по такой причине, понеже те ученые люди для государственных надобностей, так и вотчинному правлению могут быть завсегда способны. А для содержания того учения подлежит учредить в знатных селениях, чтобы при тех селах для пропитания их новых студентов и торги могли быть; а ежели те служилые люди имеют селения свои малыми людьми, то для правления того учения приложить к ним государственных крестьян, дабы каждое правление было тысячи по три или по четыре мужеска пола душ; а жалованья тем как учителям их и ученикам, также и на книги - как соблаговолит наша попечительница и благопочтенное собрание гг. депутатов».

5 мая депутат Степан Любавцев в своем пространном возражении на мнение Жеребцова заявил: «...требует он, г. Жеребцов, чтоб учредить для обучения их малолетних детей школы. Оное весьма излишне: земледельцу то и школа, чтоб обучать детей с малолетства хлебопашеству и прочим домовым работам. А ежели они с малолетства будут употребляться в науки, то уже к земледелию и прочей работе склонить будет никак невозможно. Да и в самом деле это есть по г. Пензе: содержащих ландмилицию пахотных солдат, положенных в подушный оклад, около трех тысяч душ, из которых и без школ многие обучились грамоте и писать и происками произошли, хотя и в противность указу, в секретари, в регистраторы и в прочие приказные служители многие, а прочих множественное число извыкли, ездя по уездам содержать себя тем и с домом. Ныне же, как то указами запрещено, так от таковых, находящихся в праздности, всему обществу никакой пользы, кроме вреда, быть не уповательно, ибо не имеют они к земледелию и к работе прилежности, вдаются во многие непотребности: в обман, в мотовство, леность и воровство, а данные им земли многие остаются без хлебопашества и лежат впусте».

13 мая депутат Пензенской провинции от пахотных солдат и старых служб Егор Селиванов, возражая Любавцеву, говорил: «Что же он, г. депутат Любавцев, предлагает о неимении для обитающих в Российской империи содержащих ландмилицию людей училищ и будто совсем оные до них не принадлежат, то его, г. депутата Любавцева, мнение мне кажется вышедшим из правил данного Комиссии большого наказа ниже изъясненных отделений, а особливо двух первых, в коих сказано: - закон христианский научает нас взаимно делать друг другу добро сколь возможно; полагая сие законом веры предписанное правило за вкоренившееся или за долженствующее вкорениться в сердцах целого народа, не можем иного, кроме сего, сделать положения, что всякого честного человека в обществе желание есть или будет видеть все отечество свое на самой высшей степени благополучия, славы, блаженства и спокойствия, - из коих первое и третье и последующие депутат Любавцев, хотя и описывает, но совершенно разуму сих великих правил последовать не мог. Когда не просвещены будут народы, возможно ли что из него сделать отечеству полезное: а чем больше просвещение входит, как не чрез науки? От чего может последовать слава, как не от просвещения? А просвещение через что может вкорениться, как не через учреждение училищ? И сам он гораздо не безызвестен, из каких чинов по большей части купечество возымело свое умножение, как не из одних хлебопашцев, да не только из служилых государственных людей. Но со всем тем и знатное российское купечество

просвещение возымело не чрез науки ли? но я, сие оставя подробно еспликовать, а имею честь представить то, что может ли кто сказать, чтоб от происшедших в науку из разночинцев, словом, хотя и из хлебопашцев, могло быть в земледелии уменьшение? Несправедливо по тому, ибо он, имеющий просвещение, может распространить оное, нежели десять неученых, например, как едино кормило действует самым большим судном. О хлебопашестве ему, г. депутату Любавцеву, описывать, по нетвердому об оном знанию, большой причины не предвидится. Земледелие же уменьшается не от того, как он, г. депутат, представляет, но от разных к тому препятствующих случаев.

В том же своем возражении реченный г. депутат Любавцев, между прочим, изъясняет, что и без школ по г. Пензе из вышеписанных содержащих ландмилицию многие научились грамоте и писать, а потом будто происками своими в секретари, регистраторы и прочие приказные служители, в противность указов и законов, произошли. И так, из сего и предвидится доказанная им, г. депутатом Любавцевым, самих оных содержащих ландмилицию к науке охота и ревность к службе государевой. К тому же он, господин депутат Любавцев, прибавил и то, что будто обучившиеся, по непривычке к хлебопашеству, вдаются во многие непотребности. Оное кажется, по мнению моему, не сродно, а почему? - чем больше человек обучен страха божия, тем больше имеет бережливость от противных ему предприятиев, да и премудрая наша монархиня в изданном об учреждении штатов в манифесте из разночинцев и при знатных науках быть своею властью позволила, а при нынешнем законодательстве и особливую комиссию о науках учредить благоволила».

15 мая И. Жеребцов возражает Любавцеву: «На поданное возражение г. депутата Любавцева нижеследующее представить имею... Чтоб учредить для обучения детей школы, сие почитает за излишнее и говорит, что земледельцу то и школа, чтоб поучать детей с малолетства хлебопашеству. Сим выражением не допускает нас до матернего милосердия, которое блаженства нашего попечительница, повелевая 158 отделением большого наказа учить в школах детей - то по церковным книгам, то по гражданским законам, на всех верноподданных рабов своих обильно изливает. Я не требовал заведений в рассуждении живых и прочих иностранных языков, а об сциенциях и думать не имел намерения. Но, во-первых, катехизис есть такая наука, без коей познания человеку скотом быть можно. Ибо из того произойдет, что зараженные расколом и прочих никакого о себе и своем законе понятия не имеющих в оный легко ввергнуть могут. Следовательно, познание превыспренного существа, свято почитаемых законов, наконец самого себя - в сердце всякого из смертных внушить и впечатлеть надлежит. А сего преизящного и неоцененного дара благоденствия любезного отечества, глас усердный граждан и польза всякого, просветить себя хотящего, требуют. Следовательно, познанием трех сих пунктов, учением же приобретенных, не отвратится человек от земледелия, но помня сие правило: кто он и для чего создан, с большей ревностью к оному старание, труды и попечение приложит. Чтоб дозволить иметь при училищах торги для пропитания учащихся, то сим купечеству никакого ущерба быть не может.»...

Хрестоматия по истории педагогики. - 2-е изд.
М., 1938. Т. 4. Ч. 1. с. 153-157.

Екатерина II

Екатерина II (1723 – 1796 гг.), будучи российской императрицей, находила время и для занятий педагогикой. Она также принимала активное и непосредственное участие в литературной жизни своего времени. Педагогическая тематика затрагивалась во многих жанрах ее беллетристических сочинений. Педагогические идеи были заимствованы Екатериной II у Локка, Монтеня. Она лично руководила воспитанием своих внуков до семилетнего возраста, составив для того ряд книг учебного характера. Непосредственное участие Екатерины II в решении вопроса обучения и воспитания имело государственное значение.

Екатерина II — законодательница в храме Правосудия Портрет работы Левицкого Д. Г. 1783 г.

Среди педагогических сочинений Екатерины II важное место занимает Инструкция князю Н.И. Салтыкову при назначении его воспитателем великих князей.

Ниже приводится раздел данной Инструкции - «Наставление касательно знания и того, что потому от детей требуется».

Наставление касательно знания и того, что потому от детей требуется

Знать обращение в свете и обхождение, сходственное рождению Их Высочеств, и чем отличиться для них пристойно: вот в чем их знание быть долженствует.

И для того наивящее дело приставников есть питомцам дать обращение учтивое, здравое понятие о вещах, поваживать их к обычаям добрым при всяком случае, вложить в них правила добродетели, послушание к Нам, почтение к родителям, любовь к истине, благоволение к роду человеческому, снисхождение к ближнему; исподоволь показывать им вещи, каковы суть и каковы быть должны. Поощрять в них охоту перенимать лучшее, любить достойное, почитать заслуживающее почтение, вселять в них стремление и прилежание, нужное к получению успехов и к преодолению препятствий, без чего счастливо достигнуть ни до чего не можно.

Учение же, или знание да будет им единственно отвращением от праздности и способом к спознанию естественных их способностей и дабы привыкли к труду и прилежанию.

Буде в детях способность духа не будет угнетаема приставниками, то от игры к учению приступать они будут столь же охотно, как к игре, и для того отнюдь Их Высочеств не принуждать к учению, но представлять им, что учатся ради себя и для своей пользы. Буде неприлежно пишут, читают, или иному учатся, тогда отобрать на тот час перья, чернила, бумагу, книги и прочее; то сами уже просить будут, чтоб возратили.

Когда учиться будут непринужденно, но добровольно, тогда такожде охотно учиться будут, как играть.

Не принуждая Их Высочеств к учению, сами просить будут и приходить к учению, как к игрушкам.

Буде к которой новой науке охоты не имеют, тогда при них посадить учить приставленных к ним молодых людей, Клавдия с товарищами, как и по сию пору в них заведено.

Когда к какому учению, в которое время, или часы, охоты не имеют, тогда Их Высочеств к тому не принуждать; но прилежно избирать иной час, или время, когда охоту к тому иметь будут.

При всяком учении не держать детей более получаса сряду и кончить всегда прежде, нежели они станут скучать. К учению не принуждать детей и за учение не бранить. Буде учатся хорошо своею охотою, тогда похвалить.

Детям трудно иметь прилежание.

Страхом научить нельзя: ибо в душу, страхом занятую, не более вложить можно учения, как на дрожащей бумаге написать.

Не столько учить детей, колико им нужно дать охоту, желание и любовь к знанию, дабы сами искали умножить свое знание.

Об учении. Привлекать любопытство детей к учению ласкою, а не принуждением; учение их первое: читать, писать, рисовать, арифметике; продолжать не худо учиться и писать под титлами или abreviation. За сим: география, начав с России, астрономия, хронология, математика.

Искуство учителей будет состоять в том, чтоб всякую науку и научение облегчить ученикам колико возможно.

В иршам и музыке учить не для чего, тем и другим много времени теряется, дабы достигнуть искуства.

Запрещается принуждать детей твердить много наизусть. Сие памяти не подкрепляет; ибо добрая память от добраго сложения, а не от инаго чего происходит.

Наизусть вытвердить разве выбранныя краткия правила из писателей, кои служить могут детям для украшения ума и основанием в поведении.

Потом следовать может история, нравоучение, правила закона гражданскаго. К сему служить может Наказ Коммиссии Уложения и Учреждения для управления губерний Российской Империи, законы Российские, ибо, не знав оных, и порядка, коим правится Россия, знать не могут.

На каждом языке для чтения избрать книги, писанныя лучшия, и из них выбрать то, что детям читать, или перед ними читать, то есть, все то, что может умножить в них знание и просвещение то, которое им нужно; например: естественная история, математика, художества, как снять чертежи, или делать разные опыты.

Всеобщая история, древность, мифология, география, генеалогия о России и ея производствах, торговля и прочее, также физика и история художеств, которая воспитанников водила-бы от легкаго до искуснейшаго, доказав опытами.

Русское письмо и язык надлежит стараться, чтоб знали как возможно лучше. В тоже время могут прилежать к учению правил верховой езды, фехтования, волтижирования, плавать, бороться, ружьем метать, из лука стрелять и всему тому, что телу придает силу и поворотливость.

Желательно, чтоб военной, сухопутной и конной, также и морской службы все части от нижней службы до верхняго искуства прошли, дабы основательное понятие о тех частях получить могли... Предписывается от одиннадцати лет до пятнадцати употреблять по нескольку часов в день для спознания России во всех ея частях. Сие знание столь важно для Их Высочеств и для самой Империи, что спознание оной главнейшую часть знания детей занимать должно; прочил знания, лишь применяясь к оной, представлять надлежит, и для того приказать по временам составить таблицы частей, водя Их Высочества от части до части.

Карта всея России и особо каждой губернии с описанием, каковы присланы от Генерал-Губернаторов, к тому служить могут, чтоб знать слой земли, произрастения, животных, торги, промыслы и рукоделия; так же рисунки и виды знаменитых мест, течение рек судоходных с назначением берегов, где высоки, где поемны, большия и проселочныя дороги, города и крепости и строения знаменитыя, описание народов, в каждой губернии живущих, одежду и нравы их, обычаи, веселия, веры, законы и языки.

При истории естественной делать опыты и примечания, какия употребления, ремеслы и рукоделия делать можно из произрастении и естественных производств.

Не долго детей останавливать при всех тех знаниях, для которых только единая память надобна, и которыми лишь память отягощается.

Мифологию и древность им не более знать нужно, как только чтоб не могли сказать, что о том несведущи.

Историю Российскую им знать нужно и для них сочиняется.

Познание человека еще нужнее.

А за сим:

Законы своей земли и правосудие, употребление доходов, военное искусство в защищении и наступлении, о переходе рек и гор, собрание войск, учение, движения, прокормление, содержание, попечение о больных, дряхлых и неимущих.

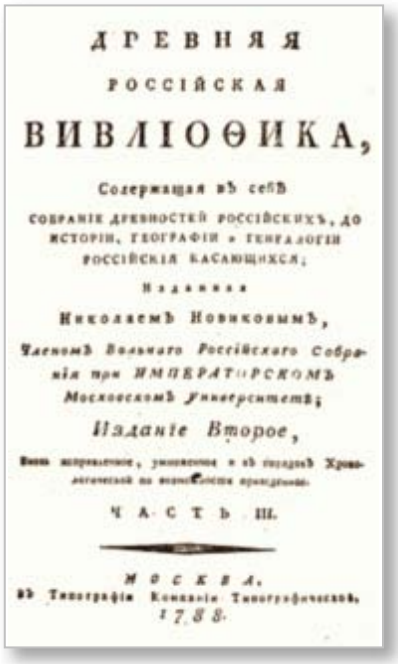
Демков М.И. Русская педагогика в главнейших ее представителях. М., 1890. с. 78-86.

Николай Иванович Новиков

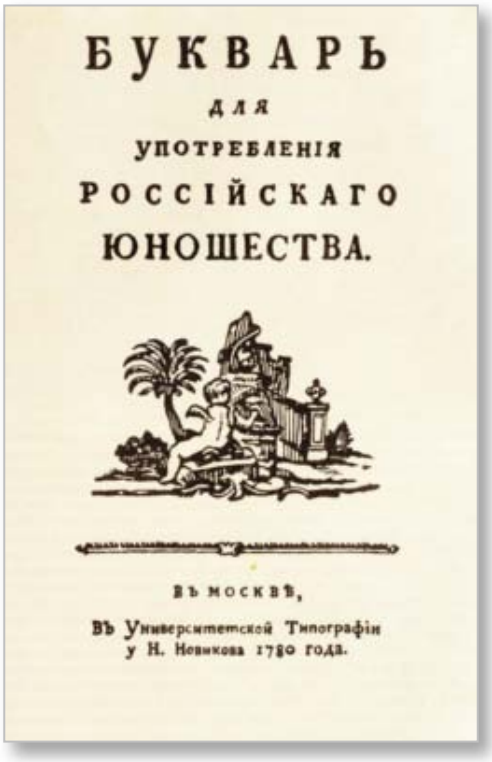
Николай Иванович Новиков (1744 – 1818 гг.) – русский просветитель, книгоиздатель, писатель-публицист.

Организованная им в 1784 г. типографская компания издавала большими тиражами и по недорогой цене школьные и другие учебные книги. Среди изданных Н.И. Новиковым книг было много произведений на тему педагогики. Это были его собственные сочинения, а также произведения, принадлежавшие перу иностранных авторов и переведенные им на русский язык.

Портрет Н. И. Новикова. Работа Д. Г. Левицкого


ДРЕВНЯЯ
РОССІЙСКАЯ
ВИВЛІОѲИКА,
Содержащая въ себѣ
собраніе древностей россійскихъ, до исторіи, географіи и генеалогіи россійскія касающихся;
Изданная
Николаемъ Новиковымъ,
Членомъ Вольнаго Россійскаго Собранія при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Университетѣ;
Изданіе Второе,
ЧАСТЬ III.
МОСКВА,
въ Типографіи Компаніи Типографической,
1788.

ТРУТЕНЬ,
ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ
ИЗДАНІЕ,
на
1769 годъ,
МѢСЯЦЪ МАЙ.
Они работаютъ, а вы ихъ труДъ ядите.
Г. Сумар. въ XLIII. притчѣ, I. книги.
ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.


БУКВАРЬ
ДЛЯ
УПОТРЕБЛЕНІЯ
РОССІЙСКАГО
ЮНОШЕСТВА.
ВЪ МОСКВѢ,
Въ Университетской Типографіи
у Н. Новикова 1780 года.

После освобождения Н.И. Новикова в 1796 г. из Шлиссельбургской крепости, куда он был заточен Екатериной II за «вольнодумство», ему не удалось возобновить свою издательскую деятельность в прежних масштабах.

В хрестоматии приводятся фрагменты из сочинения Н.И. Новикова «О воспитании и наставлении детей».

О воспитании и наставлении детей

(Для распространения общеполезных знанийи всеобщего благополучия)

Введение

Кто несколько только размышлял о влиянии человеческих распоряжений в благополучие человеческое, особенно ж о влиянии воспитания во всю прочую жизнь человека, тот признается, что воспитание детей как для государства, так и для каждой особенной фамилии весьма важно. С самыми лучшими законами, с самою религией, при самом цветущем состоянии наук и художеств государство имело б весьма худых членов, если б правительство пренебрегло сей единый предмет, на котором утверждается все в каждом государстве. Самое изрядное учреждение правосудия не делает служителей оного совестными, а судей неподкупимыми; самая религия не может воспрепятствовать, чтобы недостойные служители не делали ее иногда покровом гнуснейших пороков и не злоупотребляли к споспешествованию вредных намерений; изящнейшие законы благочиния мало могут действовать, если честность, искренность, любовь к порядку, умеренность и подлинная любовь к отечеству суть чуждые гражданам добродетели. Все зависит от того, чтобы всякий образован был к добродетелям состояния своего и звания. Но когда должно, когда может предпринято быть сие образование, если не в том возрасте, в котором душа открыта всякому впечатлению и, нерешима будучи между добродетелью и пороком, столь же удобно исполняется благородными чувствованиями, привыкает к справедливым правилам и утверждается в добродетельных способностях, как и предается механизму чувственных похотей, огню страстей и заразе обманчивых примеров и принимает несчастную способность к дурачеству и к пороку? Итак, процветание государства, благополучие народа зависит неотменно от доброты нравов, а доброта нравов неотменно от воспитания. Законодательство, религия, благочиние, науки и художества хотя и могут сделаны быть споспешествовательными средствами и защитами нравов, однако если

нравы уже повреждены, то и оные перестают быть благодетельными; стремительная река развращения разрывает сии защиты, обессиливает законы, обезображивает религию, прекращает успех всякой полезной науки и делает художества рабами глупости и роскоши. Единое воспитание есть подлинный творец добрых нравов: чрез него вкус добродетели, привычка к порядку, чувствование изрядного, через него отечественный дух, благородная (на истине и знании основанная) народная гордость, презрение слабости и всего прикрашенного и маловажного, любовь к простоте и к натуре со всеми другими человекодружественными, общественными и гражданскими добродетелями должны овладеть сердцами граждан; чрез него мужчины и женщины должны образованы быть сходственно с их полом, а всякий особенный класс государства тем, чем быть ему надлежит. Все прочее сделается удобным, когда воспитание достигнет возможной степени своего совершенства; законы успевают тогда сами собою; религия, в величестве своем исполненная простоты, пребывает тем, чем вечно бы ей быть надлежало, то есть душою всякой добродетели и твердым успокоительным предметом духа; науки делаются неисчерпаемыми источниками действительных выгод для государства; художества украшают жизнь, дают благородство чувствию, становятся ободрительными средствами добродетели; всякий отдел граждан пребывает верен своему определению; и всеобщее трудолюбие, подкрепляемое умеренностью и добрым домостроительством, доставляет и самому многочисленному народу безопасность от недостатка и довольствие своим состоянием.

О всеобщей и последней цели воспитания и о частях его

Всякое человеческое дело, требующее в исполнении распорядков и времени, тем лучше удается и почти тогда и бывает хорошо исполнено, когда сначала представишь себе ясно его предмет и после в исполнении никогда не будешь упускать оный из вида. Тогда только бываем мы в состоянии рассуждать правильно о всяком шаге, поступленном в сем деле, испытывать всякое представляющееся нам средство, познавать и отвращать всякое препятствие. Последуем сему всеобщему правилу благоразумия и в столь важном деле воспитания! Итак, исследуем здесь сперва: какой есть подлинный, истинный и последний предмет воспитания? Сие исследование послужит нам купно ответом на вопрос: какое воспитание действительно всех лучше? Также проложит оно нам путь к познанию всех главных оного частей. Может быть, при сем исследовании окажется и то, для чего честные и рачительные родители столь редко достигают цели в воспитании детей своих; может быть, откроется, что сие происходит от того только, что они не знали главного предмета воспитания и, почитая некоторые посторонние предметы и средства за главную цель, посвящали оным все свое попечение.

В предыдущем отделении видели мы, что обязанность родителей воспитывать детей своих как возможно лучше основывается на должностях их детям, государству и самим себе. Из сего следует, что достижение подлинной главной цели воспитания должно заключать в себе купно исполнение должностей. А как, наконец, все должности родителей детям состоят в том, чтобы сколько возможно споспешествовать благополучию детей; должность же государству в отношении к детям их есть та, чтобы в оных доставить ему полезных граждан: то явствует, что благополучие детей и польза их государству составляют существенные части предметов воспитания.

Принявши сии правила и рассматривая по оным разные особенные намерения, случающиеся при воспитании детей, увидим что все сии особенные намерения никак не могут быть главным предметом воспитания и что сей, напротив того, ни в чем ином состоит, как в образовании детей благополучными людьми и полезными гражданами. Если б, например, какой-нибудь отец захотел стараться сделать сына своего только ученым; или если б другой захотел образовать его светским человеком или воспитать искусного художника, либо купца: то все сии отцы сделали бы, может быть, для намерения своего весьма много, но не споспешествовали бы нисколько ис-

тинному благу детей своих, ибо со всеми сими качествами можно быть худым и потому несчастливым человеком. Они, конечно, дали бы детям своим некоторое воспитание, но совсем не исполнили бы должностей своих оным и самой должности государству несовершенное сделали через то удовлетворение, ибо худой человек всегда бывает и худой гражданин.

Итак, все сии и подобные особенные намерения, или образования к известному состоянию, никоим образом не составляют главного предмета воспитания. Никакой отец не может хвалиться исполнением должности воспитателя, достигнувши с детьми своими до цели того или другого из сих намерений или нескольких вкупе. Они суть посторонние предметы, которые, как средства к главному предмету, могут быть хороши и похвальны по свойству обстоятельств, но главный предмет воспитания, как мы уже сказали, есть тот, чтобы образовать детей счастливыми людьми и полезными гражданами. Все иные определения, будучи слишком несовершенны, не могут даны быть столь пространному воспитанию; сие только одно заключает в себе его во всей обширности. Теперь поступим далее в нашем исследовании.

Мы думаем, что продолженным доселе разысканием и определением истинного главного предмета воспитания означили мы родителям цель, по которой могут они узнать прямой путь в воспитании. Сей цели не должны они, как выше упомянуто, никогда упускать из вида, если не хотят совратиться на разные распутия, и должны достигнуть ее, если хотят приобрести ту великую заслугу, чтобы воспитать детей своих самолучшим образом. Но только истолкованием сего всеобщего и главного правила воспитания можем мы приблизить к ним ту довольно отдаленную цель, то есть проводить их по сему мрачному пути. Сие самое истолкование также подтвердит паки справедливость оного всеобщего и главного правила, ибо откроется, что можно из него вывести все главные части воспитания.

Дети наши должны образованы быть счастливыми людьми и полезными гражданами.

При сем опыт и человеческая натура напоминают нам, что здоровье и крепкое сложение тела весьма споспешествуют нашему удовольствию и что в молодости лежит основание как здоровья и крепости, так и слабости и болезней тела. Итак, оказывается теперь первая главная часть воспитания, то есть попечение о теле, или должность родителей стараться о том, чтобы дети их имели здоровье и крепкое сложение тела. Сию часть воспитания называют ученые физическим воспитанием; а первая есть она потому, что образование тела и тогда уже нужно, когда иное образование не имеет еще места.

Никакой человек не может быть ни довольным и счастливым, ни добрым гражданином, если сердце его волнуется беспорядочными пожеланиями, доводящими его либо до пороков, либо до дурачеств; если благополучие ближнего возбуждает в нем зависть или корыстолюбие, заставляет его домогаться чужого имения, или сладострастие обессиливает его тело, или честолюбие и ненависть лишают его душевного покоя, без которого не можно никакого иметь удовольствия, или, наконец, если сердце его столь скудно чувствованиями религии, то помышление о смерти ввергает его в уныние без всякой надежды; а все сие зависит от образования сердца в юношестве. Из сего следует вторая главная часть воспитания, имеющая предметом образование сердца и называемая учеными нравственным воспитанием.

По свойству всякого гражданского класса, к которому человек принадлежит, для пользы государству и для собственного его удовольствия нужно, чтоб он имел большую или меньшую меру познании, высшую или низшую степень просвещения; некоторые гражданские классы требуют даже определенной меры познаний в науках; просвещение разума вообще споспешествует высокой степени гражданского благополучия, и, наконец, всякий человек тем полезнее бывает государству, чем просвещеннее его разум. Из сего происходит третья главная часть воспитания, имеющая предметом просвещение, или образование разума.

Воспитание имеет три главные части: воспитание физическое, касающееся до

одного тела; нравственное, имеющее предметом образование сердца, то есть образование и управление натурального чувствования и воли детей; и разумное воспитание, занимающееся просвещением или образованием разума. Все сии три части вывели мы из правила, положенного всеобщим и последним предметом воспитания, то есть: «Воспитывай детей твоих счастливыми людьми и полезными гражданами».

Каждая из сих трех частей имеет особенные свои правила, положения и действия, без которых не может она хорошо быть исполнена.

Новиков Н.И. Избранные педагогические сочинения. М., 1959. с. 89-177.

Левитан И.И. Золотой плес1889 г.

Глава 3.

Педагогические взгляды вольнодумцев и реакционеров крепостной эпохи

Начало XIX в. стало временем проведения крупных реформ в образовании. В 1802 г. было создано Министерство народного просвещения, которое приступило к разработке реформы образования в России. В 1804 г. был опубликован «Устав учебных заведений, подведомственных университетам», который определил строение и функционирование российского образования.

По Уставу в России установилась единая система образования, к сожалению, это законодательное решение было отменено через год. Страна была разбита на шесть учебных округов по числу университетов, в их подчинение переходили все учебные заведения, подведомственные Министерству народного просвещения.

Согласно этому уставу в России устанавливалось четыре типа школ: приходские, уездные училища, гимназии и университеты.

Первые годы XIX в. известны быстрым ростом числа всех учебных заведений. В это время открывались принципиально новые учебные заведения, в том числе и знаменитый лицей в Царском Селе.

После Отечественной Войны 1812 года в образовании начинается усиливаться консерватизм, особенно во второй четверти XIX века с принятием Устава 1828 г., который еще более жестко изолировал разные ступени образования друг от друга, жестко связав их с определенными сословиями. Однако в это время наблюдается рост числа разных школ. Наиболее видную роль в организации начальных школ сыграл В.Ф. Одоевский (1804-1869 гг.). В этот же период открываются разные профессиональные школы: сельскохозяйственные, технические, коммерческие, в том числе и высшие, например, технологический институт, институт гражданских инженеров и др.

В начале – середине XIX в. в России сформировалась идеология и философия нового образования; утвердилось понимание в широком общественном сознании важности научного образования в судьбе государства и каждого человека, по существу, сложилась определенная система образования, состоящая из разных, хотя и не связанных друг с другом учреждений, начиная с малых народных училищ, а затем приходских, и кончая университетом и Академией. Вместе с тем новое образование (и воспитание) во многом оказалось отчужденным от традиционной российской, прежде всего православной культуры, что нередко вело к пренебрежению отечественной культурой, отчуждению образованных и необразованных людей и даже к перекосам во всем строе русской жизни, особенно в нравственной и духовной области.

УСТАВ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, ПОДВЕДОМЫХ УНИВЕРСИТЕТАМ (1804 г.)

Учебные заведения, подведомые университетам, суть: гимназии, уездные, приходские и другие, под каким бы то ни было названием, училища и пансионаты, находящиеся в губерниях, к каждому университету причисленных.

Из сего исключаются училища, состоящие в ведении св. Синода, и те, которые по особенным обстоятельствам высочайше вверены иному начальству.

О гимназиях

I. Общие распоряжения

На основании предварительных правил народного просвещения, в каждом губернском городе должна быть одна гимназия. Может быть и более оных в губернском или других городах, ежели есть способы к содержанию таковых заведений. Начальник гимназии есть директор, состоящий в VII классе государственных чиновников, если выше чина не имеет.

Учреждение гимназий имеет двоякую цель: 1) приготовление к университетским наукам юношества, которое по склонности к оным или по званию своему, требующему дальнейших познаний, пожелает усовершенствовать себя в университетах; 2) преподавание наук, хотя начальных, но полных в рассуждении предметов учения, тем, кои, не имея намерения продолжать оные в университетах, пожелают приобресть сведения, необходимые для благовоспитанного человека.

План учения в гимназиях должен соответствовать сей двоякой цели, заключая в себе начальныя основания всех наук, потребных к достижению оной. И потому, кроме полных курсов: латинского, немецкого и французского языков, преподается в гимназиях дополнительный курс географии и истории, включая в сию последнюю науку мифологию (баснословие) и древности, курс статистики общей и частной Российского государства, начальный курс философии и изящных наук, начальные основания политической экономии, курс математики чистой и прикладной, курс опытной физики и естественной истории; также начальные основания наук, относящихся до торговли, основания технологии и рисования.

Каждая гимназия имеет восемь учителей, которые преподают помянутые предметы учения следующим образом: один учитель преподает чистую и прикладную математику и опытную физику; другой - историю, географию и статистику; третий - философию, изящные науки и политическую экономию; четвертый - естественную историю, начальные основания наук, относящихся до торговли и технологии; пятый обучает латинскому явыку; шестой - немецкому; седьмой - французскому; осьмой - рисованию.

Гимназия может также содержать учителей танцования, музыки и телесных упражнений (гимнастики), если то позволят доходы оной.

Все учители гимназии определяются тем университетом, в округе коего состоит гимназия, по представлениям директора или и непосредственно, смотря по обстоятельствам.

Гимназия, с позволения вышнего начальства, может умножить число учебных предметов и учителей наук и языков, когда имеет довольные к тому способы.

В гимназии, сверх обыкновенного преподавания наук, приготовляются к учительской должности желающие быть учителями в уездных, приходских и других училищах. Обучась способу преподавания, они испытуются в знаниях своих; после чего с ведома университета, за подписанием директора и учителей, получают свидетельства, что имеют способности, потребные учителям упомянутых выше училищ.

В округах, где нет еще университетов, директоры гимназий непосредственно относятся к попечителю учебного округа во всем, в чем следовало бы относиться в университет, если бы оный существовал.

В гимназию принимаются всякого звания ученики, окончившие науки в

уездных училищах или в других училищных заведениях, либо и дома, если только имеют достаточные сведения к продолжению наук, преподаваемых в гимназиях.

Прием в гимназию бывает один раз в год по окончании открытых испытаний.

Учебное время в гимназии продолжается от 1 августа предыдущего по 1 июля следующего года; июль месяц есть время вакации, или роздыха. В воскресные и табельные дни учения не бывает.

Для наблюдения за чистотою классов и вообще для употребления по хозяйственной части всего дома гимназия имеет служителей определяемых директором.

Об уездных училищах

I. Общие распоряжения

В каждом губернском и уездном городе должно быть но крайней мере одно уездное училище, в больших же городах по два таковы: училищ и более, если будут к содержанию оных способы. Надзирани над уездным училищем имеет смотритель, состоящий в IX классе, если выше чина не имеет.

Цель учреждения уездных училищ есть следующая: 1) приготовить юношество для гимназий, если родители пожелают дать детям своим лучшее воспитание, и 2) открыть детям различного состояния необходимые познания, сообразные состоянию их и промышленности.

В сих училищах преподаются следующие учебные предметы: 1) закон божий и священная история; 2) должности человека и гражданина; 3) российская грамматика, а в тех губерниях, где в употреблении другой язык, сверх грамматики российской, грамматика местного языка; 4) чистописание; 5) правописание; 6) правила слога; 7) всеобщая география и начальные правила математической географии; 8) география Российского государства; 9) всеобщая история; 10) российская история; 11) арифметика; 12) начальные правила геометрии; 13) начальные правила физики и естественной истории; 14) начальные правила технологии, имеющие отношение к местному положению и промышленности; 15) рисование.

Для преподавания сих первоначальных наук во всяком уездном училище должно быть два учителя, из коих первый обучает закону божию и священной истории, должностям человека и гражданина, грамматике, чистописанию и правилам слога. Он же обучает латинскому и немецкому чтению и письму тех учеников, которые приготовляют себя для продолжения наук в гимназии. Другой учитель преподает географию, историю, арифметику, геометрию, начальные правила физики, естественной истории и технологии.

Если кто из вышесказанных двух учителей умеет рисовать, то он обучает сему искусству по четыре часа в неделю; в противном случае обучает рисованию особливый учитель по четыре же часа.

В уездных училищах с позволения начальства может быть умножено число учебных предметов и учителей, когда есть довольные к тому способы.

В уездные училища поступают всякого звания ученики из училищ приходских, также и все получившие в других местах начальные сведения в предметах, преподаваемых в училищах приходских.

О приходских училищах

I. Общие распоряжения

В губерниях и уездных городах, равным образом и в селениях, каждый церковный приход или два вместе, судя по числу прихожан и отдалению их жительств, должны иметь, по крайней мере, одно приходское училище. Сии училища в казенных селениях вверяются приходскому священнику и одному из почетнейших жителей; в помещичьих селениях они предоставляются просвещенной и благонамеренной попечительности самих помещиков.

Приходские училища учреждаются для двоякой цели: 1) чтобы приуготовить юношество для уездных училищ, если родители пожелают, чтобы дети их продолжали в оных учение; 2) чтобы доставить детям земледельческого и других состояний сведения им приличные, сделать их в физических и нравственных отношениях лучшими, дать им точные понятия о явлениях природы и истребить в них суеверия и предрассудки, действия коих столь вредны их благополучию, здоровью и состоянию.

В сих училищах обучают чтению, письму и первым действиям арифметики, главным началам закона божия и нравоучения, читают с объяснением книгу: «Краткое наставление о сельском домоводстве, произведении природы, сложении человеческого тела и вообще о средствах к предохранению здоровья».

Для наставления юношества в сих предметах во всяком приходском училище имеет быть, по крайней мере, один учитель. Он, по испытании учителями уездных училищ или гимназии, представляется директором на утверждение университету.

В приходских училищах может быть умножено число предметов учения, если то позволят доходы оного.

В приходские училища принимаются всякого состояния дети без разбору пола и лет.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1864. Т. 1. Стлб. 301-304, 322-324, 330-331.

Портрет Н.М. Карамзина работы Тропинина В.А. 1818 г.

Николай Михайлович Карамзин

Николай Михайлович Карамзин (1766 – 1826 гг.) русский писатель, историк и публицист. Издавал журнал «Вестник Европы», в котором большое место отводилось вопросам просвещения, подготовки учителей. Н.М. Карамзин видел в приходских училищах, как школах подлинно народных, изначальные основы системы просвещения. Обозревая западноевропейский опыт, Н.М. Карамзин выступал против его механического перенесения на русскую почву. Система образования, считал он, должна соответствовать народным традициям и отвечать национальным интересам России.

Странность

Француз, который жил долго в России и возвратился в свое отечество, публикует оттуда в московских газетах, что он близ Парижа завел пансион для русских молодых дворян и приглашает родителей отправить к нему из России детей своих на воспитание, обещая учить их всему нужному, особливо же языку русскому! Живучи в уединении, я не знаю, что другие подумали о таком объявлении. Мне кажется оно более смешным, нежели досадным: ибо я уверен, что наши дворяне не захотят воспользоваться благосклонным предложением господина N.N. Французы ветрены - были и будут! Снисходительный человек во многом извиняет их легкомыслие. Иначе как вздумать, чтобы родители в Отечестве нашем не имели способов воспитывать детей и могли безрассудно удалить их от себя, забыть священный долг свой и вверить судьбу юных сердец чужому, неизвестному человеку? Мы готовы платить французам или другим иностранцам за уроки в их языках, которые нужны для благородного россиянина и служат ему средством просвещения: у нас есть деньги! Но у нас есть и рассудок. Мы знаем первый и святейший закон природы, что мать и отец должны образовать нравственность детей своих, которая есть главная часть воспитания; мы знаем, что всякий должен расти в своем Отечестве и заранее привыкать к его климату, обычаям, характеру жителей, образу жизни и правления; мы знаем, что в одной России можно сделаться хорошим русским - а нам, для государственного счастия, не надобно ни французов, ни англичан! Пусть в некоторые лета молодой человек, уже приготовленный к основательному рассуждению, едет в чужие земли узнать европейские народы, сравнить их физическое и гражданское состояние с нашим, чувствовать даже и самое их превосходство во многих отношениях! Я не боюсь за него: сердце юноши оставляет у нас предметы нежнейших чувств своих; оно будет стремиться к нам из отдаления; под ясным небом южной Европы он скажет: хорошо, но в России семейство мое, друзья, товарищи моего детства! Он будет многому удивляться, многое хвалить, но не полюбит никакой страны более Отечества. Человек может иногда ненавидеть землю, в которой он жил долго; но всегда, всегда любить ту, в которой воспитывался: истинная [любовь] важна для отцов семейства и понятная для всякого разума! Впечатления юности составляют главную драгоценность души; они всего для нас любезнее, подобно как самый простой весенний цветок радует нас более пышной летней розы. Место, которое напоминает человеку первые действия сердца и разума его, будет для него приятнейшим местом на свете. Если отец пошлет десятилетнего сына своего на пять или шесть лет в чужую землю, то чужая земля будет для сына отечеством: она даст ему первые нравственные, сильные чувства, и сама натура привяжет его к ней милыми, неразрывными узами. Возраст отрока есть развитие нравственности и души; от 10 до 15 лет решится судьба нашей жизни и чувствительности.

Когда благоразумный человек надолго едет в какую-нибудь землю, то он старается заранее узнать ее обычаи, если не делом, то хотя воображением привыкает к ним, зная, что непривычка к образу мыслей и жизни тех людей, с которыми нам ежедневно быть должно, производит для нас многие существенные неприятности. А сын мой, которому определено жить и умереть в России, поедет образовывать душу свою во Францию? Ему надобно знать русских, с которыми у него одно гражданское и нравственное счастие: а я пошлю его к французам. Положим, что все европейские народы с некоторого времени сближаются между собою характером; но различие все еще велико и навсегда останется в свойствах, обычаях и нравах, происходящих от климата, образа правления, судьбы наших предков и других причин, еще не изъясненных философами.

Господин N.N., учредитель парижского пансиона, скажет нам: «Вы должны согласиться, что человек еще важнее гражданина: а человек может лучше образоваться во Франции, нежели в России». Первое справедливо; на второе не согласимся. Мы уже, слава богу! не варвары; у нас есть все способы просвещения, какие только могут найтись во Франции; и там и здесь учат одному, по одним авторам и книгам. Сам французский язык можно в Петербурге или в Москве узнать так же хорошо, как в Париже; положим, что и не так хорошо; но некоторые совершеннейшие его оттенки награждают ли за нравственный и политический вред чужестранного воспитания? Природный язык для нас важнее французского; а господин N.N., несмотря на свое милостивое обещание, не выучит детей наших в Париже говорить так хорошо по-русски, как они здесь выучатся. Питомцы его, через 6 или 7 лет возвратясь в Россию, стали бы терзать слух наш варварскими своими фразами; они сказали бы нам: «Мы говори язык свой; мы знаем математики; мы представляем наши почтения согражданам (Такие фразы слыхали мы от русских французов. Некоторые из них утверждают даже, что наш язык не имеет правил. Несчастные!)». А сограждане назвали бы их глупцами, невеждами, дурно воспитанными людьми: ибо кто не знает своего природного языка, тот, конечно, дурно воспитан, хотя бы знал наизусть и все книги браминов; они сказали бы сим полугаллам: «Зачем вы к нам приехали? Зачем не остались во Франции? Мы не признаем вас земляками своими; вы недостойны называться русскими, которые гордятся языком Святослава, Владимира, Пожарского, Петра Великого. Вы не имеете Отечества: ибо и самые французы, несмотря на то, что вы прекрасно даете чувствовать немое Е, не признают вас французами!..» И добродушные родители, лишив себя неизъяснимого удовольствия видеть на лице и в душе милых детей расцветание красоты физической и нравственной, вместо благовоспитанных людей увидели бы в них французских обезьян или попугаев, которые наименовали бы им всех парижских актеров, а не умели бы с чувством произнести священного имени России, отца, матери и сограждан!

Но я, подобно славному рыцарю Дон Кихоту, сражаюсь с ветряными мельницами, принимая их за исполинов. Конечно, никто из благоразумных дворян, российских не подумает отправить детей своих в пансион к господину N.N., над которым, без сомнения, и французы смеются.

Вестник Европы. 1802. № 2. Ч. 1. с. 52-57.

Александра Николаевича Радищева

В сочинениях Александра Николаевича Радищева (1749 – 1802 гг.) «Письма Федора Васильевича Ушакова», «О человеке, его смерти и бессмертии», «Беседа о том, что есть сын Отечества» и других затрагивались и вопросы педагогические.

Ниже приводится глава из его книги «Путешествие из Петербурга в Москву».

Радищев А.Н. Не позднее 1790 Неизвестный художник

Путешествие из Петербурга в Москву

Крестцы

В Крестцах был я свидетелем расстания у отца с детьми, которое меня тем чувствительнее тронуло, что я сам отец и скоро, может быть, с детьми расставаться буду. Несчастный предрассудок дворянского звания велит им итти в службу. Одно название сие приводит всю кровь в необычайное движение! Тысячу против одного держать можно, что изо ста дворянчиков, вступающих в службу, 98 становятся повесами, а два под старость, или, правильнее сказать, два в дряхлые их, хотя нестарые лета становятся добрыми людьми.

- Друзья мои, - сказал отец, - сегодня мы расстанемся, - и, обняв их, прижал возрыдавших к перси своей. Я уже несколько минут был свидетелем сего зрелища, стоя у дверей неподвижен, как отец, обратись ко мне:

- Будь свидетелем, чувствительный путешественник, будь свидетелем мне перед светом, сколь тяжко сердцу моему исполнять державную волю обычая.

- Если я исполнил должность мою в воспитании вашем, обязан сказати ныне вам вину, почто вас так, а не иначе воспитывал и для чего сему, а не другому вас научил; и для того услышите повесть о воспитании вашем и познайте вину всех моих над вами деяний.

- Со младенчества вашего принуждения вы не чувствовали. Хотя в деяниях ваших вождаемы были рукою моею, не ощущали, однакоже, николи ее направления. Деяния ваши были предузнаты и предваряемы; не хотел я, чтобы робость или послушание повиновения малейшею чертою ознаменовала на вас тяжесть своего перста. И для того дух ваш, не терпящ веления безрассудного, кроток к совету дружества. Но если, младенцам вам сущим, находил я, что уклонилися от пути, мною назначенного, устремляемы случайным ударением, тогда останавлял я ваше шествие или, лучше сказать, неприметно вводил в прежний путь, яко поток, оплоты прорывающий, искусною рукою обращается в свои берега.

- Робкая нежность не присутствовала во мне, когда, казалося, не рачил об охранении вас от неприязненности стихий и погоды. Желал лучше, чтобы на мгновение тело ваше оскорбилося преходящею болью, нежели дебелы пребудете в возрасте совершенном. И для того почасту ходили вы босы, непокровенную имея главу; в пыли, в грязи возлежали на отдохновение на скамии или на камени. Не меньше старался я удалить вас от убийственной пищи и пития. Труды наши лучшая была приправа в обеде нашем. Воспомните, с каким удовольствием обедали мы в деревне нам неизвестной, не нашед дороги к дому. Сколь вкусен нам казался тогда хлеб ржаной и квас деревенский!

- Не ропщите на меня, если будете иногда осмеяны, что не имеете казистого восшествия, что стоите, как телу вашему покойнее, а не как обычай или мода велит; что одеваетеся не со вкусом, что волосы ваши кудрятся рукою природы, а не чесателя. Не ропщите, если будете небрежены в собраниях, а особливо от женщин, для того что не умеете хвалить их красоту; но вспомните, что вы бегаете быстро, что плаваете не утомляяся, что подымаете тяжести без натуги, что умеете водить соху, вскопать гряду, владеете косою и топором, стругом и долотом; умеете ездить верхом, стрелять. Не опечальтеся, что вы скакать не умеете, как скоморохи. Ведайте, что лучшее плясание ничего не представляет величественного; и если некогда тронуты будете зрением оного, то любострастие будет тому корень, все же другое оному по-

стороннее. Но вы умеете изображать животных и неодушевленных, изображать черты царя природы, человека. В живописи найдете вы истинное услаждение не токмо чувств, но и разума. Я вас научил музыке, дабы дрожащая струна согласно вашим нервам возбуждала дремлющее сердце; ибо музыка, приводя внутренность в движение, делает мягкосердие в нас привычкою. Научил я вас и варварскому искусству сражаться мечом. Но сие искусство да пребудет в вас мертво, доколе собственная сохранность того не востребует. Оно, уповаю, не сделает вас наглыми; ибо вы твердый имеете дух и обидою не сочтете, если осел вас улягнет или свинья смрадным до вас коснется рылом. Не бойтесь сказать никому, что вы корову доить умеете, что шти и кашу сварите или зажаренный вами кусок мяса будет вкусен. Тот, кто сам умеет что сделать, умеет заставить сделать и будет на погрешности снисходителен, зная все в исполнении трудности.

- Во младенчестве и отрочестве не отягощал я рассудка вашего готовыми размышлениями или мыслями чуждыми, не отягощал памяти вашей излишними предметами. Но, предложив вам пути к познаниям, с тех пор, как начали разума своего ощущати силы, сами шествуете к отверстой вам стезе. Познания ваши тем основательнее, что вы их приобрели не твердя, как то говорят по пословице, как сорока Якова. Следуя сему правилу, доколе силы разума не были в вас действующи, не предлагал я вам понятия о всевышнем существе и еще менее об откровении. Ибо то, что бы вы познали прежде, нежели были разумны, было бы в вас предрассудок и рассуждению бы мешало. Когда же я узрел, что вы в суждениях ваших вождаетесь рассудком, то предложил вам связь понятий, ведущих к познанию бога; уверен во внутренности сердца моего, что всещедрому отцу приятнее зрети две непорочные души, в коих светильник познаний не предрассудком возжигается, но что они сами возносятся к начальному огню на возгорение. Предложил я вам тогда и о законе откровенном, не сокрывая от вас все то, что в опровержение оного сказано многими. Ибо желал, чтобы вы могли сами избирать между млеком и желчию, и с радостию видел, что восприяли вы сосуд утешения неробко.

- Преподавая вам сведения о науках, не оставил я ознакомить вас с различными народами, изучив вас языкам иностранным. Но прежде всего попечение мое было, да познаете ваш собственный, да умеете на оном изъяснять ваши мысли словесно и письменно, чтобы изъяснение сие было в вас непринужденно и поту на лице не производило. Английский язык, а потом латинский старался я вам известнее сделать других. Ибо упругость духа вольности, переходя в изображение речи, приучит и разум к твердым понятиям, столь во всяких правлениях нужным.

- Но если рассудку вашему предоставлял я направлять стопы ваши в стезях науки, тем бдительнее тщился быть во нравственности вашей. Старался умерять в вас гнев мгновения, подвергая рассудку гнев продолжительный, мщение производящий. Мщение!.. душа ваша мерзит его. Вы из природного сего чувствительныя твари движения оставили только оберегательность своего сложения, поправ желание возвращать уязвления.

- Ныне настало то время, что чувствы ваши, дошед до совершенства возбуждения, но не до совершенства еще понятия о возбуждаемом, начинают тревожиться всякою внешностию и опасную производить зыбь во внутренности вашей. Ныне достигли времени, в которое, как то говорят, рассудок становится определителем делания и неделания; а лучше сказать, когда чувства, доселе одержимые плавностию младенчества, начинают ощущать дрожание или когда жизненные соки, исполнив сосуд юности, превышать начинают его воскраия, ища стезю свойственным

для них стремлениям. Я сохранил вас неприступными доселе превратным чувств потрясениям, но не сокрыл от вас неведения покровом пагубных следствий совращения от пути умеренности в чувственном услаждении. Вы свидетели были, сколь гнусно избыточество чувственного насыщения, и возгнушалися; свидетели были страшного волнения страстей, превысивших брега своего естественного течения, познали гибельные их опустошения и ужаснулися. Опытность моя, носяся над вами, яко новый Егид, охраняла вас от неправильных уязвлений. Ныне будете сами себе вожди, и хотя советы мои будут всегда светильником ваших начинаний, ибо сердце и душа ваша мне отверсты; но, яко свет, отдаляяся от предмета, менее его освещает, тако и вы, отриновенны моего присутствия, слабое ощутите согрение моея дружбы. И для того преподам вам правила единожития и общежития, дабы по усмирении страстей не возгнушалися деяний, во оных свершенных, и не познали, что есть раскаяние.

- Правила единожития, елико то касаться может до вас самих, должны относиться к телесности вашей и нравственности. Не забывайте никогда употреблять ваших телесных сил и чувств. Упражнение оных умеренное укрепит их не истощевая и послужит ко здравию вашему и долгой жизни. И для того упражняйтеся в искусствах, художествах и ремеслах вам известных. Совершенствование в оных иногда может быть нужно. Неизвестно нам грядущее. Если неприязненное счастие отымет у вас все, что оно вам дало, - богаты пребудете во умеренности желаний, кормяся делом рук ваших. Но если во дни блаженства все небрежете, поздно о том думать во дни печали. Нега, изленение и неумеренное чувств услаждение губят и тело и дух. Ибо, изнуряя тело невоздержностию, изнуряет и крепость духа. Употребление же сил укрепит тело, а с ним и дух. Если почувствуешь отвращение к яствам и болезнь постучится у дверей, воспряни тогда от одра твоего, на нем же лелеешь чувства твои, приведи уснувшие члены твои в действие упражнением и почувствуешь мгновенное сил обновление; воздержи себя от пищи, нужной во здравии, и глад сделает пищу твою сладкою, огорчавшую от сытости. Помните всегда, что на утоление глада нужен только кусок хлеба и ковш воды. Если благодетельное лишение внешних чувствований, сон, удалится от твоего возглавия и не возможешь возобновить сил разумных и телесных, - беги из чертогов твоих и, утомив члены до усталости, возляги на одре твоем и почиешь во здравие.

- Будьте опрятны в одежде вашей; тело содержите в чистоте; ибо чистота служит ко здравию, а неопрятность и смрадность тела нередко отверзает неприметную стезю к гнусным порокам. Но не будьте и в сем неумеренны. Не гнушайтесь пособить, поднимая погрязшую во рве телегу, и тем облегчить упадшего; вымараете руки, ноги и тело, но просветите сердце. Ходите в хижины уничижения; утешайте томящегося нищетою; вкусите его брашна, и сердце ваше усладится, дав отраду скорбящему.

- Приступим ныне вкратце к правилам общежития. Предписать их не можно с точностию, ибо располагаются они часто по обстоятельствам мгновения. Но, дабы колико возможно менее ошибаться, при всяком начинании вопросите ваше сердце; оно есть благо и николи обмануть вас не может. Что вещает оно, то и творите. Следуя сердцу в юности, не ошибетеся, если сердце имеете благое. Но следовати возмнивый рассудку, не имея на браде власов, опытность возвещающих, есть безумец.

- Правила общежития относятся ко исполнению обычаев и нравов народных, или ко исполнению закона, или ко исполнению добродетели. Если в обществе нравы и обычаи не противны закону, если закон не полагает добродетели преткновений в ее шествии, то исполнение правил общежития есть легко. Но где таковое общество

существует? Все известные нам многими наполнены во нравах и обычаях, законах и добродетелях противоречиями. И оттого трудно становится исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко они находятся в совершенной противуположности.

- Понеже добродетель есть вершина деяний человеческих, то исполнение ее ничем не долженствует быть препинаемо. Небреги обычаев и нравов, небреги закона гражданского и священного, столь святые в обществе вещи, буде исполнение оных отлучает тебя от добродетели. Не дерзай николи нарушения ее прикрывати робостию благоразумия. Благоденствен без нее будешь во внешности, но блажен николи.

- Последуя тому, что налагают на нас обычаи и нравы, мы приобретем благоприятство тех, с кем живем. Исполняя предписание закона, можем приобрести название честного человека. Исполняя же добродетель, приобретем общую доверенность, почтение и удивление, даже и в тех, кто бы не желал их ощущать в душе своей. Коварный афинский сенат, подавая чашу с отравою Сократу, трепетал во внутренности своей пред его добродетелию.

- Не дерзай никогда исполнять обычая в предосуждение закона. Закон, каков ни худ, есть связь общества. И если бы сам государь велел тебе нарушить закон, не повинуйся ему, ибо он заблуждает себе и обществу во вред. Да уничтожит закон, яко же нарушение оного повелевает, тогда повинуйся, ибо в России государь есть источник законов.

- Но если бы закон или государь или бы какая-либо на земли власть подвизала тебя на неправду и нарушение добродетели, пребудь в оной неколебим. Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих раздробится о твердь твою; и если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты поживешь на памяти благородных душ до скончания веков. Убойся заранее именовать благоразумием слабость в деяниях, сего первого добродетели врага. Сегодня нарушишь ее уважения ради какового, завтра нарушение ее казаться будет самою добродетелию; и так порок воцарится в сердце твоем и исказит черты непорочности в душе и на лице твоем.

- Добродетели суть или частные, или общественные. Побуждения к первым суть всегда мягкосердие, кротость, соболезнование, и корень всегда их благ. Побуждения к добродетелям общественным нередко имеют начало свое в тщеславии и любочестии. Но для того не надлежит остановляться в исполнении их. Предлог, над ним же вращаются, придает им важности. В спасшем Курции отечество свое от пагубоносныя язвы никто не зрит ни тщеславного, ни отчаянного или наскучившего жизнию, но ироя. Если же побуждения наши к общественным добродетелям начало свое имеют в человеколюбивой твердости души, тогда блеск их будет гораздо больший. Упражняйтеся всегда в частных добродетелях, дабы могли удостоиться исполнения общественных.

- Еще преподам вам некоторые исполнительные правила жизни. Старайтеся паче всего во всех деяниях ваших заслужить собственное свое почтение, дабы, обращая во уединении взоры свои во внутрь себя, не токмо не могли бы вы раскаиваться в сделанном, но взирали бы на себя со благоговением.

- Следуя сему правилу, удаляйтеся, елико то возможно, даже вида раболепствования. Вошед в свет, узнаете скоро, что в обществе существует обычай посещать в праздничные дни по утрам знатных особ; обычай скаредный, ничего не значащий, показующий в посетителях дух робости, а в посещаемом дух надменности и слабый

рассудок. У римлян было похожее сему обыкновение, которое они называли амбицио, то есть снискание или обхождение; а оттуда и любочестие названо амбицио, ибо посещениями именитых людей юноши снискивали себе путь к чинам и достоинствам. То же делается и ныне. Но если у римлян обычай сей введен был для того, чтобы молодые люди обхождением с испытанными научалися, то сомневаюсь, чтобы цель в обычае сем всегда непорочна сохранилася. В наши же времена, посещая знатных господ, учения целию своею никто не имеет, но снискание их благоприятства. Итак, да не преступит нога ваша порога, отделяющего раболепство от исполнения должности. Не посещай николи передней знатного боярина, разве по долгу звания твоего. Тогда среди толпы презренной и тот, на кого она взирает с подобострастием, в душе своей тебя хотя с негодованием, но от нее отличит.

- Если случится, что смерть пресечет дни мои прежде, нежели в благом пути отвердеете, и, юны еще, восхитят вас страсти из стези рассудка, - то не отчаивайтеся, соглядая иногда превратное ваше шествие. В заблуждении вашем, в забвении самих себя, возлюбите добро. Распутное житие, безмерное любочестие, наглость и все пороки юности оставляют надежду исправления, ибо скользят по поверхности сердца, его не уязвляя. Я лучше желаю, чтобы во младых летах ваших вы были распутны, расточительны, наглы, нежели сребролюбивы или же чрезмерно бережливы, щеголеваты, занимайся более убранством, нежели чем другим. Систематическое, так сказать, расположение в щегольстве означает всегда сжатый рассудок. Если повествуют, что Юлий Кесарь был щеголь; но щегольство его имело цель. Страсть к женщинам в юности его была к сему побуждением. Но он из щеголя облекся бы мгновенно во смраднейшее рубище, если бы то способствовало к достижению его желаний.

- Во младом человеке не токмо щегольство преходящее простительно, но и всякое почти дурачество. Если же наикраснейшими деяниями жизни прикрывать будете коварство, ложь, вероломство, сребролюбие, гордость, любомщение, зверство, - то хотя ослепите современников ваших блеском ясной наружности, хотя не найдете никого столь любящего вас, да представит вам зерцало истины, не мните, однакоже, затмить взоры прозорливости. Проникнет она светозарную ризу коварства, и добродетель черноту души вашей обнажит. Возненавидит ее сердце твое, и яко чувственница увядать станет прикосновением твоим, но мгновенно, но стрелы ее издалека язвить тебя станут и терзать.

Слово крестицкого дворянина не выходило у меня из головы. Доказательства его о ничтожестве власти родителей над детьми казалися мне неоспоримы. Но если в благоучрежденном обществе нужно, чтобы юноши почитали старцев и неопытность - совершенство, то нет, кажется, нужды власть родительскую делать беспредельною. Если союз между отцом и сыном не на нежных чувствованиях сердца основан, то он, конечно, нетверд; и будет нетверд, вопреки всех законоположений. Если отец в сыне своем видит своего раба и власть свою ищет в законоположении, если сын почитает отца наследия ради, то какое благо из того обществу? Или еще один невольник в прибавок ко многим другим, или змия за пазухой... Отец обязан сына воскормить и научить и должен наказан быть за его проступки, доколе он не войдет в совершеннолетие; а сын должности свои да обрящет в своем сердце. Если он ничего не ощущает, то виновен отец, почто ничего не насадил. Сын же вправе требовати от отца вспомоществования, доколе пребывает немощен и малолетен; но в совершеннолетии естественная сия и природная связь рушится. Птенец пернатых не ищет помощи от произведших его, когда сам начнет находить пищу. Самец и самка забывают о птенцах своих, когда они возмужают. Се есть закон природы. Если

гражданские законы от него удалятся, то производят всегда урода. Ребенок любит своего отца, мать или наставника, доколе любление его не обратится к другому предмету. Да не оскорбится сим сердце твое, отец чадолюбивый; естество того требует. Единое в том тебе утешение да будет, вспоминая, что и сын сына твоего возлюбит отца до совершенного только возраста. Тогда же от тебя зависеть будет обратить его горячность к тебе. Если ты в том успеешь, блажен и почтения достоин. В таковых размышлениях доехал я до почтового стана.

Радищев А.Н. Избр. соч. М., 1952. с. 107-120.

Левитан И.И. Разлив 1895 г.

ДЕКАБРИСТЫ

Большинство декабристов рассматривали народное образование как одно из важнейших орудий в борьбе против самодержавия. Декабристы организовывали в своих поместьях школы для обучения крестьянских детей, а в городах - школы для детей бедноты и солдатских детей. В программных документах декабристов было и требование грамотности для народа.

Ниже приводятся относящиеся к просвещению параграфы из «Устава Союза Благоденствия», а также сочинений П.И. Пестеля «Практические начала политической экономии» и «Русская Правда».

Карл Кольман. Восстание декабристов

Из устава Союза благоденствия

Воспитание юношества

§ 8. Воспитание юношества входит также в непременную цель Союза Благоденствия. Под его надзором должны находиться все без исключения народные учебные заведения. Он обязан их обозревать, улучшать и учреждать новые. Вообще в воспитании юношества особенное прилагает старание к возбуждению в нем любви ко всему добродетельному, полезному и изящному и презрение ко всему порочному и низкому, дабы сильное влечение страстей всегда было остановляемо строгими, но справедливыми напоминаниями образованного рассудка и совести.

Касательно частного воспитания Союз нечувствительным образом стараться должен побуждать родителей ко внушению детям своим правил добродетели, всех достойных воспитателей поддерживать; а тем, кои под таковым видом вкрадываются

в домы для поселения раздоров и разврата, старается не только изгонять из оных, но как растлевающих нравственность юношества лишать всякой возможности находить в сем ремесле дневное свое пропитание. В сем наблюдает он особенно за иностранцами, кои сверх поселения в домах раздоров и разврата внушают детям презрение к отечественному и привязанность к чужеземному. Союз старается также отвращать родителей от воспитания детей в чужих краях. Образование женского пола, как источник нравственности в частном воспитании, входит также в предмет Союза.

Средства, для сего Союзом употребляемые, суть собственный пример, слово и повременные издания, в коих излагаемы должны быть, между прочим, способы воспитания, имена дознанных хороших воспитателей и полезных для сего книг.

Распространение познаний

§ 9. Союз всеми силами попирает невежество и, обращая умы к полезным занятиям, особенно к познанию Отечества, старается водворить истинное просвещение. Для сего занимается он сочинениями и переводом книг, как хороших учебных, так и тех, кои служат к изяществу полезных наук. Старается также распространять изучение грамоты в простом народе. Употребляет посмеяние для отвращения от книг, не токмо противных цели Союза, но и никакого влияния не имеющих. В словесности допускается только истинно изящное и отвергается все худое и посредственное.

Избранные социально-политические и философские произведения декабристов М., 1951. Т. 1. с. 243-244.

Портрет П.И.Пестеля. Неизв. художник. 1821-1825 гг.

Павел Иванович Пестель

Практические начала политической экономии

Глава третья

Просвещение

Отдел первый

Основные взгляды

§1 Мы подразумеваем под словом просвещение образование ума и сердца, развитие наших нравственных и физических способностей. Образование бывает и практическое и теоретическое, и это последнее подразделяется на несколько отраслей. Нация может быть очень передовой в одной отрасли культуры и отсталой в другой - все зависит от духа законодательства. Кроме того, следует различать культурность различных классов граждан.
Культурность человека есть следствие его воспитания, в особенности физического, которое имеет большое влияние на воспитание нравственное. Физическое вос-

питание способствует развитию климатических народов. Великими средствами морального воспитания у земледельческих народов служат религия, законодательство и наука. Два первых создают нравственность народа, вторые - его просвещение.

Религия служит основным способом морального развития, и для правительства не безразлично, какая религия является господствующей, так как различие религии не одинаково влияет на интеллектуальное развитие населения. Законодательство оказывает большое влияние на общее развитие населения, ибо граждане, обязанные подчиняться законам, естественным образом воспринимают и их характер, а также и потому, что законы гражданские и уголовные, отчасти направляя поведение индивидуумов, могут внедрить в них принципы морали и добродетели.

Воспитание, как физическое, так и моральное, лежит на обязанности родителей, но так как последним в этом деле могут встретиться непреодолимые трудности, то правительство должно принять активное участие в нем, основывая для этой цели особые дома и учреждения...

Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 2. с. 70-71.

Русская правда

Глава пятая

О народе в гражданском отношении

§16 Правила, утверждающие свободное книгопечатание и определяющие нравственные действия, касаются трех предметов:

1) воспитания,

2) нравственности,

3) книгопечатания.

Воспитание детей разделяется на общественное и частное. Первое устраивается правительством, второе предоставляется частным людям. Правила в отношении к воспитанию юношества суть следующие:

1) Каждый отец семейства может по своему произволу детей своих или воспитывать у себя в доме, под собственным своим надзором, или отдавать их в общественные учебные заведения, от правительства учрежденные.

2) Поелику ничто столь сильно не действует на благоденствие царств и народов, как воспитание, то и обязывается Верховное правление учебные заведения устроить таким образом, чтобы они в полной мере всевозможную пользу приносили.

3) Частные лица не должны иметь права заводить ни пансионов, ни других учебных заведений, куда бы граждане детей своих отдавали, потому что правительство обязано о воспитании юношества много заботиться и неупустительно над оным надзирать, хотя и может оное родителям предоставить и на их старание в полной мере положиться. Но коль скоро родители не имеют времени, средств или охоты оным заниматься, то должно правительство их место заступать и не дозволять, чтобы сие было предоставлено посторонним людям, ибо нельзя иметь к сим последним достаточной доверенности, дабы им поручить многотрудное исполнение священной сей обязанности, тем более что надзор правительства за таковыми частными заведениями всегда будет слаб и недостаточен.

Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 2. с. 154-155.

Александр Сергеевич Пушкин

Александр Сергеевич Пушкин (1799 – 1837 гг.) - великий русский поэт. Осенью 1826 г. после восстания декабристов императору Николаю I была подана записка А.С. Пушкина «О народном воспитании». Как это видно из ее содержания, записка была составлена в ответ на обращенную к А.С. Пушкину просьбу императора Николая I в связи с рассмотрением в правительстве вопроса о состоянии российского образования. Основные положения Записки тщательно обдумывались автором, о чем свидетельствуют оставленные им многочисленные варианты и наброски. Важные для истории педагогические мысли этого документа заключаются в утверждении преимущества государственного воспитания детей и юношества перед частным, а также неприятие иноземных систем обучения, наносящих ущерб национальным интересам России.

Автопортрет на листе, вклеенном в альбом Е.Н. Ушаковой. 1829 г.

О народном воспитании

Последние происшествия (имеется в виду Декабрьское восстание. - Ред.) обнаружили много печальных истин. Недостаток просвещения и нравственности вовлек многих молодых людей в преступные заблуждения. Политические изменения, вынужденные у других народов силою обстоятельств и долговременным приготовлением, вдруг сделались у нас предметом замыслов и злонамеренных усилий. Лет 15 тому назад молодые люди занимались только военною службою, старались отличаться одною светской образованностию или шалостями; литература (в то время столь свободная) не имела никакого направления; воспитание ни в чем не отклонялось от первоначальных начертаний. 10 лет спустя мы увидели либеральные идеи необходимой вывеской хорошего воспитания, разговор исключительно политический; литературу (подавленную самой своенравною цензурою), превратившуюся в рукописные пасквили на правительство и возмутительные песни; наконец, и тайные общества, заговоры, замыслы более или менее кровавые и безумные.

Ясно, что походам 1813 и 1814 года, пребыванию наших войск во Франции и Германии должно приписать сие влияние на дух и нравы того поколения, коего несчастные представители погибли в наших глазах; должно надеяться, что люди, разделявшие образ мыслей заговорщиков, образумились; что, с одной стороны, они увидели ничтожность своих замыслов и средств, с другой - необъятную силу правительства, основанную на силе вещей. Вероятно, братья, друзья, товарищи погибших успокоятся временем и размышлением, поймут необходимость и простят оной в душе своей. Но надлежит защитить новое, возрастающее поколение, еще не наученное никаким опытом и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкостию первой молодости, со всем ее восторгом и готовностию принимать всякие впечатления.

Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла. Не просвещению, сказано в высочайшем манифесте от 13-го июля 1826 года, но праздности ума, более вредной, чем праздность телесных сил, недостатку твердых познаний должно приписать сие своевольство мыслей, источник буйных страстей, сию пагубную роскошь полупознаний, сей порыв в мечтательные крайности, коих начало

есть порча нравов, а конец - погибель. Скажем более: одно просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия.

Чины сделались страстию русского народа. Того хотел Петр Великий, того требовало тогдашнее состояние России. В других землях молодой человек кончает круг учения около 25 лет; у нас он торопится вступить как можно ранее в службу, ибо ему необходимо 30-ти лет быть полковником или коллежским советником. Он входит в свет безо всяких основательных познаний, без всяких положительных правил: всякая мысль для него нова, всякая новость имеет на него влияние. Он не в состоянии ни поверять, ни возражать; он становится слепым приверженцем или жалким повторителем первого товарища, который захочет оказать над ним свое превосходство или сделать из него свое орудие.

Конечно, уничтожение чинов (по крайней мере, гражданских) представляет великие выгоды; но сия мера влечет за собою и беспорядки бесчисленные, как вообще всякое изменение постановлений, освященных временем и привычкою. Можно, по крайней мере, извлечь некоторую пользу из самого злоупотребления и представить чины целию и достоянием просвещения; должно увлечь все юношество в общественные заведения, подчиненные надзору правительства; должно его там удержать, дать ему время перекипеть, обогатиться познаниями, созреть в тишине училищ, а не в шумной праздности казарм.

В России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребенок окружен одними холопями, видит одни гнусные примеры, своевольничает, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. Воспитание его ограничивается изучением двух или трех иностранных языков и начальным основанием всех наук, преподаваемых каким-нибудь нанятым учителем. Воспитание в частных пансионах не многим лучше; здесь и там оно кончается на 16-летнем возрасте воспитанника. Нечего колебаться; во что бы то ни стало должно подавить воспитание частное.

Надлежит всеми средствами умножить невыгоды, сопряженные с оным (например, прибавить годы унтер-офицерства и первых гражданских чинов).

Уничтожить экзамены. Покойный Император, удостоверясь в ничтожестве ему предшествовавшего поколения, желал открыть дорогу просвещенному юношеству и задержать как-нибудь стариков, закоренелых в безнравствии и невежестве. Отселе указ об экзаменах, мера слишком демократическая и ошибочная, ибо она нанесла последний удар дворянскому просвещению и гражданской администрации, вытеснив все новое поколение в военную службу. А так как в России все продажно, то и экзамен сделался новой отраслию промышленности для профессоров. Он походит на плохую таможенную заставу, в которую старые инвалиды пропускают за деньги тех, которые не умели проехать стороною. Итак (с такого-то году), молодой человек, не воспитанный в государственном училище, вступая в службу, не получает вперед никаких выгод и не имеет права требовать экзамена.

Уничтожение экзаменов произведет большую радость в старых титулярных и коллежских советниках, что и будет хорошим противодействием ропоту родителей, почитающих своих детей обиженными.

Что касается до воспитания заграничного, то запрещать его нет никакой надобности. Довольно будет опутать его одними невыгодами, сопряженными с воспитанием домашним, ибо, 1-е, весьма немногие станут пользоваться сим позволением; 2-е, воспитание иностранных университетов, несмотря на все свои неудобства, не в пример для нас менее вредно воспитания патриархального. Мы видим, что Н. Тургенев, воспитывавшийся в Геттингенском университете, несмотря на свой политический фанатизм, отличался посреди буйных своих сообщников нравственностию и умеренностию - следствием просвещения истинного и положительных познаний. Таким образом, уничтожив или, по крайней мере, сильно затруднив воспитание частное, правительству легко будет заняться улучшением воспитания общественного.

Ланкастерские школы входят у нас в систему военного образования и, следовательно, состоят в самом лучшем порядке.

Кадетские корпуса, рассадник офицеров русской армии, требуют физического преобразования, большого присмотра за нравами, кои находятся в самом гнусном запущении. Для сего нужна полиция, составленная из лучших воспитанников; доносы других должны быть оставлены без исследования и даже подвергаться наказанию; чрез сию полицию должны будут доходить и жалобы до начальства. Должно обратить строгое внимание на рукописи, ходящие между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказание; за возмутительную - исключение из училища, но без дальнейшего гонения по службе; наказывать юношу или взрослого человека за вину отрока есть дело ужасное и, к несчастию, слишком у нас обыкновенное.

Уничтожение телесных наказаний необходимо. Надлежит заранее внушить воспитанникам правила чести и человеколюбия; не должно забывать, что они будут иметь право розги и палки над солдатом; слишком жестокое воспитание делает из них палачей, а не начальников.

В гимназиях, лицеях и пансионах при университетах должно будет продлить, по крайней мере, 3-мя годами круг обыкновенный учения, по мере того повышения и чины, даваемые при выпуске.

Преобразование семинарий, рассадника нашего духовенства, как дело высшей государственной важности, требует полного особенного рассмотрения.

Предметы учения в первые годы не требуют значительной перемены. Кажется однако ж, что языки слишком много занимают времени. К чему, например, 6-летнее изучение французского языка, когда навык света и без того слишком уже достаточен? К чему латинский или греческий? Позволительная ли роскошь там, где чувствителен недостаток необходимого?

Во всех почти училищах дети занимаются литературою, составляют общества, даже печатают свои сочинения в светских журналах. Все это отвлекает от учения, приучает детей к мелочным успехам и ограничивает идеи, уже и без того слишком у нас ограниченные.

Высшие политические науки займут окончательные годы. Преподавание прав, политическая экономия по новейшей системе Сея и Сисмонди, статистика, история. История в первые годы учения должна быть голым хронологическим рассказом происшествий, безо всяких нравственных или политических рассуждений. К чему давать младенствующим умам направление одностороннее, всегда непрочное? Но в окончательном курсе преподавание истории (особенно новейшее) должно будет совершенно измениться. Можно будет с хладнокровием показать разницу духа народов, источника нужд и требований государственных; не хитрить, не искажать республиканских рассуждений, не позорить убийства Кесаря, превознесенного 2000 лет, но представить Брута защитником и мстителем коренных постановлений отечества, а Кесаря честолюбивым возмутителем. Вообще не должно, чтоб республиканские идеи изумили воспитанников при вступлении в свет и имели для них прелесть новизны.

Историю русскую должно будет преподавать по Карамзину. «История государства Российского» есть не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека. Россия слишком мало известна русским; сверх ее истории, ее статистика, ее законодательство требуют особенных кафедр. Изучение России должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою, имея целию искренно и усердно соединиться с правительством в великом подвиге улучшения государственных постановлений, а не препятствовать ему, безумно упорствуя в тайном недоброжелательстве.

Сам от себя я бы никогда не осмелился представить на рассмотрение правительства столь недостаточные замечания о предмете столь важном, каково есть на-

родное воспитание: одно желание усердием и искренностию оправдать высочайшие милости, мною не заслуженные, понудило меня исполнить вверенное мне препоручение. Ободренный первым вниманием Государя императора, всеподданнейше прошу Его Величество дозволить мне повергнуть пред ним мысли касательно предметов, более мне близких и знакомых.

15 ноября 1826 г.

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 11. с. 43-47.

Николай I

Николай I Павлович (1796 — 1855) — император Всероссийский, царь Польский и великий князь Финляндский вступил на престол после внезапной смерти своего брата Александра I, разгромив восстание декабристов и начав царствование казнью его руководителей. Образование Николая I было ограничено военно-инженерными науками. В области народного образования был установлен строгий принцип сословности, в котором дворянству во всем отдавалось предпочтение ("Гимназический устав", 1828, "Общий устав императорских российских университетов").

Ниже приводится Рескрипт об основах нового устройства учебных заведений.

РЕСКРИПТ НИКОЛАЯ I ОБ ОСНОВАХ НОВОГО УСТРОЙСТВА УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ (1827 г.)

(Рескрипт дан на имя министра народного просвещения А.С. Шишкова)

Александр Семенович! Вам известно, что, почитая народное воспитание одним из главнейших оснований благосостояния державы, от бога мне врученной, я желаю, чтоб для оного были постановлены правила, вполне соответствующие истинным потребностям и положению государства. Для сего необходимо, чтоб повсюду предметы учения и самые способы преподавания были по возможности соображаемы с будущим вероятным предназначением обучающихся, чтобы каждый, вместе с здравыми, для всех общими понятиями о вере, законах и нравственности, приобретал познания, наиболее для него нужные, могущие служить к улучшению его участи, и, не быв ниже своего состояния, также не стремился чрез меру возвыситься над тем, в коем, по обыкновенному течению дел, ему суждено оставаться. Комитет, под председательством вашим занимающийся устройством учебных заведений, признал сию необходимость, но в настоящем порядке многое противно предположенному им правилу. До сведения моего дошло, между прочим, что часто крепостные люди, из дворовых и поселян, обучаются в гимназиях и других высших учебных заведениях. От сего происходит вред двоякий: с одной стороны, сии молодые люди, получив первоначальное воспитание у помещиков или родителей нерадивых, по большей части входят в училища уже с дурными навыками и заражают ими товарищей своих в классах или чрез то препятствуют попечительным отцам семейств отдавать своих детей в сии заведения; с другой же, отличнейшие из них, по прилежности и успехам, приучаются к роду жизни, к образу мыслей и понятиям, не соответствующим их состоянию. Неизбежные тягости оного для них становятся несносны, и оттого они нередко в унынии предаются пагубным мечтаниям или низким страстям. Дабы предупредить такие последствия, по крайней мере, в будущем, я нахожу нужным ныне же повелеть:

1) чтобы в университетах и других высших учебных заведениях, казенных и частных, находящихся в ведомстве или под надзором министерства народного просвещения, а равно и в гимназиях и в равных с оными по предметам преподавания местах, принимались в классы и допускались к слушанию лекций только люди свободных состояний, не исключая и вольноотпущенных, кои представят удостоверительные в том виды, хотя бы они не были еще причислены ни к купечеству, ни к мещанству и не имели никакого иного звания;

2) чтобы помещичьи крепостные поселяне и дворовые люди могли, как и доселе, невозбранно обучаться в приходских и уездных училищах и в частных заведениях, в коих предметы учения не выше тех, кои преподаются в училищах уездных и

3) чтоб они также были допускаемы в заведения особенного рода, кои учреждены или впредь будут учреждаемы казною и частными людьми для обучения сельскому хозяйству, садоводству и вообще искусствам, нужным для усовершенствования или распространения земледельческой, ремесленной и всякой иной промышленности, но чтобы и в сих заведениях те науки, кото-

рые не служат основанием или пособием для искусств и промыслов, были преподаваемы в такой же мере, как и в уездных училищах.

Постановляя сии правила и поручая вам привести оные в действо, я не сомневаюсь, что воля моя будет в точности исполнена. Снабдив попечителей учебных округов и прочие подчиненные вам места и лица надлежащими наставлениями, вы можете, когда нужно, объявлять о сих распоряжениях и начальствам других ведомств, распространяя отныне надзор министерства, вам вверенного, на все училища без исключения, кроме военных и духовных. Комитет устройства учебных заведений не оставит с своей стороны заняться изысканием средств, чтобы в уездные училища ввести курс учения, достаточный для воспитания людей нижних состояний в государстве, стараясь в особенности обогащать их теми сведениями, кои, по образу жизни их, нуждам и упражнениям, могут быть им истинно полезны.

Хрестоматия по истории педагогики. - 2-е изд.
М., 1938. Т. 4. Ч. 1. с. 256-257.

Николай Иванович Лобачевский

Николай Иванович Лобачевский (1792 – 1856 гг.) был не только выдающимся математиком, создателем неевклидовой геометрии, но и талантливым педагогом, развивавшем демократические педагогические идеи. С 1814 г. Лобачевский профессор, а с 1827 г. и в течение девятнадцати лет - ректор Казанского университета, председатель училищного совета округа. Многое сделал он для развития народного образования, улучшения подготовки учителей, постановки обучения в гимназиях и училищах Казанского учебного округа.

В трудах Н.И. Лобачевского, его лекциях, методических пособиях для учителей содержались оригинальные дидактические и методические идеи.

Ниже приводится в сокращении речь Н.И. Лобачевского «О важнейших предметах воспитания» (1828 г.).

Портрет Н. И. Лобачевского.
Работа Л. Д. Крюков. до 1836 г.

Речь «О важнейших предметах воспитания»

Произнесена в торжественном собрании Университета
ректором оного, профессором Лобачевским 1828 г., июля 5-го.

I. Я сравниваю теперь себя с кормчим, который, не доверяя опытности, держался берегов; наконец решается плыть в открытое море, и не робкое путешествие свое рассказывать, но советов просить должен. В воспитании юношества, в сем важ-

ном деле, где я по званию своему участвую более других членов Университета, в исполнении сей важной обязанности прошу ваших советов. Осмеливаюсь подвергнуть вашему суждению мои мысли, полагая, что они заключают в себе первые основания нравственности и могут указывать на те правила, которым следовать обязаны наставники. Ими намерен и я руководствоваться, как путешественник, чтобы не сбиться с пути, смотрит на приметы, расставленные по дороге.

II. В каком состоянии, воображаю, должен бы находиться человек, отчужденный от общества людей, отданный на волю одной дикой природе. Обращаю потом мысли к человеку, который, среди устроенного, образованного гражданства последних веков просвещения, высокими познаниями своими составляет честь и славу своего отечества. Какая разность, какое безмерное расстояние разделяет того и другого! Эту разность произвело - воспитание. Оно начинается от колыбели, приобретается сперва одним подражанием, постепенно развертывается ум, память, воображение, вкус к изящному пробуждается любовь к себе, к ближнему, любовь славы, чувство чести, желание наслаждаться жизнию. Все способности ума, все дарования, все страсти, все это обделывает воспитание, соглашает в одно стройное целое, и человек, как бы снова родившись, является творение в совершенстве.

Наружный вид его, возвышенное чело, взор, который всюду устремляется, все созерцает вверху, вокруг себя; черты лица, в которых изображается чувственность, покоренная уму, - все показывает, что он родился быть господином, повелителем, царем природы. Но мудрость, с которой он должен править с наследственного своего престола, не дана ему от рождения: она приобретается учением.

В чем же должна заключаться эта мудрость? Чему должно нам учиться, чтобы достигнуть своего назначения? Какие способности должны быть раскрыты и усовершенствованы, какие должны потерпеть перемены; что надобно придать, что отсечь, как излишнее, вредное?

Мое мнение: ничего не уничтожать и все усовершенствовать. Неужели дары природы напрасны? Как осмелимся осуждать их? Кого обвиним в них? Одного признаем виновника всему, что ни существует; исповедуем его и благоговеем пред его бесконечною премудростию.

Всего обыкновеннее слышать жалобы на страсти, но, как справедливо сказал Мабли: чем страсти сильнее, тем они полезнее в обществе; направление их может быть только вредно.

Что же надобно сказать о дарованиях умственных, врожденных побуждениях, свойственных человеку желаниях? Все должно остаться при нем: иначе исказим его природу, будем ее насиловать и повредим его благополучию.

Обратимся, во-первых, к главнейшей способности, уму, которым хотят отличить человека от прочих животных, противуполагая в последних инстинкт. Я не того мнения, чтобы человек лишен был инстинкта, который является во многих действиях ума, который в соединении с умом составляет Гений. Замечу только мимоходом, что инстинкт не приобретается; Гением быть нельзя, кто не родился. В этом-то искусство воспитателей: открыть Гений, обогатить его познаниями и дать свободу следовать его внушениям. Ум, если хотят составить его из воображения и памяти, едва ли отличает нас от животных. Но разум, без сомнения, принадлежит исключительно человеку; разум — это значит известные начала суждения, в которых как бы отпечатались первые действующие причины вселенной и которые соглашают, таким образом, все наши заключения с явлениями в природе, где противоречия существовать не могут.

III. Как бы то ни было, но в том надобно признаться, что не столько уму нашему, сколько дару слова одолжены мы всем нашим превосходством пред прочими животными. Из них самые близкие по сложению своего тела, как уверяют анатомики,

лишены органов, помощию которых могли бы произносить сложные звуки. Им запрещено передавать друг другу понятия. Одному человеку предоставлено это право; он один на земле пользуется сим даром; ему одному велено учиться, изощрять свой ум, искать истин соединенными силами. Слова, как бы лучи ума его, передают и распространяют свет учения. Язык народа - свидетельство его образованности, верное доказательство степени его просвещения.

Чему, спрашиваю я, одолжены своими блистательными успехами в последнее время математические и физические науки, слава нынешних веков, торжество ума человеческого? Без сомнения, искусственному языку своему, ибо как назвать все сии знаки различных исчислений, как не особенным, весьма сжатым языком, который, не утомляя напрасно нашего внимания, одной чертой выражает обширные понятия. Такие успехи математических наук, затмивши всякое другое учение, справедливо удивляют нас; заставляют признаться, что уму человеческому предоставлено исключительно познавать сего рода истины, что он, может быть, напрасно гоняется за другими; надобно согласиться и с тем, что математики открыли прямые средства к приобретению познаний. Еще не с давнего времени пользуемся мы сими средствами. Их указал нам знаменитый Бакон. Оставьте, говорил он, трудиться напрасно, стараясь извлечь из одного разума всю мудрость; спрашивайте природу, она хранит все истины и на вопросы ваши будет отвечать вам непременно и удовлетворительно. Наконец, Гений Декарта привел эту счастливую перемену, и, благодаря его дарованиям, мы живем уже в такие времена, когда едва тень древней схоластики бродит по университетам. Здесь, в это заведение вступивши, юношество не услышит пустых слов без всякой мысли, одних звуков без всякого значения. Здесь учат тому, что на самом деле существует, а не тому, что изобретено одним праздным умом. Здесь преподаются точные и естественные науки, с пособием языков и познаний исторических. Здесь преподаватели разделяют между собою предметы, которыми всю жизнь свою занимаются, еще с молодых лет почувствовав в себе охоту и некоторые дарования. Как жалко, что истинному просвещению предпочитаются суетные выгоды домашнего воспитания. Кто хочет образовать своих детей для государства, тот должен прибегнуть к средствам, которые одно только государство в состоянии доставить; тот должен учить своих детей в общественных заведениях.

IV. Одно образование умственное не довершает еще воспитание. Человек, обогащая свой ум познаниями, еще должен учиться уметь наслаждаться жизнию. Я хочу говорить об образованности вкуса.

Жить - значит чувствовать, наслаждаться жизнию, чувствовать непрестанно новое, которое бы напоминало, что мы живем. Так, стихотворец наш Державин говорит о людях:

Непостоянство - доля смертных,
В пременах вкуса - счастье их.
Среди утех своих несметных
Желаем мы утех иных.

Единообразное движение мертво. Покой приятен после трудов и скоро обращается в скуку. Наслаждение заключается в волнении чувств, под тем условием, чтобы оно держалось в известных пределах. Впрочем, все равно, на веселое или печальное обращается наше внимание. И возвраты к унынию приятны; и трогательные картины бедствий человеческих нас привлекают. С удовольствием слушаем мы Эдипа на сцене театра, когда он рассказывает о беспримерных своих несчастиях. Веселое и печальное, как две противные силы, волнуют жизнь нашу внутри той волны, где заключаются все удовольствия, свойственные человеческой природе. Или подобно реке она [жизнь] течет в излучистых берегах: то разливается в лугах радости, то

обмывает крутые утесы горестных размышлений. Ничто так не стесняет сего потока, как невежество: мертвою, прямою дорогою провожает оно жизнь от колыбели к могиле. Еще в низкой доле изнурительные труды необходимости, мешаясь с отдохновением, услаждают жизнь земледельца и ремесленника; но вы, которых существование несправедливый случай обратил в тяжелый налог другим, вы, которых ум отупел и чувство заглохло, вы не наслаждаетесь жизнию. Для вас мертва природа, чужды красоты поэзии, лишена прелести и великолепия архитектура, незанимательна история веков. Я утешаюсь мыслию, что из нашего университета не выйдут подобные произведения растительной природы; даже не войдут сюда, если, к несчастию, уже родились с таким назначением. Не выйдут, повторяю, потому, что здесь продолжается любовь славы, чувство чести и внутреннего достоинства.

V. Кажется, природа, одарив столь щедро человека при его рождении, еще не удовольствовалась. Вдохнула в каждое желание превосходить других, быть известным, быть предметом удивления, прославиться и, таким образом, возложила на самого человека попечение о своем усовершенствовании. Ум в непрестанной деятельности силится стяжать почести, возвыситься - и все человеческое племя идет от совершенства к совершенству - и где остановится?..

Лобачевский Н.И. Научно-педагогическое наследие. М., 1976. с. 16-20.

И.И. Давыдов

Иван Иванович Давыдов

Иван Иванович Давыдов (1794 – 1883 гг.) - выдающийся деятель российского просвещения и педагог. Он автор многих научных работ по филологии, математике, философии, логике, педагогике, а также учебников для студентов университета и гимназий. Занимался непосредственно преподавательской, воспитательской и административной деятельностью в различных образовательных учреждениях Москвы и Петербурга. Был членом Петербургской академии наук.

О согласовании воспитания с развитием душевных способностей

Жизнь человеческая проявляется в переходе одного возраста в другой. Душевные способности, равно как и силы телесные, развиваются последовательно, в известном и определенном порядке возникают, цветут, зреют. В дитяти, как в семени, хранятся начала всех способностей; юноша представляет собою время цветения; мужество соответствует зрелости.

Все сии различные состояния духа нашего обнаруживаются в трех главных стихиях: чувстве, уме и воле; они-то проходят все степени развития по предначертанному создателем закону. Умственное приобретение знаний, нравственное облагородствование воли и образование вкуса совершаются в различных возрастах жизни. На первой степени развития, на лоне матери, пробуждаются способности; здесь в особенности образуются чувства. Второй возраст - юность; посвящается раскрытию и обогащению ума под руководством отца или наставника. Переход в возраст му-

жества предназначен к образованию воли - ее самобытности. В это время при благословении проведения законы внешний, или общественный, и внутренний, или нравственный, бывают ангелом хранителем человека.

Большею частию редкие успехи в воспитании происходят от трех главных погрешностей: или начинают учение преждевременно и продолжают непоследовательно; или не все стихии души нашей развиваются в воспитании. Обыкновенно спрашивают: чему учить надобно сына или дочь? А лучше бы спрашивать о том, как должно развивать душевные способности. Дайте им правильное развитие: они будут в состоянии приобрести все нужные сведения. Воспитывайте чувство, ум и волю согласно с их развитием - вот простой закон, в котором заключаются все правила воспитания. Дитя, еще не связывающее своих представлений в одно целое понятие, в состоянии ли воспринимать многие посторонние понятия? Возможно ли дитяти, не постигающему предметов, его окружающих, объяснять предметы ученые? Воспитатель тогда только может питать учением детское внимание, когда душевные силы начнут развиваться собственною деятельностью.

Желание многих родителей слишком рано учить детей губит юные способности, преждевременно ослабляет их и препятствует полному их развитию. В дитяти преимуществует жизнь растительная; в нем духовные силы едва лишь раскрываются. В сем возрасте мать, первая наставница, обязана давать надлежащее направление возникающим способностям. В очах матери, как в зеркале, дитя учится само себя понимать: видит оно в сем зеркале нежность и любовь - и в нем отразятся те же чувствования.

Первоначальное проявление сих чувствований должно состоять в повиновении и благодарности. Пока дитя еще походит на простое чувственное существо, мать должна показывать примеры благотворительности. Дитя, руководимое разборчивою строгостью, будет послушно; любуясь исполнением желаний своих, познает оно всю важность благодарности. Напрасно матери при каждом требовании детей торопятся удовлетворять их желания: ощущаемый недостаток возвышает цену благодеяния, скорее рождает в юной душе признательность. Напротив, изнеженные дети ни благодарны, ни послушны; они-то оказываются совершенно безнравственными.

Благоразумие велит также обуздывать телесные побуждения к лакомству и другим прихотям; надобно более занимать благороднейшие чувства - зрение и слух. Чувственность, сколько возможно ранее, да уступит место нравственности; с ранних лет да приучатся дети к умеренности и воздержанию. Сии добродетели действуют на здоровье, научают нас отказывать себе в любимых потребностях, льстящих чувствам, и обращать внимание на сторону духовную. Детский возраст замечателен тем, что в нем возрождаются различные склонности. Дитя, как нравственное лицо, лишь только начинает чувствовать свою деятельность, обращается к познанию себя самого; тогда из растительной жизни образуется жизнь разумная. Не откладывайте до другого дня забот о детях: преследование направления пробудившейся деятельности душевной столь важно, что один день иногда может быть или зарею их счастия, или началом бедствий.

С раскрытием деятельности сил разгорается и воображение: дети начинают заводить разные игры. Давайте им волю выбирать забавы; они верно выберут их по своим склонностям; не допускайте только в игрушках излишества и роскоши. Старайтесь заранее приучать зрение к изящным видам, а слух - к изящным звукам.

Всего опаснее в этом возрасте зависть: она своевольно переступает границы между моим и твоим и превращается в корыстолюбие. Это самый вредный плевел, похищающий у благотворных растений жизненные соки; его немедленно должно искоренять. Зависть обнаруживается и в забавах: завистливые дети не терпят ровесников, отличающихся в играх. За это или должно следовать наказание, или надобно в дитяти развивать доброе чувство - довести его до того, чтобы ему было приятно разделять удовольствие с товарищами.

Так возбуждаются в чувственной жизни начала разумные и нравственные. Засим наступает время развития чувства религиозного. В благоговении родителей является детям нечто возвышенное...

Переход детства в отрочество ознаменовывается тем, что сила представительная возрастает, разумение получает способность к учению. В этом возрасте представления возвышаются до понятий, воображение становится деятельным, а склонности обращаются в характер; умственная сфера берет первенство над чувственностью; при всем том действия воли, как нравственное, так и религиозное, еще покоятся неразвитые, хотя они явственнее, нежели в возрасте детском. Тут воспитание переходит из рук матери в руки отца или наставника. Мать, имевшая под своим надзором чувственный возраст дитяти, передает отрока отцу или тем, которые должны печись о развитии умственном. Домашнее воспитание должно согласовываться с общественным для того, чтобы разные стороны, из коих одни совершенствуются в семейственной жизни, а другие - в училище, всегда согласовались одна с другою. Разумение в отроке составляет главный предмет воспитания: посему родители должны стараться всячески питать любовь к учению. В усилении ее собственно состоит преимущество общественного воспитания перед домашним. Важность учения в этом возрасте не в количестве сообщаемых знаний, а в возбуждении сильнейшей деятельности к их приобретению и к размышлению о том, что приобретено.

Что ж принять за руководство в отроческом возрасте? Здесь главное правило заключается в том, чтобы познать отличительную способность души и ее возбуждать. Отроческий ум любит упражняться в образовании изящного чувства слуха и зрения: для сего необходимо занятие живописью и музыкою. Тут можно испытывать внимание отрока соображениями чисел и протяжений как чувственных воззрений места и времени. В магните от постепенного прибавления тяжести увеличивается сила - так усиливается и юное соображение исчислениями. К сему же времени относится изучение языков. Непостижимое устроение человеческого слова, которое в детстве приобретается навыком, без всякой отчетности, преобразуется с помощью наук в органическое целое. Странно только, что иные начинают упражнять сперва в мертвых языках, для которых потребно двойное соображение, вместо первоначального и простейшего упражнения в живых языках, особливо в отечественном. Читая образцовых писателей, мы неприметно изменяем разговорный язык наш на изящный язык красноречия.

Одно из основных правил воспитания состоит в современном упражнении памяти и рассудка. Бесполезно учить наизусть без соображения: это, с одной стороны, уничтожает занимательность предмета, с другой - затрудняет понятия; не обременяйте памяти, особенно изучением чего-либо непонятного. В том, что понятно, упражняется она вместе с рассудком; с укреплением суждения сама память становится твердою. Иные стараются выучивать много; но через это ослабляется суждение, потому что ум не имеет достаточной силы обсуживать выученное.

Отроческому возрасту приличны гимнастические упражнения. Когда жизнь переходит в разумную, тогда и тело становится способным к упражнению в искусстве, требующем развития чувства к изящному. Лучше остановить слишком быстрое раскрытие душевных способностей, нежели ослабить тело: для развития отроческой души еще остается впереди много времени, а потерянное время отрочества для тела невозратимо. Движение в физической природе то же, что мысль в духовной; для самого здоровья необходимо умеренное согласование сил душевных и телесных. Наблюдайте таковое уравнивание духа и тела до тех пор, пока продолжается развитие организма.

Умеренность и воздержание, пробужденные в детском возрасте, должны в отрочестве получить высшее значение. К сим свойствам, сопровождающим умственное развитие отрока, принадлежит развитие нравственного и религиозного чувства: разумная сфера соответствует нравственной; детская благодарность и покорность родителям - при-

надлежности первого периода - здесь переходят в признательность и уважение. Если желаете, чтоб юный нрав благородствовался, то поддерживайте в нем сии чувства. Но довольно одной привязанности к домашним; кто готовится для жизни общественной, тот должен научиться уважению старших. Дурные привычки дитяти получают в отроке значительную силу и нередко переходят в своевольство, упрямство и дерзость. От того, чья воля не свободна еще от чувственности, нельзя требовать возвышенных добродетелей, каковы: великодушие, щедрость и подобные; по крайней мере, должно возбуждать в отроческом возрасте чувство обязанностей общественных. Не надобно питать душу одними только приятными впечатлениями, но и склонять ее к пожертвованиям. То, что сначала бывает внешнею обязанностью, раскрывает мало-помалу нравственное чувство и обращается во внутреннюю потребность. Чувство детской зависти в отрочестве может возрасти до корыстолюбия, а потому здесь надобно развивать чувство справедливости. Рано, слишком рано можно пробудить готовность к услугам, прямодушие, честность; в сем возрасте детская благотворительность переходит в попечение о благополучии ближнего. Возбудить сии чувствования - долг домашнего и общественного воспитания...

Наступает важнейший период воспитания - юность, время совершенного развития рассудка, вкуса и характера, переход духовной жизни в высшую сферу способностей: ум, фантазию и волю. В сем периоде из знаний образуются науки о боге, человеке и природе, чувствования творят идеалы, а склонности обращаются в нравственные направления. Сердечные чувствования, прекраснейшие спутники жизни нашей, принимаемые в первородной чистоте своей, возникают в юности; в них обнаруживается воля человека, главнейший предмет воспитания. Она получает тогда только высокое достоинство, когда не подчиняется холодному и безжизненному знанию, а, напротив, воспринимает в себя те лучи света наук, кои истекают из сердца. Очищайте склонности и чувства, одушевляйте их любовию к наукам и искусствам: вы неприметно усовершенствуете нравственность. Юноша начинает борьбу со страстями; и хотя воспитание не может совершенно отвратить этой борьбы, по крайней мере, оно дает силы к их преодолению. Науки и искусства - такие два гения, которые укрощают и умеряют страсти. Здесь один ум не удовлетворяет юношу; сердце требует своих предметов и всеми силами старается их обрести. Возвышенные чувства волнуют грудь юноши; он мечтает о чести и славе; фантазия его парит за пределами здешнего мира; везде представляется ему идеал счастия. В райской жизни идеалов согревается и оживляется искусство. Мыслящая способность, вполне раскрытая, уже в состоянии обнимать весь круг человеческих знаний.

Кто ж руководствует нас в этом возрасте? Юноша выходит из-под надзора материнского; зависимость от наставника уже для него тягостна; в это время отец довершает воспитание сына. Если детство хранит попечительная мать, отрочество проходит большею частию под руководством наставников, то отцу остается согласовать домашнее воспитание с общественным; он берет сына от учителей и вводит с осторожностию в свет, старается направлять свободно начинающую действовать волю к отличению добра и зла. Таким образом юноша созревает и становится самобытным; так образуется его воля. На поприще жизни наставник наш - внутренний голос совести...

Кроме общих психологических законов воспитания каждому человеку свойствен особенный способ образования; каждый по своим душевным силам самою природою отличается от другого. Отсюда следует, что сангвиника и холерика надлежит иначе воспитывать, нежели меланхолика или флегматика, постоянного отлично от ветреного, чувствительного не так, как сурового, кроткого и послушного не одинаково с дерзким и упрямым, одаренного талантами еще иначе, нежели того, кто успевает одним неутомимым старанием. Одного надлежит поощрять, другого воздерживать; одного надобно увещевать и беречь, другого подстрекать и даже наказывать. Каким же образом вывести из сего частные правила для воспитания? Не должно подавлять

в дитяти того, к чему природа его назначила; не потушать в юной душе искры господствующей способности, не выставлять себя образцом при его воспитании, не направлять его согласно со своим направлением. Может быть, оно определено к лучшему назначению, нежели каково наше собственное, а потому, сколько возможно, необходимо избегать односторонности... Нельзя ожидать успехов в воспитании, когда одна из низших сил присвояет себе господство. Так иногда воображение превращает желания в страсти, чувство в изнеженность, разум устремляется к затруднительным и утонченным исследованиям. Одна из способностей, преимущественно возвышенная, подчиняет себе прочие, производит односторонность и не допускает возрасти ничему великому. Здесь в особенности должно обращать внимание на закон развития, обнаруживающийся постоянным стремлением от низшего к высшему, от чувственного к духовному.

И так два, по-видимому, противоположных правила представляются воспитателю: первое требует, чтобы не останавливать в юноше ни одного врожденного влечения, не ослаблять ни одной силы, ни одной способности, потому что все они необходимы в целом организме; природе нужна свободная игра ее сил; другое правило заставляет уничтожать одностороннее направление для того, чтобы согласие целого непрестанно более и более развивалось...

Если воспитатель сам не имеет добрых качеств, то никогда не раскроет их в своем воспитаннике, и все нравственные наставления его будут только предметом памяти и разума. Одни только поступки наши возбуждают других к подражанию. Лишь чувствами согреваются чувства. Желание настроить волю питомца ни малой не приносит пользы, если не подтверждается в глазах его примером. Юность требует живого образца, которому подражает во всякое время, и старается образовать полученные от природы способности. В этом состоит вся тайна воспитания.

Библиотека для чтения. М., 1834. Т. 6. № 10. С. 55-67.

Степан Петрович Шевырев

Степан Петрович Шевырев (1806 – 1864 гг.) - известный в свое время историк литературы, поэт, литературный критик, профессор Московского университета, а с 1847 г. - член Петербургской академии наук. В 1818 - 1822 гг. обучался в Благородном пансионе Московского университета.

Бывая за границей - в Германии, Италии, Швейцарии, Франции, - он изучал европейские языки, историю и теорию искусств, педагогику, знакомился с начальными и средними учебными заведениями этих стран. В 1851 г. возглавил кафедру педагогики Московского университета. Целью своей научной и профессорской деятельности С.П. Шевырев считал «возвышение духовного над земным» в человеке, начиная с воспитания в самом раннем возрасте.

С.П. Шевырев

Об отношении семейного воспитания к государственному

...В душу мою запал вопрос, в котором сходимся мы все трудящиеся здесь на поприще учения, вопрос, к которому примыкают все разнородные стремления наши, связуясь в нем, как в срединном узле, и через него переходя из мира отвлеченной науки в мир действия и жизни. В нем участвуете и вы, собравшиеся сюда на торжество наше. В нем вместе с вами участвует и вся Россия. Да, это вопрос живой, государственный, всенародный - вопрос о воспитании.

Искони занимал он все образованные народы и государства. Искони слышался и в нашем Отечестве. Но кто же из нас не заметил, что с некоторых пор этот вопрос раздался с такой чудною силой, с какой никогда еще не раздавался в пределах России? Это совершилось на нашей памяти, на глазах наших: мысль о воспитании животворно пронеслась повсюду и соединила всех. И все разнообразные думы, все разнородные стремления сосредоточиваются в одной главной цели, в одной главной мысли: как создать в России воспитание единое, живое, народное, соответственное нашей почве и истекающее из потребностей нашей жизни?

Под именем воспитания должно разуметь возможно полное развитие всех телесных, душевных и духовных способностей человека, от бога ему данных, развитие, согласное с высшим его назначением и примененное к народу и государству, среди которого провидение назначило ему действовать. Русское слово воспитание совершенно отвечает этому определению... Главная задача воспитания не состоит ли в том, чтобы предлагать питомцу надлежащую почву, пищу, свет и окружение, дабы при этих условиях развивался он сам? Воспитание в русском смысле должно питать тело, душу и дух надлежащею пищею для раскрытия в них слитного человеческого и русского начала. Учение, ограничиваясь только умственными способностями, составляет окончательную часть воспитания и представляет в образованном разумное сознание того, что приобретено самим воспитанником для жизни, - другими словами: учение есть воспитание, доведенное до сознания, укрепленное разумом. Оно - блестящий ему венец, его золотая вершина, внешний свет, обливающий невидимо всего человека. Два существа, тесно связанные, живут в одном и том же человеке: человек внутренний и внешний. Под именем первого разумею все то, что принадлежит человеку лично, как существу особому и ограниченному, и что принадлежит ему же наравне со всем человечеством: все это мы называем миром его свободы. Под именем человека внешнего разумею совокупность всех внешних его отношений к миру, его окружающему, олицетворяется ли для него он в существе высочайшем, в природе, в обществе, в государстве - все сии отношения образуют вместе мир его необходимости. На этих двух началах зиждется все нравственное бытие человека. На их стройном равновесии утверждается нравственное его совершенство, и, следовательно, от совокупного и взаимного их друг в друге развития зависит мера достоинства в его воспитании. Свобода человека развивается в его семье, необходимость в государстве.

Все современные педагоги единогласно говорят, что воспитание должно обнимать человека всего, цельного, как он есть, и что высшая и последняя цель воспитания состоит в совокупном развитии личного его существа с общечеловеческим. Но где же человек целен и весь, как не в семье своей?.. Общественное заведение, как бы превосходно и семейно устроено ни было, никогда не может иметь у себя в руках всего, цельного человека: ибо корень его всегда будет в семье, откуда он... Где лучше охраняется личность человека от всех посторонних внешних влияний, если не в семье? Где самый общий нравственный идеал человека может быть теснее привит к его личности, если не в ней?

Государство, приемля человека из семьи и вводя в свои общественные заведения, окружает его развитую свободу сферой долга и необходимости и связывает его множеством обязанностей и отношений, среди которых должна развиваться жизнь его. Свобода, под действием внешней необходимости, образуется в виде воли: нравственный характер из идеальной сферы семейной переходит в живую сферу общественных отношений. Вот первая, необходимая и незаменимая польза государственного воспитания, достигнуть которой у себя семья не может никакими средствами.

Во-вторых, как мало семей, отвечающих идеалу, нами изображенному! Как мало этих добрых и прекрасных сосудов для развития семени человечества! Как часто внутренний человек искажен бывает в них от вредных влияний! Не это ли одна из главных причин, почему и зло господствует над добром в этом мире? Здесь открывается другая полезная сторона государственного воспитания, которое может много содействовать исправлению недостатков семейного, хотя вполне истребить корень зла оно не в силах.

Третья польза, которую оно приносит, состоит в приведении к единству разного образа мыслей, характеров, обычаев, привычек, предрассудков, из семей приносимых. Особенный дух семьи бывает весьма полезен для образования личного характера в человеке. Но, доведенный до крайности, он может быть вреден единству духа общественного. В этом отношении усиление государственного воспитания приносит ощутительную услугу в нашем Отечестве. Разногласие мнений, каким отличается наше общество, проистекает большею частью из разногласия в духе семьи, подверженном столь разнородным западным влияниям. Все стихии государств европейских с их образованиями и языками входят сюда и нарушают единство жизни русской. С одной стороны, это разномыслие и разноязычие могут со временем образовать в народе нашем великую, всемирную многосторонность характера, до какой человек ни в каком племени не достигал еще, но, с другой - такое смешение угрожает нам, особенно в частных лицах и целых поколениях, потерею нашей народности - необходимого сосуда для возращения в себе духа человеческого, - и здесь-то, противу сей крайности, благотворно действует в воспитании сила государственная, которая все разномыслящее единит и средоточит.

Семья наша, слишком заключенная прежде в самой себе, вдруг растворила настежь двери всему иностранному и приняла в свои недра все чужие стихии Западной Европы. Франция, Англия, Германия, Швейцария, Италия вторглись в наш домашний быт в лице бесчисленных пестунов и учителей. Языки и понятия смешались. Русский человек стал легко превращаться во француза, немца, англичанина и т.д. И семья русская представила другую крайность, совершенно противоположную прежней. Свобода европейского образования и многосторонность, нами во всем принятые, конечно, много содействовали развитию особенных характеров у нас в России. И нельзя не изумиться тому множеству славных лиц, которые в течение столь малого времени произвело наше Отечество по разным отраслям государственной, ученой, литературной и художественной деятельности! Но сильное расторжение национального единства, разногласие мнений, разрозненность семей, разнообразие домашних обычаев, смесь воспитаний, метод учений, языков стали угрожать нам тем, чтобы не оправдался об нас в нравственном отношении тот намек, которым иностранные летописатели средних времен толковали имя россов, производя его от рассеяния. В самом деле, нам, уже сосредоточенным в сильное политическое единство на таком огромном пространстве земли, угрожало рассеяние внутреннее, нравственное и умственное, рассеяние мнений. Такое состояние нашего Отечества должно было необходимо вызвать противодействие со стороны правительства.

Привести государственное воспитание в стройную систему и дать ему единство прочное, утвержденное на самых верных народных началах было одной из первых мыслей нынешнего царствования.

Грустно сказать, а надобно: много народов живет по лицу земли, но в целом мире есть только один народ, в котором из круга образованнейших семейств исторгается почти вовсе язык отечественный, и этот народ - мы! Какое жалкое исключение!.. Сколько у нас прекрасных семейств, где все первые впечатления детей, все первые чувства, наслаждения, мысли бывают искажены, испорчены чуждыми звуками! Как искоренить суеверие мнимого просвещения, что английские няни лучше всех выпрямляют тело детей, а будто бы неважно, что те няни всех искуснее коверкают наш родной язык в лепете уст еще младенческих.

Язык есть невидимый образ всего русского человека. Как же не грустно видеть, что этот образ еще с малолетства искажается в нас! О да будет же русский язык семейным языком младенца нового времени!.. Окружайте колыбель его сладкозвучными песнями и преданиями Родины... Да не прикоснется к устам и языку его ни один чуждый звук до тех пор, пока не разовьется в нем свободно дар человеческого слова в звуках, ему родных, - там пускай приходят по очереди и образованные языки иных народов, но пусть приходят в семью нашу как приглашенные гости, а не как властелины, порабощающие ваш ум и народное слово!..

Воспитание каждого народа должно быть созидаемо на коренных основах его бытия. Какими же основами держится все бытие России?.. Две коренные основы нашей русской жизни: быт семейный и быт государственный. От их взаимного соприкосновения и дружелюбного действия зависит Россия во всех отраслях своего развития. Отсюда ясно, что и воспитание имеет быть утверждено на них, дабы принять характер народный...

Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., 1988. с. 337-345.

В.Г.Белинский. Художник К.Горбунов, 1843 г.

Виссарион Григорьевич Белинский

В литературном наследии русского критика Виссариона Григорьевича Белинского (1811 — 1848 гг.) значительное место занимали вопросы воспитания.

В.Г. Белинский развивал революционно-демократические идеи воспитания человека-борца, выступающего против крепостничества и стремящегося к переустройству общества на гуманистических началах.

Из Письма к Н.В. Гоголю

Вы глубоко знаете Россию только как художник, а не как мыслящий человек,

роль которого Вы так неудачно приняли на себя в своей фантастической книге. И это не потому, чтоб Вы не были мыслящим человеком, а потому, что Вы столько уже лет привыкли смотреть на Россию из Вашего прекрасного далека, а ведь известно, что ничего нет легче, как издалека видеть предметы такими, какими нам хочется их видеть; потому, что Вы, в этом прекрасном далеке, живете совершенно чуждым ему, в самом себе, внутри себя, или в однообразии кружка, одинаково с Вами настроенного и бессильного противиться Вашему на него влиянию. Поэтому Вы не заметили, что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью, и строгое, но возможности, их исполнение. А вместо этого она представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр - не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками, страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей. Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, но возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостого кнута треххвостою плетью. Вот вопросы, которыми тревожно занята Россия в ее апатическом полусне!

Белинский В.Г. Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 10. с. 212-221.

Рассуждение. Доброе воспитание всего нужнее для молодых людей

Рассматривая человека со стороны нравственной, мы видим, что он родится не разумным, но только способным быть разумным, и чтоб быть таковым, ему нужен продолжительный опыт. По свойству своей бессмертной души он одарен способностями, по сложению своего тела он имеет страсти. Способности человека от обстоятельств могут или развертываться и усовершенствоваться, или заглушаться и тупеть. Страсти человека делятся на благородные и низкие. Первые из них, направленные к доброй цели, управляемые рассудком, делают человека благороднейшим и отличнейшим от существ обыкновенных, коим не известны чувствования душ возвышенных. Они служат ему побуждением и орудием к произведению великих действий. Впрочем, и самые благородные страсти, ежели они имеют ложное направление, если кипящее их стремление не обуздывается силою рассудка, - суть не что иное, как фанатизм, и следствия их так же вредны, так же пагубны, [как] следствия страстей низких.

Мы выше сказали, что человек имеет только способность и средства быть разумным. Младенец - сей новый житель мира - ни о чем не имеет понятия: он выходит из рук природы совершенно ничего не знающим, не имеющим идей и едва

чувствующим собственное свое бытие, и то только со стороны физической. Чтобы сделаться существом разумным, он должен вполне удовлетворять этой сильной страсти любопытства, этой неутомимой жажде познаний, которые вложены в него самою природою; должен изощрять, образовывать свои способности. Посему от хода обстоятельств человек может умом своим или уподобиться ангелам и возвышаться мыслями, подобно орлу быстро-парящему, или быть подобным бессловесным животным и пресмыкаться в прахе, подобно червю презренному.

Человек, чтобы достигнуть возможного совершенства, должен просветить свою душу науками и возвысить оную теми благородными, возвышенными впечатлениями, которые доставляются изящными искусствами. Чтобы дать страстям доброе направление, образовать сердце, просветить ум, нужно хорошее воспитание. Впрочем, человеку для достижения возможного совершенства сего еще мало: он должен знать свои отношения к ближним, различные обязанности в рассуждении оных. Он должен знать общие обычаи своего отечества и частные условия общества, среди которого находится. Кто живет в оном, кто имеет с людьми сношения, в груди кого горит чистое, святое пламя любви к подобным себе, тот и сам желает, чтобы его любили. Часто случается, что и самый просвещенный и даже добродетельный человек, но не знающий сих условий света, не имеющий сей утонченности в обращении, которые отличают человека истинно воспитанного от других, при всей своей любви к людям нередко отвращает их от себя; часто самые добрые его поступки принимаются за худые и желание сделать добро - за намерение причинить зло. Все это может произойти от недостатка воспитания. Впрочем, под словом воспитание я разумею не одно пустое знание светских приличий; нет: просвещение ума, образование сердца и соединенная с оными утонченность обращения - вот что составляет истинно доброе воспитание. Отнимите хотя одно из этих трех условий его, и здание оного разрушится.

Счастливы те молодые люди, которые имеют случай под руководством опытных, ученых, добродетельных и образованных наставников усовершенствовать себя и предуготовить к опасному, хотя и весьма непродолжительному пути по трудной дороге жизни. Но стократ счастливее, если они, чувствуя пользу доброго воспитания, своим стремлением к усовершенствованию, своею ревностию приблизиться к предложенной цели облегчают труды своих наставников. Какие неоценные блага доставляет человеку доброе воспитание, как нравственное, так и физическое! Какие выгоды доставляет оно ему в общежитии! Сравните человека грубого, необразованного с человеком воспитанным. Первый при самой доброте своего сердца, раздражая своею грубою, неуместною откровенностию самолюбие людей, отвращает их от себя и возбуждает их к себе ненависть. Второй же, не оскорбляя их самолюбия, дает им смелые уроки и при всем том невольно привлекает к себе любовь их. Нравственному воспитанию человек обязан тем просвещением, тем образованием, тем благородством в поступках, тою утонченностию в обращении, тою нежностию, тою добротою, которые отличают его от людей невежественных, ослепленных предрассудками, от людей грубых, необразованных. Физическое воспитание должно быть соединено с нравственным. Оно доставляет крепость телу, дает ему ловкость, гибкость, приятность в движениях, предохраняет человека от болезней и делает здоровым до самой смерти. Древние персы нравственное воспитание детей своих всегда соединяли с физическим.

Словом, воспитание есть первое благо человека, первая необходимость: от него зависит судьба всей его жизни. От воспитания он может сделаться или добродетельным Сократом, или извращенным Нероном.

Первые впечатления всегда живо и сильно поражают душу младенца: они долго сохраняются в ней и действуют на всю нравственную жизнь его. Счастлив он, ежели первые впечатления его были благородны, если первый очарователь его была святая добродетель; но горе, горе ему, ежели гнусные, отвратительные картины порока первые пленили его неопытную душу, его младое сердце! Несчастия, от развращения и порока происходящие, будут преследовать его до самой смерти; ненависть и презрение будут спутниками его жизни. Доброе воспитание! Ты одно, предохраняя юную душу младенца от вредных впечатлений, пленяя ее высокими образцами добродетели, можешь сделать его истинно счастливым. Ты одно можешь удалить от взоров его картины подлые, низкие и очаровать оные картинами благородными, изящными; словом, одно ты производишь людей добродетельных и делаешь их счастливыми.

Воспитание юношества имеет большое влияние на судьбу целых политических обществ. Оно или образует истинных, верных сынов отечества, или производит бесполезных членов. История народов то доказывает. Могли ли древние греки не победить персов, когда каждый грек с самого своего младенчества питался высокими и благородными впечатлениями, когда с самых юных дней дыханием его была свобода; душою - любовь к родине; мыслию - слава; когда его душа была возвышена выше сферы чувств обыкновенных? Могли ли им противостоять эти раболепные персы, эти подлые, низкие рабы своих жестоких деспотов, пред которыми они пресмыкались в прахе? Каждому персиянину с малых юных лет внушаемы были чувства рабства и унижения, которые превращались в самую природу и составляли отличительный характер персов.

Итак, доброе воспитание в частности есть первое благо всякого молодого человека, основание всех его добродетелей, источник его счастия; в общности же оно есть подпора всех политических обществ, источник народного благосостояния, и потому доброе воспитание всего нужнее для молодого человека.

Белинский В.Г. Избранные педагогические сочинения
М., 1982. с. 17-19.

Владимир Федорович Одоевский. Литография П.Бореля

Владимир Федорович Одоевский

Русский общественный деятель, просветитель и педагог Владимир Федорович Одоевский (1804 – 1869 гг.) больше всего уделял внимания педагогике дошкольного детства. Подчеркивая важное значение педагогической науки в просвещении, В.Ф. Одоевский призывал разрабатывать ее национальные и психологические основы.

Опыт о педагогических способах при первоначальном образовании детей

Говорить здесь о значении педагогии вообще было бы излишним. Wissen giebt Macht (от знания - сила) - говорят немцы: важность науки, имеющей предметом указать средства, которыми приобретается знание, в

обширном смысле сего слова, понятна всякому образованному читателю; но я считаю нужным несколько распространиться о той части этой науки, которая относится до младенческого, или вообще до первоначального, воспитания, доныне, как кажется, не вполне понимаемого.

Долго внимание педагогов было обращено на высшие степени учения, и только теперь заметили, что они недостижимы для человека, с ранних лет, может быть, с четырехлетнего возраста, разумно не приготовленного. До сих пор еще многие думают, что настоящее воспитание начинается с двенадцатилетнего возраста, - это одно из опаснейших заблуждений; занимайтесь или не занимайтесь ребенком, учите его или не учите, но с четырех лет он уже воспитывается - если не вами, то самим собою и всем его окружающим: словами, которые вы произносите, не думая, что они им были замечены, вашими поступками, даже неодушевленными предметами, которые случайно находятся вокруг него.

Все на него действует и оставляет неизгладимое впечатление в детской душе - правильное или неправильное, - это зависит от случая и от обстоятельств, в которые ребенок поставлен. Это наблюдение не новое; оно привело к заключению о необходимости давать пищу ранней восприимчивости человека; эта теория в свою очередь породила новое заблуждение: детей приняли за взрослых и засадили их не только за грамоту, но даже за грамматику, арифметику, географию, историю, мифологию. Кто из нас не учил на память склонений и спряжений, басен, тысячи определений, демонстраций, аксиом, сентенций относительно вовсе недоступных ребенку предметов и понятий, целых страниц из аббата Миллота и не помню из какого-то трактата о мифологии? Результат был тот, что вся эта ранняя наука была бесплодна, что ребенок не поднимал тяжести, на него налагаемой, что, помимо этого официального воспитания, он снова воспитывался сам собою, незаметными для воспитателей обстоятельствами, с тою разницей, что теперь он или получил отвращение к науке, или, придя в возраст, замечал, что его всему учили, кроме того, что ему нужно для дальнейшего образования, и что ему остается переучиваться вновь. А между тем переучиваться трудно и возможно лишь до некоторой степени. Следы такого направления в общественном и преимущественно в домашнем воспитании, часто нелепом и всегда одностороннем, остаются часто неизгладимыми; ибо человека можно направить, но не исправить: человек исправляется лишь сам собою, т.е. когда сам сознает необходимость своего исправления.

Замеченная нелепость такого направления привела к новому заблуждению: к стремлению обращать науку в забаву; отсюда: тысячи картинок, забавных книжек, игрушек, которые и доныне благополучно существуют и поддерживаются спекуляциями нашей эпохи иллюстраций. Впрочем, цель не переменилась: всем хотелось как можно скорее набить голову ребенка фактами или сентенциями, как будто сумку. Следствия такого направления понятны и очевидны: ребенок видит игрушку, картинку и тем и ограничивается; видеть под игрушкою мысль есть такой процесс, для которого у него еще не приготовлено снаряда. Снова ребенок, помимо официального воспитания, воспитывался сам собою, т.е. употреблял свой снаряд совсем над иными предметами, на случай, без всякого рационального последования и издерживал без пользы свои способности и время, как богатый дикарь, который сыплет сокровища и нуждается в необходимом. Если сими двумя способами умственные силы не ослаблялись в некоторых детях, то это происходит от счастливого стечения обстоятельств, независимо от усилий воспитателей и часто вопреки сим усилиям.

Чему же учить ребенка? спросят меня, наконец, поклонники описанных метод. Отвечаю просто: ничему, пока умственные силы ребенка не скрепились работою над тем, что уже ребенок знает; словом, все первоначальное воспитание (начиная с четырехлетнего возраста) должно быть не передача знаний, но усовершенствование того снаряда, которым приобретаются знания.

«Не передавайте человеку знания, но старайтесь, чтобы он получил способность сам доходить до него» - вот крайний предел педагогии во всех степенях учения, а тем более на степени элементарной. Пренебрежение этой истины даже в высших степенях образования порождает лишь мнимо-ученых, которые, обратясь на один какой-либо предмет, так сказать, привязали все другие силы души, по их мнению, не нужные для сего предмета, как человек, который бы привязал правую руку для того, чтобы лучше действовать левою. Человек, умеющий учиться, выучится всему в короткое время, что бы ни понадобилось ему в продолжение жизни, как человек, умеющий писать, может писать что угодно и чем угодно, и человек, с ранних лет не привыкший к сему умению, может узнать лишь один какой-либо предмет, да и то не совсем, по связи этого предмета с другими, а еще случится, что по непредвиденным обстоятельствам жизни именно изученный им предмет покажется для него вовсе не применяемым. Перо лучшего краснописца бесполезно в руках не умеющего писать; самое полное собрание рецептов бесполезно тому, кто рационально не учился медицине. Учебники, известные под названием букварей, грамматик, риторик, пиитик, арифметик, суть такого рода рецепты, полезные для того, кто уже знает язык или законы чисел, как пособие памяти, но бесплодные для начинающего. Школа для человека, а не человек для школы.

Способы развития духовного снаряда ребенка были предметом размышления многих глубоких педагогов, от Песталоцци до нашего времени. Необходимость ощущалась всеми; чувствовали, что чего-то недоставало во всех блистательных теориях, что в исполнении что-то не то. Мало-помалу достигли до следующих, по-видимому, весьма простых убеждений: что в педагогии много прекрасных теорий, но мало применяемых; что успех педагогии, как и всякой другой науки, зависит от долголетних рациональных, практических наблюдений; что в литературе педагогии еще мало таких наблюдений; что совершеннейшая метода педагогии есть та, которая представляет наиболее средств в наблюдениях за ходом духовного процесса в ребенке и научает самого учителя пользоваться сими наблюдениями.

С чего же начать, спросят меня, - другими словами: в чем состоит главная задача при развитии духовного снаряда в человеке? Отвечаю: заставить заговорить те стихии духовные, с которыми мы родимся, которые даже в грудном младенце проявляются в виде бессознательных побуждений, бессвязных мыслей и из которых впоследствии образуется то, что довольно неточно называется врожденными понятиями, но которых гораздо более, нежели как обыкновенно полагают навести ученика на ту дорогу, по которой он от бессознательных понятий может постепенно дойти до сознательных; то, что неопределенно представляется его душе, выразить определенным словом и связать то, что детскому уму представляется разрозненным, не имеющим между собою никакого отношения.

Но не должно думать, что эти врожденные понятия могут развитьс: сами собою без содействия окружающих обстоятельств. То, что мь называем врожденными понятиями, за неимением лучшего слова, ест собственно живой продукт нашего духовно-телесного организма и за мечается даже у низших животных. Кювье, если

не ошибаюсь, говори; что перед пчелой должен носиться фантом геометрической пятигранно формы ячейки; осуществить этот фантом есть живая потребность организма пчелы; но пчела может и не осуществить его; ее крылья, ноги, хоботок могут быть дурно образованы, не развиться; она может не найти вокруг себя того материала, который ей нужен для постройки ячейки; готовая геометрическая форма останется бесплодной. Даже в растениях, хотя всякое семя содержит в себе возможность развиться в растение, но не всякое семя вырастает, а вырастает лишь то, которое поставлено в условия прозябания, каковы влага, почва и проч. Даже в минералах магнит оказывает свое действие лишь при встрече с железом или другим магнитом. То же явление повторяется и в человеке, только, разумеется, на столько степеней выше и многочисленнее, насколько человек выше и многочисленнее животного, растения, минерала. Так, напр., понятие о числе, о мере, о речи, об изяществе существует в душе человека, но это понятие может и не развиться, если потребность осуществить это понятие не будет удовлетворена окружающими обстоятельствами. Оттого определение числа недоступно для того, кто еще не привел в движение свою числительную способность на опыте. Нелепо говорить ребенку о глаголе, начиная с известного определения: «глагол есть часть речи, которая выражает действие или страдание». Заставьте ребенка просто спрягать, сперва один глагол, потом другой; приучите ребенка к понятию о числе и роде - посредством присоединения к глаголу местоимений; к понятию о временах - посредством слов «сегодня», «вчера», «завтра»; к форме однократной и учащательной посредством слов, выражающих действие однократное или учащательное, - ребенок поймет вас совершенно, тогда как ни один из ста детей не поймет ясно, какие звери подразумеваются под метафизическими терминами: действие, страдание, состояние; когда вы таким образом проспрягали с ребенком по нескольку экземпляров из каждого семейства глаголов, вы этим упражнением не только приучили его к разным изменениям глаголов, но приучили ребенка, незаметно для него самого, - к привычке правильно выражаться; между тем вводите в эти упражнения мало-помалу технические термины и, наконец, если угодно, заключите вышесказанным определением глагола; иной ребенок выведет его сам. Но, с другой стороны, очевидно, что ребенок и не сделает этого вывода, и не приучится правильно выражаться, если вы оставите его бессознательное понятие о глаголе неразвитым. Точно так же в физике вы легче ученику объясните различные свойства тел, помогая ему осмотреть какой-либо предмет, нежели начав с определения общих свойств тел, как обыкновенно начинаются учебники. Но редкий ребенок сам, без всякой помощи, посмотрит все эти свойства в видимом им предмете. Точно так же, например, ботаника недоступна тому, кто начнет прямо с классификации или с анатомии зерна, и, напротив, делается весьма легкою тому, кто осмотрит несколько экземпляров растительных семейств; но необходимо (если предпочитается кратчайший путь кривому), чтобы кто-либо указал ему удобнейший способ смотреть и частные наблюдения вести в той постепенности, которая доводит до общих формул, способствующих памяти, и которые в свою очередь делаются пособием для дальнейших успехов знания. Точно то же и в самой нравственности. «Нравственность врождена человеку, как арифметика», - говорит великий Лейбниц. Всякое математическое положение тогда только усваивается учащимся, когда он сам убедится в его истине или, другими словами, когда он будет на той степени, где убеждение ему доступно; точно так же всякое нравственное правило тогда только усваивается человеком, когда душа его доступна убеждению. «Когда я спрашиваю, - говорит отец Жирар, - откуда взялось разумение человека, отличающее его от животных, отвечают: оно - дар божий. Если так, то

этот дар нам дан для того, чтобы мы пользовались им, а не оставляли в пренебрежении...»

...Как бы ни было совершенно внутреннее чувство, оно искажается, если не доведено до сознания. В какой мере развито сознание человека, в такой мере ясности и определенности ему представляются и его обязанности и нравственные требования общества; тем сильнее он убеждается, что нравственная гармония есть истинное естественное назначение человека, так что врожденное чувство добра находит себе пищу в каждой минуте сознания; убедите дикаря, что труд есть неизбежное условие жизни, что он должен подчинять себя законам, властям, что самый успех его труда зависит от честности, добросовестности, доверчивости как его самого, так и всех участвующих в этом труде; скажите дикому людоеду, что хотя он и голоден, но не должен есть своего ближнего - он не поймет вас; так исказилось в нем естественное побуждение человека искать себе пищу; он, может быть, подумает, что эти правила годятся только для белых, а не для людей другого цвета; если даже из уважения к вам он и исполнит ваш совет, то все-таки в этом исполнении не будет ничего нравственного и шатко будет убеждение в дикаре; он тогда лишь примет в душу благой совет ваш, тогда лишь будет исполнять его сам собою и для себя, всегда и везде, без принуждения, когда вы доведете душу его до той степени, где ею постигается достоинство человека, его любовь к человеку предстает для нее как долг возвышенный, разумный и неизбежный, когда нарушением этого долга будет возбуждаться в нем угрызение совести, когда исполнение этого долга будет для него наслаждением, необходимостью. Эта цель не достигается ни предоставлением человека самому себе, ни учеными определениями и классификациями, ни материальным заучиванием слов и сентенций, ученику недоступных.

Заметим здесь мимоходом важное отличие новейшей педагогии от той, которая господствовала и господствует доныне. Новейшая педагогия убедилась, что если всякое врожденное побуждение, понятие идея, предзнание (назовите, как угодно) может исказиться, когда не перейдет в сознательное разумение, то, наоборот, не всякое сознаниние может быть доказано безусловно, или, лучше сказать, быть выговорено определенным словом. Здесь не место входить в рассмотрение, отчего происходит эта невозможность; дело в том, что она существует, и в этом уверяет нас ежедневный опыт; действительно, никакое логическое последование мыслей не может нас довести безусловно до своего начального основания, ибо всякое начальное основание - бесконечно; всякий математический вывод останавливается на идеях вполне - метафизических, бесконечных, каковы: сама бесконечность, равенство, часть, целое и проч. Мы сознаем эти идеи, но не можем доказать их существования с той очевидностью, с которой можем доказать все истекающие из сих идей положения. Этот психологический факт не укрылся от глубокомысленного Жирара. Известно, что знаменитый Песталоцци полагал возможным облечь в осязаемые формы всю духовную природу человека, или, как он говорил, «доказать ребенку всякую истину, как дважды два - четыре».

«Нет, - отвечал ему друг его Жирар, - я не отдам тебе моего сына на воспитание, ибо ты никогда не докажешь, ему, как дважды два - четыре, что он должен любить и уважать меня».

Одоевский В.Ф. Избранные педагогические сочинения
М., 1955. с. 120-128.

Автопортрет, 1842 г.

Алексей Степанович Хомяков

Алексей Степанович Хомяков (1804 – 1860 гг.) - русский философ, писатель, поэт, публицист. Родился в старинной дворянской семье в Москве. Был вольнослушателем Московского университета, отличался широкой эрудицией во многих областях естественного и гуманитарного знания. С начала русско-турецкой войны (1828 г.) поступил на военную службу, участвовал в сражениях и получал награды за храбрость. Выйдя в отставку, посвятил себя занятиям литературой и сельским хозяйством.

А.С. Хомяков был твердым противником некритических заимствований из западной культуры в ущерб отечественной. Изучив системы образования в Германии, Англии, Франции, Испании, Италии и национальную культуру этих стран, пришел к убеждению, что главным источником российского просвещения является православие.

Об общественном воспитании в России

Для того чтобы определить разумное направление воспитания в какой бы то ни было земле и полезнейшее влияние правительства на это воспитание, кажется, надобно прежде всего определить смысл самого слова: воспитание.

Воспитание в обширном смысле есть, по моему мнению, то действие, посредством которого одно поколение приготовляет следующее за ним поколение к его очередной деятельности в истории народа. Воспитание в умственном и духовном смысле начинается так же рано, как и физическое. Самые первые зачатки его, передаваемые посредством слова, чувства, привычки и т.д., имеют уже бесконечное влияние на дальнейшее развитие. Строй ума у ребенка, которого первые слова были бог, тятя, мама, будет не таков, как у ребенка, которого первые слова были деньги, наряд или выгода. Душевный склад ребенка, который привык сопровождать своих родителей в церковь по праздникам и по воскресеньям, а иногда и в будни, будет значительно разниться от душевного склада ребенка, которого родители не знают других праздников, кроме театра, бала и картежных вечеров. Отец или мать, которые предаются восторгам радости при получении денег или житейских выгод, устраивают духовную жизнь своих детей иначе, чем те, которые при детях позволяют себе умиление и восторг только при бескорыстном сочувствии с добром и правдой человеческой. Родители, дом, общество уже заключают в себе большую часть воспитания, и школьное учение есть только меньшая часть того же воспитания. Если школьное учение находится в прямой противоположности с предшествующим и, так сказать, приготовительным воспитанием, оно не может приносить полной, ожидаемой от него

пользы; отчасти оно даже делается вредным: вся душа человека, его мысли, его чувства раздвояются; исчезает всякая внутренняя цельность, всякая цельность жизненная; обессиленный ум не дает плода в знании, убитое чувство глохнет и засыхает; человек отрывается, так сказать, от почвы, на которой вырос, и становится пришельцем на своей собственной земле. Таково было действие переворота, совершенного Петром I. Ошибка извиняется, может быть, многими обстоятельствами его времени, но повторять такую ошибку беспрестанно было бы непростительно. Школьное образование должно быть соображено с воспитанием, приготовляющим к школе, и даже с жизнью, в которую должен вступить школьник по выходе из школы, и только при таком соображении может оно сделаться полезным вполне.

Из этого определения воспитания следует, что оно есть дело всего общества в обширном смысле слова и что оно, по-видимому, должно быть предоставлено самому обществу без всякого вмешательства правительственной власти; но такой вывод был бы несправедлив. Нет сомнения, что государство, признающее себя за простое, или, лучше сказать, торговое, скопление лиц и их естественных интересов, как, например, Северо-Американские Штаты, не имеет почти никакого права вмешиваться в дело воспитания, хотя и они не дозволили бы воспитательного заведения с явно безнравственной целью; но то, что в государстве, подобном Северной Америке, является только сомнительным правом, делается не только правом, но прямою обязанностью в государстве, которое, как земля русская, признает в себе внутреннюю задачу проявления человеческого общества, основанного на законах высшей нравственности и христианской правды. Такое государство обязано отстранять от воспитания все то, что противно его собственным основным началам. Такова разумная причина, из которой истекает необходимость прямого действия правительственного на общественное образование. Впрочем, это действие, как я сказал, есть действие только отрицательное. Право на действие положительное, по-видимому, сомнительно; но и это сомнение исчезает при внимательном рассмотрении. Во всяком обществе кроме потребностей постоянных и общих могут явиться потребности временные, частные, на которые еще оно отвечать не умеет. Для удовлетворения этих потребностей могут быть нужны учебные заведения исключительные и временно необходимые до той поры, когда само общество вполне поймет свои новые задачи и будет в состоянии свободно удовлетворять свои новые требования. Это право, бесспорно, должно быть допущено всяким государственным законодательством. Таким образом, положительное вмешательство правительства в дело общественного образования так же законно, как и отрицательное его влияние; а все то, что составляет право правительства, составляет в то же время часть его обязанности. Итак, в число прямых обязанностей правительства, верно выражающего в себе законные требования общества, входят устранение всего, что противно внутренним и нравственным законам, лежащим в основе самого общества, и удовлетворение тех потребностей, которых само общество еще не может удовлетворить вполне. Из этого положения следует, что правила общественного воспитания должны изменяться в каждом государстве с характером самого государства и в каждую эпоху с требованиями эпохи. В отношении к отрицательному влиянию правительства на общественное образование должно заметить, что правительство, которое допустило бы в нем начала, противные внутренним и нравственным законам общества, изменило бы через то самое общественному доверию. Поэтому, чтобы определить направление правительственных действий на воспитание, надобно прежде всего определить сам характер земли, судьба которой вручена правительству: ибо то, что может быть невинно или даже похвально в Англии, было бы вредно и даже преступно в Испании.

Внутренняя задача русской земли есть проявление общества христианского, православного, скрепленного в своей вершине законом живого единства и стоящего на твердых основах общины и семьи. Этим определением определяется и сам характер воспитания; ибо воспитание, естественно даваемое поколением предшествующим поколению последующему, по необходимости заключает и должно заключать в себе те начала, которыми живет и развивается историческое общество. Итак, воспитание, чтобы быть русским, должно быть согласно с началами не богобоязненности вообще и не христианства вообще, но с началами православия, которое есть единственное истинное христианство, с началами жизни семейной и с требованиями сельской общины, во сколько она распространяет свое влияние на русские села.

Воспитание, как уже было сказано, есть передача всех начал нравственных и умственных от одного поколения последующему за ним поколению. Все особенности местные заключаются в началах нравственных: об них уже говорено. Начала умственные заключают в себе знания, т.е. науку в строгом смысле, и понимание науки. Эти начала имеют одинаковые требования везде, и правила для удовлетворения этих требований одинаковы во всех странах света, ибо они основаны на общих законах человеческого разумения.

Германия и особенно Англия держатся в отношении к воспитанию старых преданий и старой системы, оправданных опытом веков. Во Франции и в России борются две системы, совершенно противоположные друг другу. Одна система дробит знание на многие отрасли и, ограничивая ум каждого юноши одною какою-нибудь из этих отраслей, надеется довести его до совершенства на избранном заранее пути, не знакомя его почти нисколько с остальными предметами человеческого знания. Эта система специализма, или, так сказать, выучки. Другая, принимая все человеческое знание за нечто цельное, старается ознакомить юношу более или менее с целым миром науки, предоставляя его собственному уму выбор предмета, наиболее сродного его склонностям, и пути, наиболее доступного его врожденным способностям. Это система обобщения, или, иначе, понимания. Обе системы имеют своих приверженцев; но, кажется, успех первой из этих систем ничему иному приписать нельзя, кроме пристрастия ума человеческого ко всему новому: ибо она так же мало оправдана опытом, как она мало согласна с общими законами разума. Страна, наиболее отличающаяся учеными и изобретателями-специалистами, Англия, почти не имеет специальных школ. Люди, прославившиеся самыми блистательными открытиями в отдельных отраслях наук и подвинувшие их наиболее вперед, никогда не были питомцами ранних специальных рассадников. Ньютоны и Лавуазье, Вобаны и Кегорны, Деви и Савиньи не были с детства отданы на выучку какому-нибудь одному мастерству в области наук. Нет сомнения, что и из специальных школ выходили изредка люди, с честью подвизавшиеся на избранном заранее пути; такие примеры бывали, но они крайне редки; сколько же примеров можно найти воспитанников специальной школы, заслуживших почетное имя в специальностях, совершенно чуждых их воспитанию, столько же и еще более можно найти примеров гениальных самоучек. Это исключения, а не правило; до сих же пор специальные школы посылают своих лучших учеников совершенствоваться в те страны, где или совсем нет школ специальных, или где они служат только пополнением общего просвещения. Таков опыт современный, и таков будет опыт всех времен.

Разум человека есть начало живое и цельное; его деятельность в отношении к науке заключается в понимании. Сами предметы, представляемые наукою, как и предметы видимого и осязаемого мира, суть только материалы, над которыми трудится понимание. Истинная цель воспитания умственного есть именно развитие и

укрепление понимания; а эта цель достигается только посредством постоянного сравнения предметов, представляемых целым миром науки и понятий, принадлежащих ее разным областям. Ум, сызмала ограниченный одною какою-нибудь областью человеческого знания, впадает по необходимости в односторонность и тупость и делается не способным к успеху даже в той области, которая ему была предназначена. Обобщение делает человека хозяином его познаний; ранний специализм делает человека рабом вытверженных уроков.

Воспитание не начинается школою, точно так же оно и не кончается ею. Последний и высший воспитатель есть само общество, а разумное орудие общественного голоса есть книгопечатание. Вред, происходящий от злоупотребления книгопечатания, обратил на себя внимание многих и сделался в последнее время предметом страха почти суеверного. Книгопечатание, как самое полное и разнообразное выражение человеческой мысли, в наше время есть сила, и сила огромная. Как сила, оно может произвести вред, и вред значительный, хотя мнение об этом вреде вообще очень преувеличено и ему приписываются такие явления, которые или вовсе, или почти вовсе от него не зависели. Но из-за того, что какая-нибудь сила может произвести гибельные последствия, должно ли ее умерщвлять?..

Книгопечатание может быть употреблено во зло. Это зло должно быть предотвращено цензурою, но цензурою не мелочною, не кропотливою, не безрассудно робкою, а цензурою просвещенною, снисходительною и близкою к полной свободе. Пусть унимает она страсти и вражду, пусть смотрит за тем, чтобы писатели, выражая мнение свое, говорили от разума (конечно, всегда ограниченного) и обращались к чужому разуму, а не разжигали злого и недостойного чувства в читателе; но пусть уважает она свободу добросовестного ума. Цензура, безрассудно строгая, вредна везде... Для русского взгляд иностранца на общество, на государство, на веру превратен; не исправленные добросовестною критикою русской мысли, слова иностранца, даже когда он защищает истину, наводят молодую мысль на ложный путь и на ложные выводы, а между тем при оскудении отечественного слова русский читатель должен поневоле пробавляться произведениями заграничными. Но скажут: строгость цензуры никогда не может падать на произведения безвредные или полезные. Это неправда. Можно доказать, что излишняя цензура делает невозможною всякую общественную критику, а общественная критика нужна для самого общества, ибо без нее общество лишается сознания, а правительство лишается всего общественного ума. Но если бы даже это было правдою, то и тогда вред был бы неисчислим. Честное перо требует свободы для своих честных мнений, даже для своих честных ошибок. Когда, по милости слишком строгой цензуры, вся словесность бывает наводнена выражениями низкой лести и явного лицемерия в отношении политическом и религиозном, честное слово молчит, чтобы не мешаться в этот отвратительный хор или не сделаться предметом подозрения по своей прямодушной резкости: лучшие деятели отходят от дела, все поле деятельности предоставляется продажным и низким душам; душевный разврат, явный или кое-как прикрытый, проникает во все произведения словесности; умственная жизнь иссякает в своих благороднейших источниках, и малопомалу в обществе растет то равнодушие к правде и нравственному добру, которого достаточно, чтобы отравить целое поколение и погубить многие за ним следующие. Такие примеры бывали в истории, и их должно избегать.

Хомяков А.С. Полн. собр. соч. М., 1911. Т. 1. с.347-370.

Раздел III.

Середина XIX в. - 1917 г. Общественная педагогика

Середина XIX – начало XX в. – время коренных реформ всех сфер в России, в том числе и образования. В этот период был осуществлен переход к национальному содержанию образования, создана массовая народная школа, получила развитие система массового женского образования, профессионального и высшего.

Несмотря на разнообразие типов учебных заведений, ведущей тенденцией становится тенденция к созданию единой и национальной школы. Это особенно ярко проявилось в проекте реформы министра П.Н. Игнатьева. Еще дальше в этом направлении пошло временное правительство. В постановлениях, решениях, практических разработках предполагалось создать единую, с учетом разных условий и модификаций, систему образования. В эти годы сложилось достаточно мощное общественное движение, которое, несмотря на периоды затухания, начинает играть все возрастающую роль в судьбе российского образования.

Теоретическое педагогическое сознание в России на рубеже XX в. представлено реформаторской педагогикой. В ее активе обоснование и развитие новых направлений психолого-педагогических наук: возрастной психологии, экспериментальной педагогики и педологии, новых моделей школ, содержания и технологий обучения в них, научно-методическое обеспечение его учебно-воспитательного образовательного процесса. В этот период сложилось достаточно мощное общественное движение, которое, несмотря на периоды затухания, начинает играть все возрастающую роль в судьбе российского образования.

Конец XIX – начало XX вв. были временем, с одной стороны, расцвета российского образования, а с другой, - временем его больших потрясений. О неблагополучии в образовании свидетельствует уже то, что за этот период сменилось более 10 министров просвещения, причем нередко новый министр проводил политику прямо противоположную своему предшественнику, что лихорадило всю систему образования.

Несмотря на это, время с середины XIX в. по 1917 г. стало временем быстрого и качественного развития образования, всех его ступеней от начальной школы до университетов.

Классная комната Александровского реального училища. Тюмень 1889 г.

Глава 1.

Педагогическая мысль в пореформенный период

Становление и развитие российского образования в этот период сопровождается формированием и эволюцией педагогического сознания.

Российское народное педагогическое сознание заслуживает обстоятельного разговора. К середине XIX в. оно выработало образ и систему воспитания человека от рождения до совершеннолетия. Оно сформировало цели-образы (мужчина – работник, защитник, муж, отец и т.д.; женщина – жена, мать, хозяйка) целый мир содержания, форм и методов воспитания.

Русское нормативное педагогическое сознание – это уникальное и практически неосмысленное в мировой и отечественной педагогике явление. Оно представлено многочисленными поучениями – от «Поучения» Владимира Мономаха и «Домостроя» до сочинений Максима Грека и завещаний своим детям В.Н. Татищева и И.Т. Посошкова; дидактическими сборниками, «сборниками народной мудрости» (наиболее известны Изборник 1076 г., «Пчела», «Златоструй», «Златоуст», и др.), религиозными текстами, куда относятся такие произведения как «Шестоднев» и «Великие Минеи Четии» Митрополита Макария, проповедями, начиная со «Слова о Законе и Благодати» Митрополита Илариона, многочисленными житиями святых; историческими текстами, включая «Повесть временных лет» и Хронографы, богатой древнерусской художественной литературой.

С середины XIX в. в период рассвета русского Просвещения теоретическое педагогическое сознание представлено в трудах А.Н. Добролюбова, Ф.М. Достоевского, Н.И. Пирогова, Л.Н. Толстого, К.Д. Ушинского, Н.Г. Чернышевского и целой плеяды последователей.

Российская педагогика этого периода – одно из ярчайших явлений в истории мировой педагогической мысли. Деятели России не только освоили все формы теоретического педагогического сознания, но и создали труды, не уступающие по своему содержанию лучшим произведениям мировой педагогики. Ими разработаны и обоснованы принцип народности воспитания, приоритет воспитания в образовании, личностный подход в воспитании, ответственность учителя перед народом за свою деятельность и т.д.

Николай Иванович ПИРОГОВ. Художник А.А. Кутин, 1974 г.

Николай Иванович Пирогов

Николай Иванович Пирогов (1810 – 1881 гг.) был выдающимся ученым-хирургом, деятелем народного образования. Первая опубликованная им в июне 1856 г. в «Морском сборнике» педагогическая статья «Вопросы жизни» принесла ему широкую известность в кругах педагогической общественности. У историков публикация этой статьи ассоциируется с началом общественно-педагогического движения 60-х гг.

Н.И. Пирогов был назначен попечителем Одесского (1856 – 1858 гг.), а затем Киевского (1858 – 1861 гг.) учебного округа. Он выступил с критикой сословности и утилитаризма в образовании, догматических методов обучения, предлагал систему образования, которая должна была состоять из четырех ступеней:

начальная школа, прогимназия классическая и реальная, гимназия классическая и реальная, университет и высшая специальная школа.

Большое значение имела разработка Н.И. Пироговым ряда теоретических положений в области педагогики и методики. Мысли ученого о цели и задачах школьного обучения, месте в нем умственного образования, роли науки и учителя, воспитательном значении учебных предметов, методике урока, самостоятельной работе учащихся, системе проверки знаний, учете и использовании опыта учебно-воспитательной работы оказали благотворное влияние на развитие русской педагогики и школы и не утратили своего значения до сих пор.

Ищи быть и будь человеком

Что же, наконец, в моем идеале воспитания выражают слова отца (сыну): «ищи быть и будь человеком»? Конечно, не новое; напротив, старое и очень старое, но истинное. Конечно, не легкое, но достижимое. Значат ли эти слова действительно, что я добиваюсь невозможнаго, что я ищу в человеке земного совершенства, мечтательнаго гражданина вселенной, или тому подобнаго? Нет, человеком, как я его понимаю, может быть каждый, в своем роде, приучившись с ранних лет хорошо пользоваться различными свойствами души, которыми каждаго из нас наделил Бог в известной мере. В деле воспитания главное - намерение и убеждение; они зависят от воспитателей; успех - от Бога. Все мы, к какой бы нации ни принадлежали, можем сделаться чрез воспитание настоящими людьми, каждый различно, по врожденному типу и по национальному идеалу человека, нисколько не переставая быть гражданином своего отечества и еще рельефнее выражая, чрез воспитание, прекрасныя стороны своей национальности.

Но все эти идеалы человека, и следовательно идеалы воспитания, как бы различно ни проявлялся в них национальный тип, должны иметь одну исходную точку - Откровение. Итак, словами: «ищи быть и будь человеком» - выражается одна главная мысль воспитания: научите детей, с ранних лет, подчинять материальную сторону жизни нравственной и духовной. Итак, если отец, сознавая вполне значение этой мысли, скажет сыну: «будь человеком», то это значит - он решается воспитать сына без всякой задней мысли, и отдает его в школу из одного глубокаго убеждения, что образование необходимо, как пища. Это значит, что отец, готовый всем жертвовать для нравственно-жизненной необходимости сына, твердо уверен, что все прочее в жизни должно придти само собою; а если и не придет, то он все-таки ничто не потеряет в сущности.

Сын, помня слова отца, с ранних лет приучается видеть в образовании нравственную необходимость и ценить его, как самую жизнь. Наставник, говоря: «я хочу сделать людьми моих питомцев», значит, решается предпочитать форме дух, мертвой бумаге живую мысль; значит, в науке он видит не просто один сборник знаний, а мощное средство действовать на нравственную сторону ребенка. Исполняя эти слова, учитель уже не заставит ребенка изучать науку одними устами, но направит ее на развитие той или другой душевной способности детей, и каждый учитель вместе сделается и воспитателем. Наконец, если целое общество повторит эти многозначительныя слова всем и каждому из своих сочленов, то оно выразит, что воспитание для всех, без различия сословий и состояний, так же необходимо, как хлеб и соль, и, при таком убеждении, не пощадит никаких издержек для достижения цели, соберет капиталы, учредит компании для распространения просвещения, обяжет всех содей-

ствовать по мере сил, сделает для всех и каждаго просвещение обязательным, говоря всем и каждому: «будь человеком». Вот смысль моего идеала, не новаго, но и не недос-тижимаго. Для достижения нужны: серьезный взгляд на жизнь, полное сознание нравственной необходимости воспитания, содействие духовное и материальное, теплая вера в вечную истину и добро.

Демков М.И. Русская педагогика в главнейших ее представителях. М., 1898. с. 194-195.

Образование и воспитание

Наши заведения в полном смысле слова учебные заведения, и мы сами - учителя, отнюдь не воспитатели. Отчего это произошло, объяснять здесь не место, но несомненно одно, что мы преследуем исключительно научные цели. Поверяя результаты наших трудов на испытаниях, мы требуем от ученика прежде всего фактического знания, пожалуй, в известной мере формального развития, но не более. При естественном состоянии общества такой порядок вещей был бы совершенно законен. Тогда ребенок, получая в семействе доброе, нравственное направление, в школу мог бы приходить только за научным материалом. Между тем при самом поверхностном взгляде уже нетрудно заметить, как далеки мы от такого идеала. Если наши учебные заведения, несмотря на всю неудовлетворительность обучения, все же еще выпускают ученика с запасом систематических и в известной мере отчетливых сведений, то наши семейства слишком чужды не только исполнения, даже правильного понимания своего долга. Особенно это следует сказать о тех, которые и по средствам, и по своему общественному положению занимают низшие ступени общества. Но если мальчик не получает теперь нравственного воспитания дома, не получает его и в школе, следует ли из этого, что он его вовсе не получает? Думаю, что нет.

Несомненно, что воспитание ребенка может происходить помимо всякой преднамеренной теории и независимо от того, обращено ли на это внимание. Не учивши дитя, можно вырастить круглого невежду; но если его не воспитывать, то оно воспитается собственными средствами, и вся разница будет заключаться в том, что оно может воспитаться дурно тогда, когда могло бы воспитаться разумно и правильно. Словом, от образования некоторого взгляда на вещи - правильного или неправильного, - от образования своего рода нравственного кодекса вы его не убережете. В школьное же время, когда умственная пытливость возбуждена, круг понятий и деятельности делается шире и особенно когда является сильное стремление к подражанию старшим, нравственное формирование ребенка происходит еще осязательнее. Но школьное, подчас сухое, учение не в состоянии удовлетворить детскую подвижную натуру и ответить на все вопросы, которые представляются ее умственному взору. А между тем круг этих вопросов с каждым годом становится все обширнее, и решением их уже, очевидно, начинает определяться характер будущей личности человека. Если же ребенок не находит ответа у старших, не находит его прямо в учении, он решает его по-своему или применяясь к готовому решению других. Вообще трудно подметить, как совершается этот любопытный процесс; еще труднее указать законы, по которым детская натура вносит в свой мир всякое новое приобретение.

Если все это справедливо, то остается решить вопрос не о необходимости воспитательного элемента в преподавании, а только о том, в какой мере необходимо

применить его и каким образом. Прежде, однако же, не будет лишним уяснить, что должно разуметь под правильным нравственным воспитанием. Конечная цель разумного воспитания должна заключаться в постепенном образовании в ребенке ясного понимания вещей окружающего мира и преимущественно общественного, т.е. того, в котором ему со временем придется действовать. Это прежде всего. Затем последовательным результатом такого понимания должно быть возведение добрых инстинктов детской натуры в сознательное стремление к идеалам правды и добра. И наконец, в задачу воспитания как результат того и другого должно входить постепенное образование нравственных современных убеждений, образование твердой и свободной воли и, следовательно, воспитание тех гражданских и человеческих доблестей, которые составляют лучшее украшение времени и общества. Задача, очевидно, не легка, но не надо забывать, что приходится иметь дело с материалом в большей части случаев послушным и восприимчивым. Не надо забывать, что многое из начертанной программы уже хранится в детской натуре и ей присуще.

Что касается того, в какой мере может быть введен воспитательный элемент в преподавание, то я не из тех, которые видят в нем исключительную задачу общественного образования. Преподавание должно прежде всего обогатить ум положительными сведениями. Я от всего сердца сочувствую тому правилу дидактики, по которому «преподавание должно соображаться не только с детской природой, но и с сущностью сообщаемой науки». Преподавание должно подчиняться научным требованиям предмета, и самый предмет не должен быть только орудием для посторонних целей. Основание для такого взгляда следующее: всего чаще у нас прямые цели обучения приносят в жертву так называемому развитию, т.е. заботятся не столько о том, чтобы учащийся знал дело, сколько о том, чтобы схватил его конечные результаты. Но развитие - будет ли оно следствием воспитания, или преподавания, - если оно не подкреплено положительным знанием, переходит в фразу, в мыльный пузырь, который гроша не стоит: оно образует людей поверхностных и заносчиво-самоуверенных, людей шатких, не имеющих ни одного, собственной работой добытого мнения, фразеров, мечтателей, дурных исполнителей. В этом ли должна заключаться цель разумной педагогии? Еще ли у нас мало людей, которые весь век задают себе великие задачи, говорят громкие вещи и не умеют приложить их в жизни к самому легкому делу.

Но из всего сказанного мной опять не следует, чтобы я отрицал пользу развития. Оно необходимо существенно уже потому, что образует человека, тогда как знание дает только ученого. Я хочу сказать, что развитие должно опираться на факт, на знание, быть его прямым, конечным выводом и только тогда может получить цену. Поэтому я полагал бы, что в преподавании воспитательный элемент не должен стоять на первом месте. Наставник никогда не должен забывать свою прямую цель - систематическую передачу знания; но, не забывая ее, он должен столь же постоянно помнить и о второй задаче.

Остается теперь сказать, каким образом применим воспитательный элемент в преподавании. Но положительно решить этот вопрос я не берусь. В этом деле все зависит от даровитости преподавателя, его собственного развития и, наконец, от свойства самого предмета.

Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения
М., 1985. с. 172-175.

Школа и жизнь

Теперь, слава Богу, люди приходят все более и более к тому убеждению, что церковь, школа и государство нераздельны с жизнью народов. Но прежде, нежели человечество окончательно сольет в своих понятиях школу с жизнью и сделает одну немыслимой без другой, школе приходится испытать еще много треволнений и превращений. Положительной формулы для нее еще не найдено. Современное общество бьется как рыба об лед, отыскивая эту формулу.

В настоящее время, и именно в обществе, еще не созревшем и мало жившем прошедшей жизнью, всего заманчивее кажется тот взгляд на школу, который ее представляет чем-то вроде лепной модели для приготовления людей именно такими, какие нужны обществу для его обыденных целей.

И в самом деле, чего лучше? Общество является потребителем, а школа фабрикой, приготовляющей товар для потребления. Запрос есть; стоит только удовлетворить ему, и обе стороны довольны. Вопиющее современное всегда ближе сердцу и доступнее мысли, чем далекое будущее. Для чего вдумываться, что будет через 25 или 30 лет, когда новое поколение начнет заменять старое? Правда, что всякий из нас, спускаясь под гору, начинает чувствовать себя как-то неловко и сознавать, что он не воспитывался для будущего, но, прожив так или сяк и без того, и думая, что в это время жилось даже лучше, меряет на свой аршин будущее поколение, советуя и ему поступать так же и идти по его стопам.

И вот школа, сначала разрознившая с жизнью, начинает сливаться с нею: и та, и другая начинают более понимать друг друга, но как?

Общество и государство, применяясь к настоящему и делая воспитание своей монополией, употребляет школу, во-первых, как проводник к распространению в будущем поколении одних только известных убеждений, взглядов и понятий; во-вторых, как рассадник специалистов, ему необходимых для достижения известных обыденных целей.

Отцы, применяясь к этому же направлению общественного воспитания, посылают детей в школу; во-первых, чтобы воспитать их для хлеба, и притом, елико возможно, не на своем, а на чужом или общественном иждивении; во-вторых, чтобы воспитать их в духе того сословия, к которому принадлежат сами, и, разумеется, в тех же самых убеждениях и предубеждениях.

Итак, школа, примиренная с жизнью, на первых порах не преследует еще никаких широких и общечеловеческих целей. Напротив, она делается еще более односторонней и прикладной, чем в начале своего существования, когда она, основанная благочестием и гуманностью передовых людей, была более отделена от жизни.

Но все же лучше примириться с жизнью, какова она ни есть, нежели быть с нею в полном разладе. Вот почему настоящее положение школы все-таки нужно считать шагом вперед.

Но остановиться на этом - значило бы мирить школу с жизнью только наполовину. Мало этого, это значило бы признать безусловно первенство жизни пред школой и рабскую зависимость от настоящего, тогда как все будущее жизни находится в руках школы и, следовательно, ей принадлежит гегемония.

Если мы, привыкнув считать понаслышке, по преданию и по собственному опыту школу в разладе с жизнью и теорию каким-то противоположением практике, теперь с каждым днем все более и более убеждаемся, что настало время им помириться, то уже нельзя останавливаться на середине дороги.

И отцы, и общество, и государство должны стремиться восстановить смысл

и права школы, проистекающие из самой жизни. Должно восстановить прямое назначение школы, примиренной с жизнью, - быть руководителем жизни на пути к будущему.
И этого достигнем только тогда, когда все человеку дарованные способности, все благородные и высокие стремления найдут в школе средства к бесконечному и всестороннему развитию, без всякой задней мысли и без рановременных забот о приложении.
Когда учиться, образоваться и просветиться сделается такой же инстинктивной потребностью общества, как питаться и кормиться телу, тогда приложение придет без хлопот, само собою. Надобно достигнуть того, чтобы здравый смысл изменил самый язык. И когда будем говорить и мыслить о воспитании, то нужно, чтобы высшие понятия, присущие словам учение, образ и свет, заменили материальное представление питания, приличного телу, а не духу.

Только тогда мы можем быть спокойны за успех в будущем, только тогда можем ожидать истинного прогресса в нашем обществе, когда приложение будет проистекать само собой, без всякой искусственной и насильной моделировки незрелых умов и понятий.

Человеческому духу, всецело и всесторонне развитому, присуща наклонность употреблять и применять им приобретенное без всякой насильственной подготовки. Просвещенному уму не нужны рамы, заказанные по мерке; он сам для себя создает их, убеждаемый бесконечностью и беспредельностью сведения.

Не врождена ли всем наклонность сообщать друг другу приобретенные сведения? И что же это такое, как не свойство духа применить приобретенное?
Если же прикладное образование и считается покуда необходимым в нашем обществе, то пред истинным идеалом воспитания оно оказывается только временным и неизбежным недостатком. Оно доказывает только слабость наших сил, слабость любви к человечеству и к истине.

Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения
М., 1985. с. 198-209.

Быть и казаться

Ученики Второй одесской гимназии обратились ко мне с просьбой о дозволении им играть на публичном театре по примеру гг. студентов лицея, играть с целью помочь некоторым из своих товарищей. Узнав, что и прежде ученикам гимназий, воспитывающимся в сиротском доме, позволялось действовать на сцене, я также позволил. Но совесть моя этим не успокоилась.

У меня родился нравственно-педагогический вопрос: можно ли позволять молодым людям, чтобы они прямо со школьной скамьи выступали на сцену и представлялись действующими лицами перед публикой?

Известно, что везде, где вместе с гимназией существует высшее учебное заведение - университет или лицей, гимназисты стараются во всем подражать студентам. Известно также, что такое подражание обыкновенно не ведет к добру. Но я смотрю на заданный себе вопрос с другой, более общей, стороны. Спрашивается: вообще дозволяет ли здравая нравственная педагогика выставлять детей и юношей перед публикой в более или менее искаженном и, следовательно, не в настоящем их виде? Оправдывает ли цель в этом случае средство?

Не обязаны ли истинные нравоучители смотреть на духовную сторону юноши и дитяти как на святой храм, о котором сказано: «храм мой, храм молитвы наре-

чется». Не обязан ли нравоучитель изгонять из него все продающееся и покупающееся? Совместима ли с этим взглядом на духовную сторону юности выставка, возбуждающая суетность и тщеславие? Родитель или наставник, дозволяя себе выставлять юношество в искаженном виде на публичное созерцание, не вносит ли в восприимчивую душу начало лжи и притворства? Разве разыграть хорошо роль, принять кстати подготовленную позу, суметь сделать удачный жест и живо выразить миной поддельное чувство, разве - говорю - все это не есть школа лжи и притворства? А шумные похвалы, воздаваемые именно тому притворству, которое сделалось натуральным, разве не пробуждают желания усовершенствоваться, и в какой душе? - еще не коротко знакомой с наукой быть и казаться.

Но цель? - Да, на свете существует еще одна школа, которая целью освещает средства. И все мы, - что греха таить, - употребляя название этой школы, как эпитет коварства и лжи, подчас позволяем себе пользоваться упругостью ее догм. Но, согласитесь, нельзя же, не отказав себе в последовательности, защищать открыто ее ученье, утверждая, что благая цель оправдывает выбор средства, нравственно ненадежного.

Если бы еще это средство было только не прилично важности и святости задуманной цели, но само по себе невинно, то почему бы не так. Света мы, конечно, не исправим; он останется, несмотря на все возгласы моралистов, таким, каким он был и есть. Так почему же в практической жизни, известной своей непоследовательностью, не воспользоваться человеческими слабостями к достижению общей благой цели, если эти слабости невинны и непредосудительны? Но другое дело, если мы вздумаем для этой цели развивать в молодой душе такие склонности, которых последствий нельзя ни предвидеть, ни исчислить. Тут уже, мне кажется, цель никак не может оправдать средства.

Детские балы, детские театры и всевозможные зрелища, в которых дети являются действующими лицами, слава Богу, изобретение не наше, а чужое, и потому извинительно и не знать, кем впервые и почему они введены были в моду. Но, судя по вероятностям, такая мысль могла прийти в голову или родителям, желавшим похвастаться милым искусством детей, под предлогом доставить им удовольствие, или же наставнику, желавшему, без сомнения, с какой-нибудь педагогической целью возбудить соревнование в своих учениках.

Я думаю, что родители были легкомысленны, а наставник близорук. Уже не один раз, и прежде, и после, родители под благовидным предлогом утешить детей утешали свою суетность. Не раз педагоги ошибались в выборе средств, ослепленные случайной удачей или стараясь приноровиться к вкусу общества. Признаюсь, я сам еще недавно позволил детям в лицейском пансионе разыграть одну маленькую пьесу; но театр был чисто домашний, зрителями были товарищи и наставники; я видел в игре только средство для изучения языка.

Я заметил и тут, однако же, что, несмотря на всю безыскусственность и простоту обстановки, в некоторых из актеров обнаруживался такой прием суетности, который еще более увеличивать было бы опасно. Потому и дома и в учебных заведениях можно бы только, и даже должно, позволять детям, от 12 до 14 лет, выучивать избранные роли из различных пьес, но без всякой обстановки и только единственно с целью упражнения в языке и способе выражать отчетливо мысли. Пусть наставник объяснит этим ученикам, что именно хотел выразить автор тем или другим оборотом речи. Пусть покажет вместе, какие приемы свойственны тому или другому характеру действующего лица, - но без всякой обстановки, без огласки, без

посторонних зрителей. Наставник и его ученики должны быть и публикой, и действующими лицами, школьная комната - сценой. Пусть воображение довершит и украсит все остальное. Но опаснее сцена для мальчиков в 15 лет и более. В этом возрасте, особливо на юге, дети во что бы то ни стало не хотят уже быть детьми. Воображение в эти лета уже начинает терять свою калейдоскопическую подвижность. Оно уже не с прежней быстротой превращает один предмет в другой и не так легко заменяет призраком действительное. Несмотря на то, юноша все-таки еще не ясно различает два свойства своего я: быть и казаться.

Должны ли же мы преждевременно давать повод юной душе обнаружить ее двойственность? Пусть быть и казаться остается покуда в жизни юноши одним и тем же...

И не выходя на театральную сцену, - и без того, на одной сцене жизни, - он скоро научится лучше казаться, чем быть.

Подождите, дайте время развиться духовному анализу. Дайте время начать борьбу с самим собой и в ней окрепнуть. Тогда, кто почувствует в себе призвание, пожалуй, пусть будет и актером: он все-таки не перестанет быть человеком. И если и Тальма и Каратыгин были только кажущимися героями, то, по крайней мере, ваш сын или ученик не будет одним только кажущимся актером.

Но не лучше выставок детей на паркете и театральной сцене и публичные выставки на сцене школьной. Это тоже театр в своем роде. Да еще на театре выставляется, по крайней мере, то, что должно быть выставлено: искусство притворяться и великий дар заставлять себя чувствовать по собственной воле. А на публичных экзаменах выставляется напоказ знание, которого истина и значение ничем столько не оцениваются, как скромностью.

Все эти искусственные и натянутые попытки так называемого развития ума и сердца развивают только преждевременную двойственность души человека, еще не окрепшего в борьбе с самим собой. Они довершают только то, что и без них начинают слишком рано общество, школа и, увы, сам родительский дом!

Пусть каждый из нас припомнит, когда он начал казаться не тем, что он есть. И, верно, отвечая на этот вопрос, немногие из нас похвалятся своей памятью. А когда мы вступили в борьбу с самими собой, - полагая, что мы все уже вступили, то мы, наверное, казались давно не тем, чем мы были. Неужели же мы захотим то же самое передать в наследство нашим детям? Неужели все попытки нравственной педагогики, все успехи, все стремление человека к совершенству - одна только пустая игра слов, один обольстительный вымысел?

Нет! Мы не имеем права не верить в истину. Если бы мы принялись общими силами, мы бы много такого исправили в наших детях, чего не успели или не умели исправить наши отцы в нас. Правда, мы можем дать только то, что мы сами имеем. Но кто хочет идти вперед, не по одним только грязным и пыльным улицам, тот найдет в душе довольно силы и вести борьбу с собой, и следить за первыми обнаруживаниями душевной двойственности у своих детей.

Первое ее проявление есть: притворство и ложь. Трудно определить время жизни, в которое оно впервые обнаруживается у ребенка. Я знал шестилетнюю девочку, которая была уже такая виртуозка лжи, что трудно было различать длинные рассказы ее собственного изобретения от правды: так все в них было связно и отчетливо. Знал я еще и одного мальчика четырех лет, который на вопрос: видал ли он колибри? - не желая, из хвастовства, сказать просто: не знаю, описал как нельзя подробнее виденную им колибри, которая, однако же, оказалась просто вороной; а когда ему заметили, что колибри водятся не в тех местах, где он жил, а в Китае, то он, нисколько не конфузясь, уверял, что большую черную птицу прислал в подарок

его маменьке китайский император.

Про девочку я после ничего не слыхал, но про мальчика знаю наверное: он теперь перестал так безбожно хвастать.

Из этих и из множества других фактов нельзя ли заключить, что уже с первым лепетом ребенка начинает обнаруживаться и двойственность нашей духовной стороны? И да, и нет. Я не сомневаюсь, что у ребенка есть свой мир, отличный от нашего. Воображение создало этот мир ребенку, и он в нем живет и действует по-своему. Взрослый, действующий как ребенок, есть в наших глазах или лгун, или сумасшедший.

И если дитя нам не кажется ни тем, ни другим, - то именно потому, что оно - дитя. Итак, если мы, достигнув известного возраста, не перестаем жить в мире, созданном нашим детским воображением, мы делаемся непременно или лжецами, или взрослыми детьми, т.е. чудаками, помешанными, или назовите как угодно, только не обыкновенными людьми.

Мы привыкли называть сумасшедшим того только, в действиях которого мы замечаем явную несообразность и непоследовательность. Но эта кажущаяся несообразность слов с действиями и одного поступка с другим иногда только служит признаком помешательства, а иногда и нет. Кто сомневается еще в этой неопределенности и сбивчивости наших понятий, пусть спросит у судебных врачей, всегда ли и во всяком ли данном случае им бывает легко решить вопрос о сумасшествии.

Нелегко решить также об ином: заблуждается ли он, или лжет. Известно, что привыкший лгать наконец это делает вовсе несознательно.

Но если у взрослого, в практической жизни, так трудно бывает провести точные границы между здравомыслием и помешательством, между убеждением и ложью, то еще осторожнее мы должны оценивать поступки ребенка.

У ребенка кажущаяся нам непоследовательность поступков и мыслей, сознательная ложь и бессознательная, так незаметно переходят одна в другую, что почти каждого из детей можно назвать глупым и лгуном, - применяя к нему слова и понятия, взятые из жизни взрослых. Но в этом-то и заключается именно ошибка и родителей и наставников, что они, не в пору устарев, забыли про тот мир, в котором сами некогда жили. И в лжи, и в несообразностях действий ребенок еще не перестает казаться именно тем, что он есть, потому что он живет в собственном своем мире, созданном его духом, и действует, следуя законам этого мира. Чтобы судить о ребенке справедливо и верно, нам нужно не переносить его из его сферы в нашу, а самим переселяться в его духовный мир...

Если бы все человеческое общество состояло из одних детей, то двойственность души в ребенке никогда бы не обнаружилась и он всегда бы казался тем, что он есть. Он всю окружающую природу переносил бы в свой духовный мир и действовал бы в нем, верно, последовательнее нас.

Но мы, мы - взрослые - нарушаем беспрестанно гармонию детского мира. Мы, насильственно врываясь в него, переносим ребенка, на каждом шагу, к себе, в наш свет. Мы спешим ему внушить наши взгляды, наши понятия, наши сведения, приобретенные вековыми усилиями уже зрелого человека. Мы от души восхищаемся нашими успехами, полагая, что ребенок нас понимает, и сами не хотим понять, что он понимает нас по-своему.

Мы не хотим «ни умалиться», «ни обратиться и быть как дети», и между

тем быть их наставниками, и даже считаем себя вправе пользоваться званием наставника, не исполнив этого первого и самого главного условия.

Кто же теперь виноват, что мы так рано замечаем у наших детей несомненные признаки двойственности души? Не мы ли сами немилосердно двоим ее?

Действительно, наши усилия венчаются успехом. Но каким? Исторгая беспрестанно ребенка из его собственного духовного бытия, перенося его все чаще в нашу сферу, заставляя его и смотреть и понимать по-нашему, мы наконец достигаем одного: он начинает нам казаться не тем, что он есть. И вот венец нашей педагогики, вот поп plus ultra всех наших трудов и усилий.

Чего не придумано у нас к достижению этого результата? И детские балы, и театры, и живые картины, и костюмы, и даже школьная обстановка. А чтобы лучше убедиться, действительно ли ребенок нам кажется не таким, как он есть, - мы изобрели и срочные испытания. Мало этого: нашлись такие педагоги, которые придумали из самих детей сделать орудие наблюдения за детьми же, чтобы и те, и другие как можно лучше двоили свой духовный быт и как можно точнее разделяли бы «.быть и казаться». Известно, каких блестящих результатов на этой почве достигли отцы-иезуиты. Если мы, при нашей общественной методе воспитания, много способствуем, - хотя бессознательно и действуя по крайнему разумению, - к развитию в ребенке лжи и притворства, то иезуиты, не довольствуясь этим, уже сознательно доводят двойственность до степени клеветы.

Твердо верящему в стремление человечества вперед, к усовершенствованию, кажется уже неприличным утверждать, что и дети, и вообще люди в старину, т.е. когда-то, были лучше. Но, тем не менее, в этой известной поговорке стариков и недовольных есть доля и правды.

Во-первых, для всякого старика это, действительно, относительная истина. Он, принимая менее участия в действиях переходного состояния от старого к новому, видит яснее худое, всегда сопровождающее каждый переход, чего современное ему свежее поколение не примечает, будучи само проводником нового. Во-вторых, есть и действительно такие периоды для человечества, в которых старое еще недостаточно состарилось, а новое, втекая целым потоком, еще не успело ни созреть, ни амальгамироваться со старым.

Эти периоды так же вредны для нравственности, как у нас на севере ранние оттепели для посева: семена уносятся тающим снегом. И это уже не одна только относительная истина для стариков.

Чуть ли мы сами не живем в одном из таких периодов.

Если так, то немудрено, что в то время, когда старое было еще во всей своей силе, т.е. еще не было старым, и воспитание совершалось с большей последовательностью, и именно потому, что было более односторонним. Правда, и прежде, точно так же, как теперь, и даже больше, взрослые мерили детей по своей мерке, особенный детский мир и прежде для взрослых так же мало существовал, как и теперь. Но средства, которые они употребляли для сообщения детям своих понятий и взглядов, были грубее и именно потому лучше наших...

Если уже нужно выбирать одно из двух, то, без сомнения, лучше вторгаться в духовно-детский мир с жезлом в руке, чем с театральной афишей и бальным костюмом. Яд и позолоченная отрава опаснее палки и синяков.

Воображение ребенка и развивается, и действует по мере развития внешних чувств и понятия. У него мысль никогда не опережает воображения. Окружающая

природа, для него еще новая, доставляет ему столько пищи, что оно постоянно в работе. Это - калейдоскоп в беспрестанном вращении, через который дитя смотрит на все окружающее. Берегитесь нарушать эту фантастическую игру вашими действиями. Вашей искусственной обстановкой, как бы она ни была обворожительна, вам все-таки не удастся заменить те чудные образы, которые творит детская фантазия. Вы только понапрасну развлечете ее деятельность и рано пробудите чувство недовольства. Ребенок, недовольный своим, будет сам проситься в ваш мир и выкажется уже в нем не тем, чем он был в своей сфере. Двойственность и пресыщение должны необходимо следовать.

Итак, немудрено, если в старину, при менее искусственной обстановке воспитания, яснее обозначались высокие и выдержанные характеры. Кто выходил невредим из школы жезла, тот выносил дух, так же хорошо закаленный, как закалено тело диких и номадов, купающих новорожденных детей в студеной воде.

Но наша современная обстановка воспитания еще слишком нова, чтобы точно обсудить ее результаты. Только над одним иезуитским способом воспитания, который также не вовсе потерял современность, суд истории уже произнесен. Везде, где он господствовал, и теперь еще господствует двойственность души. Насильственно разделенное иезуитством «быть и казаться» породило и притворство, и коварство, и клевету с ябедой и доносом.

Если все, что я сказал, заключает в себе хотя тень истины, то скажите мне: не лучше ли - перед Богом и человечеством - заменить все искусственные попытки нашего собственного воображения воспитанием, основанным на законах девственно-фантастического мира дитяти?

В наше время, когда глубокие умы посвятили себя изучению духовной стороны даже умалишенных; когда начинает обнаруживаться, что и эти отверженцы нашего общества имеют свою собственную логику, свою последовательность в действиях; когда наука, проникнув в их особый мир, ищет в нем связей с нашим, должны ли мы - говорю - именно теперь оставаться хладнокровными к духовному миру наших детей и не изучать его во всех возможных направлениях?

Скажите, что может быть поучительнее, что выше, что святее духовного сближения с этим Божьим, чудным детским миром? Кому не занимательно следить за всеми его обнаруживаниями, за всеми проявлениями во времени и в пространстве? Кому не весело самому помолодеть душой? О! если бы все родители и педагоги по призванию вошли в этот таинственно-священный храм еще девственной души человека! Сколько нового и не разгаданного еще узнали бы они! Как обновились бы, как поумнели бы сами! Один взгляд, брошенный в него бедным швейцарцем, сердечно любившим детей, произвел на свет целую систему учения, которого плодами мы теперь только что начинаем пользоваться.

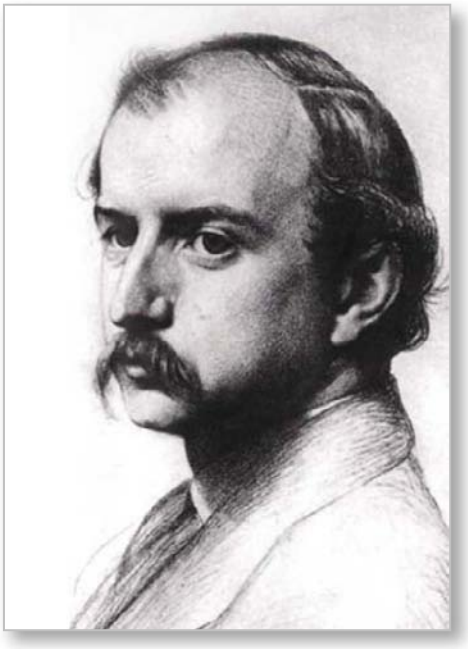
К вам, матери семейств, относится преимущественно мой совет! Вместо того, чтобы посылать ваших детей на театральную и бальную сцену, ступайте сами за кулисы детской жизни! Наблюдайте отсюда за их первым лепетом и первыми движениями души; наблюдайте их здесь и тогда, когда они возвратятся к вам, утомленные играми и всегда готовые снова начать их.

Я бы дал и еще совет, но не знаю, как вы примете и этот. Подчиняясь одним влечениям души к добру и правде, вы, может быть, и без меня придумали что-нибудь лучше. Я сам обращусь теперь за советом, всегда уважая его, если он дан от души, если в нем проглядывают смысл и любовь к истине и добру. Скажите мне, отцы и педагоги, все ли вы принимаете со мной этот детский мир с его особенными законами? Если - да, то скажите мне откровенно: как вы в него вступаете? И

потом посоветуйте мне, должен ли я впредь позволять детям и юношам играть на публичной сцене? Пусть будет ваш совет, пожалуй, и чисто теоретический, - все равно, я приму его с благодарностью.

Пирогов Н.И. Избранные педагогические сочинения М., 1985. с. 91-98.

Памфил Данилович Юркевич



Юркевич П. Д.

Памфил Данилович Юркевич (1826 – 1874 гг.) – русский философ и педагог. По окончании Киевской духовной академии преподавал в ней философские науки. В условиях едва ли не всеобщего увлечения тогдашнего «образованного общества» материализмом научная общественность обратила внимание на оригинальное исследование молодого ученого, его философский этюд «Из науки о человеческом духе», направленный против материализма. П.Д. Юркевичу была предложена кафедра философии в Московском университете, которую он и занимал с 1861 г. Одновременно он читал систематический курс педагогики в учительской семинарии военного ведомства. Педагогику, логику и психологию П.Д. Юркевич рассматривал как составные и существенные части философии.

Курс общей педагогики

Наставление

Нередко преподаватели, или учителя, называются наставниками. Этим выражается совершенно верный педагогический взгляд, что при сообщении сведений учитель не должен отрешаться от личности ученика, но что он должен иметь в виду всю его жизнь, которая так нуждается в руководстве и в правилах опытности. Человек призван жить под правилами, потому что иначе он был бы игра и жертва случая. Но невозможно и представить себе такое естественное развитие, чтобы дитя познавало правила жизни единственно из своей собственной опытности. Оно созревает под наставлениями столь непрерывными, что оно даже и не замечает их в качестве наставлений. Из наставлений оно знакомится с нравственным характером своего поступка, с его будущими последствиями, с лучшими средствами достигнуть доброй цели или преодолеть затруднение и с искусством правильно обращаться с людьми и вещами. В системе воспитания наставление играет такую же роль, как дыхание в системе нашей телесной жизни. Но отсюда следует, что оно должно быть так же естественно и, если можно, так же нечувствительно, как дыхание. Наставление не относится к чему-нибудь совершенно новому - это было бы обучение. Наставник не противопоставляет себя воспитаннику, как знающий незнающему, и не держит себя вдали от него; между учителем и учеником отношение может быть отдаленное, между наставником и воспитанником оно всегда должно быть близкое.

Наставление должно действовать на душу, как увеличение света действует на глаз, которого деятельность была перед этим задержана темнотой места. Поэтому тон наставления изменяется с изменением состояния воспитанника. Для сердца, потрясенного печалью или величественным зрелищем, естественно наставление, выражаемое в тоне сочувственном или вдохновенном. Ведь большей частью все наши наставления умны, но весьма немногие из них кстати. Иной тон должны принимать наставления при играх, иной - при серьезных занятиях; иначе должны быть выражаемы они при случаях ежедневных и иначе при случаях исключительных. Тот не способен давать наставления, кто сам живет только сочиненным и вычитанным, потому что в наставлении предполагается какое-нибудь совершенно индивидуальное обстоятельство, овладевать которым может только живой человек. Всего хуже, если наставление заменяется чтением общих мест морали и длинными поучениями, которые притупляют приимчивость детей к движениям нравственной жизни.

Посредством наставлений воспитатель делается спутником воспитанника. Воспитанник созревает не иначе, как делая непрестанные опыты в самых разнообразных направлениях. Наставление, с одной стороны, наводит воспитанника на эти опыты, с другой - содействует тому, чтобы эти опыты обратились в прочную собственность его духа. Для этой цели опыты истолковываются, поясняются, сближаются с опытами прежнего времени или пополняются указанием на опыты других людей. Под этими условиями личные опыты воспитанника имеют на него сильное образовательное влияние, и, следовательно, под этими же условиями нужно предоставлять воспитаннику простор для делания опытов. Дети дикарей, предоставленные самим себе, приобретают только грубую опытность относительно своих физических сил и способностей самосохранения. Между событиями, которые дитя переживает, и их истолкованием в смысле моральных идей расстояние чрезвычайно велико, и дитя может пройти это расстояние только при помощи наставления.

Наставление служит для поддержания дисциплины и для успехов обучения. Часто дети совершают беспорядочные действия потому, что не имеют достаточной находчивости, чтобы предаться действиям дозволенным, которые притом же могут быть и приятнее первых. Часто безуспешность при обучении зависит от неумения воспитанника взяться за дело с надлежащей стороны. Наставление, сделанное кстати, уничтожает сразу то и другое зло. Но всего естественнее оказывается оно при надзоре и обучении. В последнем случае оно сосредоточивает внимание учеников на каком-нибудь факте, примере, мнении или событии, давая им видеть, как это близко и важно для их собственной жизни. Обучение сообщает свет для разума, но в соединении с наставлением оно делается зеркалом для личности. При обучении закону Божьему, истории священной и отечественной случаи, делающие уместным наставление, представляются сами собой. Наставление получает при этом свою силу от связи с тем важным предметом, к которому относилось обучение. Только бы учитель сам был сосредоточен, чтобы не дозволять себе скучных повторений и не ослаблять многоречием или равнодушием той силы, которая исходит от предмета обучения.

Напоминание

Всякое правильное действие опирается, с одной стороны, на память прошедших опытов, с другой - на память избранных в руководство правил. Дети имеют самую слабую память в этом отношении, потому что их внимание приковывается к

событиям настоящего мгновения. Посредством напоминания воспитатель связывает настоящее состояние души воспитанника с ее прошедшим и с правилом и таким образом облегчает узнавать воспитаннику свою собственную волю, знание которой возмущается у него различными страстями и склонностями настоящей минуты. Большая часть детских проступков имеет источник в этом недостатке памяти воли. Говоря строго, дети имеют расположенность относиться безразлично и к соблюдению, и к нарушению правил. Когда дитя не приготовило урока, это еще не доказывает, что оно имеет склонность к лени. Когда оно нарушает порядок, это еще не доказывает, что оно непослушно. То и другое, скорее всего, могло произойти от того, что требуемые действия вовсе не приходили ему в голову, и от этого оно следовало только своим влечениям. Итак, напоминание относится к забывчивости, которая зависит не от слабости памяти, но от слабости воли. Слабость воли выражается в этом случае или рассеянностью, или увлечениями. Напоминание имеет в виду или заставить дитя взяться за свое дело, или опомниться. Отсюда видно, что воспитателю приходится делать напоминания часто и неожиданно и что предлагать их кстати гораздо лучше, легче, нежели делать наставления. Частыми напоминаниями нельзя наскучить, если только они касаются самого действия, которое совершает воспитанник в данную минуту. Но успех воспитания будет выражаться в том, когда воспитанник все менее и менее будет нуждаться в напоминаниях. Эта цель еще не достигается тем, когда воспитанник полюбит свое занятие и свои обязанности, потому что это не помешало бы ему останавливаться на одной части своих занятий и забывать о другой, чтобы потом также случайно обратить свое внимание на последнюю и не вспомнить о первой. Нужно, чтобы воспитанник приучился составлять себе план занятий, обнимающий определенную длину времени, например один день, и равномерно обнимающий собой все виды действий и состояний, какими должно быть наполнено это время. Тогда воспитанник не будет случайно наталкиваться на то или на другое занятие и не будет медлить при нем столько, чтобы забыть о других обязанностях. Память о целом будет управлять надлежащим памятованием частей и будет противодействовать увлечениям и рассеянности, которые зависят от случайных впечатлений, соединенных с каждым отдельным занятием. Только жаль, что воспитатели мало заботятся о развитии в детях навыка обнимать все частные действия одним общим планом. В одной древнейшей школе был заведен обычай, чтобы воспитанники припоминали и обсуживали вечером все, что они сделали в продолжение дня. Эта мера так же разумна, как разумно, например, написавши что-нибудь целое, вернуться и осмотреть, что написано хорошо и где сделаны промахи. Воспитанники, у которых сложилась эта привычка, будут нуждаться в напоминаниях в очень незначительной степени. Напоминания, делаемые воспитателем, относились бы чаще к общему плану жизни, а не к его подробностям. Впрочем, это иначе и быть не может относительно юношей, которые способны к самовоспитанию. Маленьким детям следует напоминать о мелочах, юношам достаточно напоминать о целом, общем и главном.

Смотря по обстоятельствам, напоминание может быть делаемо мимоходом среди других занятий воспитателя; в этом случае оно имеет вид обыкновенного, ежедневного действия, которое хотя и достигает своей цели, но на котором не останавливали нарочитого внимания ни воспитатель, ни воспитанник. Или же оно выделяется из ряда, как действие, имеющее большую важность, чем действия, в среде которых оно высказывается. В последнем случае оно принимает тон или особенного участия, или такой серьезности, за которой предвидится возможный разрыв добрых отношений между воспитателем и воспитанником.

Предостережение

Как настоящее в духе воспитанника должно быть определяемо прошедшим, к которому относится напоминание, так, с другой стороны, оно должно зависеть от будущего, ясное представление о котором возбуждается или освежается предостережением. Взрослый человек имеет из прошедшего опытность и на ее основании имеет относительно будущего предусмотрительность. Чувство самосохранения, которое действует во всяком живом существе, нисколько не указывает детям на будущую опасность, которую или следует обходить, или следует встречать осторожно и с вниманием к себе и к обстоятельствам. Для детей удовольствие и неудовольствие служат сначала единственным, а потом главным свидетелем дружбы или вражды к ним всего внешнего, людей и вещей. Правда, что предусмотрительность образуется в детях рано по первому закону содружества представлений, потому что если за одним событием часто следовало другое событие, неприятное для них, то при встрече с первым они ожидают второго и стараются обойти его. Таким образом, и для них опытность служит источником предосторожности. Это доказывает опять, что необходимо доставлять детям возможность приобретать такую опытность из независимого обращения с вещами и людьми. Тем не менее предусмотрительность, образующаяся в пределах первого закона содружества представлений, есть советник, не всегда мудрый. Последующее событие, которое производило неприятные впечатления, могло быть связано с предыдущим случайно, так что в будущих опытах оно, может быть, никогда уже не появится вслед за тем, которое служило его предвестником. Во-вторых, неприятным оно могло казаться по случайному состоянию детской чувствительности и детского воображения, так что с изменением условий, которые заключаются в детской душе, то же самое событие перестанет казаться неприятным. В-третьих, эта предусмотрительность скорее всего вызывает в детях чувство страха, нежели способность избегать опасности. Вот почему самостоятельная опытность дитяти должна идти рука об руку с разумом воспитателя, который помогает ему смотреть вперед и различать, что опасно и что безопасно. Предостережения имеют двоякую цель предохранять от опасности, если она есть, и предохранять от страха, если его нет. Последняя обязанность воспитателя едва ли не важнее первой, и у хорошего воспитателя слово «не бойся» чаще повторяется, нежели слово «берегись». Ведь мужество есть наша лучшая предусмотрительность.

Непрерывные предостережения от будущих опасностей могут произвести такое же ослабление воли, как и непрерывный надзор. Частое и сильное внимание к различным опасностям возвышается посредством воображения на степень сильного убеждения о мире как о таком месте, которое переполнено опасностями и в котором на всех путях препятствия, враги, всегда готовые причинить вред и страдание. Этой методой нередко самые нежные воспитатели делают детей до такой степени запуганными и загнанными, до какой не всегда доводят непрерывные угрозы, ругательства и побои, потому что в последнем случае все опасности сосредоточиваются в лице грубого воспитателя и сравнительно с ним весь остальной мир улыбается воспитаннику дружески и доверчиво, тогда как в первом случае весь необозримый мир глядит на воспитанника свирепым зверем и только единственное лицо воспитателя представляется ему как безопасное место.

Дело в том, что особенная нежность, которая расположена видеть злобу и в

горчице и которая противопоставляет свое любимое детище всему остальному миру, не есть особенно хорошее качество воспитателя. В количестве предостережений, в качестве и энергии их скажется прежде всего сам воспитатель, насколько он мужествен или робок, силен или слаб нравственно. Если воспитатель снабжает воспитанника предостережениями как бы про запас, имея в виду опасности, вообще возможные для человека, то это изобличает его собственную глубокую неуверенность в успехе воспитания, потому что самая прочная охрана против всех возможных опасностей должна заключаться в совершенстве самого воспитания, именно в зрелом разуме и в доброй и твердой воле воспитанника, как охрана против возможных болезней заключается в укреплении тела, а не в снабжении всяческими рецептами на случай. Относительно нравственных опасностей, которые угрожают или могут угрожать сердечной чистоте воспитанника, случаи, что воспитатели, которые наперед и издалека предостерегали от них детей, этим самым только знакомили их со злом и таким образом делались их искусителями.

Итак, для предостережений, как и для напоминаний, должен быть дан действительный повод в настоящем состоянии воспитанника. Есть опасности, есть враги воспитанника, которые находятся не вне его, но в нем самом. Каждая склонность, не сообразная с требованиями долга, должна быть рассматриваема как опасность, против которой воспитанник должен быть на стороже и против которой, следовательно, должны быть направляемы предостережения воспитателя. Рассеянность, недеятельность, страстное увлечение, упорство и т.п. - это такие состояния, что предостережение, сделанное вовремя, может побудить воспитанника сломить себя и возвратиться на надлежащую дорогу, с которой он начал было сворачивать. В предостережениях этого рода, смотря по зрелости воспитанника, содержится указание или на опасности нравственные, или на неизбежность различных неприятных положений, каковы, например, дисциплинарное взыскание, исключение из училища и т.д. Предостережение по самому существу своему чувствительнее напоминания, но оно действует тем сильнее, чем более спокойно оно высказывается; спокойное слово дети, как и взрослые, расположены считать правдивым. Эта же правдивость должна выражаться и в том, чтобы воспитатель не преувеличивал вредных или неприятных последствий неправильного действия.

Основная форма предостережения есть суждение условное: «Если произойдет то-то, то за ним необходимо последует то-то». Часто на воспитанника не действует предостережение, потому что он не понимает зависимости между предыдущим и последующим. Поэтому всего ближе с предостережением соединять наставление, которое гармонирует с ним, как мягкий тон с твердым.

Совет

Каждое действие, которое совершается воспитанником, имеет определенное отношение к его преуспеянию; но не каждое из таких действий должно быть определено планом воспитания. Воспитанник имеет свободу следовать в очень многих случаях своей личной сообразительности и своим собственным желаниям. Пока такие действия относятся к разряду дозволенных, воспитатель не имеет нужды беспокоиться об них. Свое участие к воспитаннику он может обнаруживать, давая ему советы, где это будет естественно и не будет сопряжено с навязчивостью. Всегда в

таких случаях совет должен быть выражаем просто, мимоходом и в тоне дружественном, чтобы воспитанник вполне чувствовал, что последовать или не последовать ему предоставляется его собственной воле. Но, по мере того как воспитанники приближаются к зрелому возрасту, воспитатель в форме советов указывает им и на то, что требуется планом воспитания. На волю, которая достаточно окрепла, воспитатель имеет влияния тем больше, чем нежнее способы, посредством которых он прикасается к ней. Когда воспитатель только советует там, где он мог бы требовать, то это производит выгодное нравственное впечатление на воспитанников. Воспитанники, как и все люди, ценят высоконравственное достоинство такого лица, которое не спешит действовать на других силой своих несомненных прав, но которое ожидает от их свободы того, чего оно вправе потребовать. Без сомнения, воспитателю нужно приобрести тонкий нравственный такт, чтобы решать сразу, где советы могут заменять открытые требования, потому что нередко воспитатель вследствие нравственной слабости не имеет силы предлагать воспитанникам требования и быть настойчивым в них; тогда склонность прибегать к форме совета доказывала бы его неспособность к званию воспитателя.

Нередко совет служит только началом других, более чувствительных воспитательных приемов, которые последовательно применяются к данному случаю. Начинать с малого и легкого требуют благоразумие и любовь. Дитя, получив совет, предоставляется пока самому себе; воспитатель имеет возможность таким образом узнать, насколько оно благоразумно, и, смотря по различным последствиям, он изберет для дальнейшего влияния на него те или другие меры. Впрочем, всегда нужно иметь в виду неодинаковое влияние, которое оказывают на различных воспитанников меры крутые и мягкие. Один начинает ряд требуемых действий только вследствие решительного толчка, который производит на него открыто выраженная твердая воля воспитателя. Другой более приимчив к мягкому влиянию совета, он сразу принимается за надлежащие действия. Там твердость воли, здесь нежность сердца достигают одной и той же цели.

Занятия и развлечения, выбор книг для чтения и лиц для общения, искусство распоряжаться временем и силами и другие предметы располагают внимательного воспитателя к тому, чтобы давать своим воспитанникам добрые советы, потому что трудно представить себе такое обстоятельство, при котором ничего не было бы предоставлено личному усмотрению воспитанников и при котором поэтому был бы неуместен совет как форма влияния, нисколько не ограничивающая этого личного усмотрения. Только обязанность давать советы не должна быть смешиваема с охотой давать советы. Быть внимательным не значит быть назойливым, и охота давать советы кстати и некстати часто так же может вредить воспитателю, как при надзоре повредила бы ему склонность подсматривать и подслушивать. Вовсе нет нужды заботиться о том, чтобы дозволенное всегда было заменяемо лучшим и сносное - похвальным.

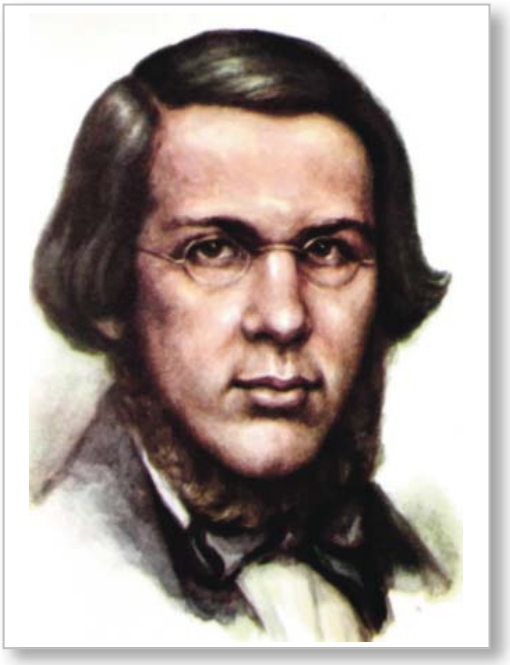
Очень важны те случаи, когда воспитатель не может отказать воспитаннику в совете, потому что сам воспитанник просит у него совета, недоумевая, решиться ли на какое именно действие в будущем. Положение, в каком при этом находится воспитатель, не имеет ничего общего с положениями его, которые были изображаемы доселе. Чрезвычайно опасно быть скорым на советы в этом случае. Воспитанник добровольно вручает часть своей судьбы воспитателю, решаясь последовать его советам.

Не только требуется со стороны воспитателя большая осторожность, не только его совет должен быть вполне обдуманным и благоразумным, нужна еще полная искренность, которая не скрывает недоумений, если они не развеяны при совещании и которая расположена отослать воспитанника за советом или к умным книгам, или к умным людям. Самые добрые и умные люди обыкновенно дают советы так, что при этом они щадят коренное или основное направление самолюбия того лица, к которому относятся их советы. Требуется большая нравственная сила, чтобы, давая совет, быть совершенно правдивым и говорить все по совести.

Юркевич П.Д. Курс общей педагогики. М., 1869. с. 112-127.

Николай Александрович Добролюбов

Николай Александрович Добролюбов (1836 – 1861 гг.) – русский революционер-демократ, критик и публицист – уже в годы обучения в Главном педагогическом институте в Петербурге сблизился с Н.Г. Чернышевским и стал активным сотрудником журнала «Современник». Среди работ Н.А. Добролюбова, посвященных вопросам философии, науки, литературы, было немало статей, в которых рассматривались проблемы образования и воспитания. Эти статьи публиковались в «Современнике», а также в «Журнале для воспитания». Впервые в истории школы и педагогической мысли Н.А. Добролюбов с такой глубиной и убедительностью показал вред авторитарного воспитания.



Николай Александрович Добролюбов

Мое призвание к педагогическому званию

Рано овладела мной благородная решимость посвятить себя на служение отечеству моему. Долго странные мечты волновали неопытный ум, но, наконец, остановился я на звании педагога. Размышляя об этом звании, я почувствовал в себе и способность, и желание, и терпение - все, что нужно для этого трудного дела... Я мог учиться, - это решили мои наставники и мои успехи в школе. Но я со временем могу учить, - это чувствую я сам в себе. Я способен передавать свои познания, потому что не обделен даром слова, потому что имею сердце, которое нередко само ищет высказаться, а что же больше требуется от педагога, который хочет быть полезным в своем небольшом кружке? У многих не станет терпения на этом трудном поприще, но о себе, по крайней мере, в настоящую минуту, - я могу сказать, что меня не остановит это препятствие. Неутомимо и твердо, с непременною решимостью, с любовью и с чистым желанием добра своим слушателям, хотел бы я проходить свое служение, - и совершенно уверен, что ревность моя не может остаться совершенно напрасною...

Одно смущает меня: я слаб, молод, неопытен. Как могу я передавать новые истины новому поколению, когда я сам только еще вступаю в жизнь, только еще жажду просвещения? Но для того-то и прихожу я в это святилище науки, чтобы в

нем приготовить себя к совершенному прохождению своей должности; чтобы здесь в продолжение нескольких лет приучить себя к мысли быть наставником юношества - мне, юноше.

Не знаю, как примет меня избранное мною место воспитания, но я с радостью вступаю в него и в своем будущем желаю только того, чтобы мои будущие слушатели смотрели на меня хоть в половину так хорошо, как я теперь - на всех моих будущих наставников.

Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961. Т. 1. с. 6-7.

О значении авторитета в воспитании
(Мысли по поводу «Вопросов жизни» г. Пирогова)

Младшее поколение необходимо должно быть под влиянием старшего, и от этого проистекает неизмеримая польза для развития и совершенствования человека и человечества. Никто не станет спорить против такой очевидной истины. Мы говорим только о том, - зачем же ставить прошедшее идеалом для будущего, зачем требовать от новых поколений безусловного, слепого подчинения мнениям предшествующих? Для чего уничтожать самостоятельное развитие дитяти, насилуя его природу, убивая в нем веру в себя и заставляя делать только то, чего я хочу, и только так, как я хочу, и только потому, что я хочу?..

А объявляя такое безусловное повиновение, вы именно уничтожаете разумное, правильное, свободное развитие дитяти. Как это вредно действует на все нравственное существо ребенка, ясно можно видеть из бесчисленных опытов, равно как и из теоретических соображений. Рассудите беспристрастно, насколько безусловное повиновение служит здесь к развитию нравственного чувства. Не убивает ли, напротив, такое воспитание и тех добрых, святых начал, которые природны ребенку? Не естественно ли, что при этом он примет исключение за правило, извращенный порядок за естественный? И кто в этом будет виноват? Неужели сам он? А между тем, какое пышное развитие мог бы получить ум, какая энергия убеждений родилась бы в человеке и слилась со всем существом его, если бы его с первых лет приучали думать о том, что делает, если бы каждое дело совершалось ребенком с сознанием его необходимости и справедливости, если бы он привык сам отдавать себе отчет в своих действиях и исполнять то, что другими велено, не из уважения к приказавшей личности, а из убеждения в правде самого дела!.. Правда, тогда многим воспитателям пришлось бы отступиться от своего дела, потому что их воспитанники доказали бы им, что они не умеют приказывать!

Убивая в ребенке смелость и самостоятельность ума, безусловное повиновение вредно действует и на чувство. Сознание своей личности и некоторых прав человеческих начинается в детях весьма рано (если только оно начинается, а не прямо родится с ними). Это сознание необходимо требует удовлетворения, состоящего в возможности следовать своим стремлениям, а не служить бессознательным орудием для каких-то чужих, неведомых целей. Как скоро стремления ребенка удовлетворяются, т.е. дается ему простор думать и действовать самостоятельно (хотя до некоторой степени), ребенок бывает весел, радушен, полон чувств самых симпатичных, выказывает кротость, отсутствие всякой раздражительности, самое милое и разумное послушание в том, справедливость чего он признает. Напротив, когда деятельность ребенка стесняется, стремления его подавляются, не находя ни желаемого удовлетворения, ни даже разумного объяснения, когда вместо сознательной личной жизни дитя, как труп, как автомат, должно быть только послушным орудием чужой воли,

- тогда естественно, что мрачное и тяжелое расположение овладевает душой ребенка, он становится угрюм, вял, безжизнен, выказывает неприязнь к другим, и делается жертвой самых низких чувств и расположений. В отношении к самому воспитателю, до тех пор пока не усвоит себе безусловного достоинства машины, воспитанник бывает очень раздражителен и недоверчив. Да и впоследствии, успевши даже до некоторой степени обезличить себя, он все-таки остается в неприятных отношениях к воспитателю, требующему только безусловного исполнения приказаний, справедливо, хотя и смутным инстинктом постигая в нем притеснителя и врага своей личности, от которой, при всех усилиях, человек никогда не может совершенно отрешиться.

Каково влияние безусловных приказаний на совесть, можно понять из всего, что было до сих пор сказано. Привыкая делать все без рассуждений, без убеждения в истине и добре, а только по приказу, человек становится безразличным к добру и злу и без зазрения совести совершает поступки, противные нравственному чувству, оправдываясь тем, что «так приказано».

Это все следствия, необходимо вытекающие из самой методы абсолютного повиновения. Но вспомните еще, сколько с ней сопряжено других неудобств, являющихся при исполнении. Приказания воспитателя могут быть несправедливы, непоследовательны и, таким образом, будут искажать природную логику ребенка. Если наставников и воспитателей несколько, они могут противоречить друг другу в своих приказаниях, и дитя, обязанное всех их равно слушаться, попадет в темный лабиринт, из которого выйдет не иначе как только совершенно потерявши сознание нравственного долга (если не успеет дойти само до своих правил, и, следовательно, до презрения наставников). Все недостатки воспитателя, нравственные и умственные, легко могут перейти и к воспитаннику, приученному соображать свои действия не с нравственным законом, не с убеждением разума, а только с безусловной волей воспитателя.

Таким образом, отсутствие самостоятельности в суждениях и взглядах, вечное недовольство в глубине души, вялость и нерешительность в действиях, недостаток силы воли, чтобы противиться посторонним влияниям, вообще обезличение, а вследствие этого легкомыслие и подлость, недостаток твердого и ясного сознания своего долга и невозможность внести в жизнь что-либо новое, более совершенное, отличное от прежде установленных порядков, - вот дары, которыми безусловное повиновение при воспитании наделяет человека, отпуская его на жизненную борьбу!..

Но чего вы хотите? - спросят нас. Неужели же можно предоставить ребенку полную волю, ни в чем не останавливая его, во всем уступая его капризам?
Совсем нет. Мы говорим только, что не нужно дрессировать ребенка как собаку, заставляя его выделывать те или другие штуки, по тому или другому знаку воспитателя. Мы хотим, чтобы в воспитании господствовала разумность и чтобы разумность эта ведома была не только учителю, но представлялась ясной и самому ребенку. Мы утверждаем, что все меры воспитателя должны быть предлагаемы в таком виде, чтобы могли быть вполне и ясно оправданы в собственном сознании ребенка. Мы требуем, чтобы воспитатели высказывали более уважения к человеческой природе и старались о развитии, а не о подавлении внутреннего человека в своих воспитанниках, и чтобы воспитание стремилось сделать человека нравственным не по привычке, а по сознанию и убеждению.

«Но это смешная и нелепая претензия, скажут глубокомысленные педагоги, презрительно улыбаясь в ответ на наши доводы. Разве можно от маленького дитяти требовать правильного обсуждения высоких нравственных вопросов, разве можно

убеждать его, когда он не развит настолько, чтобы понимать убеждения? Безумно было бы, посылая мальчика гулять, читать ему целый курс физиологии, чтобы доказать, почему и как полезна прогулка, точно так, как было бы нелепо, задавая таблицу умножения, перебирать все математические действия, в которых она необходима, а отсюда уже вывести пользу ее изучения... Главная задача воспитания состоит в том, чтобы добиться во что бы то ни стало беспрекословного исполнения воспитанником приказаний высших, и если нельзя достигнуть этого посредством убеждения, то надобно добиться посредством страха».

Во всех этих рассуждениях один недостаток - принятие нынешнего status quo [1] за нормальное положение вещей. Я с вами согласен, что дети неразвиты еще до ясного понимания своих обязанностей; но в том-то и состоит ваша обязанность, чтобы развить в них это понимание. Для этого они и воспитываются. А вы вместо того, чтобы внушать им сознательные убеждения, подавляете и те, которые в них сами собой возникают, и стараетесь только сделать их бессознательными, послушными орудиями вашей воли. Уверившись, что дети не понимают вас, вы преспокойно сложили руки, воображая, что вам и делать нечего больше, как сидеть у моря и ждать погоды: авось, дескать, как-нибудь раскроются способности, когда подрастет ребенок, - тогда и потолковать с ним можно будет, а теперь пусть делает себе, что приказано. - В таком случае, на что же вы и поставлены, о, глубоко мудрые педагоги? Зачем же тогда и воспитание?.. Ведь ваш прямой долг - добиться, чтобы вас понимали!.. Вы для ребенка, а не он для вас; вы должны приноравливаться к его природе, к его духовному состоянию, как врач приноравливается к больному, как портной к тому, на кого он шьет платье. «Ребенок еще не развит», - да как же он и разовьется, когда вы нисколько об этом не стараетесь, а еще, напротив, задерживаете его самобытное развитие? По вашей логике, значит, нельзя выучиться незнакомому языку сколько-нибудь разумным образом, потому что, начиная учиться, вы его не понимаете, - а надобно вести дело, заставляя ученика просто повторять и заучивать незнакомые звуки без знания их смысла; после, дескать, когда много слов в памяти будет, так и смысл их как-нибудь, мало-помалу, узнается!.. Во всех этих возражениях едва ли что-нибудь выказывается так ярко, как желание спрятать свою лень и разные корыстные виды под покровом священнейших основ всякого добра. Но, унижая разумные убеждения, заставляя воспитанника действовать бессознательно, можно несравненно скорее подкопать их, нежели всяческим предоставлением самой широкой свободы развитию ребенка... Все эти близорукие суждения о неразвитости детской природы чрезвычайно напоминают тех господ, которые восстают против Гоголя и его последователей за то, что эти писатели просто пересыпают из пустого в порожнее, что они никого не научают и что людей, на которых они нападают, можно пронять только дубиной, а никак не убеждением... Как будто бы дубина может кого-нибудь и чему-нибудь научить! Как будто бы побивши человека, вы через то делаете его нравственно лучшим или можете внушить ему какое-нибудь убеждение, кроме разве убеждения, что вы так или иначе сильнее его!.. Для дрессировки, правда, argumentum baculinum [2] очень недостаточен; таким образом лошадей выезжают, медведей плясать выучивают, и из людей делают ловких специальных фокусников. Но при всей ловкости в своем мастерстве, - ни лошади, ни медведи, ни многие из людей, воспитанные таким образом, ничуть не делаются от того умнее!..

«А как же, говорят еще ученые педагоги: - предохранить дитя от вредных влияний, окружающих его? Неужели позволить ему доходить до сознания их вредности собственным опытом? Таким образом, ни один ребенок не остался бы цел.

Испытавши, например, что такое яд, или что значит свалиться в окошко из четвертого этажа, дитя наверное не останется очень благодарным тому педагогу, который, по особенному уважению человеческой природы, принялся бы в критическую минуту за убеждения, а не решился бы просто отнять яд или оттащить ребенка от окошка...» Оставляя в стороне всю шутовскую нелепую сторону этого возражения, по которому, например, подчиненный не может спасти утопающего начальника (потому, что он от него не может требовать безусловного повиновения, а без этого спасение невозможно), заметим одно. Дети потому-то часто и падают из окон и берут мышьяк вместо сахару, - что система безусловного повиновения заставляет их только слушаться и слушаться, не давая им настоящего понятия о вещах, не пробуждая в них никаких разумных убеждений.

Да и хоть бы справедливы были жалобы на неразумность детей! А то и они оказываются чистейшей клеветой, придуманной для своих видов досужим воображением неискусных педагогов. Прежде всего можно заметить, что не воспитание дает нам разумность, так же как, например, не логика выучивает мыслить, не грамматика - говорить, не пиитика - быть поэтом и т.п. Воспитание, точно так, как все теоретические науки, имеющие предметом внутренний мир человека, имеет своей задачей только возбуждение и прояснение в сознании того, что уже давно живет в душе, только живет жизнью непосредственной, бессознательно и безотчетно. Придайте разумность обезьяне, с вашей системой безусловного повиновения, и тогда целый мир с благоговением преклонится перед этой системой и будет по ней воспитывать детей своих. Но вы этого не можете сделать, и потому должны смиренно признать права разумности в самой природе ребенка и не пренебрегать ею, а благоразумно пользоваться теми выгодами, какие она вам представляет.

А разумности в детях гораздо больше, нежели предполагают. Они очень умны и проницательны, хотя обыкновенно и не умеют определительно и отчетливо сообразить и высказать свои понятия. Логика ребенка весьма ясно выражается в самое первое время его жизни, и лучшим доказательством тому служит язык. Можно положительно сказать, что трех или четырехлетнее дитя не слыхало и половины тех слов, которые употребляет; оно само составляет и производит их по образцу слышанных, и производит почти всегда правильно. То же самое нужно заметить о формах: ребенок, не имеющий понятия о грамматике, скажет вам совершенно правильно все падежи, времена, наклонения и пр. незнакомого ему слова ничуть не хуже, как вы сами сделаете это, изучая уже в совершенном возрасте какой-нибудь иностранный язык. Из этого следует, что, по крайней мере, способность к наведению и аналогии, уменье классифицировать весьма рано развивается в ребенке.

То же самое нужно сказать и о понимании связи между причинами и следствиями. Ожегши один палец на свечке, ребенок в другой раз уже не схватит свечи рукой; видя, что зимой бывает снег, а летом - нет, ребенок при таянии снега весной догадывается, что лето приближается, и пр. и пр. Всякое дитя ласкается к тому, кто его ласкает, и удаляется от того, в ком встречает грубое обращение, и т.п.

Мало этого: дети очень рано умеют составлять понятия. Узнавши, что такое дом, книга, стол и пр., ребенок безошибочно узнает все другие дома, книги, столы, хотя бы вновь увиденные им и не походили на те, которые он видел прежде. Это значит, что у него в голове уже составилось понятие, а для составления понятия, как известно, нужно уметь сделать и суждение, и умозаключение...

Много вредит понятливости детей и неестественный порядок, принятый у

нас вообще в обучении. Познания могут быть приобретаемы только аналитическим путем; сама наука развивалась таким образом; а между тем, даже в самом первоначальном обучении начинают у нас с синтеза! Порядок совершенно извращенный, от которого происходят в занятиях неясность, запутанность, безжизненность. Каждая наука начинается, например, введением, в котором говорится о сущности, важности, пользе, разделении науки и т.п. Спрашиваю вас, как же вы хотите, чтобы мальчик понял все это прежде, чем он изучит самую науку? - История разделяется на древнюю, среднюю и новую: каждая часть делится на следующие периоды, и пр. На чем держится это деление, к чему оно примкнет в голове мальчика, который об истории понятия не имеет? География есть наука, показывающая, и т.д.; она состоит из трех частей: математической, физической и политической. Первая говорит о том-то, вторая о том-то, и пр. Можно ли ожидать, чтобы, начиная с этого географию, ребенок мог разумно усвоить себе что-нибудь?

А между тем, посмотрите, сколько любознательности, сколько жадного стремления к исследованию истины выказывают дети. Инстинкт истины говорит в них чрезвычайно сильно, может быть, даже сильнее, нежели во взрослых людях. Они не интересуются призраками, которые создали себе люди и которым придают чрезвычайную важность. Они не занимаются геральдикой, не пускаются в филологические или метафизические тонкости, не стремятся к чинам и почестям (разумеется, если им не натолковали об этом чуть не со дня рождения). Зато, как охотно они обращаются к природе, с какой радостью изучают все действительное, а не призрачное, как их занимает всякое живое явление. Они не любят отвлеченностей, и в этом их спасение от насильственно вторгающихся в их душу умствований, которых доказать и объяснить часто не может даже тот, кто хлопочет о вкоренении их в душе воспитанников. Да, счастливы еще дети, что природа не вдруг теряет над ними свои права, не тотчас оставляет их на жертву извращенных, пристрастных, односторонних людских теорий!..

«Но, скажут, в детях сильно влечение ко злу; необходимо деятельно противиться злым от природы наклонностям ребенка». Не разбирая подробно этого мнения, позволим себе ответить на него словами г. Пирогова, которому, конечно, вполне можно поверить, когда дело идет о свойствах человеческой природы. Вот его слова: «Добро и зло довольно уравновешены в нас. Поэтому нет никакой причины думать, чтобы наши врожденные склонности, даже и мало развитые воспитанием, влекли нас более к худому, нежели к хорошему. А законы хорошо устроенного общества, вселяя в нас доверенность к правосудию и зоркости правителей, могли бы устранить и последнее влечение ко злу».

Если в детях нельзя видеть идеала нравственного совершенства, то, по крайней мере, нельзя не согласиться, что они несравненно нравственнее взрослых. Они не лгут (пока их не доведут до этого страхом), они стыдятся всего дурного, они хранят в себе святые чувства любви к людям, свободной от всяких житейских предрассудков. Они сближаются со сверстником, не спрашивая, богат ли он, ровен ли им по происхождению; у них замечена даже особенная наклонность - сближаться с обиженными судьбой, со слугами и т.п. И чувства их всегда выражаются на деле, а не остаются только на языке, как у взрослых; ребенок никогда не съест данного ему яблока без своего брата или сестры, которых он любит; он всегда принесет из гостей гостинцы своей любимой нянюшке; он заплачет, видя слезы матери, из жалости к ней. Вообще, мнение, будто бы в детях преобладающее чувство - животный эгоизм - решительно лишено основания. Если в них не заметно сильного развития любви к

отечеству и человечеству, это, конечно, потому, что круг их понятий еще не расширился до того, чтобы вмещать в себе целое человечество. Они этого не знают, а чего не знаешь, того и не любишь.

Нет, не напрасно дети поставлены в пример нам даже тем, перед кем с благоговением преклоняются народы, чье учение столько веков оглашает вселенную. Да, мы должны учиться, смотря на детей, должны сами переродиться, сделаться как дети, чтобы достигнуть ведения истинного добра и правды. Если уж мы хотим обратить внимание на воспитание, то надо начать с того, чтобы перестать презирать природу детей и считать их неспособными к восприятию убеждений разума. Напротив, надо пользоваться теми внутренними сокровищами, которые представляет нам натура дитяти. Многие из этих природных богатств нам еще совершенно неизвестны, многое, по слову Евангелия, утаено от премудрых и разумных и открыто младенцам!..

Эта апология прав детской природы против педагогического произвола, останавливающего естественное развитие, имела целью указать на один из важнейших недостатков нашего воспитания.

Добролюбов Н.А. Собр. соч.: В 9 т. М.; Л., 1961-1965. Т. 1. с. 493-514

Примечания:

1 Состояние (лат.).
2 Буквально - «палочное доказательство» (лат.).

Константин Дмитриевич Ушинский

Константин Дмитриевич Ушинский (1824 – 1870 гг.) – великий русский педагог. После окончания юридического факультета Московского университета готовился к научной деятельности и читал лекции в Ярославском Демидовском юридическом лицее, но вскоре был заподозрен в политической неблагонадежности и вынужден был оставить лицей. В 1854 г. К.Д. Ушинский вступил в должность преподавателя русской словесности в Гатчинском сиротском институте, а через год стал инспектором того же института. Здесь (а позднее и в Смольном институте благородных девиц) он коренным образом перестроил учебно-воспитательную работу на основе передовых для того времени педагогических принципов и методов обучения.

В 1860 г. К.Д. Ушинский был назначен редактором «Журнала Министерства народного просвещения», однако уже в следующем году его отстранили от руководства журналом.

Имя К.Д. Ушинского занимает особое место в истории мировой педагогической мысли. Разносто-

ронне и высокообразованный педагог, К.Д. Ушинский построил педагогическую систему на основе достижений современной ему науки.

К.Д. Ушинский - один из создателей общественной педагогики, ставившей целью воспитание человека - гражданина, тесными узами связанного с трудящимися массами, с народной культурой.

К.Д. Ушинский является одним из основоположников отечественной педагогики и народной школы. Его трудами была создана стройная педагогическая система, а теоретические положения ее реализованы в учебных книгах, по которым учились многие поколения русского народа.

В педагогической системе К.Д. Ушинского значительное место занимали учение о содержании школьного обучения, проблемы соотношения науки и учебного предмета. К.Д. Ушинский глубоко раскрыл педагогическое значение принципа наглядности, его роль в развитии умственных сил ребенка. Дидактика и методика К.Д. Ушинского были направлены против зубрежки и схоластики, пассивности детей в обучении. Он предложил новый, более широкий учебный план для народной школы, центральное место в котором отводилось родному языку.

Огромный вклад внес К.Д. Ушинский в разработку педагогических проблем физического, трудового, нравственного, патриотического и эстетического воспитания.

Многое в педагогическом наследии К.Д.Ушинского не утратило своего значения для современной школы.

О пользе педагогической литературы

Крайняя бедность нашей педагогической литературы, сравнительно с практической педагогической деятельностью нашего отечества, не может не броситься в глаза человеку, обратившему свое внимание на этот предмет. С одной стороны - более пяти тысяч учебных заведений, до двадцати тысяч преподавателей, несколько университетов, из которых старейший уже отпраздновал свое столетие, огромный педагогический институт. С другой стороны - две-три слабые попытки педагогических курсов, мало кому известные, ни одного сколько-нибудь замечательного педагогического сочинения, не только оригинального, но даже переводного, десятка два педагогических статей, из которых бо□льшая часть принадлежит к числу речей, сказанных ex officio, ни одного педагогического журнала. Нельзя не сознаться, что эта несоразмерность педагогической практики и педагогической теории весьма значительна.

Спор между теорией и практикой - спор очень старый, который, наконец, умолкает в настоящее время, сознавая свою неосновательность. Война между практиками и теоретиками, между поборниками опыта и поборниками идеи приближается к миру, главнейшие условия которого уже обозначились. Пустая, ни на чем не основанная теория оказывается такой же никуда негодной вещью, как факт или опыт, из которого нельзя вывести никакой мысли, которому не предшествует и за которым не следует идея. Теория не может отказаться от действительности, факт не может отказаться от мысли. Но, увы, спор этот, еще не совсем умолкший и в науке, часто слышится в жизни, и в особенности в деле воспитания. Часто педагог-теоретик, принимаясь за свое сочинение, прежде всего отвлекает свою мысль от бессмысленной пестроты жизненных явлений, старается возвыситься до абстрактных начал воспитания, определяет сначала цель человеческой жизни, взвешивает средства к достижению этой цели и начинает чертить путь воспитания, забывая, что главный вопрос о цели

человеческой жизни, на решении которого основана вся его теория воспитания, разрешается в действительности с бесконечным разнообразием. Педагог-практик смеется над своим зафилософствовавшимся товарищем, чувствует всю неприложимость его стройной теории, берет в одну руку учебник своего предмета, в другую ферулу (линейка, которой в старину били по ладоням провинившихся школьников. - Ред.) - и дело идет у него как по маслу: ученики учатся прилежно, переходят из класса в класс, вступают в жизнь, и как будто никогда и ничему не учились. Они выполнили необходимую комедию детства и юности и принимаются за новые роли, не имеющие никакого отношения к старым, воспоминание о которых только мешает жить и чем скорее исчезнет, тем лучше.

Но это две крайности. Средину между ними занимают все педагоги, теоретики и практики. Нет такого педагога-практика, который бы не имел своей, хотя крошечной, хотя туманной, теории воспитания, и нет такого смелого теоретика, который бы по временам не оглядывался на факты. Но если можно не доверять кабинетной теории воспитания, то еще более причин не давать никакого важного и общего значения одиночной опытности практика. Неужели дело воспитания так легко, что стоит только принять на себя звание воспитателя, чтобы постигнуть это дело во всей его полноте? Неужели достаточно только нескольких лет воспитательной деятельности и единичной наблюдательности, чтобы разрешить все вопросы воспитания? Самые закоренелые педагоги-рутинеры беспрестанно толкуют о трудности своего искусства и отвергают теорию именно на том основании, что она слишком легко дается кабинетным мудрецам. Конечно, ни один практик-педагог не отвергает возможности большего или меньшего совершенства в своем деле, конечно, ни один из них не признает равенства искусства воспитания во всех своих собратиях. Напротив, каждый из них так гордится своей опытностью, высчитывая по пальцам года своей воспитательной деятельности. На чем же основывается такое неравенство, или, другими словами, что такое педагогическая опытность? Большее или меньшее количество фактов воспитания, пережитых воспитателем. Но, конечно, если эти факты остаются только фактами, то они не дают опытности. Они должны произвести впечатление на ум воспитателя, классифицироваться в нем по своим характеристическим особенностям, обобщиться, сделаться мыслью, и уже эта мысль, а не самый факт сделается правилом воспитательной деятельности педагога. Деятельность человека как человека всегда проистекает из источника сознательной воли, из разума; но в области разума факт сам по себе есть ничто, и важна только идеальная сторона факта, мысль, из него вытекающая и им подкрепляемая. Связь фактов в их идеальной форме, идеальная сторона практики и будет теория в таком практическом деле, каково воспитание. Воевать против такой теории не значит ли то же, что воевать против мысли вообще; но педагог во всяком случае есть поборник мысли, и если он признает годность одного факта и личного опыта, то к чему все его ученье? Не противоречит ли он сам себе, отвергая теорию для себя и беспрестанно толкуя ее детям? Если теория ни к чему не годится в жизни, то чему служит передаваемая им наука? Какое значение имеет его собственное звание?

Воспитательная деятельность, без сомнения, принадлежит к области разумной и сознательной деятельности человека; само понятие воспитания есть создание истории; в природе его нет. Кроме того, эта деятельность направлена исключительно на развитие сознания в человеке: каким же образом может она отказаться от мысли, от сознания истины, от обдуманности плана?

Но что же предлагает нам педагогическая литература, если не собрание опытов сознанных и обдуманных, если не результаты мышления, направленного на дело вос-

питания? Какой воспитатель, будь он самый закоренелый рутинер, отвергнет совет педагога, более его опытного, или откажется подать благоразумный совет только что начинающему собрату? Практика, факт - дело единичное, и если в воспитании признавать дельность одной практики, то даже и такая передача советов невозможна. Передается мысль, выведенная из опыта, но не сам опыт.

Но, может быть, какой-нибудь педагог-практик будет отвергать полезность теоретического изучения науки воспитания, основываясь на достаточности его результатов, достигаемых без помощи теории. Такому педагогу-практику мы можем сказать только, что он величайший утопист и мало наблюдал над явлениями, представляемыми общественной и частной жизнью. Нужно с намерением закрыть глаза, чтобы не видеть, какое ничтожное влияние оказывает воспитание на нравственность общества, как мало оно возвышает дух над телом и выдвигает вперед духовные потребности, когда воспитание направлено дурно, т.е. когда духовная сторона людей, подвергавшихся в молодости воспитательному процессу, не была развита как следует. Жажда денег, неверие в добро, отсутствие нравственных правил, презрение к мысли, любовь к окольным тропинкам, равнодушие к общественному благу, снисходительность к нарушению законов чести... - вот враги воспитания, с которыми оно призвано бороться.

Сравните число истинно развитых, нравственно и умственно развитых людей с числом лиц, получающих систематическое воспитание, загляните в училища и сравните число начинающих курс с числом тех, которые оканчивают его, и вы увидите, как много еще остается сделать воспитанию!

Но не требуем ли мы слишком многого от воспитания, сваливая на него ответственность в общественной нравственности и в степени умственного развития общества? Но делаем же мы те же самые требования медицине, ограничиваемые возможностью, но тем не менее действительные? К чему же и воспитание, если оно не будет действовать на нравственное и умственное развитие человека? Зачем зубрить историю Аристидов, Сократов, Катонов, если только от природного благородства или неблагородства натуры нашей будет зависеть исполнение или неисполнение нашего общественного долга? К чему учить историю, словесность, все множество наук, если это ученье не заставит нас полюбить идею и истину больше, чем деньги, карты и вино, и ставить духовные наслаждения выше телесных, духовные достоинства выше случайных преимуществ? Неужели только для того, чтобы исполнить необходимую процедуру молодости, просидеть известные годы на школьной скамейке и получить аттестат в благополучном окончании курса? Но, в таком случае, зачем вся эта трата времени для приобретения временных познаний, требуемых только на экзамене и ни к чему не годных в жизни? Тогда нужно передавать только технические сведения, учить читать, писать, считать, мерить и более ничего. Кто же согласится ограничить воспитание одной техникой?

Но не слишком ли мы многого, однако ж, требуем от педагога, по преимуществу человека практического, желая, чтобы он был в то же время и психологом? Но разве на деле не всякий педагог - и без того психолог? Он изучает своего воспитанника, его способности, наклонности, достоинства и недостатки, подмечает развитие ума, руководит им, хочет давать направление воле, упражнять рассудок, раскрывать разум, борется с леностью, с упорством, искореняет дурные природные наклонности, формирует вкус, внушает любовь к истине - словом, ежеминутно вращается в области психологических явлений... или заставляет зубрить учеников от точки до точки и наказывает тех, кто не выучил урока или шумит в классе. Что-нибудь одно из трех: или психология такая легкая наука, что всякий практик-педагог

знает ее без всякого подготовления; или педагог есть машина для задачи и спрашивания урока и наказания тех, кто попадается ему под руку (потому что само определение проступка требует уже знания психологии); или, наконец, педагог должен много учиться понимать душу в ее явлениях и много думать о цели, предмете и средствах воспитательного искусства, прежде чем сделаться практиком. Знаю, что привычка смотреть на воспитание как на дело, доступное каждому, заставит многих подумать, взглянувши на громадность требований, что дело шло и без этого. Шло, без сомнения, но как? Пусть каждый педагог-практик, пишущий речь для торжественного акта или объявление о своем пансионе, подумает, как относятся его фразы о воспитании к самому делу! Неужели же воспитание должно оставаться при фразах и довольствоваться блестящим ходом публичных испытаний?

Конечно, не всякий педагог-практик должен быть ученым и глубоким психологом, двигать науку вперед и способствовать созданию, испытанию на деле и исправлению психологической системы; эта обязанность лежит вообще на педагогах, потому что это единственный класс людей, для практической деятельности которых изучение духовной стороны человека является так же необходимым, как для медика изучение телесной. Но от каждого педагога-практика можно и должно требовать, чтобы он добросовестно и сознательно выполнял долг свой и, взявшись за воспитание духовной стороны человека, употреблял все зависящие от него средства, чтобы познакомиться сколько возможно ближе с предметом деятельности всей своей жизни. Этим мы не хотим сказать, чтобы педагогика не занималась также и воспитанием тела; но в современной педагогике это воспитание играет сравнительно весьма незначительную роль.

Педагогическая литература представляет для этого могущественнейшее средство. Она знакомит нас с психологическими наблюдениями множества умных и опытных педагогов и, главное, направляет нашу собственную мысль на такие предмет, которые легко могли бы ускользнуть от нашего внимания.

В организме общественного воспитания всякому назначено свое дело; но самый важный член в этом организме, без сомнения, преподаватель и ближайший воспитатель, если обе эти должности не соединены вместе, как, например, в большей части английских воспитательных заведений. Как бы ни были подробны и точны инструкции преподавания и воспитания, они никогда не могут заменить собой недостатка убеждений в преподавателе. Воспитатель (преподавание есть только одно из средств воспитания), поставленный лицом к лицу с воспитанниками, в самом себе заключает всю возможность успехов воспитания. Главнейшая дорога человеческого воспитания есть убеждение, а на убеждение можно действовать только убеждением. Всякая программа преподавания, всякая метода воспитания, как бы хороша она ни была, не перешедшая в убеждение воспитателя, останется мертвой буквой, не имеющей никакой силы в действительности. Самый бдительный контроль в этом деле не поможет. Воспитатель никогда не может быть слепым исполнителем инструкции: не согретая теплотой его личного убеждения, она не будет иметь никакой силы. Нет сомнения, что многое зависит от общего распорядка в заведении, но главнейшее всегда будет зависеть от личности непосредственного воспитателя, стоящего лицом к лицу с воспитанником: влияние личности воспитателя на молодую душу составляет ту воспитательную силу, которой нельзя заменить ни учебниками, ни моральными сентенциями, ни системой наказаний и поощрений. Многое, конечно, значит дух заведения; но этот дух живет не в стенах, не на бумаге, но в характере большинства воспитателей и оттуда уже переходит в характер воспитанников.

Но если личность воспитателя значит все в деле воспитания, то каким же образом можно действовать на личность иначе, как не путем свободного убеждения - путем педагогического воспитания и путем педагогической литературы?

Педагогическая литература одна только может оживить воспитательную деятельность, придать ей тот смысл и ту занимательность, без которых она скоро делается машинальным препровождением времени, назначенного на уроки. Она одна только может возбудить в обществе внимание к делу воспитания и дать в нем воспитателям то место, которое они должны занимать по важности возлагаемых на них обязанностей. Педагогическая литература установляет в обществе, с одной стороны, правильные требования в отношении воспитания, а с другой - открывает средства для удовлетворения этих требований.

Педагогическая литература, живая, современная и обширная, вырывает воспитателя из его замкнутой, усыпительной сферы, вводит его в благородный круг мыслителей, посвятивших всю свою жизнь делу воспитания. Воспитатель, стоящий в уровень с современным ходом воспитания, чувствует себя живым, деятельным членом великого организма, борющегося с невежеством и пороками человечества, посредником между всем, что было благородного и высокого в прошедшей истории людей, и поколением новым, хранителем святых заветов людей, боровшихся за истину и за благо. Он чувствует себя живым звеном между прошедшим и будущим, могучим ратоборцем истины и добра, и сознает, что его дело, скромное по наружности, - одно из величайших дел истории, что на этом деле зиждутся царства и им живут целые поколения. Он видит, что вопросы относительно его деятельности, рождающиеся в его мыслях, на которые пустая и суетная толпа, исчезающая без следа со всем своим треском и фейерверочным огнем, обращает мало внимания, занимают зато тысячи благороднейших умов, постигших глубоко всю важность воспитания.

С другой стороны, при существовании педагогической литературы всякий воспитатель имеет возможность не ограничиваться тесным кругом своей плодовитой деятельности. Его опыт, мысль, которую он выработал в своей практике, новый вопрос, родившийся в его голове, - все это не остается в пределах его школы или, что еще хуже, не умрет в нем самом, но, появившись на литературном поприще, облетит все концы России, заглянет во все захолустья, где только есть школа, и вызовет сочувствие или спор в сотне его товарищей, дела которых коснется мысль его прямо; она может вызвать горячее сочувствие, приобресть защитников и перейти в деятельность не в тесных пределах одного класса или одной школы, но в обширных пределах общественного образования целого государства. Но не для одних воспитателей необходима педагогическая литература: она необходима также и для родителей.

Какие разнообразные и иногда какие странные требования делаются родителями воспитанию! Эти требования часто противоречат всякому здравому понятию о цели воспитания. Всякий, конечно, желает своим детям всего лучшего; но это лучшее так разнообразно, а иногда оно бывает такого рода, что воспитание для удовлетворения этому требованию должно сделаться бессовестным шарлатанством, спекулирующим на нравственности и будущей судьбе детей. Понятие воспитанного человека - весьма широкое понятие. Иногда хорошо воспитанным человеком зовут того, кто умеет хорошо повязать галстук, держать себя по моде, болтать на иностранных языках, поддерживать разговор в гостиной, нравиться дамам и проч. и проч.; иногда того, кто умеет поклониться, где следует, поднять нос, где можно, задать тон, не пропускать того, что плывет в руки, и проч. и проч. В отношении воспитания женщин понятия бывают еще страннее: воспитанная девушка должна уметь пустить пыль в

глаза, пробежать небрежно трудную арию, соединять наивность с холодным рассудком, под ласковой улыбкой скрывать самые неласковые движения души, и главная цель ее воспитания - поймать выгодного жениха. Скажите, как назвать тех воспитателей, которые решаются удовлетворять таким требованиям? Называйте как угодно, только, ради Бога, не воспитателями.

Но что же выходит потом? Всегда ли родители остаются довольны исполнением своих требований? О нет! Холодность и низость сердца, созданные без прямого намерения для других, прежде всего обращаются на семейные отношения. Зло дикости и эгоизма появляется из-за полировки, а между тем те самые лица, по заказу которых оно сделано, сами не знают, откуда оно взялось.

Отдавая детей на руки воспитателю или помещая их в учебное заведение, родители, конечно, не избавляются этим от священной обязанности наблюдать за воспитанием. Но для этого родители должны иметь здравые и ясные понятия о том, чего они могут требовать, с одной стороны, от воспитателя или учебного заведения, а с другой - от своих детей. Наблюдения над одними отметками, переходами из класса в класс и экзаменационными аттестациями весьма недостаточно. Кто из воспитателей общественных заведений не знает, как часто родители воспитанников объясняют себе совершенно неправильно факты заведения, касающиеся их детей: то наказывают их за то, за что вовсе не следует наказывать, то поощряют их сами к тем поступкам, против которых борется заведение, то внушают им такой образ мыслей, который совершенно противоречит истинно нравственному воспитанию, - и после сами же удивляются, почему воспитание их детей идет дурно или приносит такие плоды, вкус которых им кажется горек. Родители выбирают род воспитания для своих детей, выбирают воспитателя или заведение, назначают дорогу в жизни. Для всего этого должно иметь ясные и здравые понятия о признаках различных наклонностей в детях, знать требования и цель различных родов воспитания и ученья, уметь выбрать и оценить воспитателя, знать воспитательные заведения, их курсы, требования, их цели, уметь оценивать их достоинства и недостатки. Все это далеко не такие легкие вещи, какими кажутся с первого взгляда.

Только тогда, когда родители будут ценить воспитателя по достоинству и по важности его дела, можно надеяться иметь хороших домашних воспитателей и избавиться от множества иностранных шарлатанов, которым многие родители легкомысленно поручают нравственность своих детей. Но чтобы оценить, что такое хороший наставник и хороший воспитатель, для этого должно знать, что такое воспитание, его требования и его трудности, что необходимо также и потому, чтобы не попасться в обман, за который можно заплатить характером и будущностью детей.

Мы не говорим уже о тех случаях, где родители сами являются, вполне или отчасти, воспитателями своих детей. В этих случаях к ним относится все то, что сказано собственно о воспитателях. Но родители всегда являются хотя отчасти воспитателями своих детей и полагают первые семена будущих успехов или неуспехов воспитания.

Понятно без объяснений, как важно для них в этом случае приобретение педагогических познаний.

Всякий прочный успех общества в деле воспитания необходимо опирается на педагогическую литературу. Сфера воспитания так жива и так многосложна, что почти делается невозможным до того рассчитать какую-нибудь воспитательную меру, чтобы она произвела именно то действие, для которого назначена. Всякое новое учреждение, касающееся общественного воспитания, в практическом выполнении непременно вы-

скажет такие свойства, хорошие или дурные, которых невозможно было предвидеть.

Педагогическая литература должна выражать, сохранять и делать для каждого доступными результаты педагогической практики, на основании которых только и возможно дальнейшее развитие общественного воспитания.

Ушинский К.Д. Собр. соч. М., 1948. Т. 2. с. 15, 17-36.

Родное слово

Человек долго вдыхал в себя воздух, прежде чем узнал о его существовании, и долго знал о существовании воздуха, прежде чем открыл его свойства, его состав и его значение в жизни тела. Люди долго пользовались богатствами родного слова, прежде чем обратили внимание на сложность и глубину его организма и оценили его значение в своей духовной жизни. Да оценили ли и теперь вполне? Если судить по ходячим общественным мнениям, по принятым в педагогической практике приемам, устройству учебной части в различных заведениях, то нельзя не сознаться, что до такой оценки еще очень и очень далеко.

Начало человеческого слова вообще и даже начало языка того или другого народа теряется точно так же в прошедшем, как начало и истории человечества и начало всех великих народностей; но как бы там ни было, в нас существует, однако же, твердое убеждение, что язык каждого народа создан самим народом, а не кем-нибудь другим. Приняв это положение за аксиому, мы скоро, однако же, встречаемся с вопросом, невольно поражающим наш ум: неужели все то, что выразилось в языке народа, скрывается в народе? Находя в языке много глубокого философского ума, истинно поэтического чувства, изящного, поразительно верного вкуса, следы труда сильно сосредоточенной мысли, бездну необыкновенной чуткости к тончайшим переливам в явлениях природы, много наблюдательности, много самой строгой логики, много высоких духовных порывов и зачатки идей, до которых с трудом добирается потом великий поэт и глубокомысленный философ, - мы почти отказываемся верить, чтобы все это создала грубая, серая масса народа, по-видимому, столь чуждая и философии, и искусству, и поэзии, не выказывающая ничего изящного в своих вкусах, ничего высокого и художественного в своих стремлениях. Но в ответ на рождающееся в нас сомнение из этой же самой - серой, невежественной, грубой - массы льется чудная народная песнь, из которой почерпают свое вдохновение и поэт, и художник, и музыкант; слышится меткое, глубокое слово, в которое с помощью науки и сильно развитой мысли вдумываются филолог и философ и приходят в изумление от глубины и истины этого слова, несущегося из самых отдаленных, самых диких, невежественных времен. Это явление, более чем какое-нибудь другое, способно образумить нас в нашей личной гордости своим индивидуальным знанием, своим просвещением, своей индивидуальной развитостью, - более, чем всякое другое явление, способно оно напомнить нам, что, кроме отдельных сознательных личностей, отдельных человеческих организмов, существуют еще на земле громадные организмы, к которым человек в отдельности относится так же, как кровяной шарик к целому организму тела. Гордясь своим образованием, мы смотрим часто свысока на простого полудикого человека, взятого из низших и обширнейших слоев народной массы; но если мы действительно образованны, то должны в то же время преклониться с благоговением перед самим народным историческим организмом, непостижимому творчеству которого мы можем

только удивляться, не будучи в состоянии даже подражать, и счастливы, если можем почерпать жизнь и силу для наших собственных созданий из родников духовной жизни, таинственно кроющихся в недрах народных. Да, язык, который дарит нам народ, один уже может показать нам, как бесконечно ниже стоит всякая личность, - как бы она образованна и развита ни была, как бы ни была богато одарена от природы, - перед великим народным организмом.

Как, по каким законам, руководясь какими стремлениями, чьими пользуясь уроками, - подслушивая ли говор ручья или дыхание ветра - творит народ свой язык? Почему язык немца звучит иначе, чем язык славянина? Почему в этих языках столько родного и столько чуждого? Где, в каких отдаленных эпохах, в каких отдаленных странах они сходились и как разошлись? Что повело один язык в одну сторону, а другой в другую, так что родные братья, сойдясь потом, не узнали друг друга? Все эти вопросы составляют бесконечную задачу филологии и истории; но не нужно еще быть большим филологом, а достаточно сколько-нибудь вдуматься в свое родное слово, чтобы убедиться, что язык народа есть цельное, органическое его создание, вырастающее во всех своих народных особенностях из какого-то одного, таинственного, где-то в глубине народного духа запрятанного зерна.

Язык народа - лучший, никогда не увядающий и вечно вновь распускающийся цвет всей его духовной жизни, начинающейся далеко за границами истории. В языке одухотворяется весь народ и вся его родина; в нем претворяется творческой силой народного духа в мысль, в картину и звук небо отчизны, ее воздух, ее физические явления, ее климат, ее поля, горы и долины, ее леса и реки, ее бури и грозы - весь тот глубокий, полный мысли и чувства голос родной природы, который говорит так громко в любви человека к его иногда суровой родине, который высказывается так ясно в родной песне, в родных напевах, в устах народных поэтов. Но в светлых, прозрачных глубинах народного языка отражается не одна природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа. Поколения народа проходят одно за другим, но результаты жизни каждого поколения остаются в языке - в наследие потомкам. В сокровищницу родного слова складывает одно поколение за другим плоды глубоких сердечных движений, плоды исторических событий, верования, воззрения, следы прожитого горя и прожитой радости, словом, весь след своей духовной жизни народ бережно сохраняет в народном слове. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения народа в одно великое, историческое живое целое. Он не только выражает собой жизненность народа, но есть именно самая эта жизнь. Когда исчезает народный язык - народа нет более! Вот почему, например, наши западные братья, вынесшие все возможные насилия от иноплеменников, когда это насилие наконец коснулось языка, поняли, что дело идет теперь уже о жизни или смерти самого народа. Пока жив язык народный в устах народа, до тех пор жив и народ. И нет насилия более невыносимого, как то, которое желает отнять у народа наследство, созданное бесчисленными поколениями его отживших предков. Отнимите у народа все - и он все может воротить; но отнимите язык - и он никогда более уже не создаст его; новую родину даже может создать народ, но языка - никогда: вымер язык в устах народа - вымер и народ. Но если человеческая душа содрогается перед убийством одного недолговечного человека, то что же должна бы чувствовать она, посягая на жизнь многовековой исторической личности народа - этого величайшего из всех созданий Божьих на земле?

Являясь, таким образом, полнейшей и вернейшей летописью всей духовной многовековой жизни народа, язык в то же время является величайшим народным наставником, учившим народ тогда, когда не было еще ни книг, ни школ, и продолжающим учить его до конца народной истории. Усваивая родной язык легко и без труда, каждое новое поколение усваивает в то же время плоды мысли и чувства тысячи предшествовавших ему поколений, давно уже истлевших в родной земле или живших, может быть, не на берегах Рейна и Днепра, а где-нибудь у подошвы Гималая. Все, что видали, все, что испытали, все, что перечувствовали и передумали эти бесчисленные поколения предков, передается легко и без труда ребенку, только что открывшему глаза на мир Божий, и дитя, выучившись родному языку, вступает уже в жизнь с необъятными силами. Не условным звукам только учится ребенок, изучая родной язык, но пьет духовную жизнь и силу из родимой груди родного слова. Оно объясняет ему природу, как не мог бы объяснить ее ни один естествоиспытатель; оно знакомит его с характером окружающих его людей, с обществом, среди которого он живет, с его историей и его стремлениями, как не мог бы познакомить ни один историк; оно вводит его в народные верования, в народную поэзию, как не мог бы ввести ни один эстетик; оно, наконец, дает такие логические понятия и философские воззрения, которых не мог бы сообщить ребенку ни один философ.

Ребенок, развитие которого не было извращено насильственно, по большей части в пять или шесть лет говорит уже очень бойко и правильно на своем родном языке. Но подумайте, сколько нужно знаний, чувств, мыслей, логики и даже философии, чтобы говорить так на каком-нибудь языке, как говорит неглупое дитя лет шести или семи на своем родном? Те очень ошибаются, кто думает, что в этом усвоении ребенком родного языка действует только память: никакой памяти недостало бы для того, чтобы затвердить не только все слова какого-нибудь языка, но даже все возможные сочетания этих слов и все их видоизменения; нет, если бы изучали язык одной памятью, то никогда бы вполне не изучили ни одного языка. Язык, созданный народом, развивает в душе ребенка способность, которая создает в человеке слово и которая отличает человека от животного: развивает дух. Вы замечаете, что ребенок, желая выразить свою мысль, в одном случае употребляет одно выражение, в другом - другое, и невольно удивляетесь чутью, с которым он подметил необычайно тонкое различие между двумя словами, по-видимому, очень сходными. Вы замечаете также, что ребенок, услышав новое для него слово, начинает по большей части склонять его, спрягать и соединять с другими словами совершенно правильно; могло ли бы это быть, если бы ребенок, усваивая родной язык, не усваивал частицы той творческой силы, которая дала народу возможность создать язык? Посмотрите, с каким трудом приобретается иностранцем этот инстинкт чужого языка; да и приобретается ли когда-нибудь вполне? Лет двадцать проживет немец в России и не может приобресть даже тех познаний в языке, которые имеет трехлетнее дитя!

Но этот удивительный педагог - родной язык - не только учит многому, но и учит удивительно легко, по какому-то недосягаемо облегчающему методу. Мы хотим передать ребенку пять, шесть неизвестных ему названий, семь, восемь иностранных слов, два, три новых понятия, несколько сложных событий, и это стоит нам значительного труда и еще больше стоит труда ребенку. Он то заучивает, то опять забывает, и если сообщаемые понятия сколько-нибудь отвлеченны, заключают в себе какую-нибудь логическую или грамматическую тонкость, то дитя решительно не может их усвоить, тогда как на практике, в родном языке, он легко и свободно

пользуется теми же самыми тонкостями, которые мы напрасно усиливаемся ему объяснить. Мы успокаиваем себя обыкновенно фразой, что ребенок говорит на родном языке так себе, бессознательно; но эта фраза ровно ничего не объясняет. Если ребенок употребляет кстати тот или другой грамматический оборот, делает в разговоре тонкое различие между словами и грамматическими формами - это значит, что он сознает их различие, хотя не в той форме и не тем путем, как бы нам хотелось. Усваивая родной язык, ребенок усваивает не одни только слова, их сложения и видоизменения, но бесконечное множество понятий, воззрений на предметы, множество мыслей, чувств, художественных образов, логику и философию языка - и усваивает легко и скоро, в два-три года, столько, что и половины того не может усвоить в двадцать лет прилежного и методического учения. Таков этот великий народный педагог - родное слово!

Но, скажут нам, почему же мы говорим родное? Разве не можно точно так же легко практически выучить дитя иностранному языку и разве это изучение не может принести ему той же пользы, какую приносит изучение родного языка? Языки французский и немецкий также являются результатами многовековой духовной жизни этих народов, как и языки русский, латинский и греческий. Следовательно, если ребенок с детства будет говорить на каком-нибудь иностранном языке, то его душевное развитие от этого ничего не потеряет, а может быть, еще и выиграет. Маленький француз, англичанин, итальянец почерпают точно такое же сокровище, а может быть, и большее, из своих родных языков, как и русский из своего. Все это совершенно справедливо, и если русское дитя, говоря с самого детства по-французски или по-немецки, будет поставлено в ту же самую среду, в какую поставлены маленький француз и немец, то, без сомнения, его духовное развитие будет идти тем же путем, хотя, может быть, и не совсем тем же, как мы это увидим ниже, если примем в расчет не подлежащий сомнению факт наследственности национальных характеров.

Принимая язык за органическое создание народной мысли и чувства, в котором выражаются результаты духовной жизни народа, мы, конечно, поймем, почему в языке каждого народа выражается особенный характер, почему язык является лучшей характеристикой народа. Легкая, щебечущая, острая, смеющаяся, вежливая до дерзости, порхающая, как мотылек, речь француза; тяжелая, туманная, вдумывающаяся сама в себя, рассчитанная речь немца; ясная, сжатая, избегающая всякой неопределенности, прямо идущая к делу, практическая речь британца; певучая, сверкающая, играющая красками, образная речь итальянца; бесконечно льющаяся, волнуемая внутренним вздымающим ее чувством и изредка разрываемая громкими всплесками речь славянина - лучше всех возможных характеристик, лучше самой истории, в которой иногда народ мало принимает участия, знакомят нас с характерами народов, создавших эти языки. Вот почему лучшее и даже единственно верное средство проникнуть в характер народа - усвоить его язык, и чем глубже вошли мы в язык народа, тем глубже вошли в его характер.

Из такой не подлежащей сомнению характерности языков не вправе ли мы вывести заключение, что вовсе не безразлично для духовного развития дитяти, на каком языке оно говорит в детстве? Если мы признаем, что на душу ребенка и на направление ее развития могут иметь влияние окружающая его природа, окружающие его люди и даже картина, висящая на стене в его детской комнате, даже игрушки, которыми он играет, то неужели мы можем отказать во влиянии такому проникну-

тому своеобразным характером явлению, каков язык того или другого народа, этот первый истолкователь и природы, и жизни, и отношений к людям, эта тонкая, обнимающая душу атмосфера, через которую она все видит, понимает и чувствует? Но что же за беда, скажете вы, если этой атмосферой будет не русское, а какое-нибудь иностранное слово? Беды и действительно не было бы никакой, если бы, во-первых, это слово нашло в организме ребенка уже подготовленную для себя родимую почву; если бы, во-вторых, ребенок был совершенно перенесен в среду того народа, сквозь язык которого открылся ему мир Божий, и если бы, в-третьих, ребенку суждено было жить и действовать среди того народа, язык которого заменил ему язык родины; словом, если бы маленькому русскому предстояло во всех отношениях быть французом, немцем или англичанином. Но в том-то и беда, что первое из этих условий вовсе не выполнимо; второе может быть выполнено тогда, когда русское дитя станут воспитывать за границей, а третье - только тогда, когда родители решаются переменить для своего ребенка отчизну. Нужно ли говорить о наследственности национального характера в организме ребенка? Если мы видим, что детям передаются от родителей такие крупные черты физиономии, каков, например, цвет глаз, форма носа, губ, волосы, стан, походка, мимика, то, конечно, должны предполагать, что еще вернее передаются от родителей к детям более тонкие и потому более глубокие характерные отличия; потому что, чем глубже, чем скрытнее причина особенной характерности человека, тем вернее передается она потомственно. От слепых родителей родятся зрячие дети; отец, потерявший руку или ногу, никогда не передаст этого недостатка детям; а между тем болезни, причины которых так глубоко скрыты в нервном организме, что их решительно не может отыскать медик, каковы, например, чахотка, падучая болезнь, наследственное помешательство и т.п., по большей части переходят от родителей к детям и иногда, миновав одно поколение, отражается в следующем. Ничто так верно не передается наследственно, как мимика, а она есть только проявление скрытых, внутренних отличий, недоступных никакому микроскопу, и часто изменяется под влиянием образа мысли и действий. Таким образом, мы можем принять за неоспоримый факт, который, впрочем, слишком резко выражается, чтобы его можно было оспаривать, что национальная особенность характера вернее прочих особенностей передается от родителей к детям. Эта же наследственная основа характера, как мы уже старались доказать в другой статье, служит самой прочной основой для всего, что составит со временем полный характер человека. То, что соответствует нашим врожденным наклонностям, мы принимаем легко и усваиваем прочно; то, что противоречит этим основам или чуждо им, мы принимаем с трудом, удерживаем слабо и разве только после продолжительных усилий можем переработать в свой природный характер. Из этого уже ясно само собой, что если язык, на котором начинает говорить дитя, противоречит врожденному национальному его характеру, то этот язык никогда не окажет такого сильного влияния на его духовное развитие, какое оказал бы родной ему язык, никогда не проникнет так глубоко в его дух и тело, никогда не пустит таких глубоких, здоровых корней, обещающих богатое, обильное развитие.

Но этого мало. Язык народа, как мы видели выше, являясь полнейшим отражением родины и духовной жизни народа, является в то же время для ребенка лучшим истолкователем окружающей его природы и жизни.

Но мы надеемся, что из всего прочитанного никто не выведет, чтобы мы вооружались вообще против изучения иностранных языков; напротив, мы находим это изучение необходимым в воспитании людей образованного класса, и в особенности

у нас в России. Мы скажем более: знание иностранных европейских языков, и в особенности современных, одно может дать русскому человеку возможность полного, самостоятельного и неодностороннего развития, а без этого прямой и широкий путь науки будет для него всегда закрыт. Обрывочность, неясность, неполнота, односторонность, бездоказательность сведений и понятий будут всегда тяготеть над самым умным человеком, если он не обладает ключом к богатствам западной науки и литературы. Мы не только не вооружаемся против языкознания, но находим, что оно далеко не достигло той степени развития в наших учебных заведениях, на которой должно бы стоять, и не только в гимназиях, семинариях и корпусах, но даже в тех училищах и институтах, из которых молодые люди выходят с весьма удовлетворительным практическим обладанием одного и даже двух иностранных языков. Мы находим, кроме того, что изучение английского языка должно занять место наравне с изучением немецкого и французского во всех учебных заведениях, имеющих претензии на какую-нибудь полноту образования. Но мы утверждаем только:

1. Главной целью изучения каждого иностранного языка должно быть знакомство с литературой, потом умственная гимнастика и, наконец, уже, если возможно, практическое обладание изучаемым языком, тогда как теперь дело идет у нас совершенно наоборот.

2. Изучение иностранных языков не должно никогда начинаться слишком рано и никак не прежде того, пока будет заметно, что родной язык пустил глубокие корни в духовную природу дитяти. Постановить какой-нибудь общий срок в этом отношении нельзя. С иным ребенком можно начинать изучение иностранного языка в 7 и 8 лет (никогда ранее), с другим - в 10 и 12; с детьми, обладающими крайне слабой восприимчивостью, лучше не начинать никогда: иностранный язык только подавит окончательно и без того слабые их способности. Но не лучше ли, чтобы человек на своем родном языке выражал сколько-нибудь порядочные мысли, чем на трех выражал свою крайнюю глупость? Мы знаем, что французский язык частью помогает скрывать глупость человека, позволяя ему щеголять чужим умом, острыми и ловкими фразами, и что, принудив такого господина говорить по-русски, можно только вполне оценить, как он глуп; но подобного рода воспитательные цели не принадлежат педагогике.

3. Иностранные языки должно изучать один за другим, а никогда двух одновременно, что выходит уже само собой из того понятия о языке, которое мы старались развить в начале статьи.

К изучению второго иностранного языка должно приступить уже тогда, когда в первом дитя приобретает значительную свободу. Страсть к систематичности в уставах побудила у нас ввести в большую часть учебных заведений одновременное и идущее совершенно параллельно изучение двух иностранных языков; но результаты оказываются самые плачевные, и дети, гоняясь разом за двумя зайцами, обыкновенно не догоняют ни одного и выходят из заведения с знанием некоторых грамматических форм и нескольких сот слов в обоих новых языках. Но к чему же служит им это знание? Знание языка тогда только прочно, когда человек по крайней мере начинает на этом языке читать довольно свободно, а иначе оно совершенно бесполезно. Если в настоящее время у каких-нибудь училищ нет средств изучить хорошо два иностранных языка, то не лучше ли ограничиться изучением одного немецкого, употребив

для этого все время, недостаточное для изучения двух языков? Не лучше ли знать один иностранный язык, чем не знать двух? Кажется, истина довольно очевидная; но напрасно в продолжение четырех лет мы старались уяснить ее одному очень важному педагогу, а потому, да извинит нас читатель, что мы решаемся высказывать такие, по-видимому, нехитрые истины.

4. Изучение того или другого иностранного языка должно идти по возможности быстро, потому что в этом изучении ничто так не важно, как беспрестанное упражнение и повторение, предупреждающее забвение.

Назначение, встречающееся очень часто у нас, двух часов в неделю на немецкий и двух на французский язык показывает только совершенное отсутствие педагогических знаний в том, кто делает такое назначение. Не два и даже не четыре, а шесть, семь, восемь уроков в неделю должно быть назначено на первоначальное изучение иностранного языка, если мы хотим этим изучением достичь каких-нибудь положительных результатов, а не отнять бесполезно время у дитяти. При первоначальном изучении всякого иностранного языка есть всегда скучные трудности, которые должен преодолеть ребенок по возможности быстрее. Когда он начнет уже кое-что понимать и читать хотя какие-нибудь легонькие вещи, тогда занятие становится для него приятным; тогда уже не нужно ни много времени, ни много усилий, чтобы поддерживать и развивать в нем далее приобретенное знание, и можно приступить к столь же ревностному изучению второго языка. Так и делается везде за границей, где учением хотят достигнуть определенной цели, а не только выполнить заданную программу. Что же может быть смешнее, бесцельнее, недобросовестнее семилетнего или восьмилетнего изучения французских и немецких спряжений, которыми и до сих пор занимаются во многих наших учебных заведениях?

5. Чем ревностнее занимаются с детьми изучением иностранного языка, тем ревностнее должны заниматься с ними в то же время изучением родного; этим только можно парализовать неизбежный вред, происходящий для душевного развития дитяти от усиленных первоначальных занятий иностранным языком. Как только дитя приобретает возможность понимать довольно свободно что-нибудь нетрудное на иностранном языке, то немедленно должно воспользоваться этим знанием для изучения родного языка в переводах с иностранного языка на русский, под руководством русского учителя; изучение же родного языка в народной литературе, в народных песнях, в творениях народных писателей, в живой народной речи должно постоянно противодействовать чуждым элементам и претворять их в русский дух.

Но, заметят нам, при таком изучении дети никогда не приобретут того прекрасного, чисто французского выговора, какой приобретают они, изучая чуждый язык как свой родной, даже прежде своего родного. Это неоспоримая истина! И для кого правильное умственное развитие, полнота духовной жизни, развитие мысли, чувства, поэзии в душе, национальность человека, годность его приносить пользу отечеству, нравственность и даже религия детей ничто в сравнении с хорошим парижским выговором, - те напрасно трудились читать нашу статью.

Ушинский К.Д. Собр. соч. М., 1948. Т. 2. с. 554-574.

Труд в его психическом и воспитательном значении

Политико-экономическое значение труда вполне уяснено наукой, и ему давно уже отведено почетное место между природой и капиталом. К этому значению труда, кидающемуся в глаза повсюду, куда только ни поглядишь, мы не можем ничего прибавить. Нам кажется только, что и в экономическом отношении труд должен быть поставлен во главе двух других содеятелей человеческого богатства, природы и капитала, а не рядом с ними. Если природа существует и производит богатства, годные для человека, независимо от труда, то нельзя не видеть, что человек, открывая законы природы и овладевая ее силами, заставляет их делать нечто совершенно новое; капитал же есть не более, как создание труда, не ограничивающегося удовлетворением настоящих потребностей. Но без труда природные богатства и обилие капиталов оказывают гибельное влияние не только на нравственное и умственное развитие людей, но даже и на их состояние.

Природное богатство островов Индийского архипелага оставило человека нагим, диким и бессильным; драгоценности обеих Индий, несмотря на все богатство природных качеств испанца, убили могучие зародыши испанской цивилизации; голландские рыбаки, загнанные на пустынную отмель, отняли себе землю у морских волн и положили начало европейским капиталам.

В настоящее время мы видим еще более разительный пример значения труда в жизни народов. Сравните северные и южные штаты Северной Америки за сто лет тому назад и в настоящее время. Природа, капиталы, образованность населения - все было на стороне южных штатов еще незадолго до войны за независимость; один упорный, даже, можно сказать, страстный труд английских изгнанников составлял преимущество северных колоний. Привоз негров освободил жителя южных штатов и от последней необходимости личного труда - и какие результаты! В крошечном Род-Эйланде сумма образования вдвое более, чем во всех невольничьих штатах, взятых вместе! Самое существование южного плантатора основано на нарушении коренного закона христианства, и всякий новый шаг цивилизации неудержимо приближает его к гибели. Он должен сделаться защитником торга людьми, безнравственности, дикости, невежества, бедности и одолеть в этой нечеловеческой борьбе - или приняться вновь строить свою жизнь. Какое страшное, отвратительное положение! Вот к чему довели жителей Южных штатов их богатая природа, большие, ненажитые личным трудом капиталы и полуобразованность, пренебрегшая трудом.

Но ясно, что в этих примерах отсутствие личного труда действовало не тем, что уменьшало количество производимых ценностей: открой Испания рудники Калифорнии и Австралии, - это только уронило бы ее еще глубже. Американские плантаторы еще богаты, и защитники невольничества еще очень сильны; но образование, нравственность, та жизненная энергия, которая горит в грубом жилище западного фермера, покинула уже навсегда роскошные плантации южных штатов, возделываемые руками негров. Недавно еще рыцарские нравы жителей Виргинии обращали на себя внимание путешественников; теперь они исчезли и заменились замечательной грубостью; соотечественник Вашингтона, вместо слова, подымает палку в сенате, хватается за подкуп или нож там, где нельзя доказать своего права. К таким диким, варварским поступкам приводит южного плантатора необходимость доказать право торговать людьми.

Но еще более резкий пример того, что свободный труд нужен человеку сам по себе, для развития и поддержания в нем чувства человеческого достоинства, пред-

ставляет нам римская история.

Припомните характер римского гражданина в тот период, когда он из-за сохи переходил к занятиям консула и диктатора, и сравните его с характером римского обжоры времен Домициана, когда целый мир присылал в вечный город изысканнейшие произведения самых отдаленных стран и когда всякое занятие считалось предосудительным не только для римского вельможи, но и для оборванца римской черни; когда тысячи рабов не только избавляли римлянина от необходимости что-нибудь делать, но даже что-нибудь думать; а толпы германских наемников снимали с него обязанность самому защищать свое отечество. Нечего говорить уже о нравственном достоинстве римлян в этот период: картины, набросанные Тацитом, даже теперь кажутся невероятными. Рабы, избавивши римлянина от необходимости трудиться, сделали его самого таким добровольным рабом, каких ни после, ни прежде никогда не представляла история. Но этого мало: в который из этих периодов был счастливее римлянин? Тогда ли, когда он сам пахал землю, а жена его ткала ему одежду, или когда он в один обед пожирал годовые доходы азиатских царств, когда он без помощи других даже не ел, не ходил и не думал? Изумительное, непостижимое для нас равнодушие к жизни проглядывает, подобно какому-нибудь адскому страшилищу, в бесчисленных картинах самоубийства, изображаемых Тацитом. Вся жизнь Рима последних веков представляется одной мрачной оргией, в которой столько же несчастья и душевных неизлечимых страданий, сколько разврата, рабства, ненажитого личным трудом богатства и роскоши, не приносящей счастья. Почти можно выставить такую мысль: на сколько Рим был богаче, на столько он был развратнее и несчастнее.

Но не показывает ли нам и современное положение западного общества, что увеличение массы богатства не ведет еще за собой увеличения массы счастья? Не видим ли мы, напротив, на каждом шагу, что влияние богатства прямо действует разрушительно не только на нравственность, но даже и на счастье общества, если это общество своим нравственным и умственным развитием не приготовлено еще выдержать натиска приливающего богатства?

Дурную услугу оказал бы государству тот, кто нашел бы средство отпускать ему ежегодно всю ту сумму денег, которая необходима его гражданам для покупки за границей всего, что нужно для самой роскошной жизни.

Если бы люди открыли философский камень, то беда была бы еще не велика: золото перестало бы быть монетой. Но если бы они нашли сказочный мешок, из которого выскакивает все, чего душа пожелает, или изобрели машину, вполне заменяющую всякий труд человека, словом, разом достигли тех результатов, которых добиваются техники и политико-экономы, то самое развитие человечества остановилось бы: разврат и дикость завладели бы обществом, самое общество распалось бы и не одна политическая экономия (к чему бы она служила тогда?) была бы вычеркнута из списка человеческих знаний; с уничтожением необходимости личного труда сама история должна прекратиться.

Переходя от государств к отдельным сословиям, следя за возникновением и падением их, мы видим то же самое: как только необходимость труда - будет ли то наука, торговля, государственная служба, военная или гражданская - покидает какое-нибудь сословие, так оно и начинает быстро терять силу, нравственность, а, наконец, и самое влияние; начинает быстро вырождаться и уступает свое место другому, в среду которого переходит вместе с трудом и энергия, и нравственность, и счастье.

Примеры частной жизни представляют нам то же самое: кто жил и наблюдал достаточно, чтобы иметь возможность припомнить несколько благосостоянии, соз-

данных и разрушенных на его памяти, тот, вероятно, не раз задумывался над одним странным, периодически повторяющимся явлением. Отец, человек, проложивший сам себе дорогу, трудится, бьется из всех сил, чтобы избавить своих детей от необходимости трудиться, и, наконец, оставляет им обеспеченное состояние. Что же приносит это состояние детям? Оно весьма часто не только бывает причиной безнравственности в детях, не только губит их умственные способности и физические силы, но даже делает их положительно несчастными, так что если сравнить счастье отца, тяжким упорным трудом нажившего состояние, и детей, проживающих его без всякого труда, то мы увидим, что отец был несравненно счастливее детей. А между тем бедняк трудился целую жизнь, чтобы детям его не нужно было трудиться, - бился целую жизнь, чтоб разрушить их нравственность, сократить их существование и сделать для них счастье невозможным! О дельном воспитании он не заботился: к чему оно? - были бы деньги! Пусть де воспитывается тот, у кого их нет. И не подумал он, что труд, а за ним и счастье сами сыщут бедняка; а богач должен еще уметь отыскать их.

Из всех этих примеров мы видим, что труд, исходя от человека на природу, действует обратно на человека не одним удовлетворением его потребностей и расширением их круга, но собственной своей, внутренней, ему одному присущей силой, независимо от тех материальных ценностей, которые он доставляет. Материальные плоды трудов составляют человеческое достояние; но только внутренняя, духовная, животворная сила труда служит источником человеческого достоинства, а вместе с тем и нравственности и счастья. Это животворное влияние имеет только личный труд на того, кто трудится. Материальные плоды трудов можно отнять, наследовать, купить, но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наследовать, ни купить за все золото Калифорнии: она остается у того, кто трудится. Недостаток-то этой незримой ценности, производимой трудом, а не недостаток бархата, шелка, хлеба, машин, вина, погубил Рим, Испанию, губит Южные штаты, вырождает сословия, уничтожает роды и лишает нравственности и счастья многие тысячи людей.

Такое значение труда коренится в его психической основе, но прежде чем выразить психологический закон труда, мы должны еще сказать, что разумеем под словом труд, потому что значение этого слова извратилось услужливыми толкованиями света, облекающего этим серьезным, честным и почетным именем иногда вовсе не светлые, не серьезные, не честные и не почетные действия.

Труд, как мы его понимаем, есть такая свободная и согласная с христианской нравственностью деятельность человека, на которую он решается по безусловной необходимости ее для достижения той или другой истинно человеческой цели в жизни. «Всякое определение опасно», говорили римляне, и мы не признаем нашего неуклюжего определения неуязвимым, но нам хотелось отличить в нем разумный труд взрослого человека, с одной стороны, от работы животных и работы негров из-под палки, а с другой, от забав малых и взрослых детей. Машина и животное работают, работает и негр, боящийся только плети надсмотрщика и не ожидающий для себя никакой пользы из своей работы: несвободный труд не только не возвышает нравственно человека, но низводит его на степень животного. Труд только и может быть свободным, если человек сам принимается за него, по сознанию его необходимости; труд же вынужденный, на пользу другому, разрушает человеческую личность того, кто трудится или, вернее сказать, работает. Не трудится и капиталист, придумывающий только, как бы прожить доход с своего капитала. Купец, надувающий покупателя, чиновник, набивающий карман чужими деньгами, шулер, в поте лица подделывающий карты, -

плутуют. Богач, сбивающийся с ног, чтобы задать бал на удивление, пересечь своего приятеля, стащить соблазняющую его бирюльку, - играет, но не трудится, и его деятельность, как бы она тяжела для него ни была, нельзя назвать трудом, точно так же, как игру детей в куклы, в бирюльки, в солдатики. Скряга, работающий из всех сил, чтобы набить свой сундук блестящими кружочками, - безумствует, но также не трудится. Есть и такие господа, которые, не имея уже решительно никакого дела в жизни, придумывают себе занятие ради душевного и телесного моциона: точат, играют в биллиард или просто бегают по улицам, чтобы доконать пышный завтрак и возвратить аппетит к обеду, но такой труд имеет то же значение, какое имело рвотное за столом римского обжоры: возбуждая обманчивую охоту к новым наслаждениям, оно помогает расстраивать душевный и телесный организм человека. Труд - не игра и не забава: он всегда серьезен и тяжел; только полное сознание необходимости достичь той или другой цели в жизни может заставить человека взять на себя ту тяжесть, которая составляет необходимую принадлежность всякого истинного труда.

Труд истинный и непременно свободный, потому что другого труда нет и быть не может, имеет такое значение для жизни человека, что без него она теряет всю свою цену и все свое достоинство. Он составляет необходимое условие не только для развития человека, но даже и для поддержки в нем той степени достоинства, которой он уже достиг. Без личного труда человек не может идти вперед; не может оставаться на одном месте, но должен идти назад. Тело, сердце и ум человека требуют труда, и это требование так настоятельно, что если, почему бы то ни было, у человека не окажется своего личного труда в жизни, тогда он теряет настоящую дорогу и перед ним открываются две другие, обе одинаково гибельные: дорога неутолимого недовольства жизнью, мрачной апатии и бездонной скуки, или дорога добровольного, незаметного самоуничтожения, по которой человек быстро спускается до детских прихотей или скотских наслаждений. На той и на другой дороге смерть овладевает человеком заживо потому, что труд - личный, свободный труд - и есть жизнь.

Что физический труд необходим для развития и поддержания в теле человека физических сил, здоровья и физических способностей, этого доказывать нет надобности. Но необходимость умственного труда для развития сил и здорового, нормального состояния человеческого тела не всеми сознается ясно. Многие, напротив, думают, что умственный труд вредно действует на организм, что совершенно несправедливо. Конечно, чрезмерный умственный труд вреден, но и чрезмерный физический труд также разрушительно действует на организм. Однако же можно доказать множеством примеров, что бездействие душевных способностей и при физическом труде оказывает вредное влияние на тело человека. Это неоднократно было замечено на тех фабриках, на которых работники являются дополнениями машины, так что занятие их не требует почти никакого усилия мысли. Да это и не может быть иначе, потому что телесный организм человека приспособлен не только для телесной, но и для духовной жизни. Всякий же умственный труд, наоборот, приводя в действие нервную систему, действует благотворно на обращение крови и на пищеварение. Люди, привыкшие к трудовой кабинетной жизни, чувствуют возбуждение аппетита скорее после умеренного умственного труда, чем после прогулки. Конечно, умственный труд не может развить мускулов, но деятельность и особенная живость нервной системы заменяют этот недостаток. И если умственная деятельность не избавляет совершенно от необходимости движения, что значительно уменьшает эту необходимость. Человек без умственных занятий гораздо сильнее чувствует вред сидячей жизни. Это в особенности заметно на тех ремесленниках, ремесла которых, не требуя значительных

физических усилий, требуют сидячей жизни и весьма мало умственной деятельности. Смотря на бледные, восковые лица портных, невольно желаешь всеобщего введения швейной машины.

Сильное развитие нервной системы умственным трудом дает необыкновенную живучесть телу человека. Между учеными в особенности встречается много людей, доживающих до глубокой старости, и люди, привыкшие к умственным трудам, выносят перемену климатов, дурной воздух, недостаток пищи, отсутствие движения не хуже, а часто и лучше людей, у которых сильно развиты мускулы, но слабо и вяло действуют нервы. Причины этого надобно искать в том важном значении, которое имеет нервная система в жизни остальных систем человеческого организма, и в том участии, которое принимает она во всех его отправлениях.

Конечно, всего полезнее было бы для здоровья человека, если бы физический и умственный труд соединялись в его деятельности, но полное равновесие между ними едва ли необходимо. Человеческая природа так гибка, что способна к величайшему разнообразию образа жизни. Самый сильный перевес труда умственного над физическим, и наоборот, скоро переходит в привычку и не вредит организму человека: только совершенные крайности в этом отношении являются гибельными. Кроме того, при нынешнем состоянии общества трудно представить себе такой образ жизни, в котором бы труд физический и умственный уравновешивались: один из них будет только отдыхом.

Но если для тела необходим личный труд, то для души он еще необходимее. Мы не будем указывать на все последствия, вытекающие из такого психического значения труда, - их бесконечное множество; но припомним только те из них, которые прямо относятся к делу воспитания.

Всякая школа прежде всего должна показать человеку то, что в нем есть самого драгоценного, заставив его познать себя частицей бессмертного и живым органом мирового, духовного развития человечества. Без этого все фактические познания - иди он даже до глубочайших математических или микроскопических исследований, - не только не принесут пользы, но положительный вред самому человеку, хотя, может быть, и сделают его полезной, а иногда и очень вредной машиной в общественном устройстве.

Другое, не менее важное для педагогики последствие, вытекающее из психического значения труда, состоит в том правиле, что воспитание не только должно развить разум человека и дать ему известный объем сведений, но должно зажечь в нем жажду серьезного труда, без которой жизнь его не может быть ни достойной, ни счастливой. Потребность труда, как мы видели уже, врождена человеку, но она удивительно как способна разгораться или тухнуть, смотря по обстоятельствам, и в особенности сообразно тем влияниям, которые окружают человека в детстве и в юности.

Чтобы человек искренно полюбил серьезный труд, прежде всего должно внушить ему серьезный взгляд на жизнь. Трудно представить себе что-нибудь противнее цели истинного воспитания, как тот легкий шутовской оттенок, который придают учению и даже вообще воспитанию некоторые педагоги, желающие позолотить для детей горькую пилюлю науки. Шутовство и без того в последние годы завладело беседами почти всех слоев так называемого образованного общества; и без того серьезный разговор в гостиных и даже в домашних дружеских кружках сделался почти невозможным или, по крайней мере, чем-то странным и неприличным. Люди образованные, или имеющие претензию на образованность, стараются о самых серьезных вещах го-

ворить шутя, и предмет разговора должен быть уже слишком ничтожен, - какой-нибудь новый фасон платья или какое-нибудь событие преферанса, чтобы о нем позволялось говорить в обществе серьезно. Не только серьезный разговор, но даже серьезный взгляд на жизнь считается неприличным, и человек, встречаясь с другим человеком, прежде всего старается надеть на себя шутовскую маску. Светские и полусветские молодые люди, еще не оставившие учебной скамейки, как будто боятся говорить серьезно о том, чему их учат, и, подделываясь под тон людей взрослых, слегка третируют и своих наставников, и предметы своего учения, позволяя себе говорить серьезно только о папиросах или перчатках.

Мы не будем докапываться, откуда проистекает такое требование шутовства в обществе, от долговременного ли отсутствия всяких серьезных интересов в нашей общественной жизни, от влияния ли французского воспитания, вырабатывающего до сих пор корифеев нашего большого света, или даже отчасти и от всеобщего, слишком уже пересоленного юмористического направления литературы, - скажем одно, что такая всесильная мода шутовства не только не способна поддержать общественных отношений, но действует чрезвычайно опустошительно, изгоняя из общества всякое разумное содержание.

Дельное воспитание должно бороться с таким достойным сожаления направлением общества и дать молодым людям положительно серьезный взгляд на жизнь. Учить играя можно только самых маленьких детей до семилетнего возраста, далее наука должна уже принимать серьезный, ей свойственный тон. Мы не говорим о педантизме, о суровости; но даже прежняя педантическая, отталкивающая важность приносила менее вреда, чем завитая, смеющаяся сама над собой модная педагогика. Нынче часто боятся испугать мальчика серьезной миной науки, но еще более должно бояться, чтобы он не научился презирать ее и третировать ее слегка. Смелость придет со временем, но зерно презрения к науке, посеянное в детском сердце, приносит самые гибельные плоды. Не встречаем ли мы на каждом шагу молодых людей, которые еще недавно и учатся, но уже научились презирать учение и, издеваясь над теми наставлениями, которые оно подает, прислушивается только к наставлениям света. Откуда же все это берется? Еще недостаточно, чтобы сам наставник смотрел на свой предмет и говорил о нем серьезно, чтобы он приступал к своему делу с полным сознанием важности его значения; должно еще, чтобы начальники заведений, сами родители и все взрослые люди, окружающие дитя, смотрели с уважением на его детские усилия пройти с помощью наставника гигантскую дорогу, пройденную человечеством. Как яда, как огня, надобно бояться, чтобы к мальчику не забралась идея, что он учится только для того, чтобы как-нибудь надуть своих экзаменаторов и получить чин, что наука есть только билет для входа в общественную жизнь, который следует бросить или позабыть в кармане, когда швейцар пропустил уже вас в залу, где и прошедший без билета или с фальшивым или чужим билетом смотрит с одинаковой самоуверенностью. Но сознайтесь откровенно, читатель, не случалось ли вам встречаться в жизни с такими взглядами на учение?

В учебную и воспитательную пору возраста учение и воспитание должны составлять главный интерес жизни человека, но для этого воспитанник должен быть окружен благоприятной сферой. Если же все, что окружает дитя или молодого человека, тянет его от учения совершенно в противоположную сторону, тогда напрасны будут все усилия наставника внушить ему уважение к учению. Вот почему воспитание так редко удается в тех богатых, великосветских домах, где мальчик, вырвавшись из скучной классной комнаты, спешит готовиться на детский бал или на домашний спек-

такль, где ждут его гораздо более живые интересы, преждевременно завладевшие его юным сердцем: или в кабинете папаши, где идут серьезные толки о новом рысаке и где грамматика или история так же на месте, как лапоть нищего в великолепной гостиной. Жалка участь учителя в таком доме: если и не смеются над ним явно, то, по крайней мере, не уважают, а дети скоро разглядывают это неуважение, хотя оно полузакрывается личиной вежливого обращения, и скоро постигают, что учение и учителя изобретены собственно для детей, а для больших есть кое-что получше. Несравненно успешнее идет воспитание в тех простых домах, где родители смотрят на него, как на свет, которого они, к сожалению, лишены, но который хотят дать своим детям, но таких домов уже немного: почти везде видят в образовании средство для службы или для приискания выгодного жениха, - билет для выхода на общественную сцену.

Но воспитание не только должно внушить воспитаннику уважение и любовь к труду: оно должно еще дать ему и привычку к труду, потому что дельный, серьезный труд всегда тяжел. Для этого есть много средств; мы перечислим из них некоторые.

Преподавание всякого предмета должно непременно идти таким путем, чтобы на долю воспитанника оставалось ровно столько труда, сколько могут одолеть его молодые силы. Леча больного, доктор только помогает природе; точно так же и наставник должен только помогать воспитаннику бороться с трудностями постижения того или другого предмета; не учить, а только помогать учиться. Метода такого вспомогательного преподавания, кроме многих других достоинств, имеет еще главное то, что она, приучая воспитанника к умственному труду, приучает и преодолевать тяжесть такого труда и испытывать те наслаждения, которые им доставляются. Умственный труд едва ли не самый тяжелый труд для человека. Мечтать - легко и приятно, но думать - трудно. Не только в детях, но и во взрослых людях мы чаще всего встречаемся с леностью мысли. Мальчик скорее готов проработать физически целый день или просидеть без мысли над одной и той же страницей несколько часов и вызубрить ее механически, нежели подумать серьезно несколько минут. Мало того, серьезный умственный труд утомляет непривычного человека быстрее, чем самый сильный труд физический. Это явление объясняется физиологическими законами работы нервного организма и восстановления его сил, так дорого обходящихся экономии тела. Но если не нужно надрывать сил человека в умственной работе, то необходимо не давать им засыпать, необходимо приучать их к этой работе. Организм человека должен приучаться к умственному труду понемногу, осторожно, но, действуя таким образом, можно дать ему привычку легко и без всякого вреда для здоровья выносить продолжительный умственный труд. Вместе с этой привычкой трудиться умственно приобретается и любовь к такому труду или, лучше сказать, жажда его. Человек, привыкший трудиться умственно, скучает без такого труда, ищет его и, конечно, находит на каждом шагу.

Самый отдых воспитанника может быть употреблен с большой пользой в этом отношении. Отдых после умственного труда нисколько не состоит в том, чтобы ничего не делать, а в том, чтобы переменить дело: труд физический является не только приятным, но и полезным отдыхом после труда умственного. Польза такого употребления отдыха очень верно понята во многих закрытых заведениях Германии, где воспитанники в свободное от учения время с величайшей охотой занимаются нарочно для того придуманными работами: хозяйственными хлопотами, уборкой классных комнат, обработкой сада или огорода, столярным и токарным мастерством, переплетением книг и т.п. В выборе этих занятий не должно противоречить никаким безвредным наклон-

ностям воспитанника, и тогда самое занятие будет действительным и полезным отдыхом. Конечно, смотря по возрасту, должно быть дано время и для игр; но, чтобы игра была настоящей игрой, для этого должно, чтобы ребенок никогда ей не пресыщался и привык мало-помалу без труда и принуждения покидать ее для работы. Более всего необходимо, чтобы для воспитанника сделалось невозможным то лакейское препровождение времени, когда человек остается без работы в руках, без мысли в голове, потому что в эти именно минуты портится голова, сердце и нравственность. А такое препровождение времени весьма обыкновенно во многих закрытых общественных заведениях, равно как и во многих семействах, где дети и молодые люди, оставя учебные занятия, решительно не знают, что с собой делать, и мало-помалу привыкают убивать время. Эта привычка, приобретенная еще в юности, находит потом себе обильную пищу в обществе, которое обыкновенно дружно и из всех сил хлопочет, как бы доконать время: как будто его дано человеку слишком много!

Но не только за дверьми класса, часто и в самом классе научаются воспитанники убивать время. Учитель толкует новый урок: ученики, зная, что найдут этот урок в книге, стараются только смотреть на учителя и не слышать ни одного слова из того, что он говорит. Толкуя в двадцатый раз одно и то же, учитель, естественно, не может говорить с тем одушевлением, которое симпатически пробуждает внимание слушателей: а между тем он не имеет никакой методы, которая помогла бы ему испытывать и поддерживать это внимание. Он заботится только о том, чтобы большинство его учеников знало предмет, а как придет к ним это знание, для него совершенно все равно. На другой день учитель спрашивает урок одного, двух, трех, а остальные в это время считают себя свободными решительно от всякого дела. Таким образом проводит иной счастливый мальчик большую часть дней целой недели и приобретает гнусную привычку оставаться целые часы, ничего не делая и ничего не думая. Надеяться на самый интерес и занимательное изложение предмета можно только, и то не всегда, в университетах, но в средних и низших учебных заведениях нельзя ожидать, чтобы ученик сам увлекался предметом, но должно иметь методу, которая помогает учителю держать внимание всех своих слушателей постоянно в возбужденном состоянии. Не спорим, что это трудно и для учителя, и для ученика, но лучше сократить время классов на половину. Мы постараемся вскоре изложить некоторые приемы такой методы возбуждения классного внимания, но здесь скажем только, что ни один наставник не должен забывать, что его главнейшая обязанность состоит в приучении воспитанников к умственному труду и что эта обязанность более важна, нежели передача самого предмета.

Таким образом, воспитание должно неусыпно заботиться, чтобы, с одной стороны, открыть воспитаннику возможность найти себе полезный труд в мире, а с другой - внушить ему неутомимую жажду труда. Чем обеспеченнее будущее состояние воспитанника, тем менее предвидится для него насущных необходимостей, вызывающих поневоле на труд, тем более должен расширяться перед ним горизонт мира, в котором для всякого, кто понимает назначение жизни человека и научился сочувствовать интересам человечества, найдется довольно почтенного и полезного труда. Чем богаче человек, тем выше, тем духовнее, тем более философское должно быть его образование, чтобы он умел сыскать себе достойный труд по сердцу. Бедняка труд и сам найдет: довольно, если он будет готов его выполнить.

Возможность труда и любовь к нему - лучшее наследство, которое может оставить своим детям и бедный и богач. Труд, конечно, бремя, но бремя, без которого возможное соединение человеческого достоинства и счастья невозможно, - бремя, ко-

торое должен нести человек, если хочет прийти к тому невозмутимому спокойствию, к которому призываются только трудящиеся и обремененные.

Ушинский К.Д. Педагогические сочинения: в 6 т.
М., 1988. Т. 2. с. 8-26.

О необходимости сделать русские школы русскими

Самое резкое, наиболее бросающееся в глаза отличие западного воспитания от нашего состоит вовсе не в преимущественном изучении классических языков на Западе, как нас иные стараются уверить, а в том, что человек западный, не только образованный, но даже полуобразованный, всегда, всего более и всего ближе знаком со своим отечеством: с родным ему языком, литературой, историей, географией, статистикой, политическими отношениями, финансовым положением и т.д., а русский человек всего менее знаком именно с тем, что всего к нему ближе: со своей родиной и всем, что к ней относится. Возьмите, например, любого маленького швейцарца; несмотря на всю трудность французской орфографии и на сравнительно плохое устройство французско-швейцарских школ, он пишет на родном языке безукоризненно правильно и говорит с замечательной ясностью и отчетливостью; разговоритесь с ним о Швейцарии, и он изумит вас твердым и чрезвычайно подробным знанием своей родины, небольшой, правда, но необыкновенно богатой фактами всякого рода, он не только отлично знает ее города и местечки, ее реки и ручейки, ее горы и пригорки, фауну и флору, но даже знает все замечательные развалины и связанные с ними легенды, даже все сколько-нибудь замечательные фабрики и заводы с их историей и статистикой. То же самое заметите вы и у маленьких немцев, англичан, а еще более у американцев. Даже француз, поражающий вас полнейшим невежеством относительно всего, что лежит за пределами его «прекрасной Франции», выкажет вам замечательные познания во многом, что относится до его отечества. Только русский, да и не маленький, а большой человек, изумляя иностранца своим безукоризненным выговором на иностранных языках, в то же время часто говорит плохо на своем отечественном, и почти всегда пишет с грубыми ошибками, знает подробно историю французской революции и в то же время глубокомысленно задумается над тем, в каком столетии жил Иоанн Грозный; наверное, помнит, что Мадрид при реке Мансанаресе, но весьма часто не знает, при какой реке стоит Самара, а уж что касается до какой-нибудь реки (Черемшана, например), то и говорить нечего, если только ему самому не приходилось купаться в ней.

Мы говорим не о тех русских, которые имели несчастье получить воспитание за границей, - о них и говорить не стоит; нет, мы говорим о тех русских, которые увидели свет и получили свое первое воспитание в какой-нибудь Гнилоперовке, учились потом в самой наирусской из гимназий, кончили курс, пожалуй, даже в университете, принимали потом участие в администрации или литературе, были учителями, подчас даже профессорами...

Мы помним рассказ покойного Т.Н. Грановского, как один из наших профессоров почувствовал себя неловко, когда, посетив знаменитого Риттера, подвергся целому граду вопросов о России, ее дорогах, каналах, племенах и т.п.; «просто, говорит, не знал, куда деваться; врать было совестно, да и перед Риттером небезопасно; сказать откровенно, не знаю - тоже, потому что вопросы были так просты и естественны».

Факт нашего относительного невежества во всем, что касается России, без сомнения, поражал каждого, кто ездил за границу не за тем только, чтоб отведать канкальских устриц на месте их рождения или пообедать «в позолоченном доме»; печальный факт этот был не раз высказываем и в печати; но отчего же он до сих пор не обратил на себя должного внимания? Почему, упоминаемый не раз, он всегда замирал без ответа и в наших школах, и в нашей литературе? Почему, например, газеты, которые принимали так близко к сердцу все, что касается русского воспитания по отделу классических языков, не нашли в том же патриотическом сердце уголка для вопроса об изучении

России в русских школах и даже, сколько нам помнится, вооружались против слишком долговременного занятия в них русским языком, русской литературой и русской географией? Почему до сих пор не принято никаких общих и решительных мер для удаления этого печального факта, какие приняты, например, для удаления незнания латинской грамматики? Почему, например, Русское географическое общество, сделавшее так много по географии вообще и русской особенно, не сделало ровно ничего для распространения сведений по географии России в массе русского юношества? Почему также Академия наук - или, по крайней мере, «русское» ее отделение - не сделали ничего для облегчения русскому человеку изучения русской грамоты и русской литературы? Или это дело ниже назначения этих обществ? Отчего в наших школьных уставах, подвергавшихся и подвергающихся беспрестанным переделкам, нет и намека на преимущественное, усиленное изучение родины? Почему до сих пор русский мальчик начинает свое знакомство с историей не Рюриком, а Набопаласаром, а знакомство с географией не Киевом или Москвой, а каким-нибудь Сиднеем или Вандименовой землей? Отчего русская география, география полусвета, изучается вся в какие-нибудь 40 или 50 часов, отмеренные ей на самой середине гимназического курса, в одном IV классе, так что мальчик потом, до самого выхода из университета, не слышит о ней ни одного слова и весьма удобно может позабыть, куда впадает Волга? Отчего в наставники по русской географии у нас до сих пор определяются люди, сохранившие из нее в своей памяти только то, что можно сохранить, не слышавши восемь лет о ней ни слова и изучив ее в 40 часов, да еще по учебнику Кузнецова? Отчего самые дурные наши учебники, исполненные страшных промахов, - учебники по русскому языку и по русской географии? Отчего наши дети садятся за изучение латинских, немецких и французских склонений и спряжений, прежде чем узнают русские?.. Конца не было бы этим отчего и почему, если б мы захотели перечислить все обиды, нанесенные нами же русскому элементу в нашем образовании... Еще недавно мы старались во всем подражать иностранцам; теперь другая мода. Но, право, нам не мешало бы занять, вместо всех прочих, одну черту из западного образования - черту уважения к своему отечеству; а мы ее-то, именно ее, единственно годную для заимствования во всей полноте, и пропустили. Не мешало бы нам занять ее не за тем, чтоб быть иностранцами, а лишь за тем, чтоб не быть ими посреди своей родины.

В последнее время мы довольно часто обвиняли иностранцев в том, что они плохо знают Россию, и действительно, они знают ее очень плохо; но хорошо ли мы сами ее знаем? Нам кажется, что произошло бы прелюбопытное зрелище, если б произвести экзамен из знаний, касающихся России, многим нашим администраторам, профессорам, литераторам, всем, окончившим курс в наших университетах, лицеях, гимназиях, и если б ставить отметки с той же строгостью, с какой ставятся за границей ученикам первоначальной школы по сведениям, касающимся их родины; на-

верно, можно полагать, что полных баллов было бы очень немного, а единицы запестрели бы бесконечными рядами, как пестреют они теперь в списках латинских учителей наших гимназий.

Мы положительно убеждены, что плохое состояние наших финансов, частый неуспех наших больших промышленных предприятий, неудачи многих наших административных мер, перевозка тяжестей гужом, рядом с железными дорогами, наши непроходимые проезжие пути, наши лопающиеся акции, пребывание громадных дел в руках безграмотных невежд и пребывание ученых техников без всякого дела, нелепые фантазии нашей молодежи и не менее нелепые страхи, которыми так ловко пользуются люди, ловящие рыбу в мутной воде, - все эти болезни, съедающие нас, гораздо более зависят от незнания нами нашего отечества, чем от незнания древних языков. Мы убеждены, что все эти болезни и многие другие сильно поуменьшились бы, если б в России вообще поднялся уровень знаний о России, если б мы добились хоть того, чтоб наш юноша, оканчивая курс учения, знал о полусветной России столько же положительных фактов, сколько знает о своей маленькой Швейцарии десятилетний швейцарец, оканчивающий курс первоначальной школы.

Скудость наших сведений о России зависит от многих причин; но, конечно, прежде всего от того, что мы ее не изучаем или изучаем плохо, и об этой только причине нам кажется не лишним сказать несколько слов ввиду имеющего учредиться нового педагогического заведения — «Историко-филологического института».

Ушинский К.Д. Собр. соч. М., 1948. Т. 3. с. 306-310.

Николай Иванович Ильминский

Николай Иванович Ильминский

Николай Иванович Ильминский (1822 — 1891 гг.) — русский ученый-филолог, этнограф и педагог, сын священника. Окончил Казанскую духовную академию (1846 г.). Позднее Н.И. Ильминский стал ее профессором, а также профессором Казанского университета. Н.И. Ильминский — просветитель нерусских народностей Поволжья, Приуралья, Юго-Восточной России. Основу созданной им системы образования составляли христианское вероучение, гражданственность, принципы первоначального обучения на родном языке. Руководимая им Казанская инородческая семинария готовила учителей для миссионерских школ.

Об образовании инородцев

Все инородцы, населяющие восточную часть Европейской России и всю Сибирь необъятную, - финны, татары, монголы и т.д. - относятся к одному этнографическому семейству, которого древняя вера была шаманство, и доселе существующее в захолустьях Сибири.

С тех пор как открыты народные школы в некоторых селах, дети инородцев поступали в них и обучались грамоте по русским книгам. Сначала сельские школы плохо зарекомендовали себя в глазах народа. Первый выпуск был определен начальством на писарские в сельских и волостных управах должности; полуграмотные мальчишки пустились брать взятки и пить вино и дерзко обращались со стариками и даже своими родителями. Простодушные крестьяне приписали это зло школьному воспитанию и деньгами и хитростями старались избавить своих детей от поступления в школу; а кто поступал в школу, того считали погибшим, потерянным. Писари из инородческих мальчиков, вышедших из сельских школ, своей заносчивостью и глупыми поступками превзошли своих русских товарищей по грамоте. Это, впрочем, было явление временное. Впоследствии многие примеры доказали, что и такое необширное сельское образование имеет сильное влияние на образ мыслей.

Отсюда следует, что грамотность и образование в народных школах могут иметь добрые последствия лично для учащихся. Но, с другой стороны, учась наравне с русскими крестьянскими мальчиками исключительно по русским книгам, инородец хотя и получает общее православное направление, но многого не понимает или понимает неправильно, и главное - не может приобретенных им сведений облечь в живую форму своего языка и убедительно предложить их в своей семье. Такое образование без всякого перехода резко отрывает получивших его от понятий инородческой массы и ставит их к ней враждебно. Грамотные в большинстве народа почти без следа должны исчезать, как единицы в тысячах.

Образование инородческим детям должно преподавать в таком виде, чтобы и ими легче оно усваивалось, и удобнее могло переходить в массу неграмотного народа. А для этого самое лучшее средство - образовательные книги, полезные и назидательные для простого народа, изложить на собственном языке инородцев. Кроме того что ученики без особенного труда поймут и усвоят их содержание, их родственники, прислушиваясь к читаемым книгам, сами увидят, что в этих книгах нет ничего дурного, вооружающего против родителей и своего крестьянского состояния. И чтоб эти книги как можно яснее и легче понимались инородцами, нужно изложить их на чистом разговорном языке, не только в отдельных словах и грамматическом сочинении и расположении слов, но и в логической постановке мыслей, по возможности приближенной к простонародному складу.

Как бы ни были просты и неразвиты понятия и верования инородцев, но они составляют всю сущность их мышления и основу их нравственности; они не сознательны, но глубоки и любимы, как наследие отдаленнейшей старины. Простой человек мыслит и чувствует цельно, в одном органически последовательном направлении, и дорожит своими какие ни на есть религиозными убеждениями, потому что он живет ими. Станем ли мы смотреть на инородцев свысока и попирать их понятия как глупость? Чтобы преподаваемые истины глубоко укоренились в сознании простолюдина, надобно войти в его миросозер-

цание, принять его понятия за данное и развивать их.

Мышление народа и все миросозерцание выражаются в его родном языке. Таким образом, и с гуманной точки зрения учебные и вообще образовательные книги для инородцев должны быть изложены и преподаны на их родном языке в подлинном, чистом его виде.

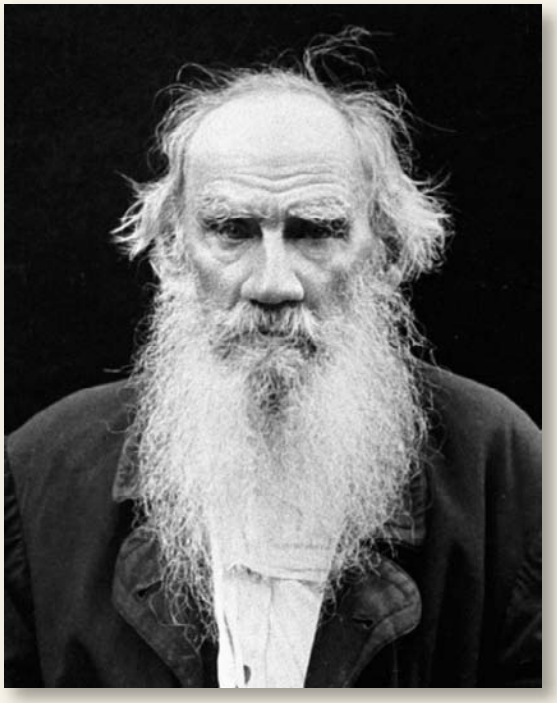
Какая задача народной школы

Чтобы определить значение названия «народная», противопоставим народной школе школы: земледельческую, ремесленную, живописную и т.п. Они должны выпустить хороших земледельцев, ремесленников, живописцев и т.д. Те школы приготовляют каждое свое сословие специалистов; а народная школа должна образовывать непосредственно людей, из которых слагается народ. Поэтому она должна выпустить хороших людей.

Что же отсюда следует? Художником, ученым, даже ремесленником не всякий может быть и не всякий должен быть; а хорошим человеком, т.е. нравственным, честным, добрым и религиозным, всякий может быть и всякий обязан быть. Добрая нравственность есть основание, на котором всякая специальность, научная, ремесленная и тому подобная, получает особенную прочность и цену. Пусть сначала образуется хороший человек, а потом на этом основании будет хороший специалист. Отсюда следует, что народная школа общеобязательна для каждого человека.

Ильминский Н.И. Избранные места из педагогических сочинений. Казань, 1892. с. 5-9.

Государь Александр Николаевич с императрицею в крестьянской сельской школе. Гравюра. 1870-е гг.



Лев Николаевич Толстой

Лев Николаевич Толстой

Великий русский писатель Лев Николаевич Толстой (1828 – 1910 гг.) был вместе с тем и выдающимся педагогом, борцом против существовавшей в то время системы школьного обучения, подавлявшей личность ребенка. Педагогической деятельностью Л.Н. Толстой начал заниматься в 60-е гг. Он открыл в Ясной Поляне школу, издавал педагогический журнал «Ясная Поляна». В 70-е гг. им были созданы «Азбука», «Новая азбука», «Русские книги для чтения». В течение всей своей жизни Л.Н. Толстой писал для детей и принимал участие в издании детских книг.

Л.Н. Толстой обогатил дидактику наблюдениями и выводами, относящимися к процессу сознательного и творческого усвоения знаний, основанному на интересе. Он детально разрабатывал методику рассказа и беседы с учащимися. Толстой подверг уничтожающей критике школу и воспитание в современных ему буржуазных странах за ничтожно малый объем научных знаний, за преклонение перед денежным мешком и духовенством. Он считал, что русская школа не должна копировать образовательные системы Запада, что работа школы станет лишь тогда плодотворной, когда все дело народного образования будет находиться в руках самого народа.

Толстой подчеркивал, что развитие является процессом спонтанного развертывания качеств, заложенных в ребенке от природы, и что задача воспитателя сводится к тому, чтобы осторожно помогать этому развитию. Эти положения затем истолковывались отдельными педагогами в духе теории «свободного воспитания». Теоретики «свободного воспитания» (К.Н. Вентцель, И.И. Горбунов-Посадов) считали Л.Н. Толстого своим предшественником. Однако было бы неправильным на этом основании рассматривать Л.Н. Толстого только как сторонника «свободного воспитания». Педагогические воззрения Л.Н. Толстого не укладываются в рамки теории «свободного воспитания», они гораздо шире и содержательнее.

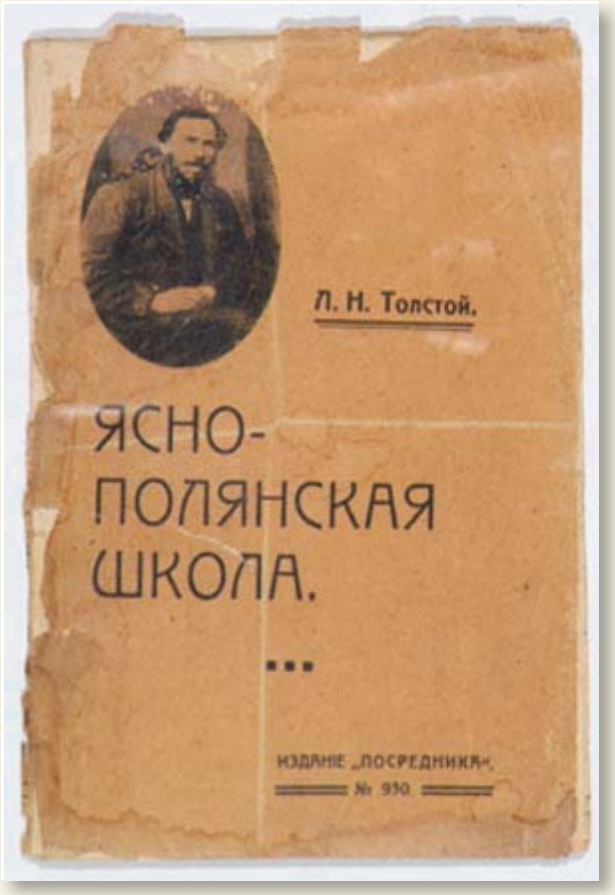
Л.Н. Толстой убедительно показывал бесплодность умозрительных построений педагогов, оторванных от практики воспитания и обучения. «Не философскими откровениями в наше время может подвинуться наука педагогика, - писал он, - но терпеливыми и упорными повсеместными опытами». Как бы откликаясь на призыв К.Д. Ушинского узнать воспитуемого «во всех отношениях», Л.Н. Толстой настойчиво изучал личность ребенка в бесконечно многообразных ее проявлениях и раскрывал эту личность как в художественных произведениях, так и в учебных книгах для школы.

Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы

(Общий очерк характера школы)

Начинающих у нас нет. Младший класс читает, пишет, решает задачи 3 первых правил арифметики и рассказывает священную историю, так что предметы раз-

деляются по расписанию следующим образом:
1) чтение механическое и постепенное; 2) писание; 3) каллиграфия; 4) грамматика; 5) священная история; 6) русская история; 7) рисование; 8) черчение; 9) пение; 10) математика; 11) беседы из естественных наук и 12) закон Божий.



Прежде чем говорить о преподавании, я должен сделать краткий очерк того, что такое Яснополянская школа, и того, в каком периоде роста она находится.

Как всякое живое существо, школа не только с каждым годом, днем и часом видоизменяется, но и подвержена временным кризисам, невзгодам, болезням и дурным настроениям. Через такой болезненный кризис прошла Яснополянская школа нынешним летом. Причин тому было много: во-первых, как и всегда летом, все лучшие ученики выбыли, только изредка уже встречали мы их в поле на работах и пастбищах; во-вторых, новые учителя прибыли в школу, и новые влияния начали отражаться на ней; в-третьих, все лето каждый день приносил новых посетителей - учителей, пользовавшихся летними вакациями. А для правильного хода школы нет ничего вреднее посетителей. Так или иначе учитель подделывается под посетителей.

Учителей четыре. Два старых - уже два года учат в школе, привыкли к ученикам, к своему делу, к свободе и внешней беспорядочности школы. Два учителя новых - оба недавно сами из школы - любители внешней аккуратности, расписания, звонка, программ и т.п., не вжившиеся в жизнь школы так, как первые. То, что для первых кажется разумным, необходимым, не могущим быть иначе, как черты лица любимого, хотя и некрасивого ребенка, росшего на глазах, - для новых учителей представляется иногда исправимым недостатком.

Школа помещается в двухэтажном каменном доме. Две комнаты заняты школой, одна - кабинетом, две - учителями. На крыльце, под навесом, висит колокольчик с привешенной за язычок веревочкой; в сенях внизу стоят бары и рек (гимнастика), наверху в сенях - верстак. Лестница и сени истоптаны снегом или грязью; тут же висит расписание.

Порядок учения следующий: часов в восемь учитель, живущий в школе, любитель внешнего порядка и администратор школы, посылает одного из мальчиков, которые почти всегда ночуют у него, звонить.

На деревне встают с огнем. Уже давно виднеются из школы огни в окнах, и через полчаса после звонка, в тумане, в дожде или в косых лучах осеннего солнца, появляются на буграх (деревня отделена от школы оврагом) темные фигурки по две, по три и поодиночке. Табунное чувство уже давно исчезло в учениках. Уже нет

необходимости ему дожидаться и кричать: «Эй, ребята! В училищу!» Уже он знает, что училище среднего рода, много кое-чего другого знает и, странно, вследствие этого не нуждается в толпе. Пришло ему время, он и идет. Мне с каждым днем кажется, что все самостоятельнее и самостоятельнее делаются личности и резче их характеры. Дорогой почти никогда я не видал, чтобы ученики играли - нешто кто из самых маленьких или из вновь поступивших, начатых в других школах. С собой никто ничего не несет - ни книг, ни тетрадок. Уроков на дом не задают.

Мало того, что в руках ничего не несут, им нечего и в голове нести. Никакого урока, ничего сделанного вчера он не обязан помнить нынче. Его не мучает мысль о предстоящем уроке. Он несет только себя, свою восприимчивую натуру и уверенность в том, что в школе нынче будет весело так же, как вчера. Он не думает о классе до тех пор, пока класс не начался. Никогда никому не делают выговоров за опаздывание, и никогда не опаздывают: нешто старшие, которых отцы другой раз задержат дома какой-нибудь работой. И тогда этот большой рысью, запыхавшись, прибегает в школу. Пока учитель еще не пришел, они собираются, - кто около крыльца, толкаясь со ступенек или катаясь на ногах по ледочку раскатанной дорожки, кто в школьных комнатах. Когда холодно, ожидая учителя, читают, пишут или возятся. Девочки не мешаются с ребятами. Когда ребята затевают что-нибудь с девочками, то никогда не обращаются к одной из них, а всегда ко всем вместе: «Эй, девки, что не катаетесь?», или: «Девки-то, вишь, замерзли!», или: «Ну, девки, выходи все на меня одного!» Только одна из девочек, дворовая, с огромными и всесторонними способностями, лет десяти, начинает выходить из табуна девок. И с этой только ученики обращаются как с равной, как с мальчиком, только с тонким оттенком учтивости, снисходительности и сдержанности.

Положим, по расписанию в первом, младшем, классе - механическое чтение, во втором - постепенное чтение, в третьем - математика. Учитель приходит в комнату, а на полу лежат и пищат ребята, кричащие: «Мала куча!», или: «Задавили, ребята!», или: «Будет! Брось виски-то!» и т.д. «Петр Михайлович!» - кричит снизу кучи голос входящему учителю: «Вели им бросить!» - «Здравствуй, Петр Михайлович!» - кричат другие, продолжая свою возню. Учитель берет книжки, раздает тем, которые с ним пошли к шкафу, из кучи на полу - верхние, лежа, требуют книжку. Куча понемногу уменьшается. Как только большинство взяли книжки, все остальные уже бегут к шкафу и кричат: «Мне, и мне! Дай мне вчерашнюю; а мне кольцовую!» и т.п. Ежели останутся еще какие-нибудь два разгоряченные борьбой, продолжающие валяться на полу, то сидящие с книгами кричат на них: «Что вы тут замешкались? Ничего не слышно. Будет!» Увлеченные покоряются и, запыхавшись, берутся за книги и только в первое время, сидя за книгой, поматывают ногой от неулегшегося волнения. Дух войны улетает, и дух чтения воцаряется в комнате. С тем же увлечением, с каким он драл за виски Митьку, он теперь читает кольцовую (так называется у нас сочинение Кольцова) книгу, чуть не стиснув зубы, блестя глазенками и ничего не видя вокруг себя, кроме своей книги. Оторвать его от чтения столько же нужно усилий, сколько прежде - от борьбы.

Садятся они, где кому вздумается: на лавках, столах, подоконнике, полу и кресле. Девки садятся всегда вместе. Друзья, односельцы, особенно маленькие (между ними больше товарищества), - всегда рядом. Как только один из них решит, что садится в тот угол, все товарищи, толкаясь и ныряя под лавками, пролезают туда же, садятся рядом и, оглядываясь кругом, представляют на лице такой вид счастья и удовлетворенности, как будто они уже наверное на всю остальную жизнь будут счастливы, усевшись на этих местах. Большое кресло, как-то попавшее в ком-

нату, представляет предмет зависти для более самостоятельных личностей - для дворовой девочки и других. Как только один вздумает сесть на кресло, другой уже по его взгляду узнает его намерение, и они сталкиваются, мнутся. Один выжимает другого, и перемявший - разваливается головой гораздо ниже спинки, но читает так же, как и все, весь увлеченный своим делом. Во время класса я никогда не видал, чтобы шептались, щипались, смеялись потихоньку, фыркали в руку и жаловались друг на друга учителю. Когда заученный у пономаря или в уездном училище ученик приходит с такой жалобой, ему говорят: «Что же ты сам не щипешься?»

Два меньшие класса разбираются в одной комнате, старший идет в другую. Учитель приходит и в первый класс, все обступают его у доски, или на лавках ложатся, или садятся на столе вокруг учителя или одного читающего. Ежели это писание, они усаживаются попокойнее, но беспрестанно встают, чтобы смотреть тетрадки друг у друга и показывают свои учителю. По расписанию до обеда значится четыре урока, а выходит иногда три или два, и иногда совсем другие предметы. Учитель начнет арифметику и перейдет к геометрии, начнет священную историю, а кончит грамматикой. Иногда увлечется учитель и ученики, и вместо одного часа класс продолжается три часа. Бывает, что ученики сами кричат: «Нет, еще - еще!» - и кричат на тех, которым надоело. «Надоело, так и ступай к маленьким», - говорят они презрительно. В класс закона божия, который один только бывает регулярно, потому что законоучитель живет за две версты и бывает два раза в неделю, и в класс рисования все ученики собираются вместе. Перед этими классами оживление, возня, крики и внешний беспорядок бывают самые сильные: кто тащит лавки из одной комнаты в другую, кто дерется, кто домой (на дворню) бежит за хлебом, кто пропекает этот хлеб в печке, кто отнимает что-нибудь у другого, кто делает гимнастику, и опять так же, как и в утренних вознях, гораздо легче оставить их самих успокоиться и сложиться в свой естественный порядок, чем насильно рассадить их. При теперешнем духе школы остановить их физически невозможно. Чем громче кричит учитель - это случалось, - тем громче кричат они: его крик только возбуждает их. Остановишь их или, если удастся, увлечешь их в другую сторону, и это маленькое море начнет колыхаться все реже и реже - и уляжется. Даже большей частью и говорить ничего не нужно. Класс рисования, любимый класс для всех, бывает в полдень, когда уже проголодались, насиделись часа три, а тут еще нужно переносить лавки и столы из одной комнаты в другую, и возня поднимается страшная; но несмотря на то, как только учитель готов, - ученики готовы, и тому, кто задерживает начало класса, достанется от них же самих.

По моему мнению, внешний беспорядок этот полезен и незаменим, как он ни кажется странным и неудобным для учителя. О выгодах этого устройства мне часто придется говорить, о мнимых же неудобствах скажу следующее. Во-первых, беспорядок этот, или свободный порядок, страшен нам только потому, что мы привыкли совсем к другому, в котором сами воспитаны. Во-вторых, в этом, как и во многих подобных случаях, насилие употребляется только вследствие поспешности и недостатка уважения к человеческой природе. Нам кажется, беспорядок растет, делается все больше и больше, и нет ему пределов, кажется, что нет другого средства прекратить его, как употребить силу, - а стоило только немного подождать, и беспорядок (или оживление) самоестественно улегся бы в порядок, гораздо лучший и прочнейший, чем тот, который мы выдумаем. Школьники - люди, хотя и маленькие, но люди, имеющие те же потребности, какие и мы, и теми же путями мыслящие; они все хотят учиться, затем только ходят в школу, и потому им весьма легко будет дойти до заключения, что нужно подчиняться известным условиям для того, чтобы

учиться. Мало того, что они люди, они - общество людей, соединенное одной мыслью. «А где трое соберутся во имя мое, и я между ними!» Подчиняясь законам только естественным, вытекающим из их природы, они возмущаются и ропщут, подчиняясь вашему преждевременному вмешательству, они не верят в законность ваших звонков, расписаний и правил. Сколько раз мне случалось видеть, как ребята подерутся - учитель бросается разнимать их, и разведенные враги косятся друг на друга и даже при грозном учителе не удержатся, чтобы еще больнее, чем прежде, напоследках, не толкнуть один другого; сколько раз я каждый день вижу, как какой-нибудь Кирюшка, стиснув зубы, налетит на Тараску, зацепит его за виски, валит на землю и, кажется, хочет жив не остаться - изуродовать врага, а не пройдет минуты, Тараска уже смеется из-под Кирюшки, один - раз за разом, все легче и легче отплачивает другому, и не пройдет пяти минут, как оба делаются друзьями и идут садиться рядом.

Но, может быть, учителя, не испытавшие такого беспорядка или свободного порядка, подумают, что без учительского вмешательства беспорядок этот может иметь физически вредные последствия: перебьются, переломаются и т.д. В Яснополянской школе с прошлой весны было два только случая ушибов с знаками. Одного мальчика столкнули с крыльца, и он рассек себе ногу до кости (рана зажила в две недели), другому обожгли щеку зажженной резинкой, и он недели две носил болячку. Не больше, как раз в неделю случится, что поплачет кто-нибудь, и то не от боли, а от досады или стыда. Побоев, синяков, шишек, кроме этих двух случаев, мы не можем вспомнить за все лето при 30 и 40 учениках, предоставленных вполне своей воле.

Я убежден, что школа не должна вмешиваться в дело воспитания, подлежащее одному семейству, что школа не должна и не имеет права награждать и наказывать, что лучшая полиция и администрация школы состоит в предоставлении полной свободы ученикам учиться и ведаться между собой, как им хочется. Я убежден в этом, но, несмотря на то, старые привычки воспитательных школ так сильны в нас, что мы в Яснополянской школе нередко отступаем от этого правила.

Продолжаем описание дневного порядка учения. Часа в 2 проголодавшиеся ребята бегут домой. Несмотря на голод, они, однако, еще остаются несколько минут, чтобы узнать, кому какие отметки. Отметки, в настоящее время не дающие никому преимущества, страшно занимают их. «Мне 5 с крестом, а Ольгушке нолю какую здоровую закатили! - А мне четыре!» - кричат они. Отметки служат для них самих оценкой их труда, и недовольство отметками бывает только тогда, когда оценка сделана неверно. Беда, ежели он старался и учитель, просмотрев, поставит ему меньше того, чего он стоит. Он не дает покою учителю и плачет горькими слезами, ежели не добьется изменения. Дурные отметки, но заслуженные, остаются без протеста. Отметки, впрочем, остаются только от старого нашего порядка и сами собой начинают падать.

В первый после обеда урок, после роспуска, собираются точно так же, как утром, и так же дожидаются учителя. Большей частью это бывает урок священной или русской истории, на который собираются все классы. Урок этот начинается обыкновенно еще сумерками. Учитель становится или садится посередине комнаты, а толпа размещается вокруг него амфитеатром: кто на лавках, кто на столах, кто на подоконниках.

Все вечерние уроки, а особенно этот первый, имеют совершенно особенный

от утренних характер спокойствия, мечтательности и поэтичности. Придите в школу сумерками - огня в окнах не видно, почти тихо, только вновь натасканный снег на ступени лестницы, слабый гул и шевеленье за дверью, да какой-нибудь мальчуган, ухватившись за перилы, через две ступени шагающий наверх по лестнице, доказывают, что ученики в школе. Войдите в комнату. Уже почти темно за замерзшими окнами; старшие, лучшие ученики прижаты другими к самому учителю и, задрав головки, смотрят ему прямо в рот. Дворовая самостоятельная девочка с озабоченным лицом сидит всегда на высоком столе, - так и кажется, каждое слово глотает; поплоше, ребята-мелкота, сидят подальше: они слушают внимательно, даже сердито, они держат себя так же, как и большие, но, несмотря на все внимание, мы знаем, что они ничего не расскажут, хотя и многое запомнят. Кто навалился на плечи другому, кто вовсе стоит на столе. Редко кто, втиснувшись в самую середину толпы, за чьей-нибудь спиной, занимается выписыванием ногтем каких-нибудь фигур на этой спине. Редко кто оглянется на вас. Когда идет новый рассказ - все замерли, слушают. Когда повторение - тут и там раздаются самолюбивые голоса, не могущие выдержать, чтобы не подсказать учителю. Впрочем, и старую историю, которую любят, они просят учителя повторить всю своими словами и не позволяют перебивать учителя. «Ну, ты, не терпится? Молчи!» - крикнут на выскочку. Им больно, что перебивают характер и художественность рассказа учителя. Последнее время это была история жизни Христа. Они всякий раз требовали рассказать ее всю. Ежели не всю им рассказывали, то они сами дополняли любимый конец - историю отречения Петра и страдания Спасителя. Кажется, все мертво, не шелохнется, - не заснули ли? Подойдешь в полутьме, взглянешь в лицо какому-нибудь маленькому: он сидит, впившись глазами в учителя, сморщивши лоб от внимания, и десятый раз отталкивает с плеча навалившуюся на него руку товарища. Вы пощекотите его за шею - он даже не улыбнется, согнет головку, как будто отгоняясь от мухи, и опять весь отдается таинственному и поэтическому рассказу: как сама разорвалась церковная завеса, и темно сделалось на земле, - ему и жутко, и хорошо. Но вот учитель кончил рассказывать, и все поднимаются с места и, толпясь к учителю, перекрикивая один другого, стараются пересказать все, что удержано ими. Крик поднимается страшный - учитель насилу может следить за всеми. Те, которым запретили говорить, в уверенности, что они знают, не успокаиваются этим: они приступают к другому учителю, ежели его нет - к товарищу, к постороннему, к истопнику даже, ходят из угла в угол по двое, по трое, прося каждого их послушать. Редко кто рассказывает один. Они сами отбираются группами, равными по силам, и рассказывают, поощряя, поджидая и поправляя один другого. «Ну, давай с тобой», - говорит один другому, но тот, к кому обращаются, знает, что он ему не по силам, и отсылает его к другому. Как только повысказались, успокоились, приносят свечи, и уже другое настроение находит на мальчиков.

По вечерам вообще и в следующих классах меньше возни, криков, больше покорности, доверия учителю. Особенное отвращение заметно от математики и анализа, и охота к пению, к чтению и особенно к рассказам. «Что все математику да писать - рассказывать лучше, об земле, или хоть историю, а мы послушаем», - говорят они. Часов в 8 уже глаза соловеют, начинают позевывать, свечки темнее горят - реже снимают, старшие удерживаются, младшие, худшие, засыпают, облокотившись на стол, под приятные звуки говора учителя. Иногда, когда классы бывают интересны и их было много (иногда бывает до семи больших часов в день), и ребята устали, или перед праздником, когда дома печки приготовлены париться, вдруг, не говоря ни слова, на втором или третьем послеобеденном классе два или три мальчика забегают в комнату и спеша разбирают шапки. «Что вы?» - «Домой!» - «А учиться?

Ведь пение!» - «А ребята говорят: домой!» - отвечает он, ускользает со своей шапкой. - «Да кто говорит?» - «Ребята пошли!» - «Как же, как?» - спрашивает озадаченный учитель, приготовивши свой урок, - «останься!» - Но в комнату вбегает другой мальчик с разгоряченным, озабоченным лицом. - «Что стоишь?» - сердито нападает он на удержанного, который в нерешительности заправляет хлопки в шапку: «ребята уж во-он где, у кузни уж небось». - «Пошли?» - «Пошли». - И оба бегут вон, из-за двери крича: «Прощайте, Иван Иваныч!» - И кто такие эти ребята, которые решили идти домой, как они решили? - Бог их знает. Кто именно решил, вы никак не найдете. Они не совещались, не делали заговора, а так вздумали ребята домой. «Ребята идут!» - и застучали ножонки по ступенькам, кто котом свалился со ступеней, - и, подпрыгивая и бултыхаясь в снег, обегая по узкой дорожке друг друга, с криком побежали домой ребята. Такие случаи повторяются раз и два в неделю. Оно обидно и неприятно для учителя - кто не согласится с этим, но кто не согласится тоже, что вследствие одного такого случая насколько большее значение получают те пять, шесть, а иногда семь уроков в день для каждого класса, которые свободно и охотно выдерживаются каждый день учениками. Только при повторении таких случаев можно быть уверену, что преподавание, хотя и недостаточное и одностороннее, не совсем дурно и не вредно. Ежели бы вопрос был поставлен так: что лучше - чтобы в продолжение года не было ни одного такого случая или чтобы случаи эти повторялись больше чем на половину уроков, - мы бы выбрали последнее. Я, по крайней мере, в Яснополянской школе был рад этим несколько раз в месяц повторявшимся случаям. Несмотря на частые повторения ребятам, что они могут уходить всегда, когда им хочется, - влияние учителя так сильно, что я боялся последнее время, как бы дисциплина классов, расписаний и отметок, незаметно для них, не стеснила их свободы так, чтобы они совсем не покорились хитрости нашей расставленной сети порядка, чтобы не утратили возможности выбора и протеста. Ежели они продолжают ходить охотно, несмотря на предоставленную им свободу, я никак не думаю, чтобы это доказывало особенные качества Яснополянской школы, - я думаю, что в большей части школ то же самое бы повторилось и что желание учиться в детях так сильно, что для удовлетворения этого желания они подчинятся многим трудным условиям и простят много недостатков. Возможность таких убеганий полезна и необходима только как средство застрахования учителя от самых сильных и грубых ошибок и злоупотреблений.

По вечерам бывает пение, постепенное чтение, беседы, физические эксперименты и писание сочинений. Любимые из этих предметов - чтение и опыты. В чтении старшие укладываются на большом столе звездой - головами вместе, ногами врозь - один читает, и все друг другу рассказывают. Младшие по два усаживаются за книжки и, ежели книжечка эта понятлива, читают, как мы читаем, - пристраиваются к свету и облокачиваются попокойнее и, видимо, получают удовольствие. Некоторые, стараясь соединить два удовольствия, садятся против топящейся печки, - греются и читают. В классы опытов пускаются не все - только старшие и лучшие, рассудительнейшие из второго класса. Этот класс, по характеру, который он принял у нас, самый вечерний, самый фантастический, совершенно подходящий к настроению, вызванному чтением сказок. Тут сказочное происходит в действительности - все олицетворяется ими: можжевеловый шарик, отталкиваемый сургучом, отклоняющаяся магнитная иголка, опилки, бегающие по листу бумаги, под которой водят магнитом, представляются им живыми существами. Самые умные, понимающие объяснение этих явлений, мальчики увлекаются и начинают ухать на иголку, на шарик, на опилки: «Вишь ты! куды? Держи! ух! закатывай!» и т.п.

Обыкновенно классы кончают часов в 8, в 9, ежели только столярство не

задержит старших мальчиков дольше, и вся ватага с криком бежит вместе до дворни и оттуда группами, перекрикивающимися друг с другом, начинает расходиться по разным концам деревни. Иногда они затевают скатиться на больших санях, выдвинутых за ворота, под гору к деревне, подвязывают оглобли, валятся на средину и в снежной пыли с визгом скрываются из глаз, кое-где на дороге оставляя черные пятна вывалившихся ребят. Вне училища, несмотря на всю свободу его, на воздухе, между учениками и учителем устанавливаются новые отношения - большей свободы, больше простоты и большего доверия, те самые отношения, которые представляются нам идеалом того, к чему должна стремиться школа.

Я вижу людей честных, добрых, либеральных, членов благотворительных обществ, которые готовы дать и дают одну сотую своего состояния бедным, которые учредили и учреждают школы и которые, прочтя это, скажут: «Нехорошо! - и покачают головой. - Зачем усиленно развивать их? Зачем давать им чувства и понятия, которые враждебно поставят их в своей среде? Зачем выводить их из своего быта?» - скажут они. Я не говорю уже о тех, выдающих себя головою, которые скажут: «Хорошо будет устройство государства; когда все захотят быть мыслителями и художниками, а работать никто не станет!» Эти прямо говорят, что они не любят работать, и потому нужно, чтобы были люди, не то что неспособные для другой деятельности, а рабы, которые бы работали за других. Хорошо ли, дурно ли, должно ли выводить их из их среды и т.д. - кто это знает? И кто может вывести их из своей среды? Точно это какое-нибудь механическое дело. Хорошо ли или дурно подбавлять сахар в муку или перец в пиво? Федька не тяготится своим оборванным кафтанишком, но нравственные вопросы и сомнения мучат Федьку, а вы хотите дать ему три рубля, катехизис и историйку о том, как работа и смирение, которых вы сами терпеть не можете, одни полезны для человека. Три рубля ему не нужны, он их найдет и возьмет, когда они ему понадобятся, а работать научится без вас - так же, как дышать; ему нужно то, до чего довела вас ваша жизнь, ваших десять незабитых работой поколений. Вы имели досуг искать, думать, страдать - дайте же ему то, что вы выстрадали, - ему этого одного и нужно; а вы, как египетский жрец, закрываетесь от него таинственной мантией, зарываете в землю талант, данный вам историей. Не бойтесь: человеку ничто человеческое не вредно. Вы сомневаетесь? Отдайтесь чувству, и оно не обманет вас. Поверьте его природе, и вы убедитесь, что он возьмет только то, что заповедала вам передать ему история, что страданиями выработалось в вас.

Школа - бесплатная, и первые по времени ученики - из деревни Ясной Поляны. Многие из этих учеников вышли из школы, потому что родители их сочли учение нехорошим; многие, выучившись читать и писать, бросили ходить, нанялись на станцию (главный промысел нашей деревни). Из соседних небогатых деревень привозили сначала, но, по неудобству ходить или отдавать на харчи (у нас берут самое дешевое 2 рубля серебром в месяц), скоро взяли назад. Из дальних деревень побогаче мужики польстились бесплатностью и распространившейся молвой в народе, что в Яснополянской школе учат хорошо, отдали было детей, но в нынешнюю зиму, при открывании школ по селам, взяли их назад и поместили в платящих сельских школах. Остались в Яснополянской школе дети яснополянских мужиков, которые ходят по зимам, летом же, с апреля по половину октября работают в поле, и дети дворников, приказчиков, солдат, дворовых, целовальников, дьячков и богатых мужиков, которые привезены верст за тридцать и пятьдесят.

Числом всех учеников до 40, но редко бывает больше 30 вместе. Девочек десятый, шестой процент, - от 3 до 5 у нас. Мальчики от седьмого до тринадцатого

года, - самый обыкновенный, нормальный возраст. Кроме того, всякий год бывает человека 3 - 4 взрослых. Для взрослых, поодиночке ходящих в школу, порядок школы весьма неудобен. Они, по своим годам и по чувству достоинства, не могут принять участия в оживлении школы, не могут отрешиться от презрения к ребятам и остаются совсем одиноки. Оживление школы им только мешает. Они приходят, большей частью, доучиваться, уже кое-что зная, и с убеждением, что учение есть только то самое заучивание книжки, про которое они слыхали или которое даже испытали прежде. Для того, чтобы придти в школу, ему нужно было преодолеть свой страх и дичливость, выдержать семейную грозу и насмешки товарищей. «Вишь, мерин какой учиться ходит!» И, кроме того, он постоянно чувствует, что каждый потерянный день в школе есть потерянный день для работы, составляющей его единственный капитал, и потому все время в школе он находился в раздраженном состоянии поспешности и усердия, которые больше всего вредят учению. За то время, про которое я пишу, было три таких взрослых, из которых один и теперь учится. Взрослые в школе - точно на пожаре: только что он кончает писать в тот же момент, как кладет одной рукой перо, он другой захватывает книжку и стоя начинает читать; только что у него взяли книгу, он берется за грифельную доску; когда и эти отнимут у него, он совсем потерян. Был один работник, который учился и топил в школе нынешней осенью. Он в две недели выучился читать и писать, но это было не учение, а какая-то болезнь вроде запоя. Проходя с дровами через класс, он останавливался и, с дровами в руках, перегибаясь через голову мальчика, складывал: с-к-а-ска и шел к своему месту. Когда он этого не успевал сделать, то с завистью, с злобой почти, смотрел на ребят, когда же он был свободен, то с ним нельзя было ничего сделать: он впивался в книгу, твердя б-а-ба; р-и-ри и т.д., и, находясь в этом состоянии, он лишался способности понимать что-либо другое. Когда взрослым случалось петь или рисовать, или слушать рассказ истории, или смотреть опыты, - видно было, что они покорялись жестокой необходимости и, как голодные, оторванные от своего корма, ждали только минуты опять впиться в книгу с азами. Оставаясь верен своему правилу, я не заставлял как мальчика учить азбучку, когда ему этого не хотелось, так и взрослого учиться механике или черчению, когда ему хотелось азбучку. Каждый брал то, что ему было нужно.

Вообще взрослые, заученные прежде, еще не нашли себе места в Яснополянской школе, и их учение идет дурно: что-то есть неестественного и болезненного в отношении их к школе. Воскресные школы, которые я видел, представляют то же самое явление относительно взрослых, и потому все сведения об успешном и свободном образовании взрослых были бы для нас драгоценнейшими приобретениями.

Взгляд народа на школу много изменился с начала ее существования. О прежнем взгляде нам придется говорить в истории Яснополянской школы, теперь же в народе говорят, что в Яснополянской школе всему учат и всем наукам, и такие дошлые есть учителя, что бяда: - гром и молнию, сказывают, приставляют! Одначе, ребята хорошо понимают - читать и писать стали. - Одни, богатые дворники, отдают детей из тщеславия в полную науку произвесть, чтобы и делению занялся (деление есть высшее понятие о школьной премудрости); другие отцы полагают, что наука очень выгодна; большинство же отдает детей бессознательно, подчиняясь духу времени. Из этих мальчиков, составляющих большинство, самое радостное для нас явление представляют мальчики, отданные так, но до такой степени полюбившие учение, что отцы теперь покоряются уже желанию детей и сами бессознательно чувствуют, что что-то хорошо делается с их детьми, и не решаются брать их из школы. Один отец рассказывал мне, как он целую свечу раз сжег, держа ее над книгой сына, и очень хвалил и сына, и книгу. Это было евангелие. «Мой батя тоже, - рассказывал другой школьник, - сказку другой раз послушает, посмеется да и пойдет,

а божественное, - так до полуночи сидит слушает, сам светит мне». Я был с новым учителем в гостях у одного ученика и, чтобы похвастаться перед учителем, заставил ученика решить алгебраическую задачу. Мать возилась у печи, и мы забыли ее; слушая, как сын ее озабоченно и бойко, перестраивая уравнение, говорил: 2ab - c = d, разделенному на 3, и т.п., она все время закрывалась рукой, насилу удерживаясь, и, наконец померла со смеху и не могла объяснить нам, чему она смеялась. Другой отец, солдат, приехав за сыном, застал его в классе рисования и, увидав искусство сына, начал говорить ему «вы» и не решился в классе передать ему котелки, привезенные в гостинец. Общее мнение, мне кажется, такое: учат всему (так же как господских детей), многому и понапрасну, но и грамоту выучивают скоро, - поэтому детей отдавать можно. Ходят и недоброжелательные слухи, но имеют теперь уже мало веса. Два славных мальчика недавно выбыли из школы на том основании, что в школе будто бы не учат писать. Другой солдат хотел отдать своего сына, но, проэкзаменовав лучшего из наших учеников и найдя, что он с запинками читал псалтырь, решил, что учение плохая, только слава, - что хороша. Кое-кто из яснополянских крестьян еще побаивается, как бы не сбылись слухи, ходившие прежде; им кажется, что учат для какого-то употребления и что, того и гляди, подкатят под учеников тележки, да и повезут в Москву. Недовольство на то, что не бьют и нет чинности в школе, почти совсем уничтожилось, и мне часто случалось наблюдать недоумение родителя, приехавшего в школу за сыном, когда при нем начиналась беготня, возня и борьба. Он убежден, что баловство вредно, и верит, что учат хорошо, а как это соединяется, он не может понять. Гимнастика еще иногда порождает толки, и убеждение, что от нее животы откудаво-то срываются, не проходит. Как только разговеются, или осенью, когда поспеют овощи, гимнастика оказывает наибольший вред, и бабушки, накидывая горшки, объясняют, что всему причиной баловство и ломанье.

Есть еще, наконец, ученики, которые выбывают из школы потому, что родители, отдавшие их в школу для того, чтобы подольститься к кому-нибудь, берут детей назад, когда надобность подольститься миновалась.

Итак - предметов 12, классов 3, учеников всех 40, учителей 4, уроков в продолжение дня от 5 до 7. Учителя составляют дневники своих занятий, которые сообщают друг другу по воскресеньям, и сообразно тому составляют себе планы преподавания на будущую неделю. Планы эти каждую неделю не исполняются, а изменяются сообразно требованиям учеников.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.
М., 1936. Т. 8. с. 29-52.

Общие замечания для учителя

Для того чтобы ученик учился хорошо, нужно, чтобы он учился охотно; для того чтобы он учился охотно, нужно:

1) чтобы то, чему учат ученика, было понятно и занимательно и
2) чтобы душевные силы его были в самых выгодных условиях.

Чтобы ученику было понятно и занимательно то, чему его учат, избегайте двух крайностей: не говорите ученику о том, чего он не может знать и понять, и не говорите о том, что он знает не хуже, а иногда и лучше учителя. Для того чтобы не говорить того, чего ученик не может понять, избегайте всяких определений, подразделений и общих правил. Все учебники состоят только из определений, подразделе-

ний и правил, а их-то именно и нельзя сообщать ученику. Избегайте грамматических и синтаксических определений и подразделений частей и форм речи и общих правил. А заставляйте ученика видоизменять формы слов, не называя этих форм, и - главное - больше читать, понимая то, что он читает, и больше писать из головы, и поправляйте его не на том основании, что то или другое противно правилу, определению или подразделению, а на том основании, что не понятно, не складно и не ясно. По естественным наукам избегайте классификации, предположений о развитии организмов, объяснений строения их, а давайте ученику как можно более самых подробных сведений о жизни различных животных и растений.

По истории и географии избегайте общих обзоров земель и исторических событий и подразделений тех и других. Ученику не могут быть занимательны исторические и географические обзоры тогда, когда он не верит еще хорошенько в существование чего-нибудь за видимым горизонтом, а о государстве, власти, войне и законе, составляющих предмет истории, не может составить себе ни малейшего понятия. Для того чтобы он поверил в географию и историю, давайте ему географические и исторические впечатления. Рассказывайте ученику с величайшей подробностью про те страны, которые вы знаете, и про те события исторические, которые вам хорошо известны.

По космографии избегайте сообщения ученику объяснения (столь любимого в педагогии) Солнечной системы и вращения и обращения Земли. Для ученика, ничего не знающего о видимом движении небесного свода, Солнца, Луны, планет, о затмениях, о наблюдениях тех же явлений с различных точек Земли, толкование о том, что Земля вертится и бегает, не есть разъяснение вопроса и объяснение, а есть без всякой необходимости доказываемая бессмыслица. Ученик, полагающий, что Земля стоит на воде и рыбах, судит гораздо здравее, чем тот, который верит, что Земля вертится, и не умеет этого понять и объяснить. Сообщайте как можно больше сведений о видимых явлениях неба, о путешествиях и давайте ученику только такие объяснения, которые он сам может проверить на видимых явлениях.

В арифметике избегайте сообщения определений и общих правил, упрощающих счет. Ни на чем так не заметен вред сообщения общих правил, как на математике. Чем короче тот путь, посредством которого вы научите ученика делать действие, тем хуже он будет понимать и знать действие.

Самое короткое счисление есть десятичное - оно и самое трудное. Самый короткий прием сложения - начинать с меньших разрядов и приписывать одну из полученных цифр к следующему разряду - есть вместе и самый непонятный прием; нет ничего легче, как научить ученика при вычитании считать за 9 всякий 0, через который он перескочит, занимая, или научить приведению к одному знаменателю посредством помножения крест-накрест, но ученик, выучивший эти правила, уже долго не поймет, почему это так делается. Избегайте всех арифметических определений и правил, а заставляйте производить как можно больше действий и поправляйте не потому, что сделано не по правилу, а потому, что сделанное не имеет смысла.

Избегайте весьма любимого (особенно в иностранных книгах для школ) сообщения необычайных результатов, до которых дошла наука, вроде того: сколько весит Земля, Солнце, из каких тел состоит Солнце, как из ячеек строится дерево и человек и какие необыкновенные машины выдумали люди. Не говоря уже о том, что, сообщая такие сведения, учитель внушает ученику мысль, что наука может открыть человеку много тайн, в чем умному ученику слишком скоро придется разоча-

роваться, не говоря об этом, голые результаты вредно действуют на ученика и приучают его верить на слово.

Избегайте непонятных русских слов, не соответствующих понятию или имеющих два значения, и особенно иностранных. Старайтесь заменять их словами хотя и длиннейшими, хотя даже и не столь точными, но такими, которые в уме ученика возбуждали бы соответствующие понятия.

Вообще, избегайте таких оборотов: это так-то называется, это так-то, а старайтесь называть каждую вещь, как ей следует называться.

Вообще, давайте ученику как можно больше сведений и вызывайте его на наибольшее число наблюдений по всем отраслям знания, но как можно меньше сообщайте ему общих выводов, определений, подразделений и всякой терминологии.

Сообщайте определение, подразделение, правило, название только тогда, когда ученик имеет столько сведений, что сам в состоянии проверить общий вывод, когда общий вывод не затрудняет, а облегчает его.

Другая причина, по которой урок бывает неприятен и незанимателен, заключается в том, что учитель объясняет слишком длинно и сложно то, что давно уже понял ученик. Ученику так просто, что ему сказали, что он ищет особенного, другого значения и понимает ошибочно или уже вовсе не понимает.

Такого рода толкования обыкновенны, в особенности когда предметы уроков взяты из жизни. Например, когда учитель начнет толковать ученику, что такое стол, или какое животное лошадь, или чем отличается книга от руки, или: одно перо и одно перо - сколько будет перьев?

Вообще толкуйте ученику то, чего он не знает, и то, что вам самим было бы занимательно узнать, если бы вы не знали. При соблюдении всех этих правил часто случится, что ученик все-таки не будет понимать. На это будут две причины. Или ученик уже думал о том предмете, о котором вы толкуете, и объяснил его себе посвоему. Тогда старайтесь вызвать ученика на объяснение его взгляда и, если он не верен, опровергните его, а если верен, то покажите ему, что вы и он видите предмет одинаково, но с различных сторон. Или же ученик не понимает оттого, что ему еще не пришло время. Это особенно заметно в арифметике. То, над чем вы тщетно бились по целым часам, становится вдруг ясно в минуту через несколько времени. Никогда не торопитесь, переждите, возвращайтесь к тем же толкованиям.

Для того чтобы душевные силы ученика были в наивыгоднейших условиях, нужно:

1) чтобы не было новых, непривычных предметов и лиц там, где он учится;

2) чтобы ученик не стыдился учителя или товарищей;

3) (очень важное) чтобы ученик не боялся наказания за дурное учение, т.е. за непонимание; ум человека может действовать только тогда, когда он не подавляется внешними влияниями;

4) чтобы ум не утомлялся. Определить число часов или минут, после которого ум ученика утомляется, невозможно ни для какого возраста; но для внимательного учителя всегда есть верные признаки утомления; как скоро ум утомлен, заставьте ученика делать физическое движение; лучше ошибиться и отпустить ученика, когда он еще не утомлен, чем ошибиться в обратном смысле и задержать ученика, когда он утомлен; тупик, столбняк, упрямство происходят только от этого;

5) чтобы урок был соразмерен с силами ученика, не слишком легок, не слишком труден.

Если урок будет слишком труден, ученик потеряет надежду исполнить заданное, займется другим и не будет делать никаких усилий; если урок слишком легок, будет то же самое. Нужно стараться, чтобы все внимание ученика могло быть поглощено заданным уроком. Для этого давайте ученику такую работу, чтобы каждый урок чувствовался ему шагом вперед в учении.

Чем легче учителю учить, тем труднее ученикам учиться. Чем труднее учителю, тем легче ученику. Чем больше будет учитель сам учиться, обдумывать каждый урок и соразмерять с силами ученика, чем больше будет следить за ходом мысли ученика, чем больше вызывать на ответы и вопросы, тем легче будет учиться ученик.

Чем больше будет ученик предоставлен самому себе и занятиям, не требующим внимания учителя: переписыванию, диктованию, чтению вслух без понимания, заучиванию стихов, тем труднее будет ученику.

Но если учитель положит и все силы на свое дело, то все-таки он не только со многими учениками, но и с одним учеником будет постоянно чувствовать, что он далеко не исполняет того, что нужно.

Для того чтобы, несмотря на это всегдашнее недовольство собою, иметь сознание приносимой пользы, нужно иметь одно качество. Это же качество восполняет и всякое искусство учительское и всякое приготовление, ибо с этим качеством учитель легко приобретет недостающее знание.

Если учитель во время трехчасового урока не чувствовал ни минуты скуки, он имеет это качество.

Качество это есть любовь. Если учитель имеет только любовь к делу, он будет хороший учитель. Если учитель имеет только любовь к ученику, как отец, мать, он будет лучше того учителя, который прочел все книги, но не имеет любви ни к делу, ни к ученикам.

Если учитель соединяет в себе любовь к делу и к ученикам, он - совершенный учитель.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.
М., 1936. Т. 2. с. 190-195.

Письмо неизвестной от 5 марта 1894 г.

Воспитание есть воздействие на сердце тех, кого мы воспитываем. Воздействовать же на сердце можно только гипнотизацией (которой так подлежат дети), заразительностью примера. Ребенок увидит, что я раздражаюсь и оскорбляю людей, что я заставляю делать других то, что сам могу сделать, что я потворствую своей жадности, похотям, что я избегаю труда для других и ищу только удовольствия, что я горжусь и тщеславлюсь своим положением, говорю про других злое, говорю за глаза не то, что говорю в глаза, притворяюсь, что верю тому, во что не верю, и тысячи и тысячи таких поступков или поступков обратных: кротости, смирения, трудолюбия, самопожертвования, воздержания, правдивости, и заражается тем или другим во сто раз сильнее, чем самыми красноречивыми и разумными поучениями. И потому все или 0,999... воспитания сводится к примеру, к исправлению и совершенствованию своей жизни.

Так что то, с чего вы начали внутри себя, когда мечтали об идеале, т.е. о добре, достижение которого несомненно только в себе, - к тому самому вы приведены теперь при воспитании детей извне. То, чего вы хотели для себя, хорошенько не зная зачем, то теперь вам уже необходимо нужно для того, чтобы не развратить детей.

От воспитания обыкновенно требуют и слишком много, и слишком мало. Требовать того, чтобы воспитываемые выучились тому-то и тому-то, образовались - как мы разумеем образование, - это невозможно, также невозможно и то, чтобы они сделались нравственными, как мы разумеем это слово. Но совершенно возможно то, чтобы не быть самому участником в развращении детей (и в этом не может помешать ни жене муж, ни мужу жена), а всею своею жизнью по мере сил своих воздействовать на них, заражая их примером добра. Я думаю, что не только трудно, но невозможно хорошо воспитать детей, если сам дурен; и что воспитание детей есть только самосовершенствование, которому ничто не помогает столько, как дети. Как смешны требования людей курящих, пьющих, объедающихся, не работающих и превращающих ночь в день, о том, чтобы доктор сделал их здоровыми, несмотря на их нездоровый образ жизни, так же смешны требования людей научить их, как, продолжая вести жизнь не нравственную, можно было бы дать нравственное воспитание детям. Все воспитание состоит в большем и большем сознании своих ошибок и исправлении себя от них. А это может сделать всякий и во всех возможных условиях жизни. И это же есть и самое могущественное орудие, данное человеку для воздействия на других людей, в том числе и на своих детей, которые всегда невольно ближе всего к нам. Fais ce que dois, advienne quie pourra более всего относится к воспитанию.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.
М., 1936. Т. 67. с. 63-64.

Фрагмент репродукции картины Александра Морозова «Сельская бесплатная школа» 19 век.

О воспитании

(Ответ па письмо В.Ф. Булгакова)

Постараюсь исполнить ваше желание - ответить на ваши вопросы.

Очень может быть, что в моих статьях о воспитании и образовании, давнишних и последних, окажутся и противоречия, и неясности. Я просмотрел их и решил, что мне, да и вам, я думаю, будет легче, если я, не стараясь отстаивать прежде сказанное, прямо выскажу то, что теперь думаю об этих предметах. Это для меня будет тем легче, что в последнее время эти самые предметы занимали меня.

Во-первых, скажу, что то разделение, которое я в своих тогдашних педагогических статьях делал между воспитанием и образованием, искусственно. И воспитание, и образование нераздельны. Нельзя воспитывать, не передавая знания, всякое же знание действует воспитательно. И потому, не касаясь этого подразделения, буду говорить об одном образовании, о том, в чем, по моему мнению, заключаются недостатки существующих приемов образования, и каким оно, по моему мнению, должно быть, и почему именно таким, а не иным.

То, что свобода есть необходимое условие всякого истинного образования как для учащихся, так и для учащих, я признаю, как и прежде, т.е. и угрозы наказаний и обещания наград (прав и т.п.), обусловливающие приобретение тех или иных знаний, не только не содействуют, но более всего мешают истинному образованию.

Думаю, что одна такая полная свобода, т.е. отсутствие принуждения и выгод как для обучаемых, так и для обучающих, избавила бы людей от большой доли тех зол, которые производит теперь принятое везде принудительное и корыстное образование. Отсутствие у большинства людей какого бы то ни было религиозного отношения к миру, каких-либо твердых нравственных правил, ложный взгляд на науку, на общественное устройство, в особенности на религию, и все вытекающие из этого губительные последствия - все это порождаемо в большей степени насильственными и корыстными приемами образования.

И потому, для того чтобы образование было плодотворным, т.е. содействовало бы движению человечества к все большему и большему благу, нужно, чтобы образование было свободным. Для того же, чтобы образование, будучи свободно как для учащих, так и для учащихся, не было собранием произвольно выбранных, ненужных, несвоевременно передаваемых и даже вредных знаний, нужно, чтобы у обучающихся, так же как и у обучаемых, было общее и тем и другим основание, вследствие которого избирались бы для изучения и для преподавания наиболее нужные для разумной жизни людей знания и изучались бы и преподавались в соответственных их важности размерах. Таким основанием всегда было и не может быть ничто другое, как одинаково свободно признаваемое всеми людьми общества, как обучающими, так и обучающимися, понимание смысла и назначения человеческой жизни, т.е. религия.

Так это было прежде, так это и есть теперь там, где люди соединены одним общим религиозным пониманием жизни и верят в него. Так это было и сотни лет

тому назад в христианском мире, когда все люди, за малыми исключениями, верили в церковную христианскую веру. Тогда у людей было твердое, общее всем основание для выбора предметов знания и распределения их, и потому не было никакой нужды в принудительном образовании.

Так это было сотни лет. Но в наше время такой общей большинству людей христианского мира веры уже нет; в наше время самое влиятельное сословие людей науки, руководящее общественным мнением, не признавая христианства в том виде, в котором оно преподается церквами, не верит уже ни в какую религию. Мало того, так называемые эти передовые люди нашего времени вполне уверены в том, что всякая религия есть нечто отсталое, пережитое, когда-то бывшее нужным человечеству, теперь же составляющее только препятствие для его прогресса, и старательно прямыми и обходными приемами уверяют в этом слепо верящее им молодое поколение, стремящееся к образованию. Так что в наше время и в нашем мире, при отсутствии какой бы то ни было общей большинству людей религии, т.е. понимания смысла и назначения человеческой жизни, т. е. при отсутствии основы образования, невозможен какой бы то ни было определенный выбор знаний и распределения их. Вследствие этого-то отсутствия всякой разумной основы, могущей руководить образованием, и, кроме того, вследствие возможности для людей заставлять молодые поколения обучаться тем предметам, которые им кажутся выгодными, и находится среди всех христианских народов образование в таком превратном и жалком, по моему мнению, положении.
Количество предметов знания бесконечно, и так же бесконечно то совершенство, до которого может быть доведено каждое знание. Сравнить область знания можно с выходящими из центра сферы бесконечного количества радиусами, могущими до бесконечности быть удлиненными.

И потому совершенство в деле образования достигается не тем, чтобы учащиеся усвоили очень многое из случайно избранной области знания, а тем, чтобы, во-первых, из бесконечного количества знаний прежде всего были переданы учащимся знания о самых важных и нужных предметах, а во-вторых, тем, чтобы знания эти были доведены до относительно одинаковой степени, так чтобы преподаваемые знания, подобно одинаковой длины и одинаково равномерно друг от друга отделенным радиусам, определяющим сферу, составляли гармоничное целое.

Такой выбор знаний и такое распределение их были возможны в европейском мире, пока люди верили в ту какую бы то ни было форму христианской религии, которая соединяла их. Теперь же, когда у большинства веры этой уже нет, вопрос о том, какие знания вообще полезны, какие могут быть вредны, какие нужны прежде, какие после и до какой степени должны быть доводимы те или другие, уже не имеет никакого основания для своего решения и решается как попало и совершенно произвольно теми людьми, которые имеют возможность насильственно передавать те или иные знания, - вопрос решается так, как это для них в данное время наиболее удобно и выгодно.

Вследствие этого-то и произошло в нашем обществе то удивительное явление, что, продолжая сравнение со сферой, в нашем обществе знания распределяются не только не равномерно, но в самых уродливых соотношениях; некоторые радиусы до-

стигают самых больших размеров, другие же вовсе не обозначены. Так, например, люди приобретают знания о расстояниях, плотности, движениях на миллиарды верст от нас отстоящих звезд, о жизни микроскопических животных, о воображаемом происхождении организмов, о грамматике древних языков и тому подобном вздоре, а не имеют ни малейшего понятия о том, как живут и жили их братья - люди, не только отделенные от них морями и тысячами миль и веками, но и люди, живущие сейчас с ними рядом, в соседнем государстве: чем питаются, как одеваются, что работают, как женятся, воспитывают детей, каковы их обычаи, привычки и, главное, верования. Люди узнают в школах все об Александре Македонском и Людовике XIV и его любовницах, знают о химическом составе тел, об электричестве, радии, о целых так называемых науках, о праве и теологии, подробно знают о повестях и романах, написанных разными, считающимися великими писателями и т.п., знают о совершенно ни на что не нужных и, скорее, вредных пустяках, а ничего не знают о том, как понимали и понимают смысл жизни и какие признавали и признают правила жизни миллиарды живших и живущих людей нехристианского мира, т.е. две трети всего человечества.

От этого-то и происходит в нашем мире то удивительное явление что люди, считающиеся среди нас самыми образованными, суть, в сущности, люди самые невежественные, знающие множество того, что никому не нужно знать, и не знающие того, что прежде всего нужно знать всякому человеку. И мало того, что люди эти грубо невежественны, они еще и безнадежно невежественны, так как вполне уверены, что они очень ученые, образованные люди, т.е. знают все то, что, по их понятиям, нужно знать человеку.

Происходит это удивительное и печальное явление от того, что нашем, называемом христианским, мире не только опущен, но отрицается тот главный предмет преподавания, без которого не может быть осмысленного приобретения каких бы то ни было знаний. Опущена и отрицается необходимость религиозного и нравственного преподавания, т.е. передачи молодым поколениям учащихся тех, с самых древних времен данных мудрейшими людьми мира ответов на неизбежно стоящие перед каждым человеком вопросы: первый - что я такое, какое отношение мое, моей отдельной жизни ко всему бесконечному миру; и второй - как мне сообразно с этим моим отношением к миру жить, что делать и чего не делать.

Ответы же на эти два вопроса - религиозное учение, общее всем людям, и вытекающее из него учение нравственности, тоже одинаковое для всех народов, ответы эти, долженствующие составлять главный предмет всякого образования, воспитания и обучения, отсутствуют совершенно в образовании христианских народов. И еще хуже, чем отсутствуют: заменяются в нашем обществе самым противным истинному религиозному и нравственному обучению собранием грубых суеверий и плохих софизмов, называемых законом Божиим.

В этом, я полагаю, главный недостаток существующих в нашем обществе приемов образования. И потому думаю, чтобы в наше время образование было не вредно, каково оно теперь, в основу его должны непременно быть поставлены эти два самых главных и необходимых, отсутствующих в нашем образовании предмета: религиозное понимание и нравственное учение.

Об этом самом предмете я писал в составленном мною «Круге чтения» следующее: «С тех пор как существует человечество, всегда у всех народов являлись учителя, составлявшие науку о том, что нужнее всего знать человеку. Наука эта всегда имела своим предметом знание того, в чем назначение и потому истинное благо каждого человека и всех других людей.

Эта-то наука и служит руководящей нитью в определении значения всех других знаний.

Предметов наук бесчисленное количество; и без знания того, в чем состоит назначение и благо всех людей, нет возможности выбора в этом бесконечном количестве предметов, и потому без этого знания все остальные знания и искусства становятся, как они и сделались у нас, праздной, а если праздной, то и вредной забавой».

«Единственное объяснение той безумной жизни, противной своему сознанию, которую ведут люди нашего времени, заключается именно в том, что молодые поколения обучаются бесчисленным самым сложным, трудным и ненужным предметам, не обучаются только тому, что одно нужно, - тому, в чем смысл человеческой жизни, чем она должна быть руководима и что думали об этом вопросе и как решили его мудрейшие люди всех времен и всего мира».

Скажут: «Нет такого общего большинству людей религиозного учения и учения нравственности». Но это неправда, во-первых, потому, что такие общие всему человечеству учения всегда были, и есть, и не могут не быть, потому что условия жизни всех людей во все времена и везде одни и те же, во-вторых, потому, что во все времена среди миллионов людей всегда мудрейшие из них отвечали людям на те главные жизненные вопросы, которые стоят перед человечеством.

Если некоторым людям нашего времени кажется, что таких учений не было и нет, то происходит это только оттого, что люди принимают те затемнения и извращения, которыми во всех учениях скрыты основные религиозные и нравственные истины, за самую сущность учений. Стоит только людям серьезно отнестись к вопросам жизни, и одна и та же - и религиозная, и нравственная - истина во всех учениях, от Кришны, Будды, Конфуция до Христа, Магомета и новейших религиозных мыслителей, откроется им.

Только при таком разумном, религиозно-нравственном учении, поставленном в основу образования, может быть и разумное, и не вредное людям, а разумное образование. При отсутствии же такой разумной основы образования не может и быть ничего другого, как только то, что и есть теперь, - нагромождение пустых, случайных, ненужных знаний, называемых наукой, которые не только не полезны, но приносят величайший вред людям, скрывая от них необходимость одних нужных человеку знаний. Нравится нам это или не нравится, разумное образование возможно только при постановке в основу его учения о религии и нравственности. <...>

И потому я полагаю, что первое и главное знание, которое свойственно прежде всего передавать детям и учащимся взрослым, - это ответ на вечные и неизбежные вопросы, возникающие в душе каждого приходящего к сознанию человека. Первый: что я такое и каково мое отношение к бесконечному миру? И второй, вы-

текающий из первого: как мне жить, что считать всегда, при всех возможных условиях, хорошим и что, всегда и при всех возможных условиях, дурным?

Ответы на эти вопросы всегда были и есть в душе каждого человека; разъяснения же ответов на эти вопросы не могло не быть среди миллиардов прежде живших и миллионов живущих теперь людей. И они действительно есть в учениях религии и нравственности - не в религии и учении нравственности какого-либо одного народа известного места и времени, а в тех основах религиозных и нравственных учений, которые - одни и те же - высказаны всеми лучшими мыслителями мира, от Моисея, Сократа, Кришны, Эпиктета, Будды, Марка Аврелия, Конфуция, Христа, Иоанна-апостола, Магомета до Руссо, Канта, персидского Баба, индусского Вивекананды, Чаннинга, Эмерсона, Рескина Сковороды и других.

И потому думаю, что до тех пор, пока эти два предмета не станут в основу образования, не может быть никакого разумного образования.

Что же касается дальнейших предметов знания, то думаю, что порядок их преподавания выясняется сам собой при признании основой всякого знания учения о религии и нравственности. Весьма вероятно, что при такой постановке дела первым после религии и нравственности предметом будет изучение жизни людей самых близких: своего народа, богатых, бедных классов, женщин, детей, их занятий, средств существования, обычаев, верования, миросозерцании. После изучения жизни своего народа, думаю, что при правильной постановке дела образования столь же важным предметом будет изучение жизни других народов, более отдаленных, их религиозных верований, государственного устройства, нравов, обычаев.

Оба эти предмета, точно так же как религиозно-нравственное учение, совершенно отсутствуют в нашей педагогике и заменяются географией - изучением названий мест, рек, гор, городов - и историей, заключающейся в описании жизни и деятельности правителей и преимущественно их войн, завоеваний и освобождений от них.

Думаю, что при постановке в основу образования религии и нравственности изучение жизни себе подобных, т.е. людей, что называется этнографией, займет первое место и что точно так же соответственно своей важности для разумной жизни займут соответствующие места зоология, математика, физика, химия и другие знания.

Думаю так, но не берусь ничего утверждать о распределении знаний. Утверждаю же я только одно: что без признания основным и главным предметом образования религии и нравственности не может быть никакого разумного распределения знаний, а потому и разумной и полезной для обучаемых передачи их.

При признании же основой образования религии и нравственности и при полной свободе образования все остальные знания распределяются так, как это им свойственно, сообразно тем условиям, в которых будет находиться то общество, в котором будут преподаваться и восприниматься знания.

И потому полагаю, что главная и единственная забота людей, занятых вопросами образования, может и должна состоять прежде всего в том, чтобы выработо-

тать соответственное нашему времени религиозное и нравственное учение и, выработав таковое, поставить его во главе образования. В этом, по моему мнению, в наше время состоит первое и, пока оно не будет сделано, единственное дело не только образования, но и всей науки нашего времени, не той, которая вычисляет тяжесть той звезды, вокруг которой вращается Солнце, или исследует происхождение организмов за миллионы лет до нашего времени, или описывает жизни королей, полководцев, или излагает софизмы теологии или юриспруденции, а той одной, которая есть точно наука, потому что действительно нужна людям. Нужна же людям потому, что, наилучшим образом отвечая на те одни и те же вопросы, которые везде и всегда ставит себе всякий разумный человек, вступающий в жизнь, она содействует благу как отдельного человека, так и всего человечества. Вот все, что имел сказать. Буду рад, если что пригодится вам.

Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.
М., 1936. Т. 38. с. 62- 69.

Глава 2.
Организация педагогической деятельности во второй половине XIX – начале XX вв.

Организация педагогической деятельности во второй половине XIX – начале XX в. претерпевает серьезные изменения. В сфере начальной школы создаются разные типы школ – в начале XX в. их было в России до 60-ти. Главными становятся государственные, земские и церковно-приходские школы. В 1912 г. в России учреждаются высшие народные школы с 3-х летним сроком обучения. С 70-х гг. XIX в. стали открываться учительские семинарии.

В области среднего образования в 60-е гг. в России не только совершенствуется классическая гимназия, но и создается реальная школа, хотя она и не получает прав классической, реформируются средние школы разных ведомств, духовного и т.д. 60-е гг. стали временем создания новой системы женского образования. Ранее существовавшие, как светские, так и духовные женские заведения, целиком реформируются, наиболее яркий пример – Смольный институт. Создается новый тип женского учебного заведения – женская гимназия. Первую женскую гимназию в России в 1856 г. в Петербурге открыл В.И. Вышнеградский.

Особенно плодотворным в развитии средней школы России было начало XX в. В этот период в стране функционировали самые различные школы: государственные – гимназии, коммерческие училища, военные школы (кадетские корпуса) и т.д.;
общественные – реальные гимназии, женские гимназии и т.д.;
частные – гимназии, особенно женские, школы, училища. И практически все эти школы давали высокий уровень образования.

В 60-е гг. продолжается рост разных профессиональных учебных заведений, в том числе и высших.

Заметный подъем в этот период переживали национальные школы во всех районах России.

В результате реформ 60-х гг. стремительно развивается высшая школа, увеличиваются бюджетные расходы на нее, растет число университетов и институтов. Университеты получают автономию. Серьезные изменения претерпело содержание образования. В целом высшее образование развивалось достаточно быстрыми темпами, особенно в начале XX в. По своему качеству оно соответствовало самым высоким мировым стандартам того времени. В высшей школе работали десятки ученых с мировыми именами. Научно-педагогический потенциал российских вузов был очень высок, косвенно это доказывает огромное количество эмигрировавших после 1917 г. русских ученых – преподавателей высшей школы, получивших впоследствие признание и успех за границей.

В целом, несмотря на разнообразие школ, основной тенденцией в образовании становилась тенденция создания единой национальной системы образования. Это особенно ярко проявилось в проекте реформы образования министра П.Н. Игнатьева, который предполагал мягкий вариант единой школы. (Деятельность Игнатьева на посту министра поразительна: несмотря на военное время, наблюдается быстрый рост числа всех видов школ, переход к массовому осуществлению всеобщего народного образования, осуществлялось сочетание усилий государства и общества в делах образования, был подготовлен целый ряд новых учебных планов, учебных пособий.)

Устав гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения (1864 г.)

Глава первая. Общие положения

Гимназии имеют целью доставить воспитывающемуся в них юношеству общее образование и вместе с тем служат приготовительными заведениями для поступления в университет и другие высшие специальные училища.

По различию предметов, содействующих общему образованию, и по различию целей гимназического обучения гимназии разделяются на классические и реальные.

В гимназии полагается семь классов с годичным курсом для каждого класса.

Примечания:

По мере возможности, низшие четыре класса гимназии помещаются отдельно от высших трех классов.

Гимназии учреждаются в таких городах и местечках, где, по численности и потребностям народонаселения, они признаны будут нужными. В каждой губернии полагается, по крайней мере, одна гимназия, но, но мере надобности, в одной губернии и даже в одном городе может быть несколько гимназий.

Кроме гимназий, там, где представится надобность и возможность, а также и в местах, не имеющих гимназий, могут быть учреждаемы прогимназии, состоящие только из четырех низших классов гимназии и разделяющиеся также на классические и реальные.

Гимназии и прогимназии открываются по распоряжению министра народного просвещения и состоят в непосредственном ведомстве попечителей тех учебных округов, где они находятся.

Учреждение гимназий и прогимназий с классическим или реальным курсом предоставляется ближайшему усмотрению министра народного просвещения, смотря по местным потребностям и учебным средствам, в том числе, какие укажет опыт.

Гимназии и прогимназии содержатся или на счет правительства или на счет обществ, сословий и частных лиц.

Гимназии и прогимназии, содержимые обществами, сословиями и частными лицами, но управляемые назначенными от правительства лицами, существуют на одинаковом основании с учебными заведениями этого рода, получающими содержание от казны, а гимназии и прогимназии, содержимые сословиями, обществами или частными лицами и управляемые назначаемыми от них лицами, подчиняются общим узаконениям о частных учебных заведениях.

Учебная часть

39. Учебный курс классических гимназий составляют следующие предметы: 1) закон божий, 2) русский язык с церковно-славянским и словесность, 3) и 4) латинский и греческий языки, 5) математика, 6) и 7) физика и космография, 8) история, 9) география, 10) естественная история (краткое наглядное объяснение трех царств природы), 11) и 12) немецкий и французский языки и 13) чистописание, рисование и черчение.

Примечания:

Преподавание латинского языка вводится немедленно во всех классических гимназиях, а греческого - постепенно, по мере приготовления учителей этого языка; в классических гимназиях обязательно обучение только одному новому языку: французскому или немецкому. К числу учебных предметов относится гимнастика и пение для желающих.

40. В реальных гимназиях преподаются: а) в одинаковом объеме с классическими: 1) закон божий, 2) русский язык с церковно-славянским и словесность, 3) история, 4) география и 5) чистописание; б) в большем объеме сравнительно с классическими: 6) математика, 7) естественная история с присоединением к ней химии, 8) и 9) физика и космография, 10) и 11) немецкий и французский языки (оба обязательно) и 12) рисование и черчение; в) вовсе не преподаются: латинский и греческий языки.

Примечания:

К числу учебных предметов принадлежат также пение и гимнастика для желающих.

41. В гимназиях, и классических и реальных, сообщается ученикам высшего класса пред выпуском директором или, по его выбору, инспектором, или одним из учителей в кратком изложении по особо составленному, по распоряжению Министерства народного просвещения, учебнику или руководству понятие о нашем государственном устройстве, об основных законах империи, касающихся верховной власти, о значении разных присутственных мест и о главных законах гражданских и уголовных.

42. Учебный курс прогимназий, классических и реальных, соответствует учебному курсу низших четырех классов гимназий классических и реальных.

Учащиеся

53. В гимназии и прогимназии обучаются дети всех состояний, без различия звания и вероисповедания.

55. В I класс гимназии и прогимназии принимаются дети, умеющие читать и писать по-русски, знающие главные молитвы и из арифметики - сложение, вычитание и таблицу умножения. При сем наблюдается, чтобы в I класс поступали дети не моложе 10 лет. Во все следующие классы гимназии и прогимназии принимаются имеющие соответственные классу познания; и возраст.

56. Свидетельство об успешном окончании курса в какой-либо классической прогимназии дает право на поступление в V класс гимназии классической без испытания, если со времени окончания курса до поступления в гимназию прошло не более шести месяцев. В противном случае желающий продолжать свое образование в гимназии подвергается испытанию. То же самое правило наблюдается относительно учеников, поступающих из реальных прогимназий в реальные гимназии; но прием учеников классической гимназии в реальные, и наоборот, допускается всякий раз не иначе, как по особому испытанию.

58. Одежду учеников в гимназии и прогимназии составляют: а) однобортный полукафтан темно-зеленого цвета с черными пуговицами, с отложным воротником, с петличками на нем из синего сукна; б) жилет темно-зеленого сукна, однобортный, с черными пуговицами; в) галстук черный, суконный или шелковый; г) пальто темно-зеленое, суконное, по существующим образцам, с суконными петлицами синего цвета и с черными пуговицами; д) фуражка темно-зеленого сукна, с суконным околышем синего цвета.

Примечания:

Попечитель учебного округа разрешает отступление от этой формы по местным условиям и времени года.

59. Все ученики гимназии и прогимназии обязаны вносить плату за ученье пополугодно вперед, в течение двух первых месяцев каждого полугодия. Не внесшие платы в означенные сроки считаются выбывшими из заведения, но по внесении платы могут быть вновь приняты.

60. От платы за ученье, по определению местного педагогического совета, освобождаются заслуживающие того по своему поведению и прилежанию дети совершенно недостаточных родителей; причем наблюдается, чтобы общее число освобождаемых от платы за ученье составляло, в отношении ко всему числу учащихся, не более 10%.

61. Бедным ученикам, отличающимся успехами и поведением, могут быть выдаваемы, по определению педагогического совета, единовременные денежные вспоможения и ежегодные стипендии из специальных средств заведения.

62. Окончательное испытание учеников как в гимназии, так и в прогимназии производится в присутствии педагогического совета на основании правил, утверждаемых, как сказано в § 48, попечителем учебного округа.

63. Ученики, побывшие два года в одном классе и не оказавшие удовлетворительных успехов, увольняются из заведения.

64. Правила о взыскании с учеников гимназий и прогимназий составляются местными педагогическими советами, причем высшую степень наказания составляет исключение из заведения, происходящее всякий раз не иначе, как по определению педагогического совета.

65. Ученики, окончившие с успехом полный курс ученья в гимназии и прогимназии, получают аттестат за подписью членов педагогического совета и с приложением печати учебного заведения. Сверх того, отличнейшие из окончивших курс в гимназии награждаются медалями, золотыми или серебряными, число которых определяется всякий раз местным педагогическим советом.

66. Лица, не обучавшиеся в гимназиях и прогимназиях, имеют право подвергаться испытанию из полного курса предметов, преподаваемых в сих учебных за-

ведениях, наравне с учениками сих заведений и в одно с ними время, назначенное для испытаний. Выдержавшие испытание в полном курсе получают свидетельства, дающие им одинаковые права с окончившими курс учениками прогимназий и гимназий.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1865. Т. 3. Стлб. 1301-1311.

Положение о начальных народных училищах

Отдел первый.
Цель, различные виды начальных народных училищ и ученье в оных

Начальные народные училища имеют целью утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания.
К начальным народным училищам относятся: 1) ведомства Министерства народного просвещения: а) приходские училища в городах, посадах и селах, содержимые на счет местных обществ и частью на счет казны и пожертвований частных лиц, и б) народные училища, учреждаемые и содержимые частными лицами разного звания; 2) ведомства министерств государственных имуществ, внутренних дел, удельного и горного: сельские училища разных наименований, содержимые на счет общественных сумм; 3) ведомства духовного: церковно-приходские училища, открываемые православным духовенством в городах, посадах и селах, с пособием и без пособия казны, местных обществ и частных лиц; 4) все вообще воскресные школы, учреждаемые как правительством, так и обществами, городскими и сельскими, и частными лицами для образования лиц ремесленного и рабочего сословий обоего пола, не имеющих возможности пользоваться ученьем ежедневно.

Примечания:

Правила, здесь изложенные, не касаются простого обучения грамоте на дому лицами разного звания.

Предметами учебного курса начальных народных училищ служат: а) закон Божий (краткий катехизис и священная история); б) чтение по книгам гражданской и церковной печати; в) письмо; г) первые четыре действия арифметики и д) церковное пение там, где преподавание его будет возможно.

В начальных народных училищах преподавание совершается на русском языке.

В начальных народных училищах употребляются учебные руководства, одобренные Министерством народного просвещения и духовным ведомством, по принадлежности.

В училища могут быть принимаемы дети всех состояний, без различия вероисповедания.

В начальных народных училищах могут обучаться дети обоего пола там, где не представляется возможности иметь отдельные училища мужские и женские. Воскресные же школы учреждаются исключительно для учащихся одного пола.

Установление платы за ученье и освобождение от оной зависит от усмотрения тех ведомств, городских и сельских обществ и частных лиц, на счет которых училища

содержатся.

Правительственные ведомства и духовное начальство учреждают и закрывают начальные народные училища по собственному своему распоряжению, сообщая только об этом для сведения уездному училищному совету.

Для учреждения начальных народных училищ городскими и сельскими обществами и частными лицами требуется разрешение уездного училищного совета. Училища сии могут быть закрываемы по распоряжению губернского училищного совета, в случае беспорядка и вредного направления ученья.

Размер содержания и порядка отчетности о начальных народных училищах установляются теми ведомствами, городскими и сельскими обществами и частными лицами, на счет которых они учреждены. В распоряжения по всем этим предметам уездный училищный совет не вмешивается, а принимает их только к соображению при обсуждении вообще материальных средств училищ.

Обществам городским и сельским, учреждающим начальные народные училища, предоставляется для ближайшего заведывания оным избирать особых попечителей, а в женских училищах - попечительниц. Заведывание каждою воскресною школою принадлежит лицу, принявшему на себя звание ее распорядителя и утвержденному в сем звании училищным советом; в женских воскресных школах обязанности этого звания возлагаются преимущественно на лица женского пола.

Попечители и попечительницы начальных народных училищ, заведывая делами оных, входят в сношение по ним с уездными училищными советами, равно как распорядители и распорядительницы воскресных школ, которые при том вполне отвечают за порядок в оных.

Начальные народные училища, состоя под наблюдением уездного училищного совета, который посылает своих членов для осмотра оных, освобождаются затем от представления всякого рода срочных ведомостей, донесений и т.п. Необходимые о них сведения собираются самими членами совета на месте, при осмотре училищ.

Закон Божий может быть преподаваем в начальных народных училищах только приходским священником или же особым законоучителем, с утверждения епархиального начальства, по представлению уездного училищного совета.

Прочим предметам в начальных народных училищах могут обучать также священно-церковнослужители или же те лица, которые получили на звание учителя или учительницы особое разрешение уездного училищного совета, по представлении удостоверения в доброй их нравственности и благонадежности от лица, совету известного.

Наблюдение за религиозно-нравственным направлением во всех начальных народных и воскресных училищах возлагается на местного приходского священника. В случае надобности он сообщает свои замечания учителю и лицам, заведывающим училищем; если бы его замечания не были приняты, доносит о том уездному училищному совету.

Отдел второй.
Заведывание начальными народными училищами

Для заведывания начальными народными училищами учреждаются в каждом уезде уездный и в каждой губернии губернский училищные советы. В обеих столицах, по ближайшему соглашению попечителей учебных округов с местными генерал-губернаторами, учреждается несколько уездных училищных советов для заведывания

начальными народными училищами и в том числе воскресными школами.

Училищные советы состоят: а) уездный - из членов от министерств: народного просвещения и внутренних дел, духовного ведомства православного исповедания, двух членов от уездного земского собрания и по одному от тех ведомств, которые содержат у себя начальные народные училища. В тех городах, где есть начальные народные училища, содержимые на счет городских сумм, в училищном совете находится член от городского общества. Попечители народных училищ, городских и сельских, могут быть также членами уездных советов, по назначению губернского совета, б) губернский совет составляют следующие лица: епархиальный архиерей как первенствующий член, начальник губернии, директор училищ и округа имеет право, в бытность свою в губернском городе, присутствовать в губернском училищном совете. В случае болезни или отсутствия епархиального архиерея место его занимает викарий, где он есть, а где его нет, там старшее в городе духовное лицо, но в сем последнем случае председательство в губернском совете принадлежит губернатору.

Примечания:

В губернских советах столиц митрополитам предоставляется право замещать себя викарием.

Члены уездного училищного совета назначаются: от духовного ведомства - епархиальным архиереем, от Министерства народного просвещения - попечителем учебного округа, от Министерства внутренних дел - начальником губернии, а члены от городского общества - по выбору сего общества, с утверждения начальника губернии.

Члены от земства избираются в уездные и губернские училищные советы уездными и губернскими земскими собраниями, по принадлежности. Участвуя вместе с другими членами в делах совета, они обязываются представлять земским собраниям ежегодно сведения о состоянии народных училищ в уезде или губернии, в содержании которых участвует земство.

Члены уездного училищного совета избирают из среды своей на два года председателя, который утверждается в этом звании губернским советом. Постоянное заведывание делопроизводством сего совета возлагается на штатного смотрителя училищ.

Уездный училищный совет собирается ежегодно не менее двух раз, и каждый раз на две недели, причем обсуждает и решает все дела, поступившие в совет в промежуточное время, между заседаниями, и выслушивает донесения своих членов о состоянии народных училищ города и уезда. Дела решаются в совете большинством голосов, голос председателя дает перевес.

Все дела по начальным народным училищам поступают в уездный совет на имя председателя, который в необходимых случаях, в то время, когда нет заседаний совета, имеет право постановлять в пределах предоставленной совету власти, решения с обязанностью отдавать отчет в оных пред советом и с ответственностью за таковые решения.

Все сведения по делам училищ собираются, по возможности на месте, членами совета во время осмотра ими училищ.

Губернский училищный совет имеет предметом: 1) высшее попечение о начальных народных училищах губернии; 2) рассмотрение отчетов уездных училищных советов и сообщение оных чрез директора с своими замечаниями попечителю учебного округа, для его сведения; 3) разрешение представлений уездных советов; 4) назначение пособий учителям и учительницам и пособий училищам из суммы, предоставляемой в распоря-

жение совета Министерством народного просвещения; 5) рассмотрение жалоб на решения уездных советов и их председателей; 6) назначение членов уездных советов из попечителей начальных народных училищ; 7) утверждение в должности лиц, избранных в председатели уездных училищных советов.

Дела в губернском совете решаются по большинству голосов. При равенстве оных голос первенствующего члена дает перевес.

Губернский училищный совет собирается по мере надобности по назначению первенствующего члена, а в случае болезни его или отсутствия - по назначению начальника губернии.

Постановления губернского училищного совета сообщаются чрез директора училищ попечителю учебного округа для сведения. Директор училищ вносит в совет сообщения попечителя.

Жалобы на решения губернского училищного совета приносятся правительствующему сенату по первому департаменту.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1865. Т. 3. Стлб. 1226-1227.

Сергей Александрович Рачинский

Сергей Александрович Рачинский (1836 – 1902 гг.) – русский ученый и педагог. Родился в селе Татеве Смоленской губернии в дворянской семье. Он сторонник церковно-приходских школ, педагог религиозно-нравственного направления. С научными и образовательными целями выезжал за границу. Богато одаренный и талантливый ученый, С.А. Рачинский защитил в Московском университете магистерскую («О движении высших растений») и докторскую («О некоторых химических превращениях растительных тканей») диссертации и был профессором кафедры физиологии растений. Среди многих других переведенных им на русский язык сочинений западноевропейских ученых – «Происхождение видов» Ч. Дарвина (1865 г.).

С.А. Рачинский (рисунок Н.П.Богданова-Бельского)

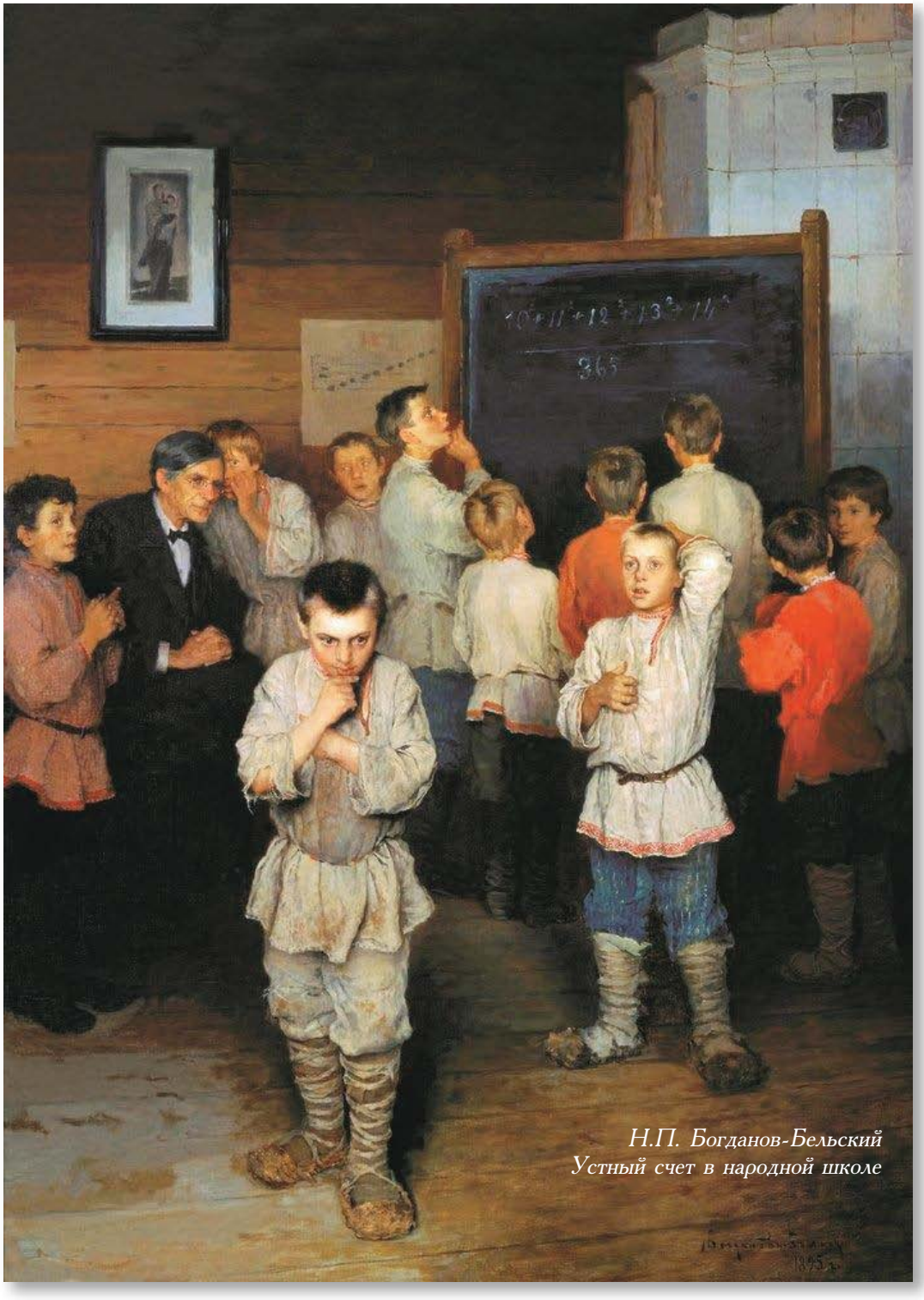
В годы профессорства в Московском университете С.А. Рачинский являлся активным членом всевозможных научных, литературных, музыкальных и других обществ. Поддерживал дружеские отношения с И.С. Тургеневым и Л.Н. Толстым, К.С. Аксаковым и П.И. Чайковским, а также со многими другими выдающимися деятелями русской и зарубежной науки и культуры.

В конце 60-х гг. С.А. Рачинский оставляет профессорскую кафедру, для того чтобы стать сельским учителем, обучать крестьянских детей. С начала 70-х гг. в течение более четверти века он занимался в родном селе Татеве, а затем в других регионах Смоленской губернии учительской и просветительской деятельностью. Об этом опыте и своих выводах С.А. Рачинский рассказал в книге «Сельская школа», фрагмент из которой приводится ниже.

Об особенностях сельской школы
(Заметки о сельских школах)

Скажу прежде всего несколько слов об особенностях, присущих, в силу вещей, нашей сельской школе, насколько оне начинают выясняться за краткий период ея существования.

Читая наши педагогическия руководства, прислушиваясь к толкам печати, беседуя о школах с представителями нашей интеллигенции, постоянно чувствуешь, что речь идет не о той сельской школе, в которой приходится нам трудиться, но о сельской



Н.П. Богданов-Бельский
Устный счет в народной школе

школе вообще, о какой-то схеме, заимствованной из наблюдений над школами иностранными, преимущественно немецкими. Но та школа, которая возникает на наших глазах, среди народа, глубоко отличающагося от всех прочих своим прошлым, своим религиозным и племенным характером, своим общественным составом, - среди обстоятельств, безпримерных в истории, - с этою схемою имеет очень мало общаго. Постараюсь указать на самыя резкия из ея отличительных особенностей.

В противуположность школам западным, наша сельская школа возникает, при весьма слабом участии духовенства, при глубоком равнодушии образованных классов и правительственных органов, из потребности безграмотнаго населения дать своим детям известное образование. В этом ея слабость, в этом и ея сила, в этом ключ к объяснению все прискорбных и отрадных явлений в жизни наших сельских школ.

Наши школьники поступают в школу с твердым намерением сделаться грамотными, большею частию по собственной неотступной просьбе, с полною готовностию учиться без перерыва с утра до вечера. Таково и желание родителей. Школа, в которой ограничиваются четырьмя-пятью часами занятий, признанными достаточными педагогическою наукою, считается плохою школою. И родители правы. Они мало ценят те весьма скудныя сведения, которыя могут быть приобретены напоказ в течение трех-четырех зим казеннаго учения, но высоко ценят те необходимым уменья, которыя действительно могут быть приобретены в этот срок, но лишь при весьма интенсивной работе. Все это неудержимо теснит нашу школу к увеличению числа учебных часов, и главным двигателем тут являются сами ученики. Их постоянное присутствие в школе, их поистине ненасытная жадность к учению волею-неволею заставляет всякаго внимательнаго учителя умножать число классных занятий, в особенности в первой половине зимы, когда нужно пользоваться всем кратким днем, и затем настает длинный вечер, в который ученикам и бегать по улице невозможно. О тех особенностях, которыя столь интенсивное учение по необходимости вносит и в учебный план, и в школьную дисциплину, скажу впоследствии. Настаиваю теперь только на том, что такое интенсивное учение не есть насилие над детьми, но уступка их требованиям: они пришли учиться и, кроме, школы деваться им некуда. Чтобы выжить их из класса, буквально нужно погасить лампу. Делают они свое дело с терпением и настойчивостию, вполне понимая, что дело это трудное и важное. Это отношение детей к школе одно и дает учителю возможность вести такое усиленное учение, которое, впрочем, всякому учителю-крестьянину представляется вполне нормальным.

В прямой связи с этим деловым направлением наших школьников находится их отличное, бодрое и веселое, но скромное и ровное поведение в школе. Им не до шалостей, не до ссор. В них нет и следа того отвратительнаго сквернословия и скверномыслия, которыми заражены наши городския учебныя заведения, в особенности столичныя. В нормальной крестьянской жизни нет места тем преждевременным возбуждениям воображения, тем нездоровым искушениям мысли, которыми исполнен быт наших городских классов. Русский народ, вошедший в пословицу своим сквернословием, в сущности самый стыдливый народ в мире. Грязь в глазах русскаго человека есть грязь. Когда в нем проснется зверь, живущий в каждом человеке, он кидается ею. Но пока он трезв, пока он остается сам собою, он чист в мыслях и словах. Гаденькая, любезничающая грязноватость, проникнувшая из Франции в нравы нашего полуобразованнаго общества, в нашу литературу низшаго разряда - глубоко ему чужды. Каждый наш крестьянский мальчик такой, еще не испорченный, русский человек.

Средний уровень способностей наших крестьянских детей, как мальчиков, так и девочек, вообще очень высок. Последния, быть может, еще превышают первых понятливостию и терпением. Способности эти разнообразны, но преобладают заметно способности математическия и художественный. Умственный счет любимая забава детей в промежутки между классными занятиями, и в нем легко достигается значительная быстрота и ловкость так же, как и в решении сложных письменных задач. Пение, при сколько-нибудь умелом преподавателе, прививается несравненно успешнее, чем в средних учебных заведениях. Успеху в этом отношении, конечно, способствует сочувствие родителей. Пение - единственный предмет преподавания, о результатах котораго могут непосредственно судить и безграмотные, который получает немедленное практическое приложение, возвышая красоту и торжественность церковной службы. Оно же некоторым образом дает очевидную мерку усердия и умелости учителя. Но и независимо от этих выгодных условий, музыкальная даровитость наших крестьян поистине изумительна. Ничуть не менее распространена другая художественная способность, которая, при нынешнем зачаточном состоянии нашей сельской школы, лишь в редких случаях имеет возможность проявиться - способность к рисованию. Количество дремлющих художественных сил, таящихся в нашем народе - громадно, и о нем пока может составить себе приблизительное понятие лишь внимательный сельский учитель.

Остается мне дополнить эту беглую характеристику наших сельских учеников несколькими словами об их отношении к предметам религиозным и нравственным. Оно не может быть иное, как отношение к ним их родителей, лишь более безсознательное и смутное. Мы тут вступаем в область, мало изследованную и обширную, в которую до сих пор бросают яркие лучи света лишь указания, разбросанныя в творениях трех незабвенных покойников: А.С. Хомякова, К.С. Аксакова и Ф.М. Достоевскаго. Область эта совершенно выходит из рамок краткой журнальной заметки, и я должен ограничиться осторожными намеками.

Та высота, та безусловность нравственнаго идеала, которая делает русский народ народом христианским по преимуществу, которая в натурах спокойных и сильных выражается безграничною простотою и скромностию в совершении всякаго подвига доступнаго силам человеческим, которая в натурах страстных и узких ведет к ненасытному исканию, часто к чудовищным заблуждениям, которая в натурах широких и слабых влечет за собою преувеличенное сознание своего безсилия, и, в связи с ним, отступление перед самыми исполнимыми нравственными задачами, необъяснимыя, глубокий падения, которая во всяком русском человеке обусловливает возможность внезапных победоносных поворотов от грязи и зла к добру и правде, - вся эта нравственная суть русскаго человека уже заложена в русском ребенке. Велика и страшна задача русской школы в виду этих могучих и опасных задатков, в виду этих сил, этих слабостей, которыя она призвана поддержать и направить. Школе, отрешенной от церкви, эта задача не по силам. Лишь в качестве органа этой церкви, в самом широком смысле этого слова, может она приступить к ея разрешению. Ей нужно содействие всех наличных сил этой церкви, духовных, и светских...

Посторонних посетителей, изредка заглядывающих в мою школу, всего более поражает умственный счет ее учеников. Та быстрота и легкость, с которой они производят в уме умножения и деления, обращаются с мерами квадратными и кубическими, соображают данные сложной задачи, то радостное оживление, с которым они предаются этой умственной гимнастике, наводят на мысль, что в этой школе упо-

требляются особые, усовершенствованные приемы для преподавания арифметики, что я обладаю в этом отношении каким-то особым искусством или секретом.

Ничто не может быть ошибочнее этого впечатления. Конечно, теперь я владею некоторым навыком к умственному счету, могу импровизировать арифметические задачи в том быстром темпе, в котором они решаются моими учениками. Но до этих скромных умений довели меня или, лучше сказать, домучили сами ученики.

Именно домучили. Никогда не занимался я специально арифметикой, упражняться в умственном счете никогда и не думал. Принялся я за преподавание счета в сельской школе, не подозревая, на что я иду.

Не успел я приступить к упражнениям в умственном счете, которые до тех пор в школе не практиковались, как в ней к ним развилась настоящая страсть, не ослабевающая до сих пор. С раннего утра и до позднего вечера стали меня преследовать то одна группа учеников, то другая, то все вместе с требованием умственных задач. Считая эти упражнения полезными, я отдал себя в их распоряжение. Очень скоро оказалось, что они опережают меня, что мне нужно готовиться, самому упражняться. На пятом десятке (моих лет. - Сост.) некоторые умственные способности утрачивают свою эластичность. Эта первая зима была для меня очень тяжела.

К этому вскоре присоединилась страсть к письменным упражнениям в счете. Ребята вздумали щеголять друг перед другом быстрым и точным умножением и делением на доске многозначных чисел, не поддающихся умственному счету. Тут я было совершенно встал в тупик. Эти припадки обыкновенно случались вечером. Наши вечерние занятия, теперь все более и более принимающие характер правильных уроков, тогда были гораздо свободнее, да и теперь во избежание утомления часто приходится нарушать их однообразный строй. Вечером же происходили и спевки, в которых участвовали все мои помощники, все лучшие ученики. Я оставался один с непоющими учениками. Этого только и ждали мои мучители. Разом все они, человек тридцать, сорок, накидывались на меня с дощечками: «Сергей Александрович! Деленьице! - Мне на сотни! - Мне на единицы! - Мне на миллионы! - Мне на тысячи!» И решения подавались с такой быстротой, что я едва успевал писать задачи. Поверять - никакой физической возможности!

Тут однажды, в минуту отчаяния, я бессознательно тиснул у себя в мозгу какую-то неведомую мне пружинку, и все деления стали выходить без остатка. Восторгу ребят не было границ. Но увы! На следующий вечер они потребовали от меня того же, и я не мог исполнить их желания. Лишь впоследствии мало-помалу выяснил я себе то простое сочетание мнемонических приемов с быстрым умственным умножением, которое дает возможность придумывать безостановочно бесконечный ряд десяти- и двенадцатизначных чисел, делимых без остатка на любые другие числа, и вместе с тем бесконечный простор для импровизации задач, устных и письменных. Эта беспрестанная, усиленная возня с цифрами нагнала на меня настоящий арифметический кошмар, загнала меня в теорию чисел, заставила меня неоднократно открывать Америку, т.е. неизвестные мне теоремы Фермата и Эйлера...

Часто задавал я себе вопрос: какими основными способностями обусловливается та необыкновенная ловкость в обращении с числами, тот живой интерес к цифрам и к сочетаниям, которым отличаются наши крестьянские ребята? Нет сомнения, что тут значительную роль играет их удивительная память. Но кроме памяти тут, очевидно, участвуют и другие способности: воображение, живо рисующее перед

ними состав чисел из первоначальных множителей и их сочетания, способность связывать внешний вид цифры с этим составом. Вчера один мальчуган на вопрос, сколько будет, если 84 Ч 84, отвечал мгновенно: 7056. «Как ты считал?» - спросил я его. «Да это квадратная сажень (т. е. число в ней квадратных дюймов): я взял 50 Ч 144 и выкинул 144». Проще произвести это умножение, че! превративши 842 в 72 Ч 122, невозможно. Почти всегда у хороших счетчиков оказывается и художественная струнка. Этому обстоятельству, впрочем, особого значения придавать нельзя. Крестьянские дети тем и отличаются от детей высших сословий, что односторонние способности встречаются у них весьма редко. Тот из них, который способен к пению, непременно окажется способным и по арифметике, и по русскому языку, наоборот, мальчики, умственно слабые, редко имеют какие-либо художественные способности и склонности. Эта соразмерность дарований распространяется даже на сферу нравственную и придает этим детям их особенную привлекательность.

Демков М.И. Русская педагогика в главнейших ее представителях.
М., 1898. с. 384-394

Начальная школа и сельское хозяйство

...Всякий сельский учитель, любознательный и деятельный, охотно уделит в своем огороде две-три грядки на пробное разведение хозяйственных растений, новых или в данной местности мало известных. Если в сельской среде мало возбуждают интереса нежные овощи, служащие более приправой, чем пищей, то нельзя сказать того же самого о ягодах и еще более о растениях кормовых, количество коих ежегодно увеличивается, причем испытание их культуры имеет значительную практическую ценность.

В нашем огороде постоянно разводились разные породы земляники и клубники, и ежегодно оказывались охотники брать у нас молодые растеньица. Предпринят и опыт разведения мамуры (поленика). Культура этой ягоды, едва ли не лучшей из всех для варенья и наливки, может получить значение в северной полосе России.

Но еще важнее, чем культура ягод, предварительное ознакомление с культурой новых кормовых растений. Из них особенного внимания заслуживает лесная чина - по удивительной своей долговечности и потому что она - растение, в средней и северной России дикорастущее, следовательно, к нашему климату вполне приспособленное. Первый опыт с этим растением у нас претерпел неудачу, а именно при пересадке в поле, которая должна производиться весьма тщательно (выжили только экземпляры, пересаженные мною собственноручно). Но опыт будет повторен, и в огороде будет постоянно занято чиной пространство между яблонями (редко рассаженными). Сверх прочих своих достоинств чина оказалась превосходным медоносным растением, посещаемым во время цветения целыми роями пчел. Разведение ее из семян довольно кропотливо; но опыт доказал мне, что она превосходно размножается и отводками, что значительно может облегчить дело.

Очень много речи в последнее время было также о кормовых гречихах. Возможны в школьном огороде и опыты самостоятельные. Весьма может быть, что удобными для культуры в качестве кормовых окажутся и иные наши дикорастущие растения.

Рачинский С.А. Сельская школа: сост. Л.Ю. Стрелкова.
М., 1991. с. 118-119.

О сокращении числа учеников в гимназиях и прогимназиях и изменении состава оных

Доклад министра народного просвещения И. Делянова (1887 г.)

Вследствие предположения, состоящегося в совещании при моем участии, из министров внутренних дел, государственных имуществ, управляющего Министерством финансов и обер-прокурора Святейшего Синода, я имел счастие испрашивать соизволение в.и.в. [1] на внесение в Комитет министров представления о допущении впредь в гимназии и в прогимназии детей лишь некоторых сословий не ниже купцов 2-й гильдии.

В.и.в., всесторонне обсудив это предположение, изволили на всеподданнейшем докладе моем 23 мая выразить мысль, что, признавая эту меру несвоевременною и неудобною, вы полагали бы за лучшее достигнуть цели отвращения наплыва в гимназии и прогимназии детей лиц, не соответствующих по домашней их обстановке среднему образованию, другими какими-либо способами, и изволили всемилостивейше повелеть мне войти в новые по этому вопросу соображения.

Проникаясь мыслью в.и.в. я счел нужным посоветоваться с означенными выше лицами, за исключением находящегося ныне в отсутствии действительного тайного советника графа Толстого, и мы, ввиду замечания в.в., предположили, что, независимо от возвышения платы за учение, было бы, по крайней мере, нужно разъяснить начальствам гимназий и прогимназий, чтобы они принимали в эти учебные заведения только таких детей, которые находятся на попечении лиц, представляющих достаточное ручательство в правильном над ними домашнем надзоре и в предоставлении им необходимого для учебных занятий удобства. Таким образом, при неуклонном соблюдении этого правила гимназии и прогимназии освободятся от поступления в них детей кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и тому подобных людей, детям коих, за исключением разве одаренных гениальными способностями, вовсе не следует стремиться к среднему и высшему образованию. С тем вместе, не находя полезным облегчать на казенные средства приготовление детей в гимназии и прогимназии, совещание высказало что было бы необходимо закрыть приготовительные при них классы прекратив ныне же прием в оные. На приведение сей последней меры в исполнение уже последовало, по всеподданнейшему докладу моему 11 апреля, предварительное высочайшее в.и.в. соизволение.

Если в.в. соизволите окончательно одобрить вышеизложенные предположения, то теперь предстоит только войти в Комитет министров с представлением:
1) об ограничении известным процентом приема в гимназии и про гимназии детей евреев, к которым может быть с пользою применена и предположенная особою комиссиею под председательством статс-секретаря графа Палена мера о недопущении в гимназии и прогимназии детей евреев из низших сословий, и 23 о предоставлении министр народного просвещения, в изменение ст. 129 устава университетов 2 августа 1884 г., права определять плату за слушание лекций, не стесняясь ныне установленной 50-рублевой нормой. На приведение сих предположений в исполнение приемлю долг всеподданейше испрашивать высочайшее в.и.в. соизволение.
Что же касается до сокращения числа гимназий и прогимназий, с преобразованием некоторых из них в реальные и промышленные училища, то имею счастие всепод-

данейше доложить, что, ввиду выраженного на докладе моем 29 марта в.и.в.[1] повеления, мною собраны уже сравнительные статистические данные о числе учеников, количестве параллельных классов и средствах содержания гимназий и прогимназий, а также сделано соображение о возможности закрытия или преобразования оных, смотря по местным условиям и средствам, на них отпускаемым из казны или от земства и городских обществ; но дальнейшие по сему предположения ныне приостановлены впредь до разрешения вопроса о преобразовании реальных и открытия промышленных училищ, так как без сего невозможно ни преобразовывать гимназии и прогимназии, ни закрывать оные, потому что ученики сих заведений, по закрытии гимназии или прогимназии в какой-либо местности, были бы лишены возможности продолжать свое образование за неимением соответственного учебного заведения, что поставило бы местные общества в крайне затруднительное положение. Впрочем, можно надеяться, что с приведением вышеизложенных мер в исполнение значительно сократится число учеников в гимназиях и прогимназиях и улучшится состав их, что особенно важно потому, что дурное направление учащихся зависит не от количества гимназий и прогимназий, а от качества учеников и переполнения каждой из них в отдельности.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1894. Т. 10. Стлб. 880-883.

Примечание:

1 Титул царя: ваше императорское величество.

Обер-прокурор Синода Константин Петрович Победоносцев. Художник А.В. Маковский

Константин Петрович Победоносцев

Константин Петрович Победоносцев (1827 – 1907 гг.) – правовед, государственник и публицист; с 1880 по 1905 гг. - обер-прокурор Святейшего Синода. К.П. Победоносцев всецело поддерживал учреждение церковно-приходских школ в селе. Статья «Народное просвещение» впервые была опубликована в «Московском сборнике» (1896 г.).

Народное просвещение

Когда рассуждение отделилось от жизни, оно становится искусственным, формальным и, вследствие того, мертвым. К предмету подходят и вопросы решают с точки зрения общих положений и начал, на веру принятых: скользят по поверхности, не углубляясь внутрь предмета и не всматриваясь в явления действительной жизни, - даже отказываясь

всматриваться в них. Таких общих начал и положений расплодилось у нас множество, особливо с конца прошлого столетия - они заполнили нашу жизнь, совсем отрешили от жизни наше законодательство и самую науку ставят нередко в противоположность с жизнью и ее явлениями. Вслед за доктринерами науки, доходящими до фанатизма в своем доктринерстве, и за школьными адептами натверженных учений - идет стадным обычаем толпа интеллигенции. Общие положения приобретают значение непререкаемой аксиомы, борьба с коей становится крайне тягостна, иногда совсем невозможна. Трудно исчислить и взвесить, сколько ломки произвели эти аксиомы в законодательстве, как опутали они по рукам и по ногам живой организм народного быта искусственными, силою навязанными формами! Впереди этого движения пошла Франция: она ввела в моду нивелировку быта народного посредством общих начал, выведенных из отвлеченной теории. За нею потянулись все - даже государства, соединяющие в себе бесконечное разнообразие условий быта, племенного состава, пространства и климата. Сколько пострадало от того и наше отечество - не перечтешь.

Вот, например, слова - натверженные до пресыщения у нас и повсюду: даровое обучение, обязательное обучение, ограничение работы малолетних обязательным школьным возрастом... Нет спора, что ученье свет, а неученье - тьма; но в применении этого правила необходимо знать меру и руководствоваться здравым смыслом, а главное - не насиловать ту самую свободу, о которой столько твердят и которую так решительно нарушают наши законодатели. Повторяя на все лады пошлое изречение, что школьный учитель победил под Садовою, мы разводим по казенному лекалу школу и школьного учителя, пригибая под него потребности быта детей и родителей, и самую природу и климат. Мы знать не хотим, что школа (как показывает опыт) становится одной обманчивой формой, если не вросла самыми корнями своими в народ, не соответствует его потребностям, не сходится с экономией его быта. Только та школа прочна в народе, которая люба ему, которой просветительное значение видит он и ощущает; противна ему та школа, в которую пихают его насилием, под угрозой еще наказания, устраивая самую школу не по народному вкусу и потребности, а по фантазии доктринеров школ. Тогда дело становится механическим: школа уподобляется канцелярии со всею тяготой канцелярского производства. Законодатель доволен, когда заведено и расположено по намеченным пунктам известное число однообразных помещений с надписью: школа. И на эти заведения собираются деньги - и уже грозят загонять в них под страхом штрафа; и учреждаются с великими издержками наблюдатели за тем, чтобы родители, и бедные, и рабочие люди, высылали детей своих в школу со школьного возраста... Но, кажется, все государства далеко перешли уже черту, за которою школьное ученье показывает в народном быте оборотную свою сторону. Школа формальная уже развивается всюду за счет той действительной, воспитательной школы, которою должна служить для каждого сама жизнь в обстановке семейного, профессионального и общественного быта.

Сколько наделало вреда смешение понятия о знании с понятием об умении! Увлекшись мечтательной задачей всеобщего просвещения, мы назвали просвещением известную сумму знаний, предположив, что она приобретается прохождением школьной программы, искусственно скомпонованной кабинетными педагогами. Устроив таким образом школу, мы отрезали ее от жизни и задумали насильственно загонять в нее детей для того, чтобы подвергать их процессу умственного развития, по нашей программе. Но мы забыли или не хотели сознать, что масса детей, которых мы про-

свещаем, должна жить насущным хлебом, для приобретения коего требуется не сумма голых знаний, коими программы наши напичканы, а умение делать известное дело, и что от этого умения мы можем отбить их искусственно, на воображаемом знании, построенною школой. Таковы и бывают последствия школы, мудрено устроенной, и вот причина, почему народ не любит такой школы, не видя в ней толку. Понятие народное о школе есть истинное понятие, но, к несчастью, его перемудрили повсюду в устройстве новой школы. По народному понятию, школа учит читать, писать и считать, но, в нераздельной связи с этим, учит знать Бога и любить Его и бояться, любить Отечество, почитать родителей. Вот сумма знаний, умений и ощущений, которые в совокупности своей образуют в человеке совесть и дают ему нравственную силу, необходимую для того, чтобы сохранить равновесие в жизни и выдерживать борьбу с дурными побуждениями природы, с дурными внушениями и соблазнами мысли.

Плохо дело, когда школа отрывает ребенка от среды его, в которой он привыкает к делу своего звания - упражнением с юных лет и примером, приобретая бессознательно искусство и вкус в работе. Кто готовится быть кандидатом или магистром, тому необходимо начинать учение в известный срок и проходить последовательно известный ряд наук; но масса детей готовится к труду ручному и ремесленному. Для такого труда необходимо приготовление физическое с раннего возраста. Закрывать путь к этому приготовлению, чтобы не потерять времени для школьных целей, - значит затруднять способы к жизни массе людей, бьющихся в жизни из-за насущного хлеба, и стеснять посреди семьи естественное развитие экономических сил ее, составляющих в совокупности капитал общественного благосостояния. Моряк воспитывается для морского дела, с детства вырастая на воде;

Н. П. Богданов-Бельский Воскресное чтение в сельской школе.

рудокоп привыкает к своему делу и приучает к нему свои легкие - не иначе как опускаясь с юных лет в подземные мины. Тем более земледелец - привыкает к своему труду и получает любовь к нему, когда с детства живет, не отрываясь от природы, возле домашней скотины, возле сохи и плуга, возле поля и луга. А мы все препираемся о курсе для народной школы, о курсе обязательном, с коим будто бы соединяется полное развитие. Иной хочет вместить в него энциклопедию знаний под диким названием Родиноведения; иной настаивает на необходимости поселянину знать физику, химию, сельское хозяйство, медицину; иной требует энциклопедию политических наук и правоведение... Но мало кто думает, что, отрывая детей от домашнего очага на школьную скамью с такими мудреными целями, мы лишаем родителей и семью рабочей силы, которая необходима для поддержания домашнего хозяйства, а детей развращаем, наводя на них мираж мнимого или фальшивого и отрешенного от жизни знания, подвергая их соблазну мелькающих перед глазами образов суеты и тщеславия.

II

Новейшая школа народных просветителей предлагает одно средство, один рецепт для блага человечества: войну с предрассудками и невежеством массы народной. Все бедствия человечества, по мнению писателей этой школы, происходили оттого, что в массе народной держались слишком упорно в течение веков некоторые безотчетные ощущения и мнения, которые необходимо во что бы то ни стало разрушить, вырвать с корнем. К таким вредным ощущениям и мнениям они относят все, что нельзя доказать, что не оправдывается логикой. Когда бы, - так рассуждают эти философы, - все люди могли привести в движение свою умственную силу, развить свое мышление и им руководствовались бы, - вместо того, чтобы думать, чувствовать и жить по мнениям, принятым на веру, - тогда начался бы золотой век для человечества. В одно поколение человечество подвинулось бы так, как доныне не подвигалось и в течение нескольких столетий. Когда бы хоть на один градус поднялся уровень мыслительной силы в массе, от этого произошли бы последствия неисчислимые. У всех почти есть какой-нибудь один силлогизм, который слагается в голове по непосредственному впечатлению с первых лет юности. Если бы к этому запасу прибавился у всех еще другой силлогизм, и мысль у каждого стала бы способная связать оба в одну цепь мышления, от этого одного изменился бы вид вселенной, преобразовалась бы судьба всего человечества. Вот цель, к которой хотят вести нас, вот задача просвещения и прогресса, которую ставят новые философы 19-му столетию.

Кажется, как спорить против этого? А между тем у предполагаемой задачи есть и другая сторона, оборотная и темная, которую обыкновенно упускают из виду. Есть в человечестве натуральная, земляная сила инерции, имеющая великое значение. Ею, как судно балластом, держится человечество в судьбах своей истории, - и сила эта столь необходимая, что без нее поступательное движение вперед становится невозможно. Сила эта, которую близорукие мыслители новой школы безразлично смешивают с невежеством и глупостью, безусловно, необходима для благосостояния общества. Разрушить ее - значило бы лишить общество той устойчивости, без которой негде найти и точку опоры для дальнейшего движения. В пренебрежении или забвении этой силы - вот в чем главный порок новейшего прогресса.

Что такое предрассудок? Предрассудок, говорят, есть мнение, не имеющее разумного основания, не допускающее логической аргументации; все такие мнения предполагается искоренять, каким способом? - возбудить в каждом человеке мыслительную деятельность и поставить мнение у каждого человека в зависимость от логического вывода. Прекрасно, но прекрасно лишь в отвлеченной теории. В действительной жизни мы видим, что в большей части случаев невозможно довериться действию одной способности логического мышления в человеке; что во всяком деле жизни действительной мы более полагаемся на человека, который держится упорно и безотчетно мнений, непосредственно принятых и удовлетворяющих инстинктам и потребностям природы, нежели на того, кто способен изменять свои мнения по выводам своей логики, которые в данную минуту представляются ему неоспоримым гласом разума. В таком расположении человеку легко сделаться послушным рабом всякого рассуждения, на которое он не умеет в данную минуту ответить, сдаваться безусловно, со всем своим мировоззрением, на всякий новый прием логической аргументации по какому угодно предмету. Он становится беззащитен против всякой теории, против всякого вывода, если не обладает сам таким арсеналом логического оружия, каким располагает в данную минуту противник его. Стоит только признать силлогизм высшим, безусловным мерилом истины, - и жизнь действительная попадет в рабство к отвлеченной формуле рассудочного мышления, ум со здравым смыслом должен будет покориться пустоте и глупости, владеющей орудием формулы, и искусство, испытанное жизнью, должно будет смолкнуть перед рассуждением первого попавшегося юноши, знакомого с азбукой формального рассуждения. Можно себе представить, что сталось бы с массою, если б удалось наконец нашим реформаторам привить к массе веру в безусловное, руководительное значение логической формулы мышления. В массе исчезло бы то драгоценное свойство устойчивости, с помощью коего общество успевало до сих пор держаться на твердом основании.

Притом справедливо ли признать, что упорство в мнении, на веру принятом, состоит необходимо и всегда в противоречии с логикой, что так называемый предрассудок означает всегда тупость или недеятельность мышления? Нет, несправедливо. Если человек склонен сдаться со своим мнением и верованием на доказательную аргументацию логики, это совсем еще не означает, что он логичнее, последовательнее того, кто, не уступая аргументации, упорно держится в своем мнении. Напротив того, приверженность простого человека к принятому на веру мнению происходит, хотя большей частью и бессознательно для него самого, от инстинктивного, но в высшей степени логического побуждения. Простой человек инстинктивно чувствует, что с переменою одного мнения об одном предмете, которую хотят произвести в нем посредством неотразимой, по-видимому, аргументации, соединяется перемена в целой цепи воззрений его на мир и на жизнь, в которых он не отдает себе отчета, но которые неразрывно связаны со всем его мышлением и бытом и составляют духовную жизнь его. Эту-то цепь и стремится разорвать по звеньям лукавая диалектика современных просветителей и, к несчастью, легко иногда успевает. Но простой человек со здравым смыслом чувствует, что, уступив беззащитно в одном - первому нападению логической аргументации, - он поступился бы всем, а целым миром своего духовного представления он не может поступиться из-за того только, что не в состоянии логически опровергнуть аргументацию, направленную против одного из фактов этого мира. Напрасно лукавый совопросник стал бы стыдить такого простого человека и уличать его в глупости: в этом простой человек совсем не глуп, а разумнее своего противника: он не умеет еще осмыслить во всей совокупности явления и факты

своего духовного мира, и не располагает диалектическим искусством своего противника, но, упираясь на своем, тем самым показывает, что дорожит своим мнением, бережет его и ценит истину убеждения - не в форме рассудочного выражения, а во всей ее целости.

А так хотят нынче просвещать простого человека. Про все подобные приемы просвещения можно сказать, что они - от лукавого. Ночью, когда люди спят или впросонках бессильны, приходит лукавый и потихоньку, под видом доброго и благонамеренного человека, сеет свои плевелы. И совсем не нужно для этого быть ни умным, ни ученым человеком - нужно быть только лукавым. Требуется ли много ума, например, чтобы подойти в удобную минуту к простому человеку и пустить в него смуту: «Что ты молишься своему Николе? Разве видал когда-нибудь, чтобы Никола помогал тому, кто ему молится?» Или подольститься к девушке в простой семье с такой речью: «Кто тебе докажет, что доля твоя всегда зависеть от других и быть рабою мужчины? Разум говорит тебе, что ты равна ему во всем и на все решительно одинаково с ним имеешь право». Или - прокрасться между родителями и юношей-сыном с такой речью: «По какой логике обязан ты повиноваться родителям? Кто тебе велел уважать их, когда они по твоему разумению того не стоят? Что, как не случайное явление природы, связь твоя с ними и разве ты не свободный человек, прежде всего равный всем и каждому?» С такими речами и множеством подобных бродит уже лукавый между простыми и малыми в близких и дальних местах земли нашей, отбивает от стада овец и велит звать себя учителем, и уводит и выгоняет в пустыню...

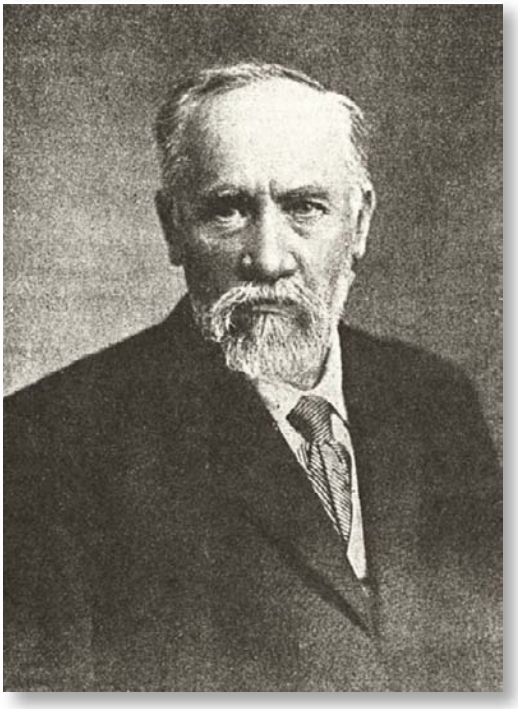
Опыты православной педагогики: сост. А. Стрижев, С. Фомин. М., 1993. с. 32-38.

Иван Алексеевич Сикорский

Иван Алексеевич Сикорский (1845 – 1918 гг.) - ученый-психиатр и педагог, положивший начало разработке экспериментальных методов и методик исследования процессов обучения и воспитания (1879 г.).

Большая часть трудов И.А. Сикорокого посвящена изучению возраста раннего детства, в них даются характеристики главных фаз нервно-психического состояния ребенка, знание которых необходимо для успешного его воспитания. На прочном знании психофизиологии и педагогики основывалось убеждение И.А. Сикорского, что «воспитание младенцев дело такое же высокое и благородное, как и умственное развитие юношей».

В конце XIX - начале XX в. экспериментальные методики разных авторов применялись уже в широких масштабах в России и странах Западной Европы.



Иван Алексеевич Сикорский

Ознакомление с играми и забавами детей безспорно принадлежит к числу предметов, заслуживающих полнаго внимания со стороны психолога. В самом деле, ежедневный опыт показывает, что игры составляют главнейшую сторону детской жизни, что дети предаются им с поразительной неутомимостью. Легко также убедиться и в том, что сложность и разнообразие игр и интерес, который обнаруживают к ним дети, растут и увеличиваются по мере умственнаго развития ребенка; параллельно с этим в организации игр более и более сказываются фантазия и творчество ребенка. Вообще можно сказать, что игры удовлетворяют какому-то неумолимому умственному запросу, который побуждает ребенка к неусыпной деятельности.
Если за играми следить изо дня в день систематически, если продолжать наблюдение несколько лет, то можно заметить еще одну особенность игр, а именно, что движение и гимнастика играют в них второстепенную, подчиненную роль, служа лишь орудием для выполнения умственных замыслов. Таково общее впечатление, производимое детскими играми. Перейдем к анализу частностей.

В играх детей внимание наблюдателя прежде всего поражается полным отсутствием эмоциональнаго начала; игры представляют исключительно умственную, интеллектуальную деятельность. Даже в тех случаях, где, повидимому, дело идет о предметах, действующих на чувство и предполагающих его, - на самом деле все ограничивается одним только чистым мышлением. Когда ребенок заставляет куклу падать, плакать, умирать и т.п., то во всех этих случаях интересует его только отвлеченное, чистое представление соответственных процедур. Таким образом, в играх и забавах детей мы встречаемся с чисто интеллектуальными задачами. Вторую особенность детских игр составляет их безпрерывная смена, которая тем резче, чем ребенок моложе.

Если наблюдать ребенка, то не трудно убедиться, что множество игр и предметов, которыми он забавляется, служат лишь внешними объектами или символами для зачинающихся идей, для отвлеченных представлений. Самое ничтожное, отдаленное сходство нескольких предметов в какой-либо одной черте является основанием для того, чтобы ребенок избрал один из этих предметов для игры и забавы, т.е. сделал бы его орудием, которое, в качестве реальнаго предмета, способно возбуждать зарождающееся общее представление и служить для него основой. Такой объект будет любимым предметом ребенка и в руках его сделается игрушкой. Палочки, карандаши, спички, перемещаемыя ребенком по плоскости стола, служат для него безразлично символом движения и совершенно удовлетворяют его как игрушки. Круг объектов игры более и более расширяется с развитием ребенка. А вместе с тем назревающее мышление более и более приводит в действие различные двигательные аппараты (движение глаз, головы, рук, перемещение) для отыскивания новых предметов и для овладевания в реальности теми объектами, смутный образ которых уже живет в мыслительных центрах ребенка. Потребность ознакомления со свойствами предметов внешняго мира, с их видом, формой, весом, сопротивлением, гибкостью и другими качествами предполагает необходимость огромнаго количества моделей и безконечно частаго изследования их. Отсюда громадное разнообразие в предметах, служащих для игры и в способах забавы: игры также разнообразны, как разнообразна человеческая мысль.

Вторая громадная группа игр и забав служит для развития и укрепления чувства самосознания. В известную пору своей жизни, ребенок не отличает себя от внешняго мира. Его собственная ножка, которую он впервые нашел, которую ощу-

пывает, является для него посторонним объектом - таким же чуждым телом, как любой внешний предмет, и ребенок забавляется собственной ножкой, также как Фребелевским шариком. Проходить долгое время, и требуется масса упражнений, прежде чем юный человек ознакомится с своим собственным телом и с его пределами. Разграничение впечатлений внешняго мира и впечатлений, получаемых от собственнаго организма, есть дело огромной психологической важности; оно долго подготовляется, оно еще не закончено в ту пору, когда ребенок стал говорить. Этому отделению себя от внешняго мира, т.е. развитию самосознания, способствует масса тех движений и действий, которыя ребенок производить преднамеренно и где его внимание приковывается не к самым предметам или явлениям а к производящей их причине. Разсмотрим эту забаву ребенка. Он, например, производит шелест бумаги, потом внезапно приостанавливается, выжидая, будут ли звуки продолжаться в ту пору, когда сам он перестал действовать: внимание ребенка видимо приковывается не к самым звукам как таковым, а к источнику их происхождения, к их зависимости от его собственных движений. Когда ребенок начинает постигать эту причинную связь, он обнаруживает большое удовольствие, проистекающее из чувства собственной силы, из сознания себя как деятеля, как причины явлений, как живого двигательнаго начала, независимаго от всего окружающаго. Это постоянное чувствование себя как силы и составляет одно из оснований или субстратов самосознания. Выяснение той истины, что развитие самосознания совершается таким путем, принадлежит Прейеру. Он справедливо думает, что разрывание предметов на части, разрушение, шумы, стуки, таскание и бросание предметов, пересыпание и переливание - все эти движения, производимыя с великою серьезностью, мало по малу способствуют тому, что ребенок отделяет себя как деятеля, как субъективную силу от всего остального мира. Когда такой процесс достаточно подготовлен, самосознание может возникнуть иногда внезапно, как простой вывод, как естественное следствие, основанное, однакоже на безконечно большом психологическом опыте.

Многия движения ребенка не имеют другого значения, кроме практики воли. А между тем нередко можно видеть, - и на это справедливо жалуется Прейер, - что вмешательством, в особенности же дрессированием, подавляют истинные проблески воли и полагают предел движениям, хотя безцельным, но имеющим большое педагогическое значение в деле развития воли. В тех случаях, когда не понимают смысла детской игры, лучше не вмешиваться в нее и вполне предоставить ребенка самому себе. В особенности это нужно сказать о вмешательстве в систему движений ребенка. Случается наблюдать, как няни и матери своим содействием и вниманием и своей неразлучностью с ребенком лишают его свободы и независимости и нередко даже своим вмешательством разрушают на половину уже осуществленныя задачи дитяти, лишая его наслаждения результатом и, что еще хуже, мешая разумным, самостоятельным упражнениям ребенка в отправлении волевых функций, в доведении их до конца.

Наблюдая детския игры, можно убедиться и в том, что некоторыя манипуляции детей имеют своею целью исключительно упражнение в тормозящем действии воли, в приостановке существующаго движения. Таковы например, различнаго рода неподвижныя позы, который ребенок принимает перед зеркалом и где зеркало служит для него только средством контролировать свою неподвижность. Внезапность, с которой ребенок приостанавливает все движения, принимая оцепенелую позу, показывает, что здесь дело идет именно об интересах и задачах торможения. Такое же значение, вероятно, имеет столь любимое детьми внезапное умолкание, соединенное с неподвижной позой, как у животных, делающих стойку. С перваго взгляда кажется, будто дети к чему-либо прислушиваются. Но на самом деле легко убедиться, что в план этих забав не замешано стремление к чему-либо прислушаться,

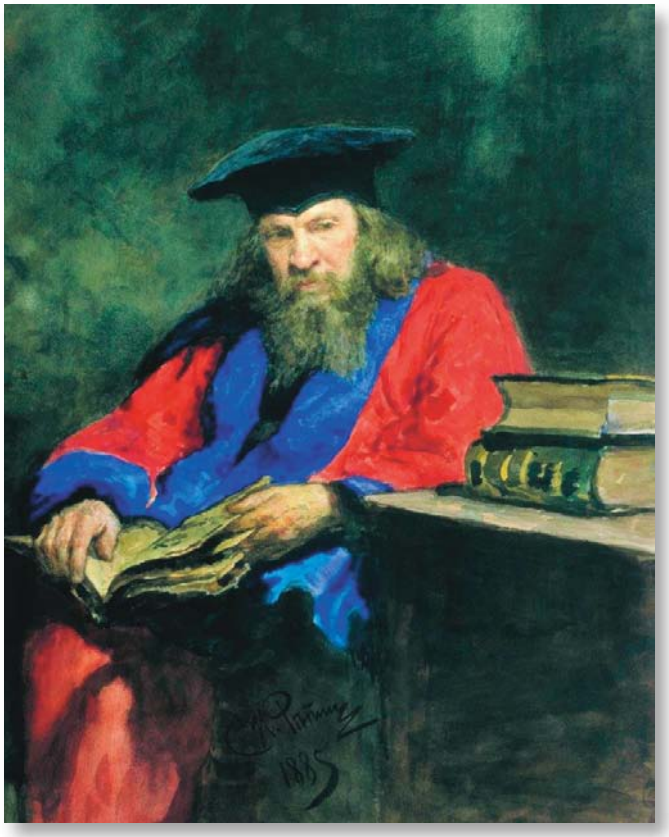
или на что-либо устремить взор. Ничего подобнаго нет: весь акт представляет собою простую забаву психическаго торможения. Иногда эти действия носят характер чистаго напряжения внимания, но и это напряжение, в свою очередь, является в виде безцельнаго, платоническаго акта, который не имеет за собою никакого продолжения и никаких непосредственных последствий. Все явление имеет такой характер, как будто ребенок - можно бы сказать, употребляя обычное выражение поэтическаго языка, - прислушивается к собственной мысли. В сущности же описываемый феномен есть не что иное, как чистое абстрактное упражнение волевого начала в процессе внимания или торможения.

Большой теоретический интерес имеют, наконец, те действия и забавы детей, где дело идет, очевидно, не о координации движений, не о достижении каких-либо конкретных двигательных задач, а исключительно о простом всеобщем и притом значительном напряжении мышц, о проявлении валовой, грубой силы. Общеизвестно, как дети любят передвигать и таскать громоздские предметы, какое наслаждение доставляет им участие к которому взрослые их допускают, в передвижении мебели и тяжелых предметов. Волевые импульсы, направленные в сторону этой валовой, грубой силы, где не требуется тонкая координация и смена напряжений - такие импульсы чрезвычайно нравятся детям. У мальчиков эти движения положительно больше развиты, чем у девочек. В самую раннюю пору детства, на 1 - 2-м году, они служат первым звеном, первой ступенью в переходе от импульсивных и, следовательно, не координированных движений к движениям сочетанно-волевым. В этом смысле они весьма полезны, как одна из стадий развития воли.

Быть может, самую интересную сторону детской воли представляет факт ея крайней слабости: и воля, и убеждения ребенка в высшей степени шатки. Всякий, кто наблюдал детей, мог убедиться в этом. Эта слабость детской воли, эта - если можно так выразиться - гибкость и пластичность детскаго чувствования и движения может быть с великой пользой утилизирована воспитателем: ребенку весьма легко внушить известныя идеи и известный план действования, легко воспитать в нем способность сдерживать аффекты, подавлять чувство голода и боли, переживать и реализировать посредством подражания ваши собственные акты воли. Легко понять, что этот способ воспитания воли не имеет ничего общаго с дрессированием, которое предполагает собою действование ребенка по внешнему мотиву, противоречащему его воле. Напротив, здесь именно дело идет не о насилии воли, а об ея организации и о направлении зачинающихся волевых движений в сторону первых задач жизненной практики, об увлечении мысли и воли ребенка по главнейшим путям требований жизни. Польза, которою в этом отношении может принести ребенку воспитатель так велика, что ее невозможно преувеличить. Если воспитание воли ведется систематически, если - что самое важное - оно начато рано, в ту пору, когда еще воля весьма слаба и податлива, то укрепление и систематическое развитие ея, а с нею и характера, удается осуществить самым счастливым образом. Сущность и узловая точка этого требования лежит не в каких-либо особых приемах, - приемы могут быть разнообразны, - но в систематическом упражнении ребенка, в постоянной практике. Задача эта не так трудна и многосложна как кажется сначала, но она может быть выполнена только при самопожертвовании родителей и при известных знаниях; для большей части нянь она недоступна. Но кто не согласится, что эта задача - одна из самых важных в жизни общества и что воспитание младенцев дело такое же высокое и благородное, как и умственное развитие юношей?

Демков М.И. Русская педагогика в главнейших ее представителях. М., 1898. с. 401-408.

Дмитрий Иванович Менделеев



Портрет Д.И. Менделеева работы И. Е. Репина, 1885 г.

Дмитрий Иванович Менделеев (1834 – 1907 гг.) - гениальный ученый-энциклопедист и педагог, современник и во многом единомышленник К.Д. Ушинского. После окончания с золотой медалью Главного педагогического института в Петербурге был учителем одесской гимназии. Через год защитил магистерскую диссертацию. В 1859 - 1861 гг. находился в научной командировке в Германии. За учебник Д.И. Менделеева «Органическая химия» (1861 г.) Академия наук присудила ему Демидовскую премию. В 1865 г. защитил докторскую диссертацию, стал профессором Московского университета...

Итак, в течение всей жизни Д.И. Менделеев наряду с научными поисками вел педагогическую работу в гимназии, университете, других высших и средних учебных заведениях. «Старик, отдавший весь цвет своей жизни посильному служению на пользу образования русского юношества», - сказал о себе Д.И. Менделеев. Характерно, что и знаменитую Периодическую таблицу элементов он создал из потребности представить гимназистам фундаментальные знания не разрозненными а в системе, основанной на закономерностях самой природы.

Педагогическая деятельность, считал Д.И. Менделеев, не менее важна, чем научная, ибо «школа составляет громадную силу, определяющую быт и судьбу народов и государств, смотря по основным предметам и по принципам, вложенным в систему школьного образования особенно среднего» (Заметки о народном просвещении в России. СПб., 1901. - С. 27). Д.И. Менделеев разработал ряд проектов и программ развития российского образования и подготовки учителей, которые в условиях нараставшей социальной напряженности начал XX в. остались невостребованными.

Экзамены

Первое общее положение, которое мне желательно выставить в главе всего последующего, формулируется до крайности просто: устные массовые экзамены (т.е. переходные и выпускные) при обучении следует уничтожить, а на вступительные (состязательные) следует смотреть только как на неизбежную необходимость, определяемую отношением спроса (т.е. числа желающих поступить) к предложению (т.е. к числу принимаемых).

Не станем говорить о муках физических и нравственных, испытываемых во время экзаменов как отвечающими, так и спрашивающими; они всем известны по отношению к ученикам, а испытывающим я был 35 лет и всегда мучился совокуп-

ностью ответственности, лежащей на экзаменаторе, с необходимостью быстро решать, чтобы не задерживать весь ход испытаний. Приходилось прибегать к разным компромиссам. Из них я лично выбирал вот какой: тех, кого я за год знал как способных и знающих, спрашивал лишь ради формы; другим, которых не знал, если отвечали на первый вопрос хорошо, тотчас давал второй и третий, а когда и на них отвечали ладно - поскорее ставил хорошую отметку, чтобы иметь много-много времени на тех, кого знал плохо работавшими за год, или тех, которые ответили на первые вопросы плохо: им сменял вопросы, давал время надуматься и старался, упрощая высоту требований, доводить до того, чтобы они сами сознавались в недостаточности подготовки. Но и эта манера и разные другие, мне известные, не могут дать при краткости устного испытания возможности верного суждения о знаниях ученика никакому экзаменатору, если он не знает хода занятий своих учеников за длинный срок учения или если он не получил через задачи или письменные ответы твердого убеждения в том, что ученик действительно знает то, в чем его экзаменуют. Из своих гимназических испытаний очень хорошо помню, что в немецком я был всегда плох, а отметка вышла годная для выпуска, потому что я удачно сумел в ответе на выпускном экзамене вставить знакомые стихи Шиллера:

So willst du treulos von mir scheiden
Mit deinen holden Phantasien... -

которые мне понравились по звучности и смыслу, мне кем-то объясненному. В действительности экзамены, особенно устные, всегда более или менее лотерея, как часто и говорят; пора с этим покончить. И от этого дело обучения только улучшится, а лишние муки пропадут.

В начальных школах и низших классах средних школ уже давно и повсюду практикуется перевод и выпуск без всяких особых массовых устных испытаний, по годовым отметкам, - по крайней мере, тех, кто учился за год хорошо. Следовательно, тут отмена экзаменов не будет большим нововведением, а потому стоит говорить о возможности такой отмены в старших классах гимназий, в университетах и в других средних и высших учебных заведениях.

В старших классах гимназий и других средних школ обучение основано всюду на объяснении уроков, на задании упражнений и на том или ином виде проверки знаний учеников во все продолжение курса. Поэтому более 30, много 40 учеников в классе не держат, учителю иначе не успеть всех узнать. А такое число учеников и должно и можно знать учителю. Отметка служит помощью учителю, указателем ученику. Зачем еще сверх того экзамен со всеми его муками? Знаю я и слыхал только две отговорки: надо - дескать - проверять учителей и полезно лишний раз дать возможность слабым подтянуться или попытать счастья. По мне, эти отговорки стоят мало, формальны и путают все дело до крайности. Проверять учителей, испытывая учеников, можно было бы, если бы проверку вели помимо учителей и если бы за худые результаты экзаменов можно было винить только учителей, т.е. им ставить свои отметки. Но по существу дела нельзя ничего этого проделывать, особенно с учениками того критического возраста, о котором идет здесь речь, т.е. в 13 - 18 лет, когда самостоятельные мысли начали развиваться, и особенно по отношению к предметам старших классов средних учебных заведений. Что бы ни делали, каких бы учителей ни давали, какие бы программы ни писали, в известном возрасте всегда

будут одни ученики более способны и склонны к физико-математическим наукам, другие - к изучению языков или истории и т.п. Дельный учитель и разумные советы учителей всегда принимает во внимание. Учителю нельзя также не принять во внимание прямо личные качества учеников. Иной застенчив и легко сбивается, а между тем прекрасно учится - к нему одно отношение, а другой боек и горазд на слова - к нему надо отнестись иначе. Это знает всякий, кто учил и учился. Поэтому без учителей, знающих лично своих учеников, судить правильно об успехах учения невозможно. А проверка учителей, конечно, необходима, но ее прежде всего следует делать при выборе учителей и помимо того напряженного положения, в каком находятся ученики и учителя во время экзаменов. Да и где набрать судей, способных делать правильную проверку учителей? Помню я, как шел экзамен химии для выпускных кадет 2-го кадетского корпуса, где я учил. Тому будет более 40 лет, и говорить теперь об этом можно. Председательствовал всем тогда известный высокоуважаемый начальник военно-учебных заведений Ростовцев. С самого начала он сказал, что все предоставляет мне, потому что совершенно не знает химии, и только желает узнать кадет. Сидело немало и других генералов, и они ни слова не сказали во все время, только просили ставить отметки так, чтобы им было видно. Средняя отметка из всех была, быть может, именно по этой причине одинаковая у всех, ставивших баллы, и только раз или два зашла речь о повышении отметки, когда дело шло об очень бойких, но посредственных ответах Директор-филолог как будет судить об успехах учеников старших классов по математике, или, обратно, математик - об учителях греческого или латинского? Увидит он, конечно, если будет придирчивость или слабость; но что и тогда поделать, как не уговаривать в совете, если ему будет предоставлена решающая роль и если учитель дан неладный, не вникающий ни в особенности учеников, ни в тяжелое положение испытуемых, сознающих, что дело идет об их будущности и зависит от момента, от слова и случайностей? Очевидно, что проверять надо учителей вовсе не на экзаменах, а на самом ходе преподавания, хотя главную-то проверку дадут сами ученики - когда вырастут, осмотрятся и вспомнят, что и как внушал им тот или другой учитель. Инстинктивно ценят учителя любовь учеников, порядок и внимательность в классах, стоустая молва и вся жизнь самих учителей. Все это, а особенно посещение уроков инспектирующими лицами, может дать более верную оценку учителя, чем экзамены его учеников. Без доверия к учителю учение не может давать добрых плодов, а доверять надо с большим выбором. Поэтому корень дела в подготовке учителей, о чем будем говорить особо.

Что же касается до оправдания экзаменов пользой их для слабых учеников, то, конечно, при этом подразумевают их спешную самостоятельную подготовку, и тут что-нибудь не так: либо учение шло без достаточного внимания к более слабым, либо достигалась не истинная, а только кажущаяся польза учащихся, потому что, если за год не улеглось изучаемое в голове ученика, в недели или дни подготовки оно улечься, очевидно, не может. А дать место и шанс случайности экзаменов в деле подготовки было бы не в пользу, а во вред учению. При сознательном отношении к делу совета педагогов слабые по некоторым предметам ученики могут быть сознательно - без всяких случайностей экзаменов - пущены дальше, если есть указание на возможность допустить ученика к дальнейшему ходу его обучения. Учителя, зная своих учеников, хорошо могут предвидеть, насколько можно предвидеть в жизни, имеются или нет у данного слабого ученика условия для успешного его даль-

нейшего обучения, а если этого предвидения ничто не возбуждает - экзамен может обманывать, затягивать, а не помогать слабым. Таких надо или направлять в иные условия (т.е. или вовсе выделять из учения, направляя на иную деятельность, или оставлять в классе, если есть надежда или были обстоятельства, временно препятствовавшие ходу учения, например, болезнь, условия жизни и т.п.), или при сколько-либо подходящих условиях переводить и выпускать с уверенностью, что недоделанное в прошлом наверстается. Экзамены тут не помогут. Вместо них совершенно достаточны годовые отметки, и главное - общее впечатление учителей, решающих дело перевода и выпуска учеников. Для меня это так несомненно, что я считаю возможным идти далее, т.е. выставить прямые выгоды отмены экзаменов. Кроме устранения множества ненадобных мук отмена экзаменов должна дать, по крайней мере, две прямые и важные выгоды в деле обучения в средних учебных заведениях: сокращение срока учения и спокойствие отдыха учеников и учителей.

Когда я учился в гимназии, у нас был один учитель, у которого всегда все знали что следует. Он поступал так: сперва вызывал охотников, и если один из них все расскажет хорошо, то затем заставлял то же повторять кого-нибудь из слабых. Если вызвавшийся охотник не умел хорошо объяснить заданное, вызывался другой, а если и он оказывался неумелым, учитель сам все объяснял и заставлял первого вызвавшегося повторить после него. Иные так и не готовились дома - а после урока все знали, потому что слова своего товарища укладывались легко. Учителя того и любили же, хотя он был очень строг.

Время экзаменов в старших классах гимназии и т.п. длится около полутора месяцев. В это время учение во всех классах, даже если в них нет экзаменов, или вовсе не идет, или ничего не дает, потому что учителя измучены экзаменами не меньше, а больше учеников. Нормальное учение идет при экзаменах никак не более 7 1/2 месяцев в году, считая время вакаций. Если прибавить полтора месяца - выйдет 9 месяцев, и, следовательно, вместо 7 лет - 6 или вместо 8 - только 7 лет. То есть уничтожение экзаменов помимо всего прочего сократит учение в средних учебных заведениях, по крайней мере, на год. А это составит прямую выгоду не только родителей и учеников, но и учителей, потому что они за свое дело претерпят менее муки, могут получить высшее вознаграждение. Но главное не в этом, а в том, что ученики с той же подготовкой, как ныне, не будут выходить из средних учебных заведений столь «зрелыми» по годам, лучше будут пригодны и впечатлительны к дальнейшим занятиям в университетах и тому подобных заведениях и к самой жизни.

О подготовке к университетам речь дальше, а теперь я остановлюсь только на тех учениках средних учебных заведений, которые прямо после них поступают в жизнь, со всей ее сложностью. Как бы там ни судили о том, какие бы программы средних школ ни выдумывали, как бы их ни специализировали по предметам обучения, - все же жизнь современная, да и всякая, сложнее и дробнее школы во много раз; вышедшему из нее надо учиться стать офицером или купцом, промышленником или чиновником, дьяконом или учителем - кем бы там ни было. Прямо со школьной скамьи средних учебных заведений, даже профессиональных, не может выходить специалист, а таких-то и надо жизни не только от высших, но и от средних школ. Такова уж современная жизнь, а чем дальше, тем больше - не то, чтс было когда-то, еще сравнительно недавно. Так лучше выгадать год для подготовки к этой разнообразной жизненной специальности, чем этот год тянуть в школах, а потом все

же расходовать время на обучение жизненной специальности. И чем моложе по годам начинающий учиться жизненным специальностям - при той же степени школьного обучения, - тем, само собой разумеется, он легче вступит в дело, тем больше успеет в жизни и тем жизнь больше выиграет от школьного учения. Когда на плечах много десятков лет, тогда год значит мало, а в 15 - 18 лет, когда кончают средние учебные заведения, тогда год срока - великое дело. Многих поражает то явление, что ныне при тысячах студентов выходит меньше выдающихся, чем было лет за 25 или 30 тому назад, когда были только сотни. На мой опыт, длящийся с этих прошлых времен, разность эта определяется, между прочим, прежде всего тем, что тогда в студенты поступали более молодыми и впечатлительными, чем ныне, - в гимназиях было 7, а не 8 классов, или лет учения. Если мы хотим успехов жизни России, надо начинать высшую специализацию, требуемую жизнью, как можно раньше. Уничтожение экзаменов - одно из первых для того средств. Притом, если продлится и впредь, после мирных конференций, всеобщность воинской повинности, тот год лучше потратить на дело подготовки к защите Отечества: плодов будет побольше чем от латинщины.

Опыт всего мира показывает надобность некоторого временного, но полного отдыха как учителям, так и ученикам. Первым - по двум причинам. Во-первых, потому, что истинное дело учителя делается исключительно нервами: надо - так сказать - заразить учеников трудолюбием, сознательным и разумным отношением к частностям жизни, мелькающим в глазах неуча в хаотическом беспорядке. Одними сухими рассуждениями - даже при полной добросовестности - ничего не поделаешь в обучении, доброго следа не оставишь, необходима работа нервов, а ее без отдыха нельзя вести. Во-вторых, учителю гимназий или тому подобных заведений нельзя стоять на месте, необходимо упорно следить за всем движением своего предмета, если он не мертвый, а мертвых предметов в школах не должно бы и быть. Не уследишь, не разберешь чего-нибудь, а там либо ученик какой, либо родственник его обратятся с вопросом о текущей теме дня, ну хотя бы о телеграфе без проводников, - нельзя учителю не знать этого. Следить же за наукой, разобраться в ней с чем-либо самостоятельно нельзя, не имея особо свободного времени; дельному учителю многое приходится откладывать до времени вакаций. Время такого отдыха для учителей и без того часто должно быть короче, чем для учеников, а когда есть экзамены, дающие массу утомления перед вакацией, да переэкзаменовки после вакации, тогда не может быть прочного спокойствия учителю. Если же его не будет - не ищите хороших учителей, светильников окружающему, настоящих просветителей для ваших детей; получим только исполнителей, а нужны возбудители. О детях и юношах и говорить нечего; всякий знает, как полный и спокойный отдых помогает им бодро глядеть на все, что им предстоит, а без этого хорошего учения в массе быть не может. Физическая сторона возрастающего организма не менее того требует временно полного отдыха, и это так известно, что я считаю возможным идти далее, заметив только о том, что польза от полноты отдыха учеников много выиграет, когда не будет ни экзаменной муки перед вакациями, ни всяких переэкзаменовок после них, а ход учения прямо прерывается вакационным временем. Военные школы поняли это у нас ранее гражданских.

Если от гимназий перейдем к университетам или вообще к высшим учебным заведениям, то тут на первый раз кажется невозможным обойтись без испытаний,

потому что уроков здесь не задается и спрашиваний с ответами не водится, следовательно, и личного знания всякого ученика профессорами быть не может. То же в немецчине. Но у англичан - по-иному, по-своему; оно и в результатах видна разность. Там репетируют студентов. Все здесь основывается на личной самостоятельности учеников, т.е. опирается на вероятность их сознательного отношения к занятиям, а испытание назначается для того, чтобы убедиться в действительном усвоении тех специальных предметов, которые назначены для слушания и дают подготовку к той или иной жизненной специальности или к той или иной области знаний. Обойтись без устных массовых экзаменов здесь, однако, не только легко, но и настоятельнее необходимо, чем в средних учебных заведениях. И если мне удастся доказать последнее, можно и умолчать о легкости устранения экзаменов, потому что всякому понятна польза высшего специального образования, помимо прав, через него получаемых, а жизнь до того требует на каждом шагу высшей специальной подготовки, что так называемые вольные слушатели составляют обычное явление там, где все высшее образование дошло до своей настоящей нормы. Даже в начале 50-х гг. и даже в таком «закрытом» русском высшем учебном заведении, каким были, в свое время Главный педагогический институт, где я сам учился, были правда немногие, «посторонние», или «вольные», слушатели у профессоров, подобных Остроградскому, потому что его курсы были полны живого интереса и специалистам были незаменимы. А для таких «посторонних» слушателей не может быть и речи ни о каких экзаменах. В специальных же курсах и в специальном к ним интересе содержится главная польза действительно высших учебных заведений. Нет этого интереса, нет этой «вольной» охоты узнать суть дела от знатока - напрасно будет все, останется только школа, разве тем отличающаяся от гимназии, что предметы более специализированны и не могут проходиться без предварительной подготовки. Тогда и надо заводить такие школы, а народу - отказываться от научной самостоятельности.

Оставляя эту сторону дела до того, когда буду говорить о высших и средних учебных заведениях, скажу здесь только следующее: высший смысл университетских и подобных им специальных курсов состоит именно в возбуждении и направлении первых юных приступов к самодеятельности. Тут устные и краткие ответы испытуемых ничем помочь не могут, а потому, строго говоря, устные экзамены здесь легко устранить по истинному существу дела. Они правильной оценки специальных знаний даже и дать не могут, если мы взглянем на задачу высшей учебной специализации с надлежащей жизненной точки зрения. Вот ее-то мне и следует сообщить здесь и дальше, показывая, что спрашивать надо уже дело, а не одно «слово». Иное дело - беседы профессоров с отдельными слушателями - тут польза явная для учеников.

Менделеев Д.И. Сочинения: В 25 т.
М., 1952. Т. 23. с. 63-72.

О направлении русского просвещения и о необходимости подготовки учителей

Сперва и люди, как многие животные, жили только семьями и общинами. Потом додумались до пользы государственного устройства и до расширения его граней во многих отношениях. Ныне человечество мыслимо только как разумная связь государств, а общественные школы - как один из плодов государственности. Речь

моя касается впереди только до русского школьного образования, отвечающего современному состоянию России, как я его понимаю, государственная школа не исключает семейного и общечеловеческого образования, а только их формирует и связует, потому что само государство исходит из семейства и ведет к общечеловечности, ясно видимой в том, что весь шар земной уже охвачен до концов и во все его закоулки проникают единые общие начала... Готовящиеся к наступлению века будут, несомненно, веками жизненного реализма, стремящегося не вширь, а вглубь и в высоту. К тем векам следует готовить подрастающие поколения. И мы, русские, можем вступить в них впереди иных народов, приспособив к тому все наше школьное образование, ибо идеалы наши не сзади, а впереди и у нас нет общей цельной системы государственного образования, так как современная смесь классицизма с профессионализмом есть явление, очевидно, случайное, бессистемное и нам мало подходящее...

Основную тему моих педагогических мыслей... составляет желание распространить убеждение в том, что школа составляет громадную силу, определяющую быт и судьбу народов и государств, смотря по основным предметам и по принципам, вложенным в систему школьного образования, особенно среднего. Последнее потому, что низшие, или народные, школы по существу своему могут давать только грамотность и только кое-что для начального роста убеждений или нравственных начал и для внешней обстановки отдельных лиц. Что же касается до высших школ, подобных университетам, политехникумам и т.п., то они назначены преимущественно для высших форм специализации, и в них входят уже люди с теми идеалами и привычками которые вынесены из средних школ и из окружающей жизненной обстановки. Конечно, преимущественно из них ныне выходят те люди которые придают народу его основной современный цвет и внутреннее содержание, так как «изобретать» (по терминологии Тарда) ныне можно только в такой области, в которой мудрость веков или главные основы специальных сведений уже известны; но необходимые для приложения в жизни этих знаний энергия и упования, любовь к окружающему и настойчивость в трудолюбии не только зарождаются ранее специализации, т.е. в средних учебных заведениях, но и формируются в тот критический период (лет от 14 до 16 или около того), когда слагается внешний человек, а этот возраст обыкновенно проводится в так называемой средней школе. Бесспорно, что средние школы без высших, специальных дадут мало стране того, что ей надобно, но несомненно также и то, что наилучшие высшие или специализированные учебные заведения не могут дать много настоящих христианских плодов, если в эти заведения будут входить из средних учебных заведений юноши с классическими привычками языческого свойства, например без привычки внимательно и долго наблюдать ранее, чем судить, с убеждением о том, что veni, vidi, vici возможно и ныне в жизни, что аттестат «зрелости» дает права, а не налагает обязанностей перед страной, дающей этот аттестат и т. п.

Итак, не входя пока ни в какие подробности, касающиеся содержания того образования, которое желательно сообщить современному юношеству... должно задаться вопросом, очень жизненным, по моему крайнему разумению, ныне для России: какие начала, судя по современным нашим потребностям, привычкам и убеждениям и по духу времени, должно вложить в центральное (т.е. среднее) образование, чтобы оно ответило желанию народному и благу России, понимаемому в том смысле возможно общего народного благоденствия, который заложен во всей нашей истории и

должен естественно развиваться будущими поколениями?

Свой ответ на этот вопрос я излагаю прямо так, как он составился у меня в мыслях, и затем стараюсь не столько о доказательствах его естественности, сколько о том, чтобы выяснилось то, что содержится в нем, - до того мне кажется необходимым ответить именно вот так: основное направление русского образования должно быть жизненным и реальным.

...Жизненный реализм развился исторически позднее чисто духовного, военно-государственного и гражданско-гуманитарного направлений, занявших все прошлые века до последней четверти XIX в., и это новое направление, как всякое последующее, могло извлечь все лучшее из всех предшествующих. Так, например, основные гуманитарные идеи, прямо подходящие к жизни, т.е. свободные от романтизма (лучше, иначе - от слащавой латинщины), прямо усвоены реализмом, если не понимать под этим тех крайностей, с которыми неизбежно связано всякое начало нового направления.

Всем этим я хочу сказать, что жизненному реализму у нас и всюду пришел исторический момент. Если бы его и не настало - его следовало бы изобресть, потому что он нам на руку и по времени. Великий Петр его провидел и предчувствовал...

Русский человек, заняв холодные, однообразные лесные и степные равнины, поневоле должен быть прежде всего реалистом - ведь иначе не проживешь в этих палестинах... Приноровиться, приглядевшись к делу, и одолеть его понемногу, упорным трудом - составляет истый прием реализма и подлинное качество, выработанное в нашей народной массе. Недаром между русскими учеными больше всех успели выдаться реалисты. И весьма печально то, что русский реализм вовсе не воспитывается, что его почти не пускают в школы... Не так, как теперь, мы начнем сеять, промышлять и торговать, к чему издавна сродны, когда дело опыта и наблюдения будет еще в школе изучаться и систематизироваться, когда занятие подлинным, живым делом будет пользоваться почтением, отдаваемым всему тому, что изучается для общей пользы... Настоящие дела, которыми живет народ и страна, не в фаворе ни в школе нашей, ни в литературе, а юноши наши посейчас, на древний манер, полагают, что вся суть жизни сводится только на философские представления и на слова, да мероприятия политического свойства.

В средней школе ныне рассчитывают на два главных образовательных предмета: языкознание и математику. Бесспорно, что их сочетание развивает прекрасно, потому что в языке слышна одна сторона мудрости народной, а в математике - мудрости научной. Но это развитие не может не быть односторонним, рационалистическим, самомнительным и чуждым прямых интересов жизни. Притом оно, особенно при древних языках, окаменелое, ничуть не приспособляющее юношу к задачам времени... ни к действительному труду жизни. Самообольщение силой разума, рационализм и, как их плод, отчаяние в возможности найти когда-нибудь верные общие жизненные пути - вот непременные и общие - в лучшем случае - следствия того направления, которое давали, дают и будут давать средние школы классического типа. А забота о себе всегда тут, налицо, она и делает карьеристов, питает эгоизм, заставляет верить только внешней силе, всеобщему голосованию и красивым словам и

бредням. Согласен даже с тем, что в свое время и особенно в своем месте, например там, где основание народной истории идет прямо от латинян, классическое образование прекрасно отвечает целям государства, но у нас и в наше время, когда надо отвоевывать от природы, а не от людей главные условия роста народного и когда рационалистические попытки и красивье слова потеряли во всем свете свой прежний вес, средневековая система образования - сущее зло. К привычкам диалектического свойства, вселяемым школами, надо ныне добавить привычки осторожного, опытного, уверенного суждения, внушаемого науками индуктивными. Природа в ее видимой сложности, со всей ее доступностью и простотой... законов, ею управляющих, и как неизбежная среда деятельности стала предметом наук, составляющих силу и славу последних времен, основу всех действительных общих и мирных завоеваний, которыми воспользовались современники гораздо более, чем было ранее. И в этом разряде наук легко найти такие части, которые доступны изучению в средних школах, способны настраивать ум на понимание окружающего и приохотить волю к трудолюбивому и скромному труду. Если взамен классических грамматик, упражнений и чтений ученики получат некоторые твердые, хотя и элементарные, познания об окружающей природе и привычку наблюдать лично, то выйдут уже более подготовленными, чем ныне, а если вынесут из школы основные понятия о законах государственных, да хоть в хоровом пении уловят гармонию общественности и необходимость согласования с окружающим, - они получат при школьном учении то, что поможет им жизни гораздо более, чем греки и латиняне...

Сущность моих мыслей, относящихся к современному состояние русского просвещения, скажется ясно, если сперва припомню пожелание Ломоносова - видеть на русской земле своих Платонов да «хитрых разумом Невтонов» - и если прибавлю затем от себя, что без Платонов-то, по нынешним временам, мы, пожалуй, и обойдемся, та как они в свое время дело сделали хорошее, но едва ли могут повторяться, а вот заместо того лучше пожелать ныне России двойное количество Невтонов, чтобы раскрывали они тайны природные и разъясняли способы скромного согласования жизни с законами природы, пользуясь не только «хитрым разумом», но и опытными способами - двигаться все вперед да проверять выводы и делать их уверенно. Но Платон и Невтон были учителями юношества, а потому, думая о русском образовании, прежде всего следует позаботиться об учителях. Имея же случайных, даже и при хорошей системе образования, едва ли мы получим даже Платонов, которых родина на юге, где потеплее.

Менделеев Д.И. Сочинения: В 25 т.
М., 1952. Т. 23. с. 75-98.

О просвещении и подготовке учителей

(Из письма министру финансов С.Ю. Витте)

Так как между развитием промышленности и просвещения существует тесная и очевидная связь, то я осмеливаюсь изложить вашему высокопревосходительству несколько мыслей, относящихся к этому последнему предмету.

Главная часть моей 40-летней служебной деятельности относилась к делам

народного просвещения и возбуждения развития промышленности...

Хотя по обычной своей сущности просвещение состоит в ознакомлении юношества со способами и выводами узнанного, но ближайшими его целями, особенно ныне, в век господства промышленного склада жизни, должно считать: внушение разумных, т.е. выдерживающих критику опыта, способов умелой жизнедеятельности, показание зависимости успеха от количества и качества приложенного труда и приобретение привычек, облегчающих прохождение жизненного пути. Поэтому предметы обучения далеко не безразличны, как видно в примере ученейших браминов и конфуцианцев, которые могут оставаться лишенными истинного просвещения, бесполезными для своей страны и бессильными для дальнейшего ее развития. Начинаясь в семейной обстановке, истинное просвещение нормально ради государственного общежития - и неизбежно по причине необходимости специальной подготовки - повсюду становится школьным и сосредоточивается в юношеском возрасте.

Только об этом последнем и будет далее речь, хотя в результате многое зависит как от начальной семейной обстановки, так и от условий деятельности в зрелом возрасте...

Вообще, дело возбуждения прочного просвещения, как показывают сущность дела и многие прошлые явления в самой России, зависит в сильнейшей мере от организации, дающей учителей, так как они лично воздействуют на юношество, - иначе все можно было бы ограничить грамотностью, соответственными книгами и испытаниями. Хотя значение этих способов, основанных на естественной любознательности, не подлежит сомнению, но, принимая во внимание, с одной стороны, детскую и юношескую живость и впечатлительность, устраняющие критику и настойчивость, а с другой - необходимость для просвещения разумной свободы печати, нельзя не прийти к заключению о том, что от естественной любознательности нельзя ждать добрых и верных плодов просвещения, тем более что юный возраст, которым естественно пользоваться для достижения целей просвещения, будет при этом почти упущен из виду. На школьном же пути все просвещение основывается на учителях, а потому на них, на их должную подготовку неизбежно обратить большое внимание. Учительство же во всех степенях очень трудно и чрезвычайно утомительно, как знаю по опыту, учивши сперва малых детей, потом гимназистов и кадет и, наконец, долго бывши профессором. Только усидчивый предварительный труд, рождающаяся от него любовь к делу и долгая привычка могут облегчать выполнение учительских обязанностей, для плодотворности которых - на всех ступенях - опытность и привычка к делу должны быть соединены как с ясным пониманием истинных общих целей образования и частных интересов учащихся, так и с полной сознательностью, свободной от рутины. Оставить дело выбора учителей такой же случайности, какой придерживаются в выборе других чиновников, можно только тогда и только там, во-первых, где строй просвещенной народной жизни уже совершенно прочен и, во-вторых, где выбор возможен и есть избыток достаточно подготовленных лиц. У нас же нет ни того, ни другого, а потому в заботах о росте русского просвещения неизбежно необходимо иметь в виду прежде всего должную подготовку истинно просвещенных учителей всех степеней.

Менделеев Д.И. Сочинения: В 25 т.
М., 1952. Т. 23. с. 129-147.

Петр Федорович Каптерев

Петр Федорович Каптерев

Широко известный в свое время русский педагог и психолог Петр Федорович Каптерев (1849 – 1922 гг.) после окончания Московской духовной академии отказался от карьеры церковника и около пятидесяти лет вел преподавательскую работу, читая педагогику и психологию в средних и высших учебных заведениях Петербурга, на педагогических курсах. После 1917 г. был профессором педагогики Воронежского университета, преподавал в единой трудовой школе, заведовал Воронежским педагогическим техникумом.

Философским воззрениям П.Ф. Каптерева присущ эклектизм; как психолог он во многом следовал английской ассоциативной школе, он испытывал на себе влияние общественно-педагогического движения 60-х гг. XIX в. П.Ф. Каптерев говорил, что все современные ему педагогические течения есть не что иное, как развитие идей, завещанных русской педагогикой 60-х гг.

П.Ф. Каптерев является автором целого ряда трудов по педагогике, психологии, истории педагогики, дидактике, вопросам семейного воспитания, многие положения которых представляют интерес и в наше время. Ниже приводится фрагмент из его «Дидактических очерков».

Образовательный процесс как развитие способностей

(дидактические очерки)

В понимании сущности образовательного процесса совершалось постепенное углубление. В те далекие времена, когда образовательный процесс считался простым передатчиком культуры от одного поколения к другому, он представлялся деятельностью механического характера, состоявшей главным образом в запоминании. Учи и учи, учи тверже, учи больше, не заботься много о понимании заучиваемого, поймешь после - вот что проповедовали и внушали воспитываемым педагоги того далекого прошлого. Как только педагоги поняли, что образовательный процесс не есть простой передатчик культуры, простой мост от одного поколения к другому, так сейчас же постановка образования и воспитания изменилась. Учить наизусть недостаточно: нужно непременно понимать заучиваемое, нужно усваивать в системе, по порядку, так, чтобы ум обогащался стройными рядами представлений о различных предметах. Чем больше будет таких стройных систематических знаний у воспитываемого, чем они будут разнообразнее, тем лучше. Наконец, и этим не ограничились. Знания, конечно, ценны, но еще ценнее уменье, искусство, способности. То человек знающий, то человек умный. Ум выше знаний, так как владея умом, всегда можно приобрести знания, а владея знаниями, не всегда приобретешь ум. Таким образом, возникли два понимания внутренней стороны образовательного процесса: оно заключается или в развитии способностей, или в материальном развитии, в приобретении систематических знаний.

Развитие есть такое изощрение и усовершенствование способностей, которое делает их пригодными для самой различной работы. Поэтому наиболее ценны такие учебные предметы, которые не столько обогащают ум сведениями, сколько дают разнообразный материал для всестороннего упражнения ума и, таким образом, сообщают уму гибкость, подвижность, как бы оттачивают и шлифуют его. Отсюда, из указанного воззрения, исходило убеждение в незаменимых свойствах классических языков и математики, как лучших образовательных предметов; здесь же имеет начало и мысль о том, что при образовании ума нет настоятельной необходимости в связном, последовательном прохождении учебных предметов, а достаточно брать из них отделы, наиболее богатые материалами для всестороннего упражнения ума. Знание само по себе, вне отношения к развитию ума, имеет в образовании очень мало значения: всего не узнаешь, всем наукам не обучишься. Важно, чтобы человек сам мог учиться, чему нужно, а не то, чтобы он в школе приобретал возможно больше знаний. Самое важное приобретение учащихся - уменье правильно мыслить и говорить, уменье учиться. Поэтому защитники развития способностей в области образования смотрели на весь мир, как на материал для целесообразных упражнений детей в мышлении и разговоре, составляя в этом духе руководства и пособия, переделывали логику, приспособляли ее к детскому пониманию, и даже в естествоведении не находили ничего другого, как только повод потолковать с детьми, в виде развития их мышления и разговора, о цвете, величине, форме, движении предметов и т.п. отвлеченных понятиях.

Противоположное направление сущности всего образования полагало в сообщении воспитываемым разнородных и систематических навыков и знаний. Развитие способностей - дело отвлеченное и несколько темное; жизненное же значение солидных знаний и хороших навыков совершенно понятно и ясно каждому. Поэтому о сообщении знаний и привычек и следует хлопотать, оставив совершенно в стороне заботы о развитии способностей. Если таковое существует и желательно, то оно получится само собою, как необходимый результат приобретения систематического и разнородного знания и систематического приучения. Наука заключает сама в себе воспитывающую ум силу; она есть не беспорядочная куча разнородного материала, а знание систематическое, организованное, усвоение которого неизбежно даст благие результаты и для развития ума без всяких об этом забот. Все дело в том, чтобы не калечить науку, не разрывать ее на кусочки, не лишать души, а давать ее в настоящем виде. Чем больше дать науки, тем лучше. Отсюда берет свое начало так называемый дидактический материализм, стремившийся сделать учебный курс возможно широким и разнообразным и перегружавший его донельзя - целыми десятками самых различных наук, языков и искусств. Все полезно, все в своем роде превосходно; жаль выбросить из курса хороший предмет, и вот получались ужасные учебные планы, совмещавшие в себе все виды образования, представлявшие целые научные энциклопедии. В таком виде образование существовало у нас долгое время, например, в течение XVIII века и в первой четверти XIX столетия. В учебные курсы наших мужских и женских школ чего-чего не было втиснуто! Целые десятки самых различных предметов поименовывались в них, так что диву даешься, читая теперь заглавия этих школьных энциклопедий.

Казалось бы, что самое правильное понимание образовательного процесса заключается в устранении односторонности и гармоническом соединении обоих указанных направлений, которые можно назвать субъективным и объективным, фор-

мальным (развитие способностей) и материальным (приобретение знаний). Но дело понимается многими не так. Существует в дидактике направление, которое полагает возможным значительно упростить задачи образования, сняв с плеч педагогов добрую половину тяжести, лежащей на них, именно устранив совсем вопрос о формальном развитии, как лишний. Утверждают, что формальное развитие способностей в полной мере присуще каждому человеку и дитяте без всякого ученья, при крайней бедности знаний. Учить мыслить, значит учить ноги ходить, желудок - переваривать пищу, камень - падать и т.п., что, конечно, совершенно излишне, так как имеется налицо по природе. В отношении формального развития способностей 10-ти летний и взрослый одинаковы: разница между ними «почти вся» (эта оговорка - окажется ахиллесовой пятой теории) объясняется количеством знаний, а не большим или меньшим совершенством формального развития способностей. Не вполне развитый формально есть абсолютный дурак. Да и как формально развивать способности? Решительно невозможно. Изучение наук не развивает ума, а лишь проявляет его. Ум, независимо от предметов мышления, владеет всеми своими свойствами, готов и развит с самого начала своего существования, так что в изучении наук ему остается проявлять себя, а не развиваться. Процесс познания не может обратно отражаться на уме и влиять на него: «никакое творение не умножит силы своего творца». Притом, если бы можно было развивать способности, то, следовательно, можно было бы по желанию создавать таланты и гениев, а глупых людей превращать в умных. Между тем, такой волшебной силой педагоги не владеют. Вообще мышление совершается по неизменным органическим законам, в действии которых ошибок не бывает. Все ошибки возникают от незнания. Потому заботы о формальном развитии мыслительности излишний и совершенно непроизводительный труд. И в роде человеческом, как и в отдельной личности, способности не увеличиваются, остаются в одном и том же положении; увеличиваются лишь знания.

Таким образом получается целая стройная теория, дающая особый вид саморазвитию организма. Оказывается, что собственно саморазвития, по крайней мере в умственной сфере, нет, что если его допускают, то увлекаются иллюзией, смешивают приобретение и увеличение знаний с формальным развитием, с развитием способностей, количественную сторону принимают за качественную. Способности в приобретении знаний лишь проявляются, но не изменяются к лучшему, не развиваются; они готовы и сполна вооружены с самого начала существования человека, хотя, конечно, у разных людей и бывают различными.

Если изложенную теорию признать правильной, то она должна оказать большое влияние на постановку воспитания и образования, значительно его упростив и облегчив. Все дело педагога тогда будет касаться лишь сообщения знаний, прочие же заботы отойдут от него, заботы не только о развитии ума, но и воли, и чувствований. Если умственные способности не развиваются, то, понятно, не развиваются и все другие, так как они - такие же душевные способности, как и умственные, формально они также готовы. Следовательно, человека по природе тупого, ограниченного, медлительного, слабовольного, жестокого, эгоистичного и т.п. стараться сделать лучше - совсем напрасный труд. Ему можно сообщить лишь знания теоретические и практические о науках, о жизни, о поведении; а человек в сущности останется таким, каким создала его природа: от воспитания он не улучшится и не ухудшится. Следовательно, большая часть педагогической тяжести снимается с педагога; он пойдет в свой путь налегке, «веселыми ногами».

Очевидно, изложенная теория требует внимательного и тщательного рассмотрения, по ее педагогической важности.

Новизна рассматриваемой теории весьма сомнительна; в ней, напротив, слышатся весьма старые мотивы. Она представляет собой сочетание старинной теории о способностях души с кантонским учением об априорных формах мышления, для которых весь опыт, все впечатления суть только материал, грубый, сырой, нелогичный, ничего не могущий прибавить к природному совершенству априорных форм. Способности души и априорные формы количественно и качественно существуют с самого первого момента бытия человека и на материале только проявляются. Они дают материалу порядок, связь, систематический характер, а в обмен не получают почти ничего, лишь заполняя свою природную пустоту грубым, сырым материалом. Таким образом, утверждения, что «ум, как самостоятельная духовная способность, владеет своими силами независимо от предметов, подлежащих познанию», что предметы умственных занятий «не могут развивать активной силы ума, а служат только материалом для деятельности этой силы», «что всякий здоровый человек обладает вполне развитой логической способностью, полным формальным развитием» и т.п., суть не что иное, как изложение своими словами старинного учения о способностях души и кантонского взгляда на отношение между априорными формами познания, имеющими чисто формальный характер, и впечатлениями опыта.

В настоящее время последователей теории способностей души мало, а кантовского учения об априорных формах еще довольно много; но во всяком случае входить в критическое рассмотрение этих старых учений было бы здесь неуместно. Вопрос обсужден уже давно и разносторонне, прибавить что-либо новое по этому вопросу трудно. В настоящее время каждый может выбирать любое - старую психологию или новую.

Поэтому о сущности изложенной теории говорить собственно нечего и не стоит; но фактическая сторона дела требует объяснения.

Предполагать, что внутри у нас скрыт с самого рождения какой-то сложный аппарат, остающийся во всю жизнь неизменным, - неудобно; ничего неизменного ни вокруг нас, ни в нас самих нет: все изменяется, а человеческий организм в телесном и духовном отношениях развивается. Что-либо неизменное, сразу готовое навсегда, не подлежащее развитию - это чудо среди изменчивого и развивающегося мира. Чтобы сделать исключение из мирового закона эволюции для какого-либо круга явлений, для этого необходимы весьма серьезные и твердые основания, каковых не представлено; неправильно воображать себе душевные способности существующими отдельно от душевных процессов, от впечатлений, действующих на органы внешних чувств; душевные способности известны только по деятельности, вне процессов мы ничего не знаем о душевных способностях. Поэтому выражения, что ум владеет своими силами независимо от предметов познания, что он всегда налицо и готов для умственной работы и т.п., есть чистая мифология.

Если душевные процессы развиваются, то развиваются и душевные способности; развитие же душевных процессов несомненно. Было бы очень неправильно думать, что все развитие душевных процессов заключается в увеличении количества знаний. Тогда это было бы не развитие собственно, а простой рост, удлинение и

расширение того, что есть, и в тех направлениях, которые уже даны. Это было бы механическое увеличение, а не органическое развитие и укрепление. Сами защитники рассматриваемого взгляда не решаются высказать свой взгляд без всяких оговорок и оставляют себе маленькие лазейки. Они говорят, что в деле формального развития способностей 10-летний и взрослый одинаковы; разница между ними «почти вся» объясняется количеством знаний. Почти вся, а не вся. Значит, есть нечто в развитии, что невозможно объяснить количеством знаний. А как скоро допущена хотя капля формального развития, т.е. признано его существование, то вопрос о размере его является уже второстепенным. Один автор допустит его лишь каплю, а другой - целое море.

Что же именно нового приобретает человек с практикой душевной деятельности, с упражнением в душевной работе? Другими словами, в чем заключается формальное развитие ума и душевных способностей вообще? Чтобы яснее ответить на этот вопрос, обратимся к физическому труду и посмотрим, не дает ли он какого-либо своеобразного физического формального развития. Таковое, несомненно, существует.

Человек, изучающий какое-либо мастерство, изучает его с двух сторон: со стороны материала и со стороны приемов. Каждое мастерство имеет свой особенный материал, и первое дело при знакомстве с мастерством знать, с каким материалом будешь работать. Свойства материала определяют и способы его обработки. За ознакомлением с материалом идет изучение орудий и приемов мастерства и приобретение в них надлежащей ловкости, усвоение различных технических навыков. Ничего более в мастерстве с умственной стороны нет, знакомство с материалом и знание приемов мастерства, точнее, ловкость в них - вот и все.

Предположим теперь, что человек, изучивший одно мастерство, переходит к изучению другого. В чем может оказать ему помощь знакомство с первым мастерством? Помощь может быть двоякая: в ознакомлении с материалом и приемами мастерства, если мастерства имеют некоторое сходство между собой. Чем больше будет сходство между материалами ремесел, тем больше знаний материала первого мастерства пригодится при знакомстве с материалом второго мастерства, тем легче и быстрее произойдет ознакомление с последним; если же сходства по материалу между ремеслами будет очень мало или его даже совсем не окажется, то знание первого мастерства нисколько не поможет при ознакомлении с материалом второго, и его придется вести совершенно заново. То же самое повторится по отношению к приемам мастерства. При сходстве приемов приемы первого мастерства можно прямо перенести на второе; если же сходство незначительно, то прежние знания по мастерству будут мало полезны при изучений нового ремесла. Ни в чем другом знание одного ремесла не может помочь усвоению другого.

Следовательно, формальное развитие в физическом труде будет состоять в умении пользоваться прежними знаниями материала и приемов мастерства при усвоении техники нового. Чем чаще будет переход от одного мастерства к другому (предполагая хорошее усвоение каждого), тем искусство в пользовании прежними знаниями и навыками при знакомстве с новым ремеслом будет возрастать, становиться больше и больше, тем опытнее, умнее и сведущее будет ремесленник. От изучения многих ремесел у него получится общее ремесленное развитие и искусство,

рука и глаз его привыкнут обращаться с самым разнородным материалом, приспособляться к нему: рука сделается ловчее, а глаз острее, работа будет идти быстро и складно. Такой ремесленник не потеряется ни в одном затруднительном случае, так как в его обширном опыте найдется нечто сходное с настоящим положением, окажется возможным воспользоваться каким-либо старым знанием, с видоизменением его по современным обстоятельствам, для применения в новом сочетании. Те же самые явления происходят и в духовном мире при формальном развитии душевных способностей.

Каждая наука, каждое искусство, каждый язык представляют собой сочетание двух элементов: известного материала и известной логики. Наука, искусство и языки не суть груды материала, набросанного в хаотическом беспорядке как пришлось; это есть знание и деятельности организованные, систематические, воздействующие на каждый ум непременно и своей логикой. У каждой науки, у каждого языка и искусства есть не только свой материал, но и своя логика. И материал, и логика, конечно, различны: есть науки (также и языки) чрезвычайно богатые и обильные по материалу с сравнительно несложной и подчас даже мало разработанной логикой; есть предметы с более сложной и хорошо разработанной логикой, но с весьма небольшим материалом; есть предметы, значительно действующие на чувство, и есть предметы, мало действующие на чувство; есть предметы, требующие преимущественно отвлеченного мышления, и есть предметы, требующие наглядного мышления; есть предметы с весьма сходным материалом и логикой, и есть предметы с весьма различным материалом и логикой.

Очевидно, надлежащее развитие ума может получиться лишь при тщательном внимании к процессу работы, к приемам при обработке материала, к их анализу, к выяснению их значения в отдельности и в общей связи одного с другим. Иначе сказать, для хорошего формального развития нужно тщательное изучение логики отдельных наук, а потом и логики вообще, а не только научного материала. Эта логическая, формальная сторона образования в настоящее время очень слаба.

Если признать указанную двойственность каждой умственной работы, то получится полная аналогия между физической и духовной работой: и в духовной работе дело состоит в ознакомлении с материалом работы и с приемами при обработке материала, а формальное развитие душевных способностей будет заключаться в умении пользоваться прежними знаниями материала и приемов его обработки при новых работах.

В духовной работе знание свойств материала прежних работ может большей или меньшей частью входить в знакомство с новым материалом. Например, переходя от математики к физике, от физики к химии, от географии к истории, мы значительную часть своих прежних знаний о материале науки переносим на новый, так как новый материал есть дальнейшее усложнение предыдущего, или новый материал развивается на почве прежнего. Чем больше старого материала повторяется в новом, тем легче и быстрее совершается усвоение нового. Усвоение латинского языка представит известные трудности; но изучение французского и итальянского значительно облегчится тем, что немалая часть материала в этих языках заимствована из латинского. То же повторяется при переходе от французского и немецкого языков к английскому.

Приемы умственной работы также переносятся с одного предмета на другой. Если человек хорошо усвоил себе способ математического рассуждения, то он будет пользоваться им в весьма многих случаях, так как астрономия и механика заключают в себе весьма много математических элементов; в физике и химии нередко встречается надобность в математическом рассуждении; в некоторых других также. Мы не говорим уже о том, что на математическое рассуждение предъявляет не редкий запрос жизнь. Точно так же усвоение метода тщательного наблюдения фактов, положим, в ботанике окажет услуги при наблюдениях над минералами, животными и даже людьми; уменье обращаться с историческими документами будет полезно и в этнографии, и в социологии, и в истории литературы и во многих других частных ветвях знания. Некоторые исследователи считают даже необходимым при классификации наук представлять их в виде последовательно усложняющегося ряда, в котором каждая последующая наука непременно заключает в себе существенные элементы всех предшествующих, и по содержанию, и по методу (Контовская классификация).

Итак, изучение каждой науки, языка, искусства может влечь и действительно влечет в большей или меньшей степени (эта степень зависит от постановки образования) двоякое развитие ума: материальное - приобретение знаний, усвоение нового материала - и формальное, заключающееся в усвоении метода работы, в приобретении навыка, искусства в работе и в сфере данной науки и вообще какой бы то ни было душевной деятельности.

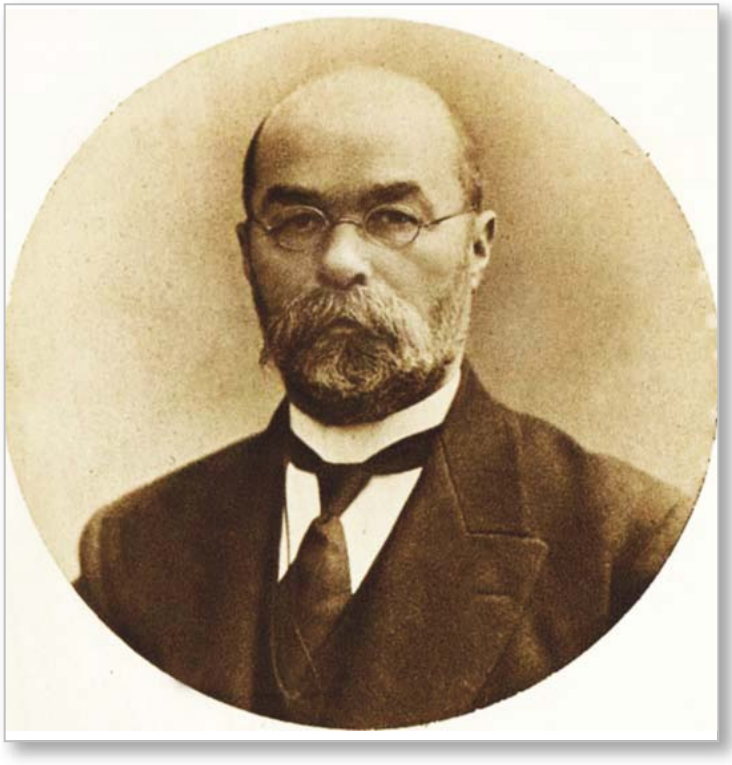
Каптерев П.Ф. Дидактические очерки.- 2-е изд. Пг., 1915. с. 101-111.

Василий Порфирьевич Вахтеров

В работах русского педагога Василия Порфирьевича Вахтерова (1853 – 1924 гг.) освещались проблемы общей дидактики, психологии обучения, соотношения общего и профессионального образования, вопросы содержания обучения и многие другие.

Однако более всего он известен как методист начальной школы и особенно как методист по русскому языку. Вслед за К.Д. Ушинским В.П. Вахтеров многое сделал для развития теории начального обучения. Его книги «Русский букварь» (1898 г.), «Мир в рассказах для детей» (1900), «Предметный метод обучения» (1907 г.) выдержали огромное количество изданий.

В.П. Вахтеров много сил отдавал пропаганде идей всеобщего начального обучения, боролся за расширение содержания начального обучения и совершенствование его методов, за демократизацию системы народного образования.



Василий Порфирьевич Вахтеров

Сущность предметного метода обучения и его результаты
(предметный метод обучения)

Что такое, по существу, предметное обучение? Из истории занимающего нас вопроса мы можем сделать один очень существенный вывод, состоящий в том, что нельзя смотреть на предметное обучение как на особый предмет преподавания. Мы видели, что все попытки сделать из него особый предмет обучения оканчивались поражением и давали его противникам богатый материал для насмешек над методом. Предметное обучение, проводимое в школе, должно составлять лишь известный метод преподавания. Даже так называемые предметные уроки не должны составлять какого-нибудь особого предмета обучения. Содержание этих уроков может быть весьма различно. Они могут ограничиваться теми отделами знания, какие служат предметом обучения по классной книге, как это бывает в начальной школе. Предметные уроки - это уроки о предметах посредством наглядных предметов и на конкретных предметах - это предметное обучение в тесном смысле слова с предметом в руках или перед глазами. «Чувствам детей представляются, - как говорил Дистервег, - действительные реальные предметы; их наблюдают и рассматривают; а что наблюдалось и рассматривалось - о том и рассуждают».

Видеть, слышать и говорить - это все здесь идет одно вслед за другим.

Современная психология доказала, что слух, осязание, вкус, обоняние и мускульное чувство играют не меньшую роль при изучении природы и жизни, чем зрение. В своей книге «На первой ступени обучения» мы говорили о том, что даже слова, даже орфографию слов мы запоминаем не только благодаря зрительной памяти, но также и памяти слуховой и еще больше благодаря памяти движения рта и движения руки, памяти моторной, памяти произношения и памяти графической. Тем больше роль всех других органов чувств при изучении не слов, не орфографии, а предметов. Мы еще не знаем предмета, если мы изучили его только посредством одного зрения. И пословица говорит: «Умный глазам не верит». И дети, руководимые природным инстинктом, никогда не довольствуются одним зрением. Им надо ощупать предмет, надо постучать, чтобы знать, как он звучит, надо поднять его, чтобы узнать, как он тяжел, надо бросить его, чтобы узнать, разобьется ли он, надо лизнуть, чтобы узнать его вкус, надо его понюхать и т.д. Поэтому слово наглядное обучение неверно выражает то, что так обыкновенно называют. Вернее будет сказать «Предметный метод обучения». Царившие до сих нор приемы обучения пользовались главным образом слухом и отчасти зрением. В течение всего учебного времени почти без умолку, если не считать самостоятельных работ, в классе раздавалась речь либо учителя, либо отвечавших ему учеников. Слушая в классе, ученик, приходя домой, садился за книгу. Таким образом школа искусственно развивала способности к слуховым представлениям (а из зрительных образов она отбирала только буквенные образы), все равно, к какому типу ни принадлежал ученик; последний мог быть представителем моторного типа с резким преобладанием двигательных образов, у ученика могла почти совершенно отсутствовать способность пользоваться слуховыми представлениями, но школе до этого не было никакого дела, и она знала только один-единственный способ воздействия на ученика - устное слово.

Предметный метод обучения, наоборот, имеет дело не с одним слухом и не ограничивается двумя внешними чувствами (слухом и зрением): он рассчитан на все внешние чувства. Кроме зрения и слуха, он пользуется даже вкусом: есть много предметов, которые стоит попробовать на язык; таковы некоторые минералы, про-

дукты растительного и животного мира, слабый гальванический ток и проч. Он может пользоваться обонянием. Но особенно часто он пользуется осязанием, мускульным и термическим чувствами. В наших восприятиях играют роль также двигательные и органические ощущения.

Ученикам приходится часто узнавать, тепел предмет или холоден, тверд или мягок, тяжел или легок, шероховат или гладок. Значение мускульного чувства и двигательных ощущений выступает особенно рельефно в жизни глухих и слепых. Только благодаря мускульному чувству и осязанию слепая и глухая Лаура Бриджмен научилась читать и писать; а затем получила дальнейшее развитие, позволившее ей стать учительницей глухонемых.

Тем же органам чувств обязана глухая и слепая Елена Келлер, умеющая играть на рояле, читать, писать и рисовать, сдавшая экзамен зрелости, занимавшаяся университетскими науками. Но здоровые дети не нуждаются в том, чтобы изучать слова, пользуясь осязательно-двигательными элементами. По отношению к нормальным детям оставим слухо-двигательным элементам область слов, которые необходимы для названия предметов и для более быстрого отвлеченного мышления, а для предметных восприятий будем пользоваться и всеми другими органами чувств и всеми другими типами представлений. И это будет большой экономией сил. Слова, как знаки и символы понятий, ученик будет тогда представлять с помощью одних элементов, а действительные предметы - с помощью других. Различие целей и функций будет соответствовать тогда различию материала. И во всех ощущениях, как зрительных, слуховых, вкусовых, обонятельных, так и в осязательных, термических, двигательных и органических, чрезвычайно важна в этом отношении степень интенсивности (яркость красок, сила звука, степень тепла, величина тяжести и проч.). Не менее важно, когда и где данное ощущение получено. Огромную важность имеют те ассоциации и воспоминания, какие вызывают новые впечатления, те образы и переживания, с которыми соединяется, сливаясь, новый образ и новое переживание. И во всех этих процессах играет решающую роль интерес и внимание. Из того, что сказано нами раньше, следует, что предметный метод преподавания может иметь преимущественное место при сообщении сведений из минералогии, ботаники, зоологии, отчасти географии, геологии, физики, химии, метеорологии, он уместен при ознакомлении с предметами сельского хозяйства, фабричного производства и проч., но он почти не имеет применения, например, при обучении катехизису. Предметное обучение, таким образом, может касаться всех явлений природы и всех предметов, необходимых в жизненном быту. Предметный урок в начальной школе и опыты в лаборатории ученого - это две крайние точки в одной и той же работе. Учитель начальной школы начинает с предметов, хорошо знакомых учащимся, но он указывает при этом на те качества, которые не были замечены самими детьми, и расширяет таким образом их представления о предмете. Потом он переходит к предметам, неизвестным ученику, и знакомит с ними по чучелам, рисункам, чертежам. В конце длинной цепи подобных предметных уроков могут стоять самые сложные явления природы. Наука идет вперед и упрощается. То, над чем сегодня работает только ученый и что сегодня проблематично, завтра станет бесспорной истиной и станет достоянием средней школы. Дайте достаточный срок, и труды ученых и педагогов упростят настолько добытую истину, что она станет доступной и в низшей школе.

Наши теории и наши воззрения на природу постоянно меняются. Но достоверные факты науки остаются. И если ученик вынесет из школы знание таких бесспорных фактов, засвидетельствованных его внешними чувствами, это будет

большое дело. Сведения, полученные таким образом, не вызывают в нас ни сомнений в своей достоверности, ни колебаний. Скажем еще больше. Сведения, полученные путем исключительно словесного обучения, кажутся нам бледными, темными, сбивчивыми, а между тем сведения, доставленные нам внешними чувствами, всегда кажутся нам определенными и ясными. Чтобы объяснить себе выше сказанное на одном каком-нибудь примере, представим себе следующий случай. Предположим, что я имею дело с развитыми учениками, но они никогда не видали кристаллов какого-нибудь определенного класса и что я пожелал бы дать им представление о кристалле этого типа. Я мог бы ограничиться одним словесным изложением. Я мог бы на словах объяснить, что такое центр в кристаллах и где он находится в данном кристалле; я мог бы подробно объяснить, что такое плоскость симметрии, сколько таких плоскостей в данном кристалле и какое они занимают положение; я мог бы определить на словах, что такое ось в кристаллах, сколько осей в данном кристалле и проч. Но как бы подробно я ни описывал этого кристалла, мои ученики, если они его не видали, будут иметь о нем очень смутное представление. И, однако же, стоит только подержать этот кристалл перед их глазами хотя бы одну минуту времени, и они будут иметь о нем ясное представление. Один руководитель курсов, протестуя против наглядности, говорит, что слово может само представлять совершенно достаточную наглядность, превосходящую наглядность обычных пособий. В доказательство своей мысли он описал ученикам сову так: клюв у ней, как долото, когти, как острые иглы. Несмотря на всю изобразительность такой речи, мы все же думаем, что, если бы дети видели живую сову, они узнали бы о ней больше. Я уже не говорю о том, что многие дети не видели и долота, и аналогия педагога для таких детей пропадает даром.

Учитель, пользующийся лишь одним словесным методом, очень часто впадает в ошибку и думает, что его ученики знают предмет, когда они могут ничего не знать, кроме слов. В самом деле, когда ученик повторяет слова книги или учителя, то, во-первых, он может с некоторыми из этих слов не соединять ровно никаких понятий, а во-вторых, он может соединять с данными словами определенные понятия, но совсем не те, какие этими словами обыкновенно выражаются. Заставьте нарисовать цветок, клетку, сердце и т.п. ученика, бойко отвечающего урок, и вы сейчас же узнаете, видел ли он то, о чем говорит. И против этой опасности мы не знаем никакого другого средства, кроме предметного метода.

Лейбниц говорит, что работа учителя заключается в том, чтобы «отделять зерно фактов от соломы слов».

В последнее время педагогика вступает на путь точных экспериментальных исследований, систематических наблюдений по наперед поставленному плану и к статистическому методу при разработке полученных путем наблюдений и опыта данных. Начало таких исследований надо отнести к 1879 году, когда русский психиатр и педагог, проф. Сикорский, обнародовал свои первые экспериментально-педагогические исследования о школьном утомлении. Следующие затем работы Лая появились в печати в 1896 г., и с тех пор труды по экспериментальной педагогике мы встречаем у немцев (Бургерштейн, Лай, Мейман, Фуш, Пфейфер и др.), у французов (Бинэ и Анри), у американцев (Галл и др.), у итальянцев (Пиццоли и др.) и у нас, в России (Нечаев и др.). Американцы эту отрасль знания называют точной педагогикой, итальянцы и французы - новой, а немцы и русские - экспериментальной. Теперь она стремится захватить все отрасли обучения (есть работы о преподавании правописания, арифметики, чтения и пр.) и многие отрасли воспитания. Ее приемы - это метод физики и химии, который дал такие блестящие резуль-

таты в медицине, физиологии, биологии, агрономии и проч. Новая точная педагогика пользуется экспериментом и систематическими наблюдениями, большею частью подвергая полученные таким образом данные статистической обработке. Этими же приемами руководился и я, когда в 1897 году производил исследования в тверских школах, между прочим, и о предметном методе обучения.

При этом к решению вопроса о преимуществах метода предметного обучения над словесным мы применили статистический метод - метод сопутствующих изменений. Метод этот, по учению Милля, как известно, состоит в том, что если вслед за изменением одного явления наблюдается изменение другого, то мы можем заключить о причинной связи между ними. Если с заменою одного приема преподавания другим приемом, при прочих равных условиях, успешность преподавания повышается, - это будет очевидным доказательством превосходства второго приема перед первым. Если, наоборот, замене одного приема другим, при прочих равных условиях, сопутствует уменьшение успешности преподавания, то это будет доказательством превосходства первого приема перед вторым.

Вахтеров В.П. Избранные педагогические сочинения
М., 1987. с. 269-283.

«Мир в рассказах для детей»

(предисловие к третьей книге)

Наблюдения над детьми школьного возраста (первых годов школы первой ступени) приводят к выводу, что у детей чувство преобладает над мышлением, а образное мышление - над отвлеченным. Представления, окрашенные чувством, возбуждают у детей живой интерес и вызывают стремление к воспроизведению их в той или другой форме. Дети ищут в книге сильных ощущений, и книга, которая дает им их, - это хорошо знают, например, библиотекари - делается их любимой книгой. В то время как взрослые мыслят большей частью словами общего значения, ребенок истолковывает слова как конкретные, индивидуальные представления. Ребенка не интересуют описания природы, но зато возбуждает его внимание все живое, движущееся. Мораль рассказа дети большей частью передают в эмпирической форме, в применении к данному случаю, не делая обобщений. Ребенок равнодушен к отвлеченной истине. На него сильнее всего действует простой, доступный его пониманию и в то же время яркий, красочный образ: ему нужны звуки, краски, движение, драматизм, а все эти признаки характеризуют произведения изящной словесности. И вот почему, чтобы дать ребенку возможность как можно больше пережить и перечувствовать облагораживающих и возвышающих настроений, мы помещаем в книгу художественные произведения, изображающие положительные стороны человеческой природы. Но мы не чуждаемся изображения и отрицательных свойств человеческой природы. И это не только потому, что ребенок в своей жизни сталкивается с ними, но и потому, что на фоне людских недостатков ярче выступает и сама красота человеческой природы. Дети любят контрасты. И если для нас, по выражению поэта, «чем ночь темней, тем звезды ярче», то для ребенка значение контраста еще значительнее. В этих видах после чтения статьи с отрицательными образами полезно переходить к соответствующей статье противоположного характера, с положительными образами.

Психические особенности ребенка служат отправной точкой нашей работы,

но наша цель заключается в том, чтобы постепенно вести ребенка к согласованию бессознательных движений его чувств и инстинктов с общественными идеалами. Правда, путь этот долог, но здесь на помощь нам приходит искусство. Мы уже указывали в предисловии к первой и второй книгам «Мир в рассказах для детей», какое влияние на интерес к статье имеет иллюстрирование прочитанной статьи самим ребенком, не говоря уже о самодовлеющей воспитательной ценности рисования. То же значение имеет и «взаимное рассказывание» прочитанного (об этом методе мы тоже говорили в предисловии к предшествующим книжкам). И поэтому по прочтении иных рассказов мы приглашаем детей то иллюстрировать их, то прочесть их по ролям, то рассказать их товарищам. Те же цели преследует и лепка, которая может дать даже лучшие результаты, чем рисование.

Однако мало дать детям только материал хорошего качества; мало даже дать возможность путем таких упражнений, как драматизация, иллюстрирование, глубже пережить его; необходимо, чтобы между образами была логическая связь. Эта цель прежде всего достигается на классных беседах. Все наши статьи подобраны так, что их можно разделить на отделы, изображающие отношение то к обществу, то к самому себе, то к природе как среде, в которой живет человек. Когда из какого-нибудь отдела будет прочитано несколько статей, учитель ведет беседу, чтобы связать эти статьи между собой. Дети указывают из числа прочитанных такие статьи, которые подходят к данной по содержанию. Выбирая ряд статей, связанных единством содержания, они располагают их по выработанному ими плану и, таким образом, объединяя статьи, исчерпывают тему. Нечего и говорить о том, что и здесь, и при всех других случаях живая детская речь будет предметом особого внимания учителя и он будет пользоваться всеми способами ее развития и свободного изъявления.

Н. П. Богданов-Бельский Ученицы.

Но одно дело - связь между статьями отдела, важно еще установить и связь между самими отделами, нужен стержень, вокруг которого можно было бы расположить материал. Таким стержнем, по нашему мнению, должен быть человек (сам человек, его труд, его отношение к среде и к обществу, в котором он живет), и здесь опять простор для учителя дать детям возможность уловить и почувствовать эту связь.

Для связи между статьями могут быть полезны пословицы.

Такая, например, пословица, как «Дружно - не грузно, а врозь - хоть брось», может объединить несколько рассказов. Но пословицы, загадки, поговорки - эти жемчужины народной речи, - конечно, имеют и свою собственную огромную ценность, о которой не забудет учитель. Кто близко наблюдал жизнь детей наших крестьян и рабочих, тот хорошо знает, что они любят пословицы и особенно загадки, что они сами приносят их из дома в школу, а иногда и обратно, и это важно, потому что есть местности, где забываются и эти загадки, и эти пословицы. Ушинский недаром придавал огромное значение загадке и пословице в деле первоначального обучения, считая их незаменимыми для детей по форме и по содержанию. Простые и яркие, они, отражая в себе жизнь народа, являются в то же время посильными для ученика. И когда в некоторых школах практикуется собирание самими детьми циркулирующих в их местности загадок, пословиц, сказок, песен, эта работа увлекает детей и иногда служит началом другой плодотворной работы - изучения местного края в его природе, быте и искусстве. Но это уже в несколько более старшем возрасте.

Вахтеров В.П. Избранные педагогические сочинения
М., 1987. с. 146-148.

Основы новой педагогики

Занимаясь много лет практически и теоретически образованием и воспитанием, я сначала интересовался отдельными, частными вопросами по народному образованию - главным образом теми, какие выдвигала на очередь текущая жизнь. Но мне всегда представлялось существенно важным все отдельные вопросы, все части педагогики связать в одно целое. Попытки, предпринятые в этом направлении, не удовлетворяли меня, пока я не пришел к убеждению, что все отдельные элементы педагогики удобнее всего объединяются идеей развития, понимания этой теории в самом широком смысле этого слова - и как развитие индивидуума, и как биологическое развитие рода, и как исторический процесс, и причем главное значение для педагога имеет развитие личности воспитанника. Я с успехом пользовался этой связью для собственного обихода. Но мне кажется, то, что было полезно для меня, может оказаться небесполезным и для других людей. И вот почему я позволяю себе выпустить эту книгу. Эволюция в мире животных и растений, прогресс в жизни человечества, рост и развитие человеческой особи - все это явления одного порядка; между ними большая аналогия и тесная связь. Прогресс человечества является продолжением эволюции животного мира, а человеческая особь в своем развитии повторяет вкратце развитие рода, и все вместе может быть объединено в одной идее развития.

Эволюционная теория бросила во все отрасли знания ослепительный поток светлых идей, поколебавших все прежние устои, открывших совершенно новые перспективы. Но более всего дала эта теория для понимания жизни: она показала, что во всей живой природе существует один всеобъемлющий закон, вечный и непрерывный, которому подчинено все в мире, без единого исключения, - это закон последовательного развития. Все в этом мире является результатом постепенного развития. Не было и теперь нет такого учения, которое бы так всколыхнуло умственную жизнь века, так радикально перестроило мировоззрение, оказало такое огромное влияние на такой широкий круг идей, возбудило так много светлых надежд, дало такой мощный толчок во все стороны, как эволюционная теория. И если можно чему удив-

ляться, так это лишь тому, почему эта идея и до сих пор все еще не заняла принадлежащего ей по праву главного места в педагогике.

Как известно, были попытки построить педагогику на отдельных элементах учения о развитии. Такова, например, педагогика, построенная на теории эпох. Но критика легко открыла ошибки в таких педагогических теориях. Нам кажется, однако, что этих ошибок легко было бы избежать, если бы педагогика пользовалась идеей развития в ее целом, не пренебрегая ни учением об эволюции животного мира, ни историей прогрессивного развития человечества и особенно учением о развитии отдельной человеческой особи и дополняя все это указаниями практики, экспериментами и историей развития самой педагогики.

Мы говорим здесь о научном изучении развития ребенка. Для этого ребенок должен быть изучен и в биологическом, и в психологическом отношении, и притом в самом процессе его развития. Это должно быть изучение динамическое, а не только статистическое. К счастью, мы живем в такие времена, когда изучение ребенка является делом не только педагогов, но и врачей, и биологов, и антропологов, и филологов, и даже археологов. Психолог изучает ребенка, чтобы на простейших проявлениях детской психики легче понять и психику вообще; антрополог - чтобы найти в развитии ребенка указания и намеки на развитие всего человечества; археолог - чтобы в изделиях и рисунках ребенка найти аналогии с археологическими находками; филолог - чтобы в развитии детской души уловить законы развития языка и пр. А педагог, пользуясь своими наблюдениями, может присоединить к ним результаты работ и психологов, и антропологов, и биологов и т.п., с тем чтобы сообразовать с законами развития ребенка его воспитание, смену методов и материалов для его образования, по мере возрастания своего воспитанника.

Но новая педагогика, по нашему мнению, должна дополнить идею развития еще субъективным элементом, которого эволюционной теории недостает.

Педагог имеет дело с развитием человека не только в физическом, но и в умственном и в нравственном отношении, а в этой области кроме физико-химических методов необходимо пользоваться еще психологическими наблюдениями и самонаблюдениями. Для педагога важно не только то, как идет развитие ребенка с точки зрения постороннего наблюдателя, но для педагога важно еще и то, что именно соответствует этому процессу в душе ребенка, какими чувствами, усилиями воли, желаниями проявляется, а быть может, и вызывается процесс развития внутри самого ребенка, в области его сознания и чувства, равно как и в смутной области, стоящей на границе безотчетного, где только чуть-чуть брезжит сознание. Педагог регистрирует не только рост и развитие детей, но еще и смену их интересов, чувств и т.д. Для педагога ребенок не только предмет познания, но еще и личность, чувствующая и переживающая процессы своего развития. Педагогу нельзя ограничиться изучением воспитанника только с одной объективной, внешней стороны, только путем констатирования внешних фактов, как сделал бы это биолог; ему очень важно изучить воспитанника еще с субъективной, внутренней стороны, ибо его прежде всего интересует личность ребенка, его ум и сердце.

Что в самой основе человеческой природы лежит стремление к развитию, и притом в нормальных случаях к прогрессивному развитию, - обоснованию этого положения посвящена большая часть нашей книги, и потому мы не останавливаемся

здесь на этом пункте. Скажем только, что мы видим проявление этого стремления и в сознательных усилиях юноши обогатить себя знаниями, увеличить свои умственные силы, стать нравственнее, и в стремлении детей к дружбе и к обществу себе подобных, в их желаниях делать самим, без посторонней помощи, что они могут, в их любви к подражанию, к выражению образов либо рисунком, либо словом, либо действием. То же стремление к развитию проявляется в болтовне детей, в их играх и забавах, служащих для развития самых разнообразных физических и душевных способностей. Оно проявляется в смутно осознаваемых, но энергичных порывах маленького ребенка к физической деятельности: в ползании, беготне, прыганье, лазанье, в его склонности бросать, бить, ломать что попадается под руку, в его стремлении все видеть, слышать, ощупать, понюхать, взять что можно в рот и вообще наблюдать и экспериментировать.

Новая педагогика, признавая в основе человеческой природы стремление к прогрессивному развитию, требует самого бережного отношения к природным наклонностям и стремлениям ребенка. Как бы мал ни был ребенок, но это будет драгоценная человеческая жизнь с определенными стремлениями к прогрессивному развитию, и наша обязанность удовлетворить и содействовать развитию всего, что есть в этих стремлениях человеческого и нормального. Мы должны полагаться на это естественное стремление ребенка и следовать за ним, если нет твердых показаний о дефектах его стремлений. Каковы бы ни были запросы общества, воспитатель будет считаться с силами ребенка в меру его способностей. Кроме того, мы должны сообразоваться с индивидуальными стремлениями детей, идти навстречу их просыпающимся интересам, способностям и наклонностям и развивать их в момент их проявления. Не раньше, но и не позже этого момента давать материалы для развития данной способности: не позже, потому что всякая способность без упражнений атрофируется и в случае слишком большого запоздания ее часто невозможно бывает восстановить; не раньше, потому что упражнение, если оно начато раньше, нежели проснулась способность и потребность, может вызвать отвращение человека. Что хорошо для взрослого, то очень часто бывает плохо для ребенка.

Идея развития требует примирения между интересами личности и общества. Не выбирать между подготовкой к современной социальной среде и удовлетворением личного стремления к развитию будет воспитатель, а согласовывать оба эти требования. Общество не должно поглощать личность, а должно помочь ее развитию. Перефразируя Гюйо, мы с полным основанием можем сказать, что и в природе целое не поглощает своих частей. Так, например, все планеты движутся вокруг Солнца, но это не мешает каждой из них вращаться вокруг собственной оси и не мешает вращаться вокруг планет их спутникам.

Что между обществом и личностью может быть установлена гармония без нарушения интересов того и другого - это для нас вне сомнения. Из рабов, воспитанных в рабских чувствах, нельзя составить совершенного общества. Но в то же время и общество, основанное на деспотизме, т.е. на рабстве, воспитывает рабов. Выходом из этой мертвой петли, из этого порочного круга служит одновременное освобождение и раскрепощение и общества, и личности: общественная реформа, с одной стороны, и реформа воспитательная, с другой. Одностороннее решение этого вопроса было бы обречено на неизбежный провал. Одна общественная реформа не имела бы успеха, потому что из рабских чувств и привычек народа вслед за реформой

снова, как бы из пепла, возродится деспотизм, отличающийся от прежнего по форме, но тождественный с ним по существу, как это и подтверждает история. Одна реформа в воспитании не имела бы успеха, потому что ее осуществления, если только она была рациональная, не допустил бы деспотизм. С другой стороны, чем развитее, разнообразнее по своим талантам, самобытнее и сильнее личности, тем выше и общество, из них составленное. И чем выше общественный строй, чем больше общественных связей между отдельными личностями, чем разнообразнее и гуманнее эти связи, тем лучше обеспечено развитие каждой личности в отдельности

Новая педагогика требует, чтобы просвещенный педагог руководился не программами и объяснительными записками, составленными в министерских кабинетах, а наблюдал жизнь детей, их развитие, их интересы, наклонности и стремления и со своими наблюдениями соображал и материал, и приемы преподавания и воспитания, не отрешаясь, конечно, от современных общественных идеалов и от выводов из тех отраслей знаний, какие имеют прямое отношение к педагогике.

Вахтеров В.П. Избранные педагогические сочинения
М., 1987. с. 324-384.

Александр Алексеевич Мусин-Пушкин

Александр Алексеевич Мусин-Пушкин (1855—1918 гг.) - деятель просвещения и педагог. Занимал ряд высоких должностей в административных органах образования начала XX в.: попечителя Нежинского лицея, затем Одесского, а после революции 1905 г. - попечителя С.-Петербургского учебного округа. Высоко ценил педагогические убеждения Н.И. Пирогова и считал, что они могут быть положены в основу российского образования. А.А. Мусин-Пушкин предостерегал от опасностей тех требований общественности, которые повели бы к дезорганизации образовательного процесса (отмена оценки знаний, предоставление каждой школе права составления учебных программ и т.п.). Качество школьного образования он ставил в зависимость от традиций национального воспитания и «будущего состояния России».

О космополитизме нашей школы

Главное и самое существенное зло нашей современной русской школы, и это на всех ступенях ее, начиная от начальной народной школы и кончая нашими университетами и специальными высшими учебными заведениями, заключается, по глубокому моему убеждению, в крайне выраженном ее космополитизме. Она прежде всего «не национальна».

Наше русское юношество не воспитывается в русских национальных идеалах, в духе веры, преданности престолу и Отечеству, в уважении родной истории, родной старины, в любви к историческому прошлому, выстраданному родным народом и составляющему потому его драгоценную культурную собственность; отсюда естественное и неизбежное последствие - образование целых поколений, совершенно не проникнутых родными, национальными идеями.

Такая школа неизбежно теряет под собой твердую почву, обращается в международную, космополитическую школу, лишенную твердых, незыблемых устоев.

Не будучи воспитана с молодости в принципах, составляющих неотъемлемую

собственность, отличительную особенность русского народа, наша молодежь, кончая среднюю школу и переходя в высшие учебные заведения, представляет из себя весьма шаткий по своим убеждениям, неустойчивый и легко поддающийся пагубному постороннему влиянию элемент.

Этот, к сожалению, весьма многочисленный контингент студентов, не получая в настоящее время в средней школе ни привычки к систематическому труду, никакой выдержки, ни умственной, ни нравственной, ни патриотического, ни национального образования, при почти полном, к сожалению, отсутствии всякого воспитательного влияния семьи и школы и при свойственной в особенности русской молодежи идейности, естественно, весьма легко, незаметно для себя поддается злокачественному влиянию гораздо более опытных товарищей, сознательно увлекающих менее опытных и более идейных в противозаконные сообщества.

Такова крайне печальная картина, наблюдаемая нами в настоящее время почти повсеместно в России...

...Позвольте мне вернуться к рассмотрению коренных недостатков нашей современной русской школы, являющихся причиной столь плачевных результатов.

К числу этих коренных недостатков нашей современной школы я отношу:

1. Крайнюю сухость и безжизненность преподаваемых в ней предметов, зависящие, конечно, главным образом от плохих методов преподавания, неудовлетворительно подготовленных преподавателей, являющихся в класс в большинстве случаев прямо со студенческой скамьи, с одними теоретическими знаниями и без всякой предварительной методической подготовки, от плохих руководств и пособий, обладающих всеми данными, чтобы не только не возбуждать в ученике живого интереса к преподаваемому ему предмету, а, скорее, напротив, внушить ему непреодолимое к нему отвращение.

2. Многопредметность и излишняя обширность курса. Первая из них не позволяет ученику сосредоточиться на известной группе предметов, а, напротив, заставляет его разбрасываться, переходя от одной связи идей к совершенно другой, от одной учебной дисциплины к другой, не имеющей ничего с ней общего, и тем мешая ему вдумываться и углубляться во внутреннее содержание изучаемого предмета. Это пагубное отсутствие привычки к концентрации мысли у ученика в школе дает себя чувствовать далеко за пределами школьного обучения и отзывается часто на всем складе ума человека, на всей его последующей умственной деятельности.

Излишняя же обширность курса отдельных предметов также влечет за собой для ученика нежелательные последствия, так как загромождает его память совершенно ненужными подробностями, нисколько не влияющими на развитие его ума и способностей, а только излишне обременяющими его память.

3. Вообще один из самых существенных недостатков современной нашей школы заключается в том, что все внимание почти исключительно обращено на развитие памяти ученика в ущерб всему прочему, например уму, чувству.

4. Современная наша школа слишком отвлеченна; она держит своих учеников слишком далеко от действительной жизни и ее потребностей; она навязывает им несколько готовых, не проверенных ими формул и с этим скудным нравственным багажом выпускает их в жизнь; отсюда понятно, почему они так легко поддаются дурному чужому влиянию, почему они являются так плохо вооруженными против пагубного для них образа мыслей, против попыток со стороны всевозможных социалистических течений свести их с правильного пути.

Школа не подготовляет ученика к дальнейшей, ожидающей его самостоятельной работе, не вырабатывает и не выработала в нем цельного, самостоятельного характера.

Между тем школа должна была бы, напротив, научить ученика, что жизнь - тяжелый, упорный труд, и к этому труду постепенно и заблаговременно готовить ученика, дабы он в исполнении выпавшей на его долю повседневной задачи нашел нравственное удовлетворение и сознание исполненного долга.

5. Излишняя регламентация, бюрократизм и формализм представляют также существенное зло современной нашей школы. Учебное окружное начальство, не доверяя учительскому персоналу и самим директорам средних учебных заведений, донельзя стеснило все их действия, опутало их такой непроходимой сетью всевозможных циркуляров, инструкций и учебных планов, предусматривающих каждый малейший случай их преподавательской и воспитательской деятельности, что лишило их всякой здравой и полезной инициативы на пользу вверенного им юношества; отсюда неизбежны и последствия.

В высшей степени живое дело - педагогика, воспитание и образование юношества - обратилось в механическое ремесло, лишилось самого главного своего фактора - возможности проявить живую любовь к юношеству, непосредственное чутье детской природы, а потому и понятно, почему наша современная школа так мало в состоянии воспитать молодое поколение.

6. Сравнивая нашу школу с немецкой, мы еще наталкиваемся на одно существенное обстоятельство, свидетельствующее далеко не в пользу нашей русской, - я имею в виду полную, к сожалению, отчужденность нашей школы от семьи.
Наша семья не только не поддерживает авторитет школы в глазах детей, но, скорее, еще возбуждает их против нее, часто даже глумится над ней, совершенно не сознавая образовательной пользы тех знаний, которые дети выносят из нее...

7. Далее, нежелательным и в высшей степени безнравственным явлением представляется нам современное недоверчивое отношение начальства и вообще учебного персонала школы к ученикам, основывающееся на лжи и обмане, проявляемых, к сожалению, весьма часто учениками на экзаменах, выпускных и переводных, при исполнении ими предложенных письменных работ. Эта ложь и обман, в которых ухищряются ученики, чтобы провести своих учителей, и, естественно, возникающее вследствие этого со стороны последних недоверие к ним, конечно, имеют самое пагубное влияние на общий строй школы в педагогическом отношении и действуют на обучающееся в ней юношество прямо деморализующе.

Какое возможно воспитательное влияние школы при подобных ненормальных условиях у нас?..

9. Современная наша русская школа страдает еще одним важным недостатком - она не старается развивать в ученике здоровой идеализации; она не раскрывает перед ним сокровищницы возвышающих душу, светлых, величавых, художественных образов, встречающихся в нашей литературе, в родной истории; недостаточно останавливается на рассмотрении положительных типов родной словесности, разбор которых мог бы благотворно действовать на молодое, неокрепшее воображение юноши и влиять на выработку всего миросозерцания его в желательном с воспитательной точки зрения направлении.

Напротив, она слишком часто подчеркивает и выставляет на первый план исключительно отрицательные стороны литературного типа, разбирая особенно подробно темную, неприглядную сторону современной жизни и нашего исторического прошлого, и тем совершенно не затрагивает и даже заглушает патриотическую струну у нашей русской молодежи, не развивая в ней любви к родной стране, к родным идеалам, которые между тем, если бы были освещены в должном свете, представлялись бы нашему юношеству полными обаяния и прелести.

Но таково уже, к сожалению, господствующее у нас в настоящее время направление в литературе, в прессе; таково направление самого нашего русского общественного мнения...

...У нас существующее направление преподавания с самого школьного возраста чисто критическое. Оно критически относится к историческому прошлому родного народа, выставляя на первый план преимущественно и даже исключительно одни только отрицательные художественные типы родной литературы, родного искусства, и таким образом действует на ученика деморализующим образом, отнимает у него всякую столь свойственную юноше, имеющему впереди всю жизнь, здоровую бодрость и уверенность в его физических и нравственных силах, все убеждение в конечном торжестве добра над злом, в благотворном и живительном результате упорного добросовестного труда вообще, всю веру в нравственное значение этого труда; другими словами, это пагубное отрицательное направление всего преподавания у нас гуманитарных предметов нашей среднеобразовательной школы подрывает все этическое значение нашей школы и все культурное, образовательное ее влияние.

Сборник статей по вопросам образования на Западе и в России.
СПб., 1912. Т. 2. с. 327-352.

Михаил Иванович Демков

Михаил Иванович Демков (1859 – 1939 гг.) - русский педагог. После обучения в Киевском университете преподавал естествознание и физику в Черниговской женской гимназии и Глуховском учительском институте. С 90-х гг. в «Русской школе», «Вестнике воспитания», «Педагогическом сборнике» и многих других журналах печатаются его статьи по теории педагогики, дидактике, методике. М.И. Демков - автор первых в России учебников по педагогике для институтов, семинарий и

педагогических классов женских гимназий. Трудами М.И. Демкова разрабатывалась история педагогики в качестве относительно самостоятельной научной дисциплины. После 1917 г. он преподаватель Прилукского педагогического техникума.

Педагогические правила и законы

Создание прочных, незыблемых законов, приведение их в систему и взаимную связь есть идеал всякой науки. И чем наука совершеннее, тем строже ее система, тем лучше формулированы ее законы. В этом отношении образцом и предметом, достойным подражания для всех наук, являются науки математические, опирающиеся на немногие аксиомы и из них выводящие свои теоремы и положения...

Однако если мы с этой точки зрения взглянем на современную науку воспитания, то должны будем признать, что ее положение принадлежит к числу шатких. Она все еще стоит на низкой ступени развития, вращаясь в области положений и правил, часто оспариваемых и подвергаемых сомнению, и ей далеко еще до состояния, когда она могла бы быть причислена к разряду точных наук.

Имея твердое намерение выделить в педагогике все важное и существенное, оставить второстепенное и неважное, мы и желали бы здесь пересмотреть вопрос о педагогических правилах и законах.

Давно уже в педагогике установлено, что тело и дух есть два объекта воспитания.

Человеческое тело, как и всякий организм, растет, его органы и ткани развиваются, усовершенствуются, и их рост и развитие следуют определенным законам; дух человеческий точно так же растет и развивается; поэтому закон развития есть тот непреложный закон, которому подчиняются как тело, так и дух человека. Можно в выводах и крайностях не соглашаться с эволюционной теорией, можно оспаривать положения Дарвина и Спенсера, но нельзя оспаривать закона развития тела и духа, нельзя отрицать, что это есть основной закон жизни... Под развитием разумеется ряд метаморфоз, или изменений, которые всякий организм переживает последовательно во время своего существования, пока не достигнет относительного совершенства. Но подлежит развитию только то, что скрыто в зерне или зародыше, развития из ничего не происходит. Если мы станем культивировать какое-либо растение, то мы вправе от него ожидать всего того, на что способен растительный организм, но каких-либо других требований к нему предъявлять мы не можем. Так точно и к человеку мы можем предъявлять только такие требования, которые могут быть выполнены его физической и духовной природой. Поэтому закон развития в применении к педагогике может быть формулирован так:

1) все физические и духовные силы человека подлежат развитию сообразно индивидуальным его особенностям (природосообразно).

Подобно тому как не все люди в равной мере обладают острым зрением, тонким слухом, быстрой походкой, так и в умственном и нравственном отношении не все могут достигать одинаковых результатов... Дело педагога в том и заключается, чтобы подметить зародыши физического и духовного богатства и дать им подходящее воспитание.

...Мы не имеем возможности заботиться о возможно полном развитии всех телесных и душевных сил человека, нельзя, значит, думать о гармоническом развитии их в каждом человеке. Даже у людей гениальных одни душевные силы развиваются

за счет других, порой даже их подавляют. Великие математики нередко бывают плохими филологами, а великие философы - посредственными естествоиспытателями. Поэтому и греческая теория гармонического развития, заключающая зерно истины, и новая теория стремления к идеалам истины, добра и красоты должны быть заменены более отвечающей научным требованиям теорией полноты развития сил и нравственного совершенствования. Под этой полнотой мы будем разуметь не то, что всех можно учить всему, и не то, что каждый должен готовиться быть великим человеком, но то, что все зародыши физических и духовных сил, данных человеку от природы, должны получить развитие, причем человек должен постоянно и неуклонно стремиться к нравственному совершенствованию.

Эта формула имеет общемировое, общечеловеческое значение, и она равно применима как к немцу и англичанину, так и к русскому и французу.

Из закона развития следует непосредственно другой:

2) для достижения полноты развития физических и духовных сил необходимы упражнения. На основании этого закона следует, что ни одна духовная сила, ни один телесный орган не могут развиваться без упражнения.

Упражнение равно необходимо как для развития мышц, легких, рук, ног, органов голоса, так и для развития ума, воли, любви и пр. При этом необходимо, чтобы упражнения телесные и духовные правильно чередовались и сменяли друг друга...

В заключение перечислим педагогические законы:

1. Все физические и духовные силы человека подлежат развитию сообразно индивидуальным его особенностям (закон природосообразности).
2. Для достижения полноты развития физических и духовных сил необходимы упражнения.
3. Тело посредством воспитания и упражнения должно сделаться органом духа.
4. Упражнению подлежат по преимуществу органы движения и органы чувств, а затем и все другие органы.
5. Упражнения естественные должны быть предпочитаемы искусственным.
6. Упражнения должны быть направлены к равновесию и гармонии телесных и душевных сил.
7. Учи сообразно природе.
8. Частое повторение и упражнение есть могучее средство культуры ума.
9. Обучение должно быть интересно.
10. Образование ума должно стоять в тесной связи с воспитанием воли и чувства (закон воспитывающего обучения).
11. Воля подлежит воспитанию.
12. В деле воспитания воли пример есть могучее средство, на нем должна быть построена вся система нравственного воспитания.
13. Воля организуется и укрепляется только тогда, когда создаются хорошие и прочные привычки.
14. Воспитание должно быть народным.
15. Воспитание чувства любви важнее всего среди других чувствований.
16. Любовь достигается только любовью. Люби детей искренно, и дети полюбят тебя.
17. Надо развивать предпочтительно чувствования положительные, возвышающие

человека, а не отрицательные, его принижающие и подавляющие.
18. Те чувствования прочнее, которые могут соединяться с идеями, и те из них важнее и сильнее, которые сочетаются со сложными идеями.

Приведенными нами законами далеко не исчерпывается содержание науки воспитания; есть целый ряд законов, вращающихся в виде правил и покамест не поддающихся точной формулировке и ясному доказательству, есть целый ряд второстепенных, вытекающих из основных, заниматься которыми мы не считали здесь удобным и возможным. Стараясь точнее формулировать педагогические законы и выделить их из груды эмпирических правил, мы имели в виду дать более прочные точки опоры научной системе воспитания, которая все еще до сих пор составляет дело будущего.

Педагогический сборник. СПб., 1899. Кн. 392. с. 87-113; Кн. 393. с. 167-183.

И.Я. Яковлев

Иван Яковлевич Яковлев

Иван Яковлевич Яковлев (1848 – 1930 гг.) – выдающийся чувашский просветитель и педагог. Сразу после окончания гимназии (1868 г.) открыл первую в Чувашии школу-интернат для подготовки учителей. По окончании же историко-филологического факультета Казанского университета (1875 г.) стал инспектором школ своего учебного округа. По инициативе и при активном участии И.Я. Яковлева в Чувашии была создана система школ, тесно связанная с жизнью, бытом и национальными традициями народа. «Богатырский дух у этого человека! Пятьдесят лет тянул к свету свой народ и в каких условиях!» – сказал о И.Я. Яковлеве В.И. Ульянов (Ленин) после революции 1917 г.

При научной поддержке и с участием Н.И. Ильминского И.Я. Яковлев разработал алфавит чувашского языка на основе русской графики. Переводил на чувашский язык сочинения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.А. Некрасова, Л.Н. Толстого и других русских поэтов и писателей.

Завещание родному чувашскому народу

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Обращаюсь к вам первым, друзья и родичи мои чуваши. О вас болел я душой, к вам в этот час обращается мысль моя, и вам первым хочу сказать мои последние пожелания.

Крепче всего берегите величайшую святыню - веру в Бога. Вера окрыляет силы ума и сердца, дарует внутренний мир, утешает и ободряет душу в часы несчастья и горя, очищает и просветляет ее в счастье и удаче. С верой в Бога не страшны жизненные испытания; без веры в Него холодно и мрачно на земле. Веруйте, что есть Высший мздовоздатель за добро и за зло, что есть Высшая правда, есть Божий суд, грозный и праведный.

Чтите и любите великий, добрый и умный русский народ, таящий в себе неисчерпаемые силы ума, сердца и воли. Народ этот принял вас в свою семью, как братьев, не обидел и не унизил вас. Ведомый Провидением к великим, нам незримым целям, народ этот да будет руководителем и вашего развития: идите за ним и верьте в него. Трудна была жизнь этого народа, много горестей и несчастий встретил он на своем долгом и скорбном пути, но он не угасил в себе светочей духа и не утратил понимания своего высокого призвания. Да будут его радости вашими радостями, его горести вашими горестями, и вы приобщитесь к его светлому будущему и грядущему величию. Народ этот не обидел вас в прошлом, он не обидит вас и в будущем. Любите его и сближайтесь с ним. На всяком поле есть плевелы, но мой долгий опыт да будет порукой тому, что среди русского народа вы всегда встретите добрых и умных людей, которые помогут вашему правому делу. Русский народ выстрадал свою правду, и, нет сомнения, правдой этой он поделится с вами. Верьте в Россию, любите ее, и она будет вам матерью. Залогом и путеводной звездой да послужит бессмертное имя учителя моего Николая Ивановича Ильминского, олицетворяющего для меня все величие и всю красоту русского народного характера.

Обращаюсь к тем из вас, кому выпало счастье получить образование. Помните, что вы сами должны помогать своим бедным и обездоленным сородичам, не надеясь на то, что помощь к ним придет откуда-нибудь со стороны. Помните, что долг работать над просвещением чуваш лежит прежде всего на вас, на людях, которые вышли из их же среды. Возвращайтесь же к своим соплеменникам с сокровищами научного знания, насаждайте среди них понятия гражданственности, учите их закону и праву: заботу об этом должны взять на себя вы, выходцы из народа. Не гнушайтесь бедности, слабости и невежества своих сородичей: из них вы вышли, и для них вы должны поработать, чтобы заплатить ваш долг за полученное за счет народа образование. Любовь народная вознаградит вас за то, что вы не забудете вашего долга перед своими младшими братьями. Помните, что владеть сердцем народным вы сможете, только если не будете чуждаться языка народного. В обращении к родному языку нет измены русскому делу: служить великому русскому отечеству можно, не забывая родного языка, воспринятого от матерей ваших. Доделайте то, что, может быть, не удастся закончить мне: дайте чувашскому народу Священное писание полностью, завершив перевод Ветхого завета. Послужите делу христианского просвещения, распространяя свет Евангелия среди многочисленных народностей, на-

селяющих русский Восток: по языку и духу вы ближе к этим народностям, чем сами русские. Работой на этой обширной ниве вы заплатите русскому народу часть того великого долга, которым вы обязаны ему, получив из его рук свет веры Христовой.

Берегите семью: в семье опора народа и государства. Семейные заветы всегда были крепки среди чуваш. Охраняйте же это сокровище. В семейном счастье - защита от жизненных испытаний. Крепкой и дружной семье не страшны внешние житейские невзгоды. Берегите целомудрие, бойтесь вина и соблазнов: если обережете семью, обережете детей и создадите крепкую опору для мирного и спокойного труда.

Будьте дружны между собой, избегайте мелких счетов и распрей, помните о великом завете Спасителя: любите и ненавидящих вас, и твердо надейтесь на жизненную силу уступчивости и снисхождения.

Верьте в силу мирного труда и любите его. Делайте самое маленькое дело терпеливо и с любовью, не ропщите на размеры жизненной задачи. Самое малое дело можно осветить и осмыслить любовным к нему отношением и самое большое можно уронить и обесславить отношением небрежным и нерадивым. Счастье и успех придут ко всякому, мирно и с любовью совершаемому делу. Бойтесь путей кривых и обходных: успехи, достигаемые нечистыми средствами, - успехи непрочные и временные.

Вот все, что я хочу сказать вам, готовясь предстать перед Высшим Судией. Если в ком есть память о вольной или невольной обиде, мною причиненной, прошу простить меня и помолиться обо мне. Сердечно благодарю за тепло и ласку, которыми не по заслугам моим дарили меня вы, мои соплеменники, и многие, многие русские люди, приходившие с открытым сердцем на помощь моему делу. Горячую благодарность приношу всем товарищам и сотрудникам моим по работе: без их бескорыстного усердия был бы невозможен и мой труд. Шлю привет непосредственным ученикам моим. Учебные часы, среди них проведенные, были отрадными часами моей жизни. Да сохранит и да обережет вас Бог в жизненных путях ваших.

И.А. Ильин

Иван Яковлев
г. Симбирск. 4 августа 1921 г.
Яковлев И.Я. Моя жить. М., 1997. с. 599-602.

Иван Александрович Ильин

Иван Александрович Ильин (1883 – 1954 гг.) – православный философ и педагог. Золотой медалью были отмечены его успехи при обучении в классической гимназии. Затем - магистерские экзамены и звание приват-доцента (1909 г.), научная командировка в западноевропейские университеты

(1910 – 1912 гг.), преподавание на юридическом факультете Московского университета.

В 1918 г. Иван Александрович представил в университетский совет диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека», и ему были присуждены сразу две ученые степени: магистра и доктора наук. В том же 1918 г. И.А. Ильин трижды подвергается аресту и суду революционного трибунала (оправдан «за недоказанностью обвинения»).

В сентябре 1922 г. И.А. Ильин вместе с другими выдающимися учеными и деятелями культуры был выслан из России за «непризнание Советской власти». Шестнадцать лет эмиграции. Он - профессор Русского научного института в Берлине и редактор журнала «Русский колокол». С приходом нацистов к власти И.А. Ильину грозит тюрьма или концлагерь. В 1938 г. ему удается вырваться из фашистской Германии. С помощью друзей, в частности - композитора и пианиста С.В. Рахманинова, И.А. Ильин смог обосноваться в пригороде Цюриха (Швейцария), где жил и трудился последние 16 лет своей жизни.

В настоящее время в России осуществляется многотомное издание трудов этого выдающегося русского православного философа, в которых есть немало пророческих страниц о жизни России постсоветского периода.

Русский учитель

В будущей России образование не должно отделяться от духовного воспитания, - ни в народной школе, ни в гимназиях, ни в профессиональных училищах, ни в университетах.

Образование, само по себе, есть дело формальное. Оно дает формальные умственные умения - сосредоточиваться, читать, писать, считать, описывать, анализировать, исследовать, проектировать. Оно развивает память и дает ворох отвлеченных сведений, не предрешая ни жизненного содержания, ни качества, ни цели, ни духа. Все это необходимо и полезно, но совершенно недостаточно; все это служит и злодеям для их дурных целей. Философ Гераклит был прав: никакое «многознание не научает иметь Ум». Образование одной памяти и одного рассудка оставляет человека полуобразованным и, главное, беспринципным, придавая ему самомнения и изворотливости. Полуобразование уводит от духа и от Бога. Беспринципность ведет на службу к дьяволу.

Всякое образование начинается с грамоты и школы. Поэтому судьба будущей России лежит в руках русского учителя - преподавателя школы и гимназии, а также профессора, который есть учитель учителей. Одна из важнейших задач русского общества и правительства - выдвинуть кадр народных учителей, идейно преданных своему делу, способных не только «обучать», но и духовно воспитывать, и спаянных единством национально-патриотической убежденности. Русский народ, изживший смуту в страданиях и унижениях коммунизма, с радостью и доверием пойдет за этим кадром.

Русский учитель должен прежде всего продумать и прочувствовать до конца свою великую национальную задачу. Он не специалист по ликвидации безграмотности (не «спец» «ликбеза»), а воспитатель русских детей. Он должен знать и понимать, что дело не только в развитии наблюдения, рассудка и памяти, а в пробуждении и укреплении духовности в детях. Поэтому он должен сам твердо и ясно постигнуть, что есть духовное начало в человеке, как надлежит будить в детях, укреплять и развивать, как можно пробудить в ребенке религиозное чувство, совесть,

достоинство, честь, художественный вкус, братскую сверхклассовую солидарность, православие, чувство ответственности, патриотизм и уважение к своей и чужой частной собственности.

Воспитать и подготовить народного учителя значит сделать его живым мастером этого дела. К технике обучения должно присоединиться искусство воспитания. И самое обучение должно происходить на духовно-воспитывающем материале сведений и фактов. Самая идея преподавания должна быть обновлена; а методика обучения должна быть разработана заново.

Все что воспитывает духовный характер человека, - все хорошо для России все должно быть принято, творчески продумано, утверждено, насаждено и поддержано. И обратно: все что не содействует этой цели, должно быть отвергнуто, хотя бы оно было принято всеми остальными народами.

Опыты православной педагогики:
сост. А. Стрижев, С. Фомин. М., 1993. с. 196.

Василий Васильевич Зеньковский

В.В. Зеньковский

Василий Васильевич Зеньковский (1881 – 1962 гг.) - психолог, философ и педагог. Его отец был директором гимназии в Проскурове (Хмельницком) на юге России. В.В. Зеньковский окончил естественно-математический факультет Киевского университета Св. Владимира. После поездки в Германию с научными целями защитил диссертацию в Московском университете (1915 г.). Перед революцией 1917 г. был профессором Киевского университета. В 1919 г. эмигрировал за границу. Был профессором Белградского университета. Переехав в Прагу, основал там Русский педагогический институт. Какое-то время (1926 г.) работал в Йельском университете (США). С 1927 г. он профессор Православного Богословского института в Париже. В 1942 г. принял сан священника. Умер в Париже.

В.В. Зеньковский оставил после себя большое научно-педагогическое наследие в виде монографий, статей, исследований. Помещенный ниже текст представляет собой фрагмент из его работы «О педагогическом интеллектуализме», впервые опубликованной в 1923 г. в Праге.

О педагогическом интеллектуализме

Педагогический интеллектуализм, быть может, глубже других духовных течений связан с тем, что в философии и истории культуры называется «эпохой Просвещения», это быть может самая основная и влиятельная его сторона Всегда и везде век Просвещения сопровождался подъемом педагогического творчества, расцветом надежд на возможность путем воспитания создать «новую породу людей» - без этого не могла бы сформироваться та психология, тот духовный уклад, который характерен для эпохи Просвещения. Но мы, если не вышли еще совсем, то все же решительно выходим из эпохи Просвещения-идеология и психология Просвещения, жизненное творчество им определенное, потерпели к нашему времени такой глубокий удар, что к прежнему возврата нет.

Скромнее мыслят ныне о себе педагоги и не думают создавать «новую породу людей», но тем настойчивее пробивается сознание той огромной все же роли, какую играет и должна играть школа в формировании из ребенка будущего самостоятельного человека. Педагогическая мысль все больше становится «автономной» и ставит свои вопросы все более независимо от того, что навязывает школе «жизнь», т.е. традиция и доминирующие ныне силы жизни; педагогическая мысль тоже связывает себя с требованиями «жизни», но понятой не в рамках узкого практицизма и утилитаризма, а более широко и глубоко. И как раз здесь разрываются главные цепи, сковывавшие педагогическое творчество, ибо практические задания, которые ставились школе, не давали ей свободы и мешали свободной постановке основных задач.

Современная школа в своем строении, в своей работе определяется двумя задачами: сообщить ученику некоторые определенные знания и навыки, соответственно избранной специальности, и дать некоторое «общее» образование, развить силы ума. Высшая школа преимущественно разрешает первую задачу, средняя - вторую, но и в высшей школе сплошь и рядом в систему ее включаются так называемые «общие предметы», и в средней школе немало места уделяется специальной подготовке учеников... Обращаясь к средней школе, проблемы которой нас занимают в настоящий момент, надо признать, что поставленные ей задачи действительно определяют ее организацию, определяют план ее работы. Наша школа или исключительно или преимущественно дает развитие ума, сообщает ряд знаний и формальных навыков ума - и это стоит в глубочайшей связи с самыми заданиями школы. Какие бы дидактические или методические реформы мы ни производили в школе, но, пока ее задачи остаются теми, какие доныне определяют в основах ее структуру, эти реформы все же скользят по поверхности, не задевая самого существа дела. Работа педагогической мысли должна быть направлена поэтому не на частичные реформы в школе (на борьбу с перегруженностью школы, многопредметностью в ней и т.п.), а на самые основы ее, т.е. на ее задачи. Вопрос должен быть поставлен прямо и смело; мы должны спросить себя: может ли, смеет ли школа ограничиваться одним лишь содействием интеллектуальному росту ученика? Ведь как раз в те нежные годы, когда подросток попадает в школу - в эти самые годы развивается и формируется вся его личность, зреет не только ум, но зреют все его духовные силы, почти заканчивается период «детства» (понимаемого в широком смысле слова, т.е. до 22 - 25 лет). И разве процессы, идущие в личности ученика вне сферы интеллекта, не

нуждаются в доброжелательном и умелом содействии со стороны старшего поколения? Разве фактически школа, через весь свой уклад, через педагогов и то социальное взаимодействие, которое всегда идет в школе, не влияет на личность ученика в целом? Почему же развитие интеллекта, регуляция его работы так тщательно, так бережно осуществляется школой, признается ее задачей, а на все остальные процессы обращается лишь случайное внимание?

То, что можно назвать проблемой «воспитания» в школе, всегда занимало известное место в системе школьной жизни, но всегда это было чем-то вторичным, дополнительным. В течение XIX века школа пошла в этом отношении на огромные уступки, включила в свои задачи содействие и физическому развитию и художественному и социальному созреванию, а все же основной работой в школе остается работа над умом ученика, работа с умом его. В хорошей школе наших дней вы найдете очень много дополнительных работ, содействующих общему духовному росту детей, найдете и кружки, и экскурсии, и беседы, найдете целую сеть различных учреждений, посвященных развитию всех сил в ребенке. Недаром же еще в наши дни не угас совсем идеал «гармонически развитой личности»! Школа, как умеет, как может, стремится сделать более планомерным свое общее воспитательное воздействие на детей, и все же строение школы, ее основной дух не могут выйти за пределы педагогического интеллектуализма! Школа наша серьезно, по-настоящему занята прежде всего и больше всего обучением, все же остальное не стоит в органической связи с этой задачей школы, является если не декоративным добавлением, то чем-то внутренне чуждым духу школы.

Школа не знает и словно и не хочет знать о всей той сложной душевной работе, которая идет в душе подростка, - и какой уклончивой и двусмысленной представляется в свете этого идея «воспитывающего обучения». Не тем ли объясняется устойчивость этой идеи, что она освобождает от тревог, заглушает внутреннее беспокойство и утешает педагогов? Не в этом ли утешительном действии указанной идеи кроется ее ценность? Мы ведь так крепко держимся за те идеи, которые рисуют положение благоприятным там, где чуется душе тревожное положение! Тот оптимизм, который вытекает из идеи «воспитывающего обучения», то упрощенное понимание души подростка, которое ею устанавливается, - они помогают педагогам более спокойно и без смущения проходить мимо сложных и запутанных движений в душе подростка. Маленькая правда о воспитании некоторых формальных моральных сил подростка и огромное утешение и освобождение от тревоги по поводу сложных движений в душе его - вот собственно что определяет веру в «воспитывающее обучение...».

Если задачи школы характеризовать в смысле «обучения», то для этого же обучения, для более успешной и толковой его организации должна быть поставлена и разрешена более общая задача - именно развития и укрепления в нас творческих сил, иначе «обучение» сведется к «дрессировке», к сообщению некоторых готовых навыков и знаний. Надо же понять, что и проблемы подлинного развития в нас интеллектуальных сил нельзя надлежаще разрешить, если не будет разрешен вопрос о развитии творческих сил, т.е. о развитии и расцвете в нас эмоциональной жизни. Добросовестное отношение к первой задаче (задаче обучения) естественно отодвигает

ее на второй план и выдвигает на первое место вторую задачу: педагогический интеллектуализм, поскольку он касается вопроса о задачах школы, должен неизбежно перейти в педагогический эмоционализм. Развитие интеллекта является частной и вторичной задачей, и какова бы ни была практическая ценность развития интеллекта, какие бы серьезные мотивы ни выдвигали ее на первый план, но природа души, ее иерархическая конституция настойчиво ведут к включению этой задачи в более общую. Для развития интеллекта, для узких интеллектуальных задач необходимо развитие той психологической «базы», на которой строится вся творческая жизнь.

Сюда присоединяется еще одно, чрезвычайно важное обстоятельство, нами указанное выше. Имея центральное значение в системе душевных сил, эмоциональная сфера претерпевает ряд сложнейших перемен как раз в школьный период, и от того, чем закончится эта перемена, зависит судьба не только эмоциональной жизни, но и всей личности. Мы не знаем еще в точности ни самой картины этих перемен, ни тем более внутренней их природы, но несомненно, что важнейшая роль в них принадлежит пробуждению половой психики, процессам полового созревания. Может быть даже, здесь лежит основной фактор перемен, однако надо очень беречься модного в наши дни пансексуализма Фрейда и его школы, - не потому что он совершенно неправ, а потому что он берет слишком узкое понятие пола. Пол в нас не есть только эмпирическая сила, он имеет более глубокие стороны, существует своя метафизика пола. Сливать понятие пола и половой жизни, как это делает Фрейд и его школа, совершенно невозможно; отсюда как раз и идут главные ошибки этого направления. Так, психические перемены, сильно сказывающиеся на ряде психических функций, имеют место уже к 5 1/2-7 годам; уже здесь происходит настоящий перелом, создается новая эмоциональная установка, иное отношение к миру. «Второе детство» само по себе уже отмечено стремлением к «учению», к систематическому и настойчивому познаванию мира, - и это одно уже вносит в душевный мир ребенка большое осложнение. Былая простодушная, наивная открытость исчезает, происходит значительный душевный сдвиг, замедляющий и осложняющий эмоциональную жизнь. Интеллект и воля в это время и помимо школы выступают на первый план, внутренне стесняя, ограничивая простор эмоциональной жизни. Подчиненная закону «двойного выражения чувств», эмоциональная сфера уже отходит от тех простых и наивных форм выражения, какими доныне она пользовалась. Пути «эмоциональной культуры» не открываются ребенку сами собой - и здесь как раз и должно прийти на помощь воспитание сообщением ребенку тех путей дифференцированного творчества, которые дают исход творческим запросам и тем охраняют и укрепляют здоровье эмоциональной сферы. Таким образом, уже в течение второго детства (т.е. до 10 - 12 лет у девочек, до 11 - 14 у мальчиков) ход психической жизни требует особого внимания к охране эмоционального здоровья, между тем школа беззаботно проходит мимо этих задач и усиливает тот процесс роста интеллекта, который и сам по себе в это время очень интенсивен. Здесь еще раз хочется вспомнить аналогичное явление в физическом развитии ребенка, когда вследствие неравномерного роста сердца и других органов излишнее развитие движений может иметь опасное влияние на сердце.

Но еще сложнее и прямо скажу - страшнее происходит дело, когда мы переходим к отрочеству. Мы уже характеризовали этот период как время «психического половодья»: пробуждение половой психики, половое созревание вздымают из самой

глубины юного существа неопределенные, но властные стремления, мутящие его душу. Буйный поток новых переживаний разрушает основы психического равновесия, колеблет его устои, заливает душу какими-то неясными, но неотразимыми влечениями и сказывается в опаснейшей игре с людьми, в склонности к авантюрам, приближает к грани преступности. И не только моральное здоровье подростка подвергается в это время серьезнейшим испытаниям, не только вся его личность и ее развитие надолго определяются в этот период этими переживаниями, но еще важнее здесь та общая ущемленность в это время эмоциональной жизни, которая имеет такое огромное для нас значение в силу связи эмоциональной сферы с творческими недрами личности. Энергия пола тоже есть творческая энергия; естественнее всего думать, что энергия пола и обычные творческие силы в нас восходят к одному и тому же метафизическому ядру личности, к одной и той же ее основе. Так или иначе, но для судеб эмоциональной жизни имеет капитальнейшее значение то, как проходит у подростка пробуждение в нем пола. Мы еще недостаточно знаем этот период, всю сложную, загадочную, а порой и таинственную игру сил, но и то, что нам ныне раскрыла психопатология -и здесь нельзя не помянуть с благодарностью все направление фрейдианства (включая и Штеккеля и Адлера и других отколовшихся от Фрейда психопатологов), - рисует жуткую картину. Как во время весеннего половодья очень важно охранять мосты и плотины, давая во время выход массам скопившейся воды, так в пору психического половодья особое значение приобретает отвлечение рвущихся наружу сил по путям здорового и продуктивного творчества. О, конечно, все это должно быть «прикровенно», ибо страшно нежна и хрупка в это время душа, и тут так кстати является школа с ее интеллектуальными задачами, но вся сила воспитательного воздействия должна быть сосредоточена в это время совсем не на интеллекте, а на регуляции сложнейших движений в эмоциональной сфере. Мы все еще ходим улыбаясь беспечно над бездной и не хотим знать тех цветов зла, которые вырастают в это время в душе подростка; мы все еще ограничиваемся внешними задачами, сообщением знаний и навыков, а о той глубокой и жуткой внутренней жизни, которую переживает подросток один на один, бессильный перед лицом непонятной для него игры его сил, мы так и не хотим думать или с видом огорченного бессилия разводим руками. Между тем как раз школа обладает могучими средствами регуляции внутренних движений в душе подростка - как в социальной своей стороне, столь богатой питательным для подростка материалом, так особенно в укреплении и развитии творческих порывов, как бы вбирающих в себя темные движения души и их творческую силу. Здесь не место говорить о том, как должна быть построена школа, чтобы идти навстречу в подростке тому, что особенно нуждается в нашем водительстве и помощи; не место говорить и о том, как совместить с решением этой основной задачи школы необходимое для жизни укрепление и развитие интеллектуальных процессов. Моя задача заключалась лишь в том, чтобы отметить подлинные задачи школы в отношении к детям.

Мне могут сказать, что все равно школа не может поднять всех своих детей до уровня творческой работы, что угасание творческих сил происходит «фатально», связано с какими-то глубокими, недоступными нашему учету и воздействию моментами в личности ребенка. Если все дети в большей или меньшей степени обнаруживают силу творчества, то в школьный период происходит естественное угасание

творческих сил у очень многих, и если бы школа стремилась удержать или развить творческие силы у всех своих питомцев, она все равно не решила бы этой задачи, между тем развитие интеллекта, сообщение известных знаний и формальных навыков ума в некотором среднем минимуме доступно для всех.

Это возражение, имей оно серьезное значение и не будь оно просто отговоркой, уклонением от задачи, стоящей перед школой, говорило бы о такой testimonium paupertatis! Пора, давно пора оставить мысль, что на некоторых детей школа может махнуть рукой, может поставить крест: можно и должно учитывать дефекты, замедленный темп развития, умственную отсталость, можно и должно распределять различных детей в школы разного типа, но перед каждым ребенком открыта своя дорога нормального развития, открыты свои возможности творчества, в каждом ребенке должно охранять, укреплять и развивать его творческие силы. В школе не должно быть «черни», учеников второго разряда; все дети требуют к себе благожелательного, вдумчивого отношения, и чем слабее, дефективнее дитя, чем более оно отстало, тем серьезнее и ответственнее роль школы в его созревании. Надо одно признать, что развитие интеллекта не может быть оторвано от целостного развития личности, что выделение интеллекта, сосредоточение всего школьного внимания на интеллекте не только влечет за собой небрежное отношение к другим силам души, не только вызывает их увядание, но что это опустошение души за счет интеллекта ведет к ослаблению самой же интеллектуальной жизни, к развитию в ней процессов усвоения за счет процессов творчества. И это основное положение, определяющее постановку вопроса о задачах школы, относится в одинаковой мере ко всем детям и нисколько не колеблется фактом различной одаренности детей.

Школа должна обучать - эта задача ее неустранима, неизбежна, но обучение в школе отнюдь не должно стоять на первом месте, отнюдь не может определять ее основного плана.

Зеньковский В.В. Психология детства.
М., 1996. с. 321-334.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы рассмотрели довольно большой массив источников, проецирующих основные этапы развития российского образования с древнейших времен до 1917 г. и можем выделить следующие вехи:

- до принятия христианства — появление первых форм образования;
- с принятием христианства — становление в определенной мере целостной системы древнерусского образования;
- вторая половина XIV века отмечена как подъем образования после монгольского нашествия;
- XVII век — создание новых школ, содержания и учебников;
- с XVIII века в России начинает складываться современная система образования;
- середина XIX века, когда начался переход к современным типам школ и массовому начальному образованию, что имело огромное значение для развития образования России.

После 1917 года начинается новая веха — создание единой общеобразовательной школы России. Процесс это настолько сложный и неоднозначный, что требует отдельного серьезного исследования. Можно лишь сказать, что сколько-нибудь подобной системы образования, аналогичной по своей универсальности и жизнеспособности советской, на сегодняшний день не выстроено.

Если рассмотреть развитие российского образования с точки зрения типов школ, то, очевидно, что в ее истории сформировалась два типа школы: церковная и национальная.

Церковная школа и церковный тип образования существовали в России до конца XVII века. Это была церковная школа и по организации (в XI — XII вв. существовали и государственные школы, но в силу духовного единства государства и церкви в Древней Руси, их можно по праву определить как церковные школы, а в XVII в. даже становление Славяно-греко-латинской академии шло под духовным руководством церкви), и по содержанию: в основе лежали семь свободных наук, «свободных мудростей», и по методике и технологиям преподавания.

С XVIII в. в России начинает складываться национальное образование, причем опять же происходит становление принципиально нового образования во всех компонентах: в организации — образование отделяется от церкви и переподчиняется государству; в содержании — национальная культура и науки заменяют семь свободных мудростей; в методике и технологиях — постепенно классно-урочная форма и развивающие методы заменяют прежние формы (прежде всего индивидуальную и индивидуально-групповую) и методы обучения.

Если провести сравнительный анализ развития российской и европейской образовательных систем, выяснится, что история западноевропейского образования представлена четырьмя типами школ: церковной, схоластической, классической и национальной, а российского — двумя: церковной и национальной.

Педагогическое сознание России было представлено народным, нормативным и теоретическими типами.

Нормативное педагогическое сознание, представленное во многих творениях древнерусской культуры, сформировавшее основные идеи, ценности и содержание древнерусского воспитания и образования, развивалось в чистом виде до начала XVIII в.

С XVIII в. в России формируется теоретическое педагогическое сознание. Оно представлено во множестве психолого-педагогических трудов. Наиболее важные этапы развития этого типа сознания – педагогика Просвещения, до конца XIX в., и реформаторская педагогика, с начала XX века.

Процесс развития западноевропейского и российского образования характеризуется определенной общностью и внутренней связью. В Западной Европе и в России образование и воспитание строилось на основе христианской веры, и веками европейские государства осваивали богатейший мир античной педагогики, черпая здесь и содержание, и технологии обучения, и принципы организации образования.
Эта общность прослеживается и в средние века на уровне единой христианской идеологии, близкого содержания (в основе которого лежат семь свободных искусств) и технологий обучения.

Близкими между собой, сегодня являются западноевропейская и российская системы образования по своей структуре, содержанию и технологиям обучения.
Российское образование, отвечающее объективным потребностям развития российского общества, глубинного бытия страны и ее народа, как и в любой другой европейской стране, сохраняло и сохраняет свои особые черты, проявляющиеся во всех его компонентах, делающие его самобытным явлением мировой педагогической культуры. Эта самобытность проявляется и в идеологии, и в педагогической культуре, и в отношениях учителей и учеников, и в организации образования.

Разумеется, России пришлось много учиться у других народов, особенно в XI–XII вв. и в XVIII–XIX вв.

Однако, учась, Россия сохраняла и совершенствовала систему образования, отвечающую потребностям ее социально-экономического развития, духовно-нравственным основам российского народа.

Поэтому попытки принизить наше образование, особенно на том основании, что мы учились у других (как будто европейские государства веками не учились у византийцев, арабов, друг у друга) совершенно не оправданы.

Крайне важно осознать, что при реформировании нашей отечественной школы в равной степени не приемлемы ни западнические, ни славянофильские идеи, призывающие к разрушению, «слому», «демонтажу» реально существующей школы, как во имя иностранных, так и прошлых образцов российского образования.

Основой основ идеологии развития нашего образования должны стать слова К.Д. Ушинского «... Благоденствие России заключается не в остановке развития, и не в подражании западным преобразованиям, а в самостоятельном развитии государственного народного организма, вытекающем из сознания действительных народных потребностей, а не из детского желания угоняться за Западом».

Важно осознать, понять единую линию духовного развития России, линию понимания ее государственного развития, осознать непреходящие ценности нашей культуры и образования, представленных в трудах и делах митрополита Илариона, Сергия Радонежского, М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина, К.Д. Ушинского, и других великих деятелей России.

Не менее важно, чтобы каждый учитель осознавал себя не серой, забитой личностью, а носителем одной из величайшей в мире педагогических культур и был достойным этой культуры. А для этого ему надо подняться до идеалов, заложенных в

российском образовании, увидеть и принять истоки его гуманизма в традициях и правилах народной жизни, построенных на началах душевности, доброты, кротости, отзывчивости, умении жить с другими.

Разумеется, из этого вовсе не следует вывод об идеальности нашего образования. Необходима колоссальная работа по его всестороннему совершенствованию и на уровне всей системы, и на уровне отдельных компонентов. Поэтому важнейшими задачами теории и практики должны стать:

-совершенствование единой, с учетом разных вариантов, модели школы; уточнение структуры школы; оптимизация сроков обучения на каждой ступени образования;

-формирование более правильной организации школы и управления системой образования;

-уточнение целей, функций, содержания, форм и методов воспитания и обучения на каждой ступени школьного профессионального, постпрофессионального и непрерывного образования;

-осознания приоритета воспитания и восстановления в школе главных его форм, особенно духовного и нравственного.

Прогнозируя развитие образования на ближайшие десятилетия как эволюционное совершенствование реально существующей школы, было бы величайшей ошибкой отмахнуться от идей и концепций создания и принципиально новых моделей воспитания и образования. Вполне возможно, что часть из них прорастет вполне жизнеспособными школами. В этой связи представляется крайне важным создание «эталонных центров», «экспериментальных площадок», реализующих идеи как зарубежных, так и отечественных исследователей и не разрушающих гигантских, веками совершенствовавшихся европейских систем образования.

Исторический путь развития образования показывает, что так развивались все жизненные школы. Университеты долгое время сосуществовали с высшими церковными школами, а гимназии с учеными школами, становясь затем всеобщим типом учебных заведений.

В развитии современного педагогического сознания на первое место надо поставить изучение его различных типов, освоение разных форм теоретического педагогического сознания, углубление и расширение теоретико-исторических исследований воспитания и педагогики.

Характеризуя взаимодействие и взаимоотношения российской школы и педагогической науки с западноевропейским образованием, мы можем констатировать, что в XVIII – начале XIX вв. Россия была ученицей, хотя и самостоятельной, Западной Европы, поскольку учась, осваивая новую культуру, Россия создавала параллельно свою собственную культуру, науку и образование.

С середины XIX в. Россия в культурном отношении уже фактически предстает равной среди равных в семье европейских государств. А в XX в. не только Россия учится у других государств, но и многие страны учились у России организации образования, осваивали ее психолого-педагогическую науку. Развитие современной российской школы принципиально невозможно без взаимодействия с западноевропейским образованием.

Научно-популярное издание

В.А. Штурба, Е.В. Штурба, С.С. Васильев

Педагогика России с древнейших времен до начала XX в.
хрестоматия

Ответственный редактор В.А. Штурба
Редактор Е.В. Штурба
Технический редактор С.С. Васильев
Дизайн-макет А.М. Литвинов
Подбор иллюстраций Н.В. Вавилкина

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953004 — литература научная и производственная

**Подписано в печать 05.05.2013 г. Формат 84x108/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 43,68. Тираж 300. Заказ № 5902.**

Издательство “Кубань-Академия”,
350080 г. Краснодар,
ул. Заводская 32/301

Отпечатано на полиграфической базе
Северо-Кубанского гуманитарно-технологического института

© В.А. Штурба, Е.В. Штурба, С.С. Васильев

Итак, мы рассмотрели довольно большой массив источников, проецирующих основные этапы развития российского образования с древнейших времен до 1917 г. и можем выделить следующие вехи:

- до принятия христианства — появление первых форм образования;
- с принятием христианства — становление в определенной мере целостной системы древнерусского образования;
- вторая половина XIV века отмечена как подъем образования после монгольского нашествия;
- XVII век — создание новых школ, содержания и учебников;
- с XVIII века в России начинает складываться современная система образования;
- середина XIX века, когда начался переход к современным типам школ и массовому начальному образованию, что имело огромное значение для развития образования России.

После 1917 года начинается новая веха — создание единой общеобразовательной школы России. Процесс это настолько сложный и неоднозначный, что требует отдельного серьезного исследования. Можно лишь сказать, что сколько-нибудь подобной системы образования, аналогичной по своей универсальности и жизнеспособности советской, на сегодняшний день не выстроено.